
20 3/172

СЛОВА

КЪ ТАМБОВСКОЙ ПАСТВѢ.

СЛОВА

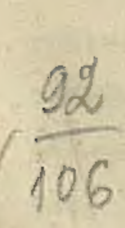
КЪ

ТАМБОВСКОЙ ПАСТВѢ.

ѲЕОФАНА,

ЕПИСКОПА ТАМБОВСКАГО И ШАЦКАГО,

въ **1859** и **1860** годахъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

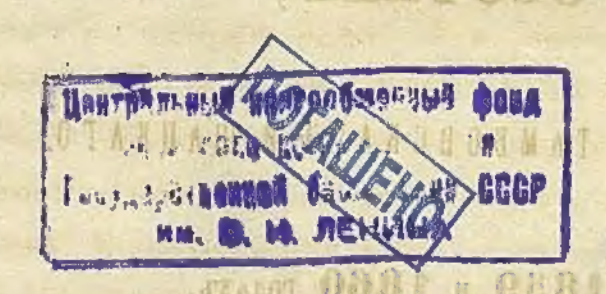
ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 6-го февраля 1861 г.

Цензоръ *Архимандритъ Макарій.*

I.

РѢЧЬ

ПРИ НАРЕЧЕНІИ ВО ЕПИСКОПА ТАМБОВСКАГО.

Святѣйшіе Архипастыри и Отцы!

Благодарю и пріемлю, и ни мало вопреки глаголю.

Что другое могъ бы я сказать на дѣло, уже рѣшенное совѣтомъ вашего Святѣйшества, и утвержденное Высочайшею волею?—Не подумайте однакожъ, что произнося слова сіи, я скрываю подъ ними недугъ самоувѣренности и самонадѣянности.... Нѣтъ. Я знаю безсиліе свое, знаю высоту и тяготу возлагаемаго на меня служенія; но знаю и то, что небезопасно съ своими замыслами вмѣшиваться въ устроеніе пути жизненнаго, особенно наперекоръ изволенію Божію, вѣрою видимому въ опредѣленіи церковной и предержащей Власти. Потому, въ тѣснотѣ отъ обою, при словахъ сихъ одно содержу въ умѣ и сердцѣ: буди воля Божія!

Господу вѣдомы слабости мои,—и однакожъ Онъ попустилъ состояться избранію и утвержденію. Чего ради?—вѣдомо Ему единому; но есть упованіе, что Начный и совершитъ.—Такая увѣренность только и успокоиваетъ мятущуюся совѣсть. Ибо это, доброе, по Апостолу, дѣло (епископство) издали может[illegible] быть, и бываетъ желательно; но когда приходится с[illegible] съ

нимъ лицемъ къ лицу, оно поражаетъ страхомъ, кости сокрущающимъ.—И невольно исторгается изъ груди: буди воля Божія!

Частыя и неожиданныя перемѣны въ моемъ служеніи, и въ началѣ и особенно въ послѣднее время, пріучили быть безмолвно покорнымъ всякому назначенію, подобясь шару, безъ треска катающемуся туда и сюда, по направленію сообщаемыхъ ему ударовъ.—И Богъ не оставлялъ Своею помощію.—Пусть теперь неизвѣстность новаго будущаго положенія и служенія болѣе, нежели смущаетъ. Но какъ и въ будущемъ всѣмъ будетъ править та же десница, которая милостиво хранила въ прошедшемъ: то, съ преданностію, повергаясь въ руцѣ Бога живаго, благонадежно успокоиваюсь въ св. волѣ Его.

И такъ буди воля Божія,—и благословенно буди Имя Бога, спасающаго насъ, имиже вѣсть судьбами!

Эти страшливыя мысли нисколько однакожъ не умаляютъ чувствъ благодарности къ Вамъ, Богоизбранные Предстоятели святой Церкви нашей,—за то, что, снисходительно смотря на мое недостоинство, благоволили сопричислить и меня къ лику проходящихъ высшее служеніе въ сей Церкви. Не скрываю, что не чуждо было бы тайнымъ желаніямъ сердца, еслибы на мою долю выпало такое мѣсто, гдѣ бы я свободно могъ предаться занятіямъ по сердцу, или, если уже нельзя миновать сего жребія, по крайней мѣрѣ дана была возможность навыкнуть дѣламъ пастырскаго служенія подъ чьимъ нибудь опытнымъ руководствомъ.—Но когда, помышляя о мнѣ болѣе, нежели сколько есмь, Вы указываете мнѣ обширнѣйшее поприще для дѣятельности, конечно, въ надеждѣ, что множайшій плодъ принесу во спасеніе свое и другихъ; то не могу безъ благодарности вспомнить о семъ незаслуженномъ довѣріи.—Возмогу ли только оправдать надежды Ваши, а паче ожиданія и обязательныя требованія Церкви?—Достанетъ ли знанія, благоразумія, искусства—и руководить спасаемыхъ, и вести порядокъ дѣлъ внѣшняго управленія?—Желаніе, дѣйствовать во благо, есть: когда бы и дѣла соотвѣтствовали сему жела-

нію!—Господь дастъ благодать и даръ духа; но и духъ можно угашать бездѣйствіемъ или неправильнымъ дѣйствованіемъ.—Да не будетъ сего,—сыновне прошу, приложите къ Вашимъ благожеланіямъ, въ которыхъ не сомнѣваюсь, и молитву къ Господу, чтобъ даруемая Имъ благодать не тща была и во мнѣ, и Вашимъ совѣтомъ научите, какъ возгрѣвать даръ, имѣющій сообщаться мнѣ возложеніемъ рукъ Вашихъ—въ похвалу всѣмъ намъ въ день Христовъ.

29 Мая,
1859 г.

II.

СЛОВО

ПРИ ВСТУПЛЕНІИ НА ПАСТВУ ТАМБОВСКУЮ.

Во имя Бога, въ Троицѣ покланяемаго—Отца и Сына и Св. Духа, привѣтствую васъ, Богомъ мнѣ ввѣренная паства, апостольскимъ привѣтствіемъ,—въ желаніи благодати и мира. *Благодать вамъ и миръ да умножатся*,—какъ два источника всякаго блага душевнаго и тѣлеснаго: да исполняется умъ вашъ вѣденіемъ Бога и всякой истины, отъ Него исходящей, съ соотвѣтственными тому чувствами и расположеніями; сердце ваше да разверзается къ братолюбію и всякому благотворенію, и всѣ начинанія ваши да обращаются ко славѣ Единаго Бога.... воздуха благорастворенiе, земли плодородіе и все, ко временному вашему благоденствію потребное, да даруетъ вамъ щедродательная милость Божія,—аще благоволитъ.

О всемъ семъ—непрестанная къ Богу грѣшная молитва моя. Ибо мы уже не чужіе другъ другу. Въ часъ нареченія, еще не вѣдая васъ, я уже вступилъ въ общеніе съ вами, давъ обѣтъ Богу и св. Церкви,—вамъ принадлежать заботою, трудами и даже сею жизнію. Въ равное возмездіе сотворили, какъ полагаю по увѣренности въ Христіанской совѣсти вашей, нѣчто подобное и вы, опредѣливъ себя на вниманіе, и, въ нужномъ случаѣ,—на послушаніе моему немощному слову и дѣлу

по вѣрѣ въ любви. А нынѣ сей взаимный союзъ, основанный на взаимномъ самопожертвованіи, освященъ приношеніемъ безкровной жертвы, пожершемуся за насъ Господу, отъ Коего, ради сего, и да низыдетъ всякое благословеніе на наше начавшееся сопребываніе. Съ сей минуты у насъ и добро и зло общи, и это не на время только, но и на вѣчность; ибо сопребываніе сіе, хотя началось во времени и на время, но запечатлѣно характеромъ, выходящимъ за предѣлы времени, потому что, будучи сопряжено со взаимными обязательствами, свыше опредѣленными, и въ день суда оно послужитъ въ оправданіе или осужденіе наше. Въ этомъ довольно, кажется, побужденія къ тому, чтобъ ходить намъ другъ предъ другомъ, какъ предъ лицемъ Бога, со всѣмъ вниманіемъ и добросердечіемъ, со взаимными благожеланіями, въ молитвѣ другъ о другѣ, и во взаимномъ другъ другу содѣйствіи, со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвая.

Думаю, впрочемъ, что нѣтъ нужды раскрывать предъ вами взаимныя наши обязательныя отношенія. Вы уже не въ первый разъ вступаете въ нихъ; а мнѣ позвольте напомнить объ нихъ себѣ самому про себя. Объ одномъ только считаю нужнымъ предложить вамъ съ нѣкоторою подробностію на первый разъ, именно: начертать образъ здраваго ученія Христіанскаго, которому надобно внимать, яко свѣтильнику, сіяющему во тмѣ человѣческихъ мнѣній и заблужденій, и которому я буду слѣдовать въ моемъ посильномъ служеніи слову истины. Выслушайте, что исповѣдую, чему учить и вѣры во что искать буду по долгу пастырства, и по сему судите, кто нашъ и кто чуждъ намъ, съ кѣмъ общиться и кого убѣгать должно, чему слѣдовать и чего удаляться надобно. Не новое что и не свое будетъ предложено, а то, что издревле предано намъ, какъ св. законъ вѣры и неизмѣнное правило жизни. Такъ исповѣдую, что Богъ, единый по существу, есть троиченъ въ лицахъ — Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, и что сіи Три не имена суть одного и того же лица, и не названія разныхъ дѣйствій того же лица; но три ѵпостаси единаго

Божества. Такъ исповѣдывать заповѣдала святая Церковь, такъ и буду учить и таковой вѣры буду искать отъ всѣхъ по долгу пастырства.

Исповѣдую, что сей тріѵпостасный Богъ всесовершенный, по свободной волѣ Своей, безъ всякой внутренней или внѣшней какой-нибудь необходимости, въ шесть дней, единымъ словомъ Своимъ сотворилъ міръ сей, не изливаясь въ міръ и не сливаясь съ нимъ, а пребывая въ Себѣ цѣлымъ и неизмѣннымъ, хотя вездѣсущъ есть и все исполняетъ. Такъ заповѣдуетъ исповѣдывать св. Церковь, такъ и учить буду, и такой вѣры по долгу буду искать отъ всѣхъ.

Исповѣдую, что всеблагій Богъ, сотворивъ міръ, не оставилъ его на произволъ судьбы и не оковалъ узами неумолимой какой-то необходимости, какъ учитъ невѣріе и суемудріе; а съ тою же свободою и властію, съ какою сотворилъ его, съ тою же и правитъ имъ и благостынно печется о всякой твари, паче же разумной, все свободно направляя къ благимъ цѣлямъ Своимъ, не стѣсняясь законами естества, которые сами суть не что иное, какъ выраженіе Его же воли, потому всецѣло подлежатъ Его свободному распоряженію и измѣненію тамъ, гдѣ сего требуетъ Его безпредѣльная премудрость. Такъ исповѣдывать заповѣдуетъ святая Церковь, такъ буду учить и такой вѣры буду искать отъ всѣхъ.

Исповѣдую, что мы, будучи сотворены для всегдашняго общенія съ Богомъ и неизмѣннаго въ Немъ блаженства, въ прародителяхъ нашихъ, нарушеніемъ Его заповѣди, отпали отъ Него, навлекли на себя праведный гнѣвъ Его, и подпали временному наказанію и вѣчному осужденію, и что потому всякое видимое и испытываемое нами зло внутреннее или внѣшнее, не есть естественное наше состояніе, или слѣдствіе нашей ограниченности, а есть прямой плодъ грѣха,—наказаніе, только милостію Божіею обращаемое въ очистительное намъ орудіе, подъ условіемъ вѣры, покаянія и смиренной покорности волѣ Божіей. Такъ исповѣдывать заповѣдуетъ св. Церковь, такъ буду учить и такой вѣры буду искать отъ всѣхъ.

Исповѣдую, что движимый любовію Господь, не терпя, чтобъ любимое Его твореніе—человѣкъ, погибалъ въ семъ бѣдственномъ положеніи, благоволилъ низойти на землю, принять на Себя человѣческое естество, страданіемъ и смертію удовлетворить правдѣ Божіей и, по воскресеніи, вознестись на небо и, сѣдши одесную Бога и Отца, снова открыть человѣку свободный доступъ къ живому Богообщенію.

Исповѣдую, что всѣ возстановительныя Божественныя силы, яже къ животу и благочестію, положены Господомъ во св. Его Церкви, какъ единственной врачебницѣ нашей, и дѣйствуютъ въ ней Духомъ Святымъ, чрезъ св. таинства и другія освятительныя учрежденія, надъ всѣми съ отверстымъ вѣрою сердцемъ приступающими къ нимъ.... и что другаго способа къ принятію благодатныхъ силъ нѣтъ и быть не можетъ, что̀ бы ни замышляли и какъ бы иначе не мечтали одуховляться нѣкоторые мечтательные умы.

Исповѣдую, что всякому ищущему спасенія нужно первѣе всего покаяться съ рѣшимостію не грѣшить болѣе, хотя бы это стоило жизни; за тѣмъ приступить къ таинствамъ для полученія благодати, въ укрѣпленіе слабыхъ на добро своихъ естественныхъ силъ, далѣе идти посильно путемъ заповѣдей Христовыхъ, среди всѣхъ освятительныхъ учрежденій и молитвованій Церкви, существенно необходимыхъ для возгрѣванія въ насъ духа благодати, подъ вліяніемъ подвиговъ самоотверженія къ умерщвленію страстей,—пока наконецъ достигнемъ въ свѣтлую область безстрастія и чистоты, въ сію мѣру возраста исполненія Христова.

Исповѣдую, что начавшіе симъ путемъ, вступая въ общеніе съ Богомъ, вступаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ общеніе съ невидимымъ міромъ—Ангелами и всѣми Святыми, прежде ихъ Богу угодившими, и, прибѣгая къ ихъ заступленію, получаютъ благовременную отъ нихъ помощь,—паче же всѣхъ отъ пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи—всесильной нашей заступницы и ходатайцы.

Исповѣдую, что за грѣхъ первородный душа разлучится

съ тѣломъ дѣйствіемъ смерти, и пребудетъ въ семъ раздѣленіи до будущаго воскресенія и суда,—или питаясь надеждою вѣчнаго блаженства, если слѣдовала во всемъ волѣ Божіей, или томясь страхомъ вѣчныхъ мукъ, если противилась заповѣдямъ Господнимъ.

Все сіе исповѣдую всею душею, всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ моимъ, потому что такъ исповѣдывать заповѣдуетъ св. Церковь.... Такъ и учить буду и такой вѣры буду искать отъ всѣхъ....

И вотъ я намѣренно очертилъ вамъ все наше исповѣданіе, чтобы возобновить въ мысли вашей свѣтлый ликъ вѣры нашей,—указалъ путь, которымъ заповѣдано намъ идти, и намекнуть на тѣ распутія, на которыя уклоняются, иные по недостатку ученія, другіе по учености, худо направленной. И да избавитъ васъ Господь отъ сихъ уклоненій! Все изображенное мною не ново! Держитесь сей старой вѣры, какъ держались ее отцы наши, и за то оставили намъ ясные слѣды своей богоугодности, отъ нихъ же есть и такъ усердно чтимый вами и славимый всею православною Россіею Сергій Радонежскій, котораго нынѣ память совершается.—Бѣгайте новинъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія, и блюдитеся отъ этихъ лживыхъ пророковъ, которые приходятъ въ одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы, — проразумѣвайте ложь кроющуюся въ привлекательныхъ словахъ льстецовъ, ищущихъ растлить васъ подъ видомъ доброжелательства.

Я разумѣю всѣхъ неправомыслящихъ и неправоходящихъ, не по немощи, а по упорству, съ желаніемъ привлечь и другихъ на свою сторону,—разумѣю....

Невѣрующихъ во Св. Троицу и думающихъ, что Отецъ Сынъ и Св. Духъ не суть лица единаго Божества, а суть имена одного лица,—

Отвергающихъ Божественное творчество и промыслительность и думающихъ, что міръ со всѣми въ немъ тварями самослучайно произошелъ и правится самъ собою,—

Невѣрующихъ въ паденіе человѣка, и бѣдственное состояніе наше инымъ образомъ объясняющихъ,—

Невѣрующихъ во св. Церковь, какъ единую врачебницу, вмѣщающую въ себѣ всѣ возстановительныя для насъ силы, и св. ея таинства и освятительныя средства считающихъ простыми обрядами безъ внутренней силы,—

Мечтающихъ освятительную силу Божіей благодати получить какимъ-то сокровеннымъ невидимымъ способомъ, а не тѣмъ, какой предлагается св. Церковью,—

Непризнающихъ нужными подвижничества и всѣхъ дѣлъ самоотверженія, льстя себя ложною надеждою совмѣстить духъ Христовъ съ духомъ міра,—

Чуждающихся общенія со Святыми и презорливо отвергающихъ ихъ ходатайство и заступленіе, — равно какъ пагубныя дѣйствія духовъ злобы поднебесныхъ, —

Непризнающихъ духовности души, ея безсмертія, будущаго воскресенія тѣлъ нашихъ и вѣчнаго воздаянія всѣмъ намъ по дѣломъ нашимъ,—

Явныхъ и тайныхъ нарушителей уставовъ св. Церкви Божіей, не считающихъ нужнымъ соблюдать посты, исповѣдываться, причащаться, не чтущихъ св. праздниковъ и дней воскресныхъ, или, вмѣсто должнаго ихъ чествованія, предающихся неразумнымъ увеселеніямъ и забавамъ, —

Съ дерзкимъ самооправданіемъ, не хранящихъ чистоты до брака, и вѣрности супружеской по бракѣ,—вымышляя, вмѣсто Богомъ благословеннаго, иной какой-то способъ сожитія,—

Вообще всѣхъ увлекающихся и увлекающихъ неукротимымъ своеволіемъ въ образѣ мыслей и правилахъ жизни....

Видите теперь, кто нашъ и кто не нашъ,—на чьей сторонѣ истина и гдѣ ложь.—Уклоняйтесь же отъ зла и творите благо. Св. Ап. и Ев. Іоаннъ Богословъ, видя пагубу отъ появленія лживыхъ учителей въ стадѣ Христовомъ,—съ одной стороны возбуждалъ бдительность вѣрующихъ, указывая на сіе появленіе ихъ, съ другой научалъ разузнавать лживость ихъ ученія внутреннимъ духовнымъ помазаніемъ. Находясь

нѣсколько въ подобныхъ обстоятельствахъ, и мы обращаемъ къ вамъ слова того же Апостола: *возлюбленные, не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть: яко мнози лжепророки изыдоша въ міръ....* (1 Іоан. 4, 1). *Нынѣ мнози антихристи быша... кои отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ* (1 Іоан 2, 18. 19). Спросите, какъ узнавать ихъ и ихъ ученіе?—По начертанію истины, нами предложенному, или по мудрому правилу, предложенному св. Игнатіемъ Богоносцемъ: держитесь законнаго пастырства, и никогда не отпадете отъ истины. Ибо пастыри и учители даны Церкви Пастыреначальникомъ и Главою ея Господомъ—*къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова.... да не бываемъ младенцы влающеся всякимъ вѣтромъ ученія во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія* (Ефес. 4, 12, 14).

Богъ же Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы, да дастъ вамъ духа премудрости и откровенія къ познанію Его — просвѣщенна очеса сердца вашего, яко увѣдѣти вамъ, кое есть упованіе званія Его, и кое богатство славы достоянія Его во святыхъ, и кое преспѣющее величество силы Его въ насъ вѣрующихъ по дѣйству державы крѣпости Его (Ефес. 1, 17. 18. 19.) Аминь.

5 Іюля,
1859 г.

III.

НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА ВЪ ЖЕНСКОМЪ СУХОТИНСКОМЪ БОГОРОДИЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Се и еще воздвигнутъ и освященъ храмъ живому Богу! Се и еще мѣсто селенія славы Его, мѣсто упокоенія душъ скорбящихъ, мѣсто питанія и напоенія душъ алчущихъ и жаждущихъ —словомъ Божіимъ и св. таинствами, мѣсто преискренняго общенія съ невидимымъ міромъ Ангеловъ и Святыхъ!—Благодареніе Господу, увѣнчавшему благое дѣло сіе успѣхомъ! Да благословитъ Онъ и начавшихъ его, несшихъ труды приведенія его къ концу, помогавшихъ, содѣйствовавшихъ и всѣхъ, какимъ нибудь образомъ соприкосновенныхъ ему.

Храмъ сей назначается для васъ, сестры, оставившія міръ и Господу себя уневѣстившія. Вы удалились, бѣгая, и водворились въ пустынѣ, за тѣмъ, чтобъ безпрепятственнѣе приближаться къ возлюбленному вами Господу, и невозмущаемымъ отъ праха мірской суеты окомъ зрѣть выну красоту лица Его. Вотъ и Господь являетъ знаменіе Своего къ вамъ благовѣстительнаго приближенія, простираетъ къ вамъ длани Свои для пріятія васъ, назначаетъ мѣсто, гдѣ Онъ готовъ внимать желаніямъ отверстаго къ Нему сердца вашего. Думаю, что нельзя найти сильнѣйшаго для васъ побужденія къ тому, чтобы приметаться въ семъ

дому Божіемъ, если не непрестанно, то по крайней мѣрѣ всякой разъ, какъ будете зовомы сюда по уставу св. Церкви.

Не сомнѣваюсь, что это и было и будетъ такъ. Но не могу не напомнить вамъ, что для васъ мало являться предъ лице Господа въ храмъ, внѣ васъ сущій: вамъ надобно устроить Господу храмъ въ себѣ самихъ, чтобъ всегда имѣть Его въ себѣ и съ собою. Ибо если ко всѣмъ, то тѣмъ болѣе къ вамъ идетъ слово Апостола: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте*..... И слѣд. если ко всѣмъ, то тѣмъ болѣе къ вамъ должна относиться заповѣдь: *какъ каменію живому, созидаться въ храмъ духовенъ, святительство свято, приносити жертвы благопріятны Богови Іисусъ Христомъ* (1 Петр. 2, 4—5).

Объ этомъ нынѣ помыслить вамъ тѣмъ болѣе прилично, что устроенный и освященный нынѣ храмъ есть прямой образъ того невидимаго храма, который должно устроить для Него въ сердцѣ нашемъ. Приложите же къ совершенному уже труду въ устроеніи сего видимаго храма и другой трудъ, которому и конца быть не можетъ,—объ уготовленіи сердца своего въ всегдашній духовный храмъ Господу.

Не думайте, чтобъ это было такъ мудрено и такъ высоко, что превысило бы рѣшительно силы ваши. Вы уже созидаетесь въ храмъ сей. Надобно только продолжать начатое непрерывно, и съ тою же ревностію, съ какою начато. Чтобъ видѣть впрочемъ, что именно надо дѣлать, я изображу вамъ коротко все зданіе храма Господу въ сердцѣ.

Для храма видимаго выбираютъ и очищаютъ мѣсто.—Надобно расчистить внутрь насъ мѣсто сердца для зданія храма духовнаго. Сіе расчищеніе совершается *покаяніемъ*, т. е. искреннимъ сознаніемъ своихъ грѣховъ и обвиненіемъ себя въ нихъ, чтобъ выну стоять предъ лицемъ Господа безотвѣтными, и спасенія себѣ чаять отъ единой милости Его. Господь не любитъ тѣхъ, которые являются къ Нему праведниками, и благосклоннымъ является только тѣмъ, кои мытаревымъ гласомъ вопіютъ къ Нему: *Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ*.—На расчищенномъ мѣстѣ углубляютъ и кладутъ основаніе.—Осно-

ваніе храма духовнаго въ сердцѣ составляютъ *вѣра* и твердая *рѣшимость жить по вѣрѣ*. Только вѣра, сочетаваясь съ рѣшимостію, дѣлаетъ внутреннее зданіе непоколебимымъ, и даже недоступнымъ ни для сомнѣній и недоумѣній, ни для неудобствъ, противленій и скорбей. Рѣшившійся жить по вѣрѣ не страшится уже ни скорбей, ни самой смерти: вотъ почему таковой и почитается ничѣмъ неодолимымъ или стоящимъ на несокрушимомъ основаніи.

Положивъ основаніе, возводятъ за тѣмъ зданіе, полагая камень на камени, скрѣпляя ихъ извѣстными веществами, и все направляя по предположенному плану и масштабу. Все сіе въ соотвѣтственныхъ свойствахъ есть или должно быть и во внутренней храминѣ; здѣсь *камни* суть разныя *добродѣтели*, къ какимъ, когда и гдѣ представляется случай: кротость, воздержаніе, терпѣніе, послушаніе, милость, трудолюбіе и проч., кои, одна къ другой прилагаясь, творятъ возращеніе тѣла внутренняго храма; *скрѣпляющій цементъ* суть съ одной стороны притоки чрезъ св. таинства *благодати*, безъ которой всё наше остается сухимъ, несвязнымъ, непрочнымъ, а съ другой—*любовь*, безъ которой никакіе подвиги и никакіе труды не имѣютъ цѣны, или, какъ говоритъ Апостолъ,—все ничто; *планъ и масштабъ*—*разсужденіе*, которымъ опредѣляются мѣра, вѣсъ и числа трудовъ, предпріятій и подвиговъ, безъ сего внутренняго соразмѣрителя могущихъ обезобразить все зданіе, и слѣд. сдѣлать ничтожными и безполезными всѣ, подъятые уже до того, труды. Навыкъ къ сему разсужденію, основательному и здравому, пріобрѣтается послушнымъ житіемъ подъ *руководствомъ* пастырей, духовныхъ отцевъ, старцевъ и старицъ, которые, на первый разъ, а иногда и на всю жизнь, и должны составлять единственныхъ руководителей въ созиданіи сердца для Господа.

Проникнутый любовію трудъ добродѣланія подъ дѣйствіемъ Божіихъ таинствъ, при руководствѣ пастырей и своего разсужденія, возводитъ зданіе до верха. За тѣмъ *кровлю* его составитъ глубокое *смиреніе*, которое спасетъ сіе зданіе отъ

сырости тщеславія и человѣкоугодія, отъ сухоты надменія и гордыни, отъ потрясающихъ ударовъ своенравія и непокорности. Останется послѣ сего *возглавить* зданіе и поставить на немъ *крестъ*. То и другое совершится однимъ дѣйствіемъ *преданности* въ волю Божію, которое точно есть глава добродѣтелей самоотверженія и крестъ, на которомъ окончательно распинается наша самость.

Вотъ и храмъ! Хотите ли знать, что составляетъ его внѣшнюю *ограду*? *Непоколебимая вѣрность всѣмъ уставамъ и предписаніямъ св. Божіей Церкви*, а въ васъ сверхъ того—и уставу вашему монастырскому. За сею оградою безопасно укрываются отъ всѣхъ бурь и волненій, воздвигаемыхъ духомъ вѣка, суемудріемъ и страстями. Пока есть сія вѣрность, зданіе безопасно; гдѣ нѣтъ ея, тамъ все мало по малу разорится, пока отъ всего не останется камня на камнѣ.

Но мы все еще внѣ сего внутренняго храма. Надобно войти внутрь его,—украсить, освятить, облагоухать, чтобъ достойно совершать тамъ святительство святое—приносить жертвы, благопріятныя Богови. Ибо Господь хощетъ не пребывать только въ насъ, но и сопребывать съ нами въ насъ. Спрашиваете: какъ войти внутрь самихъ себя?—*Вниманіемъ, трезвеніемъ, собранностію*. Когда мысли разсѣяны, онѣ всѣ парятъ надъ внѣшними предметами; но по мѣрѣ отрѣшенія отъ сихъ послѣднихъ, онѣ собираются внутрь и по мѣрѣ собранности еще болѣе отрѣшаются отъ-внѣ. Этимъ взаимодѣйствіемъ созрѣваетъ наконецъ внутреннее трезвеніе, въ которомъ око ума выну зритъ внутрь сердца,- и устроятся глубокое, невозмутимое вниманіе къ сущему тамъ и ко всему, привходящему туда.

Чѣмъ украсить внутреннюю храмину сердца? Благими помышленіями, слагающимися изъ глубокихъ убѣжденій въ истинахъ вѣры съ соотвѣтственными имъ чувствами и расположеніями, т. е. помышленіями о Богѣ Тріvпостасномъ, Его безпредѣльныхъ совершенствахъ, твореніи, промышленіи, таинствѣ искупленія и всемъ домостроительствѣ спасенія,—о будущемъ устроеніи всего, и проч., которыя (помышленія) не мо-

гутъ не исполнять сердца или страхомъ, или сокрушенiемъ, или упованiемъ, или мужественною готовностiю на всё и проч., что все въ совокупности составляетъ красоту храмины сердечной.

Освѣщенiе сему храму доставляетъ невозмутимое непрестанное *созерцанiе Бога вездѣсущаго*, безъ Котораго и внутрь собраться, или чувствами какими благими преисполняться нѣтъ возможности, хотя и оно само взаимно поддерживается сими послѣдними и зрѣетъ вмѣстѣ съ ними. Сей свѣтъ Богозрѣнiя, освѣщая и согрѣвая сердце, возбуждаетъ въ немъ непрестанныя къ Богу *взыванiя*, или *воздыханiя* изъ глубины, съ представленiемъ Ему разныхъ преходящихъ и непрестанныхъ потребностей духа, или съ изъявленiемъ движенiй любви къ Нему—сладчайшему, что все составляетъ ѳимiамъ *молитвы сердечной*, восходящей, какъ утро, или, какъ кадило благовонное, возносящейся къ Богу.

Въ благоуханномъ такимъ образомъ храмѣ сердца будетъ совершаться и *жертва* духовная, Богу благопрiятная, состоящая въ приношенiи Ему сознанiя, самодѣятельности и свободы и выражающаяся болѣзненнымъ къ Нему припаданiемъ, въ сердцѣ сокрушенномъ и смиренномъ. Сей жертвы ждетъ отъ насъ Господь, ею услаждается и ради ея готовъ ниспосылать всякое даянiе благо и всякъ даръ совершенъ. Симъ завершается устроенiе внутренняго Богу храма и внутренняго священнодѣйствiя въ семъ храмѣ.

Вотъ и все! Трудно ли, легко ли сiе дѣло, но оно необходимо. Нельзя останавливаться намъ на одномъ внѣшнемъ дѣланiи, хотя и безъ него не можетъ состояться и установиться ничто внутреннее. Сдѣлано внѣшнее: позаботимся и о внутреннемъ. Можно не сомнѣваться, что и оно есть и, можетъ быть, ради его есть и сiе внѣшнее; но можно опасаться, не затмила бы, или не заслонила бы сiя видимость, такъ очевидная, той невидимости, почти неуловимой. Посему бдите и не попускайте, чтобъ врагъ сгубилъ плоды трудовъ вашихъ, остановивъ васъ на пол-пути.

Сыне, даждь ми сердце, говоритъ Господь. И отдадимъ его. Припомните притчу о десяти дѣвахъ.... Чего недоставало юродивымъ? Внутренняго дѣланія. Внѣшне онѣ были исправны,—дѣвство соблюли, и постовъ не нарушали, и въ храмъ Божій ходили, и прочее, уставомъ положенное, исполняли; а объ устроеніи мыслей и чувствъ не попеклись. И было сердце ихъ, вмѣсто храма Богу,—дебрь, всякими дикими растеніями заросшая, полная гадовъ и насѣкомыхъ, или запустѣлое зданіе,—жилище филиновъ и нетопырей.

Блюдитеся убо, чтобъ не подпасть участи ихъ. Начатое вами хорошо и многоцѣнно, но если и совершите ѐ, какъ подобаетъ. Не послужило бы иначе самое начало вамъ въ осужденіе,—что начали и не довели до конца. И молитеся Господу и пречистой Его Матери, нашей Владычицѣ, коей посвященъ храмъ сей, да явятъ васъ, благоволеніемъ благости Своея, совершенными во всемъ,—и совершенъ вашъ духъ, душа и тѣло въ пришествіи Господнемъ да сохранится, да даруетъ вамъ Богъ силою утвердитися духомъ Его во внутреннемъ человѣцѣ, вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша. Аминь.

8 Іюля,
1859 г.

IV.

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ,—ВЪ ТАМБОВСКОМЪ КАДЕТСКОМЪ КОРПУСѢ.

Въ дни, подобные нынѣшнему, вниманіе невольно останавливается на предметахъ, любимыхъ тѣми лицами, которымъ посвящаются дни сіи. Что же всего болѣе близко сердцу Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны? О чемъ паче всего печется Она? Что озабочиваетъ душу Ея? Это—воспитаніе дѣтей. И мысль обыкла представлять Ее окруженною дѣтьми призрѣнными или призираемыми, воспитанными или воспитываемыми. Потому не считаю неумѣстнымъ, нынѣ, въ торжественный день Ея рожденія, сказать нѣсколько словъ о воспитаніи,—особенно въ семъ храмѣ, находящемся въ домѣ воспитанія дѣтей, и притомъ въ день торжественнаго въ немъ акта.

Слово о воспитаніи—въ храмѣ,—вы уже догадываетесь, будетъ касаться воспитанія въ духѣ Христіанскомъ. Прибавьте къ вашей догадкѣ, что и по суду всѣхъ, любящихъ истину, прочнаго воспитанія и не можетъ быть иного, какъ то, которое совершается въ семъ духѣ. Таково впрочемъ оно у насъ

вездѣ, по крайней мѣрѣ, таковымъ вездѣ предполагается. И здѣсь,—уже то одно, что въ семъ заведеніи есть храмъ Божій, и, конечно, не какъ случайная пристройка, а какъ преднамѣренная часть зданія, или даже сердцевина его, дающая направленіе всѣмъ другимъ частямъ, уже это одно достаточно удостовѣряетъ, что и значеніе и содержаніе храма сего служило и служитъ руководительнымъ началомъ для всего, чему здѣсь учатъ и къ чему пріучаютъ, и что воспитатели и воспитанники въ храмъ сей собираются не за тѣмъ только, чтобъ возносить къ Богу молитвы свои, но и за тѣмъ, чтобъ отъ лица Его принимать уроки и наставленія въ своемъ немалотрудномъ дѣлѣ воспитанія, полагая въ основаніе своего труда начало вѣры и жизни по вѣрѣ.

При сей мысли, пожелать ли, да будетъ такъ, или благодарить Господа, что есть уже такъ? По всячески, думаю, не наперекоръ вашему убѣжденію скажу, что должно быть такъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чего хотятъ воспитывающіе? Хотятъ просвѣтить умъ и образовать сердце. Гдѣ же найти прочныя основы и дѣйственныя орудія къ тому и другому? Нигдѣ, какъ въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, *Иже бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе* (Кор. 1. 30); т. е. во святой вѣрѣ, Имъ дарованной, со всѣми спасительными ея учрежденіями. Ибо—

Что значитъ просвѣтить умъ? Значитъ напечатлѣть въ немъ здравыя понятія о всемъ сущемъ и бывающемъ, именно, понятія о томъ, что̀ есть Богъ, какія Его свойства, въ какое отношеніе благоволилъ Онъ поставить Себя къ міру и къ намъ? Что такое міръ сей, откуда онъ, чѣмъ держится и куда ведется? Что мы сами, за чѣмъ мы здѣсь—на сей землѣ, что значитъ это полусвѣтлое и полумрачное наше состояніе, что ожидаетъ насъ въ будущемъ, и проч?. Совокупность такихъ понятій и составляетъ мудрость, которой всегда такъ дѣятельно искалъ и ищетъ человѣкъ. И кто знаетъ все сіе истинно, не несправедливо именуется просвѣщеннымъ, какъ видящій все въ ясномъ свѣтѣ. Надобно замѣтить, что сіи понятія суть

отвѣты на безпокоющіе нашъ умъ вопросы. Нѣтъ человѣка, котораго бы не тревожили сіи вопросы, и нѣтъ такого, который бы не рѣшалъ ихъ тѣмъ или другимъ образомъ. Но настоящее ихъ рѣшеніе—самое успокоительное и самое вѣрное—содержится въ откровеніи Іисусъ Христовѣ, и преподается св. Церковію. Здѣсь Богъ есть Духъ всесовершенный, единый по существу и троичный въ лицахъ, творецъ міра и промыслитель всяческихъ; міръ—твореніе Божіе, единымъ словомъ Всемогущаго воззванное къ бытію, и глаголомъ силы Его содержимое, во всемъ скрѣпленное законами неизмѣнными, по благоволенію воли Божіей во всякое мгновеніе готовыми покориться, и покаряющимися; человѣкъ—разумная тварь, полная совершенствъ въ началѣ, потомъ падшая и разстроившаяся, нынѣ возстановляемая Господомъ Іисусомъ Христомъ во св. Церкви благодатію Духа, и наконецъ имѣющая явиться въ новой славѣ—въ будущій вѣкъ, за вѣру и трудъ добродѣланія, и проч.

Какія свѣтлыя, возвышенныя и плодотворныя понятія! Послѣ сего напрасно умъ берется рѣшать ихъ еще и самъ собою. Опыты его рѣшеній, до пришествія Христа Спасителя, и теперь на Западѣ, въ тѣхъ, кои свергли благое иго покорности слову неложнаго Бога, осязательно убѣждаютъ, какъ слабъ онъ въ семъ отношеніи, и какъ ему сроднѣе здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, оставаться навсегда ученикомъ и не дерзать восходить на учительскую каѳедру. Потому у насъ весьма основательно и разумно отвергаются всѣ его бредни. Что же остается просвѣтителямъ ума? Не изобрѣтать, а взять, готовыя уже, Божественныя истины, и напечатлѣть ихъ въ умахъ дѣтей, а потомъ на нихъ, какъ на основаніяхъ построивать все зданіе вѣдѣнія, или всю совокупность наукъ. Какую твердость и мужество пріобрѣтаетъ умъ, такимъ образомъ просвѣщенный! Какъ прочна въ немъ вся сумма познаній, будучи проникнута единымъ духомъ и едиными началами!

Что значитъ образовать сердце? Значитъ возбудить сокрытыя въ естествѣ нашемъ требованія, преобразовать ихъ въ

чувства и расположенія, возвесть въ начала и правила жизни, чтобъ потомъ о всякомъ обладающемъ ими можно было сказать: вотъ совершенный человѣкъ. Спрашивается, какъ это сдѣлать?

Многимъ кажется достаточнымъ для этого—развивать. Развивай, говорятъ, природу. Какъ изъ сѣмени, прозябшаго и раскрывшагося выходитъ дерево или цвѣтъ, въ своемъ родѣ совершенный; такъ выйдетъ и человѣкъ совершеннымъ, если развить все сокрытое въ естествѣ его. Кажется, что можетъ быть разумнѣе и основательнѣе такого положенія? А выходитъ совсѣмъ не то, что чается. Напр. развивая эстетическую сторону, окружаютъ питомца изящными предметами и самого пріучаютъ къ искусствамъ. Вкусъ раскрывается мало по малу; но вмѣстѣ выказываются и разнаго рода похотствованія, и притомъ въ формахъ совсѣмъ неизящныхъ. Еще: чтобъ пріучить держать себя съ достоинствомъ, вводятъ въ общество, и открываютъ всѣ пріемы приличнаго взаимообращенія. Цѣль достигается въ нѣкоторой мѣрѣ; но вмѣстѣ внѣдряется гордость, спѣсь, своенравіе, неприступность, презорство къ низшимъ. Также пріучаютъ и къ разнаго рода предпріимчивости и дѣятельности: бываетъ и въ этомъ успѣхъ; но не успѣшнѣе ли вростаетъ корыстность, интересанство и безжалостная притязательность? Такъ и во всемъ. Что же это значитъ? Не доброе ли сѣмя сѣется? и отъ чего же плевелы?—Отъ того, что сѣмя естества нашего повреждено паденіемъ, и многое привилось къ нему неестественнаго и противоестественнаго, что однакожъ наряду съ естественнымъ выказываетъ право на удовлетвореніе, прикрываясь видомъ естественности. Оттого тамъ, гдѣ безъ разбора развиваютъ все, что ни находятъ въ человѣкѣ, вмѣстѣ съ сроднымъ намъ развиваютъ и несродное,—и въ естествѣ нашемъ является много паразитовъ, которые нерѣдко заглушаютъ и изсушаютъ естественныя вѣтви. Такъ, не все надобно развивать въ насъ; а иное развивать, а иное подавлять и искоренять. И вотъ въ чемъ вся трудность воспитанія и образованія. Нѣтъ у насъ очей, или зрительныхъ орудій къ

тому, чтобъ различить тонкія, сплетшіяся нити естественнаго и неестественнаго. А еслибъ и была возможность различить, то нѣтъ орудія или анатомическаго ножа для отдѣленія одного отъ другаго. Еслибъ и это было,—нѣтъ силъ подкрѣпить и оживить сродное и заглушить несродное намъ. Такъ, пока мы одни,—съ своими только средствами, нельзя ожидать прочнаго успѣха въ образованіи сердца. И здѣсь-то осмотрительный воспитатель вполнѣ чувствуетъ крайнюю нужду въ сверхъестественной помощи. И она готова—въ Церкви Божіей, въ св. ея таинствахъ и всѣхъ освятительныхъ учрежденіяхъ. Божественная благодать, сообщаемая и возгрѣваемая ими, проникая внутрь насъ, раздѣляетъ сродное намъ отъ несроднаго, и соединяясь съ первымъ, укрѣпляетъ его и оживляетъ, а отрѣвая послѣднее, изсушаетъ и истребляетъ его. Потому, кто растетъ подъ дѣйствіемъ ихъ, тотъ безъ особенныхъ усилій со стороны родителей или воспитателей, кромѣ неизбѣжныхъ предостереженій, является, по вступленіи на поприще дѣятельности, съ чувствами и расположеніями чисто человѣческими (или-что то же-истинно-Христіанскими), безъ примѣси уродливыхъ неестественностей, унижающихъ человѣчество. Такимъ образомъ, желаютъ ли обладать сильными дѣйственными средствами къ образованію сердца,—пусть держатъ воспитываемыхъ подъ дѣйствіемъ спасительныхъ таинствъ Церкви и всѣхъ освятительныхъ ея чинопослѣдованій: и трудъ ихъ увѣнчается полнымъ успѣхомъ.... Пусть не отчуждаютъ дѣтей отъ Церкви и церковности, отъ молитвованій, постовъ, говѣнія, исповѣди и причащенія, храненія праздниковъ и посѣщенія святынь и проч... и можно быть увѣренными, что по окончаніи курса воспитанія, душа питомцевъ, какъ дѣва чистая, будетъ представлена Христови на всякое дѣло благое уготованною.

Вотъ и вся программа воспитанія! Напечатлѣвать истины вѣры въ умѣ, поставляя ихъ распорядителями всѣхъ другихъ познаній и понятій и вести питомцевъ неуклонно по указанію попечительной нашей матери Церкви: и выйдутъ дѣти,

крѣпкія умомъ, и добрыя сердцемъ, добрыя добротою прочною и непоколебимою. Гдѣ въ какой либо отрасли познаній допускаются понятія, противныя истинамъ вѣры, тамъ омрачаютъ умъ воспитываемыхъ и обезсиливаютъ его примѣсью лжи. А гдѣ, сверхъ того, какимъ нибудь образомъ отчуждаютъ отъ Церкви, тамъ портятъ и сердце, допуская въ немъ раскрываться и крѣпнуть противоестественнымъ (страстнымъ) чувствамъ и расположеніямъ.

Предлагая, впрочемъ, все сіе, предлагаю не какъ урокъ или укоръ, но какъ простое напоминаніе, въ видахъ раздѣленія взаимныхъ нашихъ убѣжденій, которыя неизлишне подновлять и оживлять такою взаимностію, въ нынѣшній вѣкъ неопредѣленныхъ стремленій, почти безъ цѣли и исходной точки. Не уклониться бы и намъ отъ пути праваго, и вмѣсто добра довѣрчивому дѣтству не привить бы зла! Ибо будетъ время, когда всѣ станемъ предъ лицемъ Судіи: какъ бы въ ту пору не пришлось намъ услышать отъ безмолвныхъ нынѣ дѣтей укорнаго вопроса: «а вы насъ не тому учили, или: а вы этому не учили!»... Аминь.

27 Іюля,

1859 г.

V.

НА УСПЕНІЕ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ,—ВЪ САРОВСКОЙ ОБИТЕЛИ.

Нынѣ празднуемъ Успеніе Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи. Но вѣдь это была смерть Богоматери—истинная, подобная смерти всякаго человѣка. Чего же ради она наименована Успеніемъ, какъ-бы заснутіемъ или сномъ? Это могло быть и потому, что Пречистая не долго была держима въ узахъ смерти и области *тлѣнія*, а чрезъ три дня обрѣтена воскресшею, подобно Сыну своему, Господу Іисусу Христу, но наче потому, что смерть сія была мирна, тиха, сладостно пріятна, подобно желанному покойному сну, по утомленіи тѣла дневными трудами.

Но не такова же ли должна быть и наша смерть? Да. Пресвятая Богородица есть Мать наша, мы — дѣти. Она предшествуетъ, мы должны послѣдовать за Нею. И вотъ намъ празднующимъ день Успенія — урокъ отъ Успенія: годъ отъ году приближаясь къ смерти—всячески заботиться о томъ, чтобъ смерть наша была не терзательнымъ и мятежнымъ отторженіемъ души отъ тѣла, а мирнымъ и безмятежнымъ исходомъ изъ сего міра въ другой,

подобно тихому и покойному засыпанію.... Спрашивается: какъ сего достигнуть и что требуется для сего съ нашей стороны?

Смерть не есть уничтоженіе, а переходъ изъ сего земнаго жилища въ другое. Но когда—возмемте примѣръ изъ обычной жизни,—когда изъ одного мѣста въ другое переходятъ не только съ душею покойною и мирною, но и радостно? Тогда, когда не бываютъ ни къ чему привязаны въ томъ мѣстѣ, изъ котораго выходятъ,—и того мѣста, въ которое переходятъ не только не страшатся, но и всячески желаютъ, ради чаемыхъ въ немъ утѣшеній и пріятностей. Расположимся же подобно сему и относительно смерти,—и мы встрѣтимъ ее не только безъ скорби и страха, но и съ радостнымъ желаніемъ... Именно—

1) Погасимъ въ себѣ всякое пристрастіе къ тѣлу и всему тѣлесному, къ землѣ и всему земному. Ибо, когда ничто не привязываетъ на землѣ,—откуда будетъ скорбь при оставленіи ея? Какъ свободно и легко отдѣляются одна вещь отъ другой, когда онѣ не связаны и не склеены, а только приложены другъ ко другу: такъ легко будетъ отдѣленіе души отъ тѣла, когда въ ней не будетъ привязанности къ тѣлу и когда она пребывая въ тѣлѣ, не по тѣлу жительствуетъ. Странникъ, идущій къ своему назначенію, спокойно и охотно оставляетъ мѣста, гдѣ останавливается. Почему? Потому, что не успѣваетъ къ нимъ привязаться,—что они для него чужія. Такъ и когда сердце наше будетъ считать чужимъ себѣ все земное, намъ не будетъ затрудненія перейти въ другую жизнь.

Конечно, намъ нельзя быть безъ нѣкоторыхъ вещей, или даже многихъ вещей. Но можно такъ расположить къ нимъ свое сердце, что съ ними также легко будетъ разстаться, какъ скинуть ненужную намъ одежду. Объ этомъ и позаботимся. Трудновато сіе? Да.. . но можно сдѣлать сіе не вдругъ, а мало по-малу. Какъ врагъ опутываетъ душу пристрастіями земными? — Навязывая ихъ одно за другимъ, подобно тому, какъ паукъ опутываетъ попавшіяся въ сѣти насѣкомыя, на-

брасывая на нихъ паутинку за паутинкою. На оборотъ—кто хочетъ выпутаться изъ сихъ сѣтей, пусть ухитряется дѣйствовать противоположно тому — отсѣкать одни пристрастія за другими, начиная съ меньшихъ и доходя до бóльшихъ. Какъ завязшій въ тину выдергиваетъ членъ за членомъ, пока совсѣмъ освободится: такъ станемъ отсѣкать пристрастіе за пристрастіемъ, пока станемъ совершенно свободными. Если употребимъ такой трудъ, то къ часу смертному можемъ быть совсѣмъ уже отрѣшены отъ всего и готовы безъ скорби оставить землю и все земное, ожидая только мановенія Божія.

2) Но не одни пристрастія земныя могутъ возмущать покой души въ часъ смерти. Не менѣе тревожитъ и страхъ,—какъ явиться на тотъ свѣтъ, гдѣ надо стать предъ лице Бога—Судіи праведнаго, очи Котораго свѣтлѣе солнца—все проникаютъ, и все видятъ, а у насъ много грѣховъ. Какъ тому, кто знаетъ чтò за собою, страшно идти къ начальнику, и тѣмъ болѣе къ царю: такъ страшно грѣшному предстать предъ Бога, такъ страшно, что, по слову Божію, они бываютъ въ необходимости кричать: горы, падите на ны! Причина сему-грѣхи, оскорбляющіе Бога. Потому, желаетъ ли кто безъ страха встрѣтить смерть и покойно перейти на тотъ свѣтъ, пусть позаботится о томъ, чтобы быть безгрѣшнымъ, или если уже нагрѣшилъ, пусть сдѣлаетъ, чтобы грѣхи сіи не послужили ему въ осужденіе. Какъ это сдѣлать? Искреннимъ покаяніемъ и рѣшимостію—не нарушать болѣе заповѣдей Господнихъ. Кто грѣшилъ—впередъ не грѣши, а о прежнихъ грѣхахъ принеси покаяніе. Покаяніе и сокрушеніе о грѣхахъ съ исповѣдію и обѣщаніемъ не грѣшить болѣе—изглаждаютъ грѣхи отвсюду, гдѣ они печатлѣются—изъ существа нашего, изъ всего окружающаго,—и даже изъ памяти Божіей и дѣлаютъ кающагося грѣшника неповиннымъ предъ лицемъ Бога праведнаго, облекая его одеждою оправданія, заемлемою отъ ризы Господа, ради насъ пострадавшаго.... Разрѣшеніе священническое раздираетъ рукописаніе грѣховъ, а раздранное рукописаніе теряетъ всю свою силу, по волѣ самого Судіи, Кото-

рый сказалъ: *елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ* (Мѳ. 18, 18.). Увѣренность въ семъ исполняетъ сердце грѣшника благонадежіемъ, и хотя онъ знаетъ, что грѣшилъ, но идетъ предъ Судію безъ трепета, зная, что его приходъ туда предварило уже оправданіе, или что тамъ при Судіи есть и Ходатай, готовый заступиться за него.... Ибо *аще кто согрѣшитъ, Ходатая имамы ко Отцу Іисуса Христа Праведника* (1 Іоан. 2, 1.). Еслибъ какой преступникъ увѣренъ былъ, что за него заступится наслѣдникъ престола, голосъ коего силенъ у царя, то безъ боязни шелъ бы къ царю, какое бы преступленіе ни сдѣлалъ. Такъ безъ страха и смущенія можетъ являться предъ Судію Бога и грѣшникъ,—покаявшійся; ибо тамъ за него заступится единородный Сынъ Божій, грѣхи наши взявшій на Себя и вознесшій на древо, и сказавшій: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененные* грѣхами, *и Азъ упокою вы* (Мѳ. 11, 28.). Такъ кто хочетъ покойно умереть, покайся и впередъ не грѣши...

3) Если за тѣмъ къ симъ двумъ расположеніямъ, т. е., отрѣшенію отъ всего земнаго и покаянію, присоединимъ еще возжеланіе благъ будущихъ, то смерть нами встрѣчена будетъ не только безъ скорби и страха, но и съ охотою. Охотно иной оставляетъ домъ, когда въ немъ сыро, или печи дымятъ, или кровля худа.... Иной, хотя и не встрѣчаетъ въ домѣ такихъ непріятностей, охотно переходитъ въ другой домъ ради того, что предполагаетъ въ немъ найти болѣе удобствъ и выгодъ житейскихъ. Такъ, когда мы умомъ постигнемъ и сердцемъ ощутимъ съ одной стороны скудость и ничтожность благъ здѣшнихъ, съ другой—высоту и необъятность благъ, ожидающихъ насъ въ другомъ мірѣ, то не только съ охотою, но съ сильнымъ устремленіемъ будемъ желать перехода изъ сего міра въ другой, подобно Ап. Павлу, который говорилъ о себѣ, что сильно желалъ разрѣшиться и со Христомъ быть, и Пречистой Владычицѣ, которая каждое утро ходила на гору Елеонскую, (гдѣ потомъ на краткій срокъ положено было и тѣло Ея) и молила Божественнаго Сына своего, чтобъ поскорѣе взялъ

Ее отсюда и далъ возможность зрѣть красоту лица Его... въ селеніяхъ небесныхъ. Душа, постигшая что̀ значитъ жизнь здѣшняя и жизнь въ другомъ мірѣ, будетъ воздыхать о сей послѣдней, какъ плѣнный воздыхаетъ объ отечествѣ, странникъ о родномъ домѣ и сидящій въ темницѣ о свободѣ.... и съ немалымъ желаніемъ призывать къ себѣ смерть, какъ избавительницу, благодѣтельницу и утѣшительницу. Спросите,—какъ возвесть душу къ таковому настроенію?—Можно размышленіемъ о ничтожествѣ благъ земныхъ и величіи благъ небесныхъ, а вѣрнѣе всего—ощущеніемъ горечи всего земнаго и вкушеніемъ сладости небеснаго. Ибо тогда выйдетъ то, что вкусивъ сладкаго, не захотятъ горькаго—отвратятся отъ послѣдняго и возжелаютъ перваго. Или еще лучше: тогда душа будетъ бѣжать изъ сей жизни въ другую, какъ бѣгутъ изъ душной комнаты на свѣжій воздухъ.

Вотъ и все, что̀ нужно намъ, чтобъ умереть спокойно. — Не имѣть пристрастія къ здѣшнему, совѣсть очистивъ — жить добродѣтельно,—воспитать въ себѣ сильное желаніе благъ вѣчныхъ. Первое и послѣднее придутъ сами собою, когда будетъ главное, т. е., чистая совѣсть и добрыя дѣла.

Братія и отцы! Знаемъ, что среди всего невѣрнаго на землѣ одно несомнѣнно вѣрно — то, что мы умремъ... и что смерть будетъ для насъ или горька и мучительна, или отрадна и сладостна. Не явимъ же себя врагами себѣ, неразумно огорчая переходъ свой изъ сей жизни въ другую — тогда, какъ обладаемъ всѣми способами къ тому, чтобы усладить его. Нынѣ или завтра смерть—будемъ готовы! *Се гряду скоро*, говоритъ Господь (Апок. 22, 12.). Малый, ради сего, подъятый трудъ—вѣчною радостію вознагражденъ будетъ. А хоть бы пришлось и большой понесть трудъ и пострадать, это—не въ убытокъ... Ибо *недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Рим. 8, 18.). Аминь.

1859 г.

VI.

НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА ВЪ ТЕМНИКОВСКОМЪ ДѢВИЧЬЕМЪ МОНАСТЫРѢ.

Такъ нынѣ завершились труды ваши и ваши заботы объ устроеніи благопотребнаго вамъ другаго храма.—Благодареніе Господу и о семъ дарѣ!—Говорю—дарѣ: ибо хотя и вамъ не мало было дѣла, но что̀ могли вы сдѣлать, еслибъ не Господь! Въ нечаянныхъ пособіяхъ, да и во всемъ другомъ не осязалиль вы сами близкой, благодѣющей руки Его? Исповѣдуя же даръ, что воздадимъ Господеви—Благодателю? Воздадимъ должное, по намѣренію Его, употребленіе дара, именно:—

1) Храмъ устроенъ не для того, чтобъ быть только внѣшнимъ—пустымъ свидѣтелемъ благочестія, но для того, чтобъ быть всегда полну тѣми, для кого назначается. А это налагаетъ на васъ обязанность неопустительно бывать въ семъ храмѣ на всѣхъ положенныхъ уставомъ службахъ. Давъ обѣтъ работать Господу въ трудахъ подвижническихъ и молитвенныхъ, вы, конечно, и не намѣрены поблажать своей въ семъ отношеніи лѣности. Но да не искусятъ васъ какіе нибудь благовидные прилоги... Обычные у подобныхъ вамъ труженицъ. Да не искуситъ васъ, *во 1-хъ*, позывъ—опустить ту или другую Божественную службу,—по нуждѣ закончить требуемую работу. Помните, что работы не бываютъ благопоспѣшны,

когда нѣтъ на нихъ благословенія Божія, а сіе благословеніе надо привлечь и низвесть съ неба... Чѣмъ же и гдѣ? Молитвою во храмѣ. Когда испрошено благословеніе, то одинъ часъ замѣнитъ трудъ цѣлаго дня; тогда какъ безъ него все рвется и путается,—и день проходитъ даромъ. На это вы сами уже, думаю, имѣете не мало опытовъ. Не дѣлайтесь же сами себѣ навѣтницами!—

Да не искуситъ васъ, *во 2-хъ*, льстивое помышленіе — остаться въ келльи, когда другія идутъ въ храмъ—изъ желанія поусерднѣе помолиться уединенно отъ другихъ... Развѣ нѣтъ для уединенной молитвы другаго времени, кромѣ часовъ, назначенныхъ для общей молитвы? Тогда и молитесь — однѣ. А на общую, уставомъ положенную службу, всегда надо ходить... Тутъ въ собраніи молитва бываетъ теплѣе и усерднѣе и всегда плодотворнѣе. Гдѣ два или три собрани во имя Мое, (Мѳ. 18, 20.) говоритъ Господь, тамъ и Азъ посредѣ... а гдѣ Господь, тамъ всякое духовное благо... Какъ жаль, что иныя сами себя лишаютъ сего сокровища! Не бываетъ ли и такъ, что иныя, оставшись въ келльи, и общую молитву пропускаютъ, и дома не успѣваютъ помолиться, и такимъ образомъ дѣлаютъ два зла—порядокъ нарушаютъ и себѣ вредъ причиняютъ... Потому—не лучше ли однажды навсегда — положить себѣ за правило: никогда не поблажать таковому помыслу?

Да не искушаетъ васъ, *въ 3-хъ*, и та поблажка, по которой приходятъ въ церковь не къ началу службъ, или выходятъ прежде окончанія ихъ. — Помните, что всякая служба есть одно цѣлое,—и только въ цѣломъ своемъ составѣ совершенную доставляетъ пользу. Какъ пища тогда только и вкусна, когда она имѣетъ всѣ приправы, такъ и служба тогда только удовлетворяетъ вполнѣ духовный вкусъ, когда прослушается вся сполна. Слѣд. кто пропускаетъ начало ея или не достаиваетъ ее до конца, тотъ и трудится, и самъ же себя лишаетъ плода трудовъ, или одною рукою созидаетъ, а дру-

гою—разоряеть. И такъ создавъ, украсивъ и освятивъ храмъ сей, и ходите въ него неопустительно, отвергая всякіе пустые предлоги,— и это *первое.*

2) И въ храмъ ходить надобно не кое-какъ, а какъ должно. Ибо можно всегда ходить во храмъ,—не на похвалу однакожь, а на осужденіе себѣ—ходить и никакой отъ того не получать пользы духовной. Все сюда относящееся можно совмѣстить въ слѣд. правилахъ: съ первымъ ударомъ колокола надо бросить всякое дѣло и готовить душу свою къ церковной молитвѣ: прочитываніемъ: Богородице, Дѣво, радуйся.., или: Царю небесный.., Отче нашъ.., или другой какой либо молитвы; подходя ко храму, у порога его надо оставить всѣ заботы и попеченія о дѣлахъ, чего бы они ни касались, чтобъ невозмущенною мыслію войти внутрь. Вступая въ церковь, надо облечься, какъ одеждою, благоговѣніемъ, помня, къ кому приходимъ,—и къ кому намѣрены обращаться въ молитвѣ; въ храмѣ занявъ мѣсто свое — лучше всего всегда одно и то же,—надобно собрать мысли во едино и стать умомъ предъ лице Господа вездѣсущаго, принося Ему благоговѣйное поклоненіе тѣломъ и духомъ въ сердцѣ сокрушенномъ и смиренное припаданіе; послѣ сего—надо съ мыслію неразвлеченною слѣдить за всѣмъ что дѣйствуется — что поется и читается въ церкви,—и это до самаго конца службы. Вотъ и все! Поступая такъ, не будемъ скучать въ церкви, — озираться туда и сюда и заводить разговоры, и не будемъ желать, чтобъ скорѣе кончилась служба. Ибо тогда переходя отъ одного молитвеннаго чувства къ другому,—и отъ одного благоговѣйнаго помышленія къ другому, мы будемъ походить на тѣхъ, кои въ саду благоуханномъ переходятъ отъ одной группы цвѣтовъ къ другой; въ слѣдствіе чего духовная теплота—плодъ внимательной молитвы,—исполнитъ сердце наше невыразимою сладостію, которая не даетъ замѣтить тѣлеснаго въ стояніи труда,—и содѣлаетъ краткою всякую службу.—Напротивъ невнимательный къ тому, что совершается въ церкви,—мечтаетъ

о пустыхъ вещахъ и дѣлахъ; — но и симъ дѣламъ не помогаетъ, и время молитвенное губитъ по-пустому,—самъ себя разстроиваетъ и лишаетъ плода молитвы—готоваго, который самъ, такъ сказать, дается въ его руки... Да избавитъ васъ Господь отъ грѣха сего!

3) Пользуясь, такимъ образомъ, какъ слѣдуетъ—службами церковными, мы мало-по малу будемъ достигать и того главнаго, чего ради даются намъ сіи видимые храмы, — именно непрестанной, въ сердцѣ совершаемой умно, молитвы Богу, которая содѣлываетъ сердце наше храмомъ Богу нерукотвореннымъ... Заповѣдь о сей молитвѣ преподана намъ св. Апостолами; о ней была вся забота и у всѣхъ святыхъ подвижниковъ... И намъ будетъ стыдно,—если, устроивъ сей храмъ вещественный, не позаботимся объ устроеніи храма невещественнаго... для котораго собственно и существуетъ вещественный. Что пользы имѣть орудіе и не умѣть имъ дѣлать то, для чего оно устрояется?.. Кто неопустительно бываетъ на всѣхъ службахъ и слушаетъ ихъ какъ должно, — тому легко достигнуть сего неоцѣненнаго блага духовнаго... Не много еще нужно приложить ему къ сему труду неопустительнаго хожденія въ храмъ, именно—приложить заботу о томъ, чтобъ сохранить неугаснувшею теплоту сердца, возбужденную въ храмѣ, — чрезъ храненіе вниманія, которымъ была осѣнена здѣсь душа. А для сего — возлюбить уединенное сидѣніе въ келліяхъ (исключая нужныхъ работъ),—частое поклоненіе Господу предъ иконами... прочитываніе по временамъ слова Божія, отеческихъ писаній,—а главное—пріобрѣсть навыкъ творить непрестанно краткую, но сильную молитву: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя... По мѣрѣ такихъ трудовъ душа все болѣе и болѣе будетъ осѣняться благодатнымъ присутствіемъ Божіимъ, которое и умъ возведетъ къ Богу и сердце исполнитъ сладостными воздыханіями: что и есть непрестанная молитва.

Сего дара Божія, какъ воздаянія за вашъ трудъ, паче все-

го желаю вамъ... Создавъ храмъ сей и украсивъ, да созиждетеся и сами въ жилище Божіе духомъ—въ храмъ духовенъ—возносити жертвы благопріятныя Богови Іисусъ-Христомъ... (1 Петр. 2, 4—5.) Аминь.

17 Августа,

1859 г.

VII.

ВЪ Г. МОРШАНСКѢ,—ВЪ СОБОРѢ.

АПОСТ. ЗАЧ. 258.

Въ первое мое съ вами общеніе, не нахожу лучшаго слова, съ какимъ бы обратиться къ вамъ, какъ то, которое всѣмъ намъ нынѣ предложено въ Апостольскомъ чтеніи отъ лица св. Апостола Павла. Не многословенъ содержащійся въ немъ урокъ, но многозначителенъ, — и особенно для всѣхъ насъ утѣшителенъ, удостовѣряя насъ, что путь, которымъ идемъ, и образъ житія и дѣйствованія, коимъ чаемъ спастися, суть тѣ самые, кои прописаны и указаны еще Апостолами, слѣд. столько же истинны, сколько истиненъ самъ Богъ.

Въ этомъ вы сами убѣдитесь, если вмѣстѣ со мною прослѣдите содержаніе нынѣшняго Апостола.

Здѣсь св. Апостолъ Павелъ, похваливъ Колоссянъ за то, что одни изъ нихъ оставя Іудейскія мечты, а другіе—Еллинскія заблужденія, сдѣлались Христіанами, указываетъ потомъ, что имъ, какъ Христіанамъ, надлежитъ дѣлать, какъ поступать и какъ вести себя... И—именно:

1) *Облецытеся,* говоритъ, *во утробы щедротъ, благость, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе, прощайте,* если кто

имѣетъ что на другаго, миръ да водворяется въ сердцахъ вашихъ, благодарни бывайте... надъ всѣми же стяжите любовь, яже есть союзъ совершенства, т. е. Апостолъ указываетъ свойственныя Христіанамъ чувства и расположенія, равно какъ и соотвѣтственныя имъ дѣла.

2) Далѣе присовокупляетъ: *слово Христово да вселяется въ васъ богатно.*—Слово Христово, т. е., ученіе о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ,—какъ Онъ, единъ сый Святыя Троицы, пришелъ на землю, чтобъ спасти насъ падшихъ, какъ воплотился, училъ, чудодѣйствовалъ, страдалъ... воскресъ, вознеся на небо, сѣлъ одесную Бога Отца и низпославъ Св. Утѣшителя Духа на св. Апостоловъ, и ими основалъ и учредилъ на землѣ св. Церковь, и вообще—слово Христово есть все ученіе Христіанское.—*Да вселяется въ васъ богатно*, т. е. да исполнитъ вашъ умъ, чувство, волю, все существо ваше...

3) Наконецъ внушаетъ Апостолъ: *исполняйтеся духомъ, глаголюще себѣ во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣсньхъ духовныхъ, во благодати поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви.* Псалмы, пѣнія и пѣсни духовныя—означаютъ весь чинъ молитвованій и послѣдованій церковныхъ: св. таинства, порядокъ повседневныхъ службъ и всѣ освятительныя дѣйствія и молитвы, совершаемыя въ Церкви законнымъ священствомъ.

Сведите все сіе во едино—и выйдетъ, что св. Апостолъ Павелъ какъ-бы такъ сказалъ Колоссянамъ: вотъ вы стали Христіанами, смотрите же твердо держите ученіе Христово, или исповѣданіе св. вѣры и укрѣпляясь благодатію Божіею, подаемою въ св. таинствахъ и возгрѣваемою священнодѣйствіями и молитвованіями церковными, идите неуклонно путемъ заповѣдей Христовыхъ подъ руководствомъ законныхъ Пастырей и Учителей.

Вотъ чему училъ Апостолъ Колоссянъ!.. Но вѣдь это то же самое, что и теперь дѣйствуется въ насъ, то же самое, чѣмъ и мы чаемъ спастися. Ибо смотрите, что мы творимъ?.. Молимся дома и въ храмы Божіи собираемся для молитвы, освящаемся таинствами, и пріемлемую въ нихъ благодать воз-

грѣваемъ церковными священнодѣйствіями... Т. е., мы ревнуемъ о томъ, чтобы исполняться Духомъ, глаголюще себѣ, по Апостолу, во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснѣхъ духовныхъ.

Далѣе—и дома частно, и въ храмахъ торжественно изъявляемъ исповѣданіе св. вѣры, читая Символъ вѣры, который есть сокращеніе всего ученія Христіанскаго; слушаемъ и читаемъ слово Божіе и отеческія писанія, читаемъ другія душеспасительныя книги и сами размышляемъ объ истинахъ спасенія... Т. е., что мы дѣлаемъ? Заботимся о томъ, чтобъ слово Христово вселялось въ насъ богатно.

Наконецъ—въ жизни, посильно печемся о томъ, чтобъ быть кроткими, смиренными, щедрыми, мирными, любовными... Печемся, т. е., исполнить сердце свое чувствами и расположеніями Христіанскими... какія указаны Апостоломъ и какія пространно излагаются въ ученіи о заповѣдяхъ десятословія и заповѣдяхъ блаженственныхъ.

Слѣд. тотъ образъ исповѣданія вѣры, который мы содержимъ, тотъ образъ жизни, которымъ водимся, тотъ образъ освященія, который пріемлемъ, — вообще путь спасенія, коимъ течемъ—есть тотъ самый, который водворенъ на землѣ Апостолами и отъ нихъ другъ-друго-пріимательно дошелъ до насъ и среди насъ пребываетъ безъ всякаго измѣненія—безъ прибавленія и убавленія.

Какое великое утѣшеніе! — Стало быть неложна надежда спасенія, коею питаемся, нелицемѣрно дерзновеніе предъ Богомъ и людьми, коимъ мы воодушевляемся, необманчиво чувство правоты нашей, коимъ исполняемся!—Воздадимъ же 1) благодареніе Господу, такъ о насъ благоволившему, воздадимъ благодареніе за то, что мы и раждаемся и воспитываемся и состарѣваемся въ нѣдрахъ единой св. Церкви, содержащей полную истину, Имъ самимъ на землю принесенную... безъ особенныхъ съ нашей стороны усилій... воздадимъ благодареніе и за эту увѣренность, что стоимъ въ истинѣ, что идемъ прямымъ путемъ, — что неложенъ образъ спасенія, коего держимся... Ибо, братіе, на землѣ нѣтъ утѣшенія болѣе того,

какое подаетъ убѣжденіе, что единый истинный Богъ, (кромѣ котораго нѣтъ другаго бога), есть нашъ Богъ, что сей Богъ благоволитъ насъ считать Своими людьми, Своими сынами и дщерями... и что мы образомъ своего исповѣданія,— своей жизни и благочестія не оскорбляемъ Его, а благоугождаемъ Ему, не отходимъ отъ Него, а болѣе и болѣе приближаемся къ Нему...

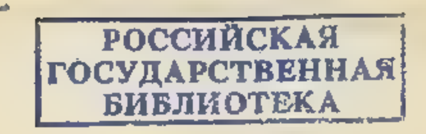
2) Сознавая же все сіе, положимъ себѣ закономъ—свято хранить св. вѣру нами исповѣдуемую, содержа неизмѣнными и образъ исповѣданія, и образъ освященія, и образъ житія, намъ Церковію предписанный,—не поддаваясь тѣмъ, кои имѣли несчастіе отпасть отъ ней, — заблудиться и закоснѣть въ семъ заблужденіи,—тѣмъ, т. е., у которыхъ не только не достаетъ освятительныхъ таинствъ и молитвованій, но и самое исповѣданіе вѣры неистово, какъ Молокане,—и тѣмъ, у которыхъ хотя исповѣданіе вѣры и не совсѣмъ испорчено, но которые, не пріемля истиннаго священства, сами себя лишаютъ св. таинствъ и слѣд. благодати Божіей, коей нельзя получить иначе, какъ чрезъ таинства, каковы раскольники. Ибо ни тѣ, ни другіе не содержатъ истиннаго образа спасенія, указаннаго всѣмъ намъ Апостоломъ...

3) Но оставимъ ихъ благости Божіей... моляся о нихъ, да просвѣтятся умы ихъ, омраченные ложью,—и умягчатся сердца ихъ, ожесточенныя упорствомъ въ заблужденіи... Сами о себѣ паче и паче попечемся, чтобъ, и содержа истинный образъ спасенія, не оказаться намъ неспасенными, — будемъ т. е. свято исполнять все необходимое для спасенія... Ибо бываетъ же, что иной лежитъ въ доброй врачебницѣ и не лишенъ должнаго попеченія, а однакожъ не уврачевывается... Отъ чего?— Отъ того, что не все сполна, и не все какъ должно,—исполняетъ, что̀ предписываетъ ему врачъ... Такъ можетъ случиться и съ нами... что принадлежа истинной Божіей Церкви,— сей единой врачевательницѣ нашей... не получимъ исцѣленія немощей душевныхъ, и слѣд. не спасемся, когда не станемъ исполнять всего, что предписывается Церковію,—и исполнять

такъ, какъ предписывается... — Что пользы, что иной предъ глазами имѣетъ чистый кладязь, а для утоленія жажды беретъ воду изъ другаго мутнаго и нездороваго источника?.. И намъ не будетъ пользы, если, превитая во дворѣ дома Божія—св. Церкви, гдѣ обильная источается вода спасенія,—семью потоками изливаясь на всѣхъ,—мы не будемъ пользоваться ею, а обратимся къ другимъ кладенцамъ,—сокрушеннымъ и безводнымъ или содержащимъ гнилую воду... Что же именно сотворимъ? То, что заповѣдалъ Апостолъ: содержа св. исповѣданіе вѣры, и укрѣпляясь благодатію Божіею, подаемою въ таинствахъ и возгрѣваемою священнодѣйствіями и молитвованіями церковными, будемъ ходить по заповѣдямъ Евангелія и уставу св. Церкви, подъ руководствомъ законныхъ Пастырей и Учителей,—ходить неуклонно,—безъ опущеній и прибавленій, безъ лѣности и ложныхъ извиненій... въ простотѣ сердца, какъ предъ Господомъ-Сердцевѣдцемъ, все видящимъ, и за все имѣющимъ воздать сторичнымъ воздаяніемъ.

Вотъ о чемъ судилъ я напомнить любви вашей и вашему благочестію — въ первый мой къ вамъ приходъ, — напомнить только... ибо увѣренъ, что все то, не иначе издавна содержите всѣ вы... и симъ образомъ печетесь посильно жительствовать и спасать души свои... напомнить для того только, чтобъ, по Апостолу, симъ напоминаніемъ возгрѣть сердца ваши съ неослабною ревностію продолжать совершаемое теченіе,—молясь Щедродавцу Богу, чтобъ начавъ въ васъ дѣло Свое — Онъ и совершилъ е... и представилъ васъ чистыми и неповинными въ день Христовъ, во славу всесвятаго имени Своего. Аминь.

1 Сентября,
1859 г.

VIII.

ВЪ ЧЕТЫРНАДЦАТУЮ НЕДѢЛЮ ПО ПЯТЬДЕСЯТНИЦѢ.

Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею мыслію твоею. (Матѳ. 22, 37.)

Кажется для чего бы намъ и давать заповѣдь о любви къ Богу.—Спросите, кого угодно, всякой скажетъ, что онъ любитъ Бога,—и ни у кого не повернется языкъ сказать, что онъ нé любитъ Его. Притомъ, чувство любви столько сладостно и отрадно, что всякой и самъ, изъ желанія себѣ мира и утѣшенія духовнаго, позаботится образовать его въ себѣ.

Не смотря однакожъ на сіе, заповѣдь о любви къ Богу прописывается намъ Господомъ и святыми Апостолами не разъ и не два... а почти на каждой страницѣ св. писанія и притомъ съ такою настойчивостію, что кто не любитъ Господа—да будетъ отлученъ—маран-аѳа, по Апостолу...

Значитъ, не смотря на всю естественность любви къ Богу, можно не любить Бога, когда Онъ Самъ заботится и внѣдрить въ насъ ее заповѣдію и оградить угрозами... Значитъ можно, и говоря, что любимъ Бога, не имѣть сей любви, и такимъ образомъ обманывать и себя и другихъ.

Такъ, Бр., можно.—Но вотъ что—и себя обольщать и другихъ обмануть мы можемъ, но самого Бога никогда не обманемъ. Онъ видитъ самыя сокровенности сердца, и потому, что видитъ, нѣкогда воздастъ каждому... Кому это Онъ скажетъ въ часъ суда... отойдите... не вѣмъ васъ?... Тѣмъ, кои не имѣли любви къ Нему, хотя думали, что имѣютъ ее, и отъ другихъ почитались имѣющими ее...

Какая горькая ошибка!—и тѣмъ болѣе горькая, что уже ее и поправить не будетъ тогда возможности. Такъ видите, Братіе, стоитъ труда дойти до увѣренности, есть ли въ насъ любовь къ Богу или нѣтъ. И если окажется, что ея нѣтъ, позаботимся стяжать ее, или оживить, если начинаетъ погасать, и усилить, если слабѣетъ. Ибо не любяй въ смерти пребываетъ. Войдемте же внутрь себя и осмотримся вокругъ, чтобъ собрать простые и близкіе ко всѣмъ признаки, по которымъ можемъ безошибочно судить о семъ.

1) Кто кого любитъ, у того только и рѣчей, что о своемъ любимомъ лицѣ или предметѣ; тотъ, съ кѣмъ бы ни случилось ему сойтись, или прямо начинаетъ говорить о немъ, или скоро склоняетъ на него взаимный разговоръ. — Такъ, кто Бога любитъ, тотъ о Немъ только охотно и бесѣдуетъ и къ Нему поспѣшно склоняетъ всякой разговоръ свой и, когда начнетъ говорить о Немъ, наговориться не можетъ: ему тамъ только и пріятно быть, гдѣ ведутъ рѣчи о Богѣ и дѣлахъ Его,—и скучно тамъ, гдѣ занимаются другимъ чѣмъ.—Напротивъ, кто не любитъ Бога, тотъ не заговоритъ о Немъ самъ и чуждается тѣхъ, кои любятъ говорить о Немъ. Тому пріятно бываетъ, когда говорятъ о дѣлахъ житейскихъ, торговыхъ, судебныхъ, военныхъ, пожалуй,—ученыхъ, только не по Божьему; тотъ охотно сидитъ тамъ, гдѣ занимаются новостями, модами, пересудами и бѣжитъ оттуда, гдѣ говорятъ о Богѣ и дѣлахъ Его. Тотъ бываетъ неистощимъ, когда говоритъ о чемъ пустомъ, суетномъ и мірскомъ, а когда дѣло коснется Бога и спасенія души, неохотно скажетъ слова два-три, и только, или даже и этого не скажетъ... Ибо отъ избытка сердца говорятъ уста.

Чѣмъ полно сердце, о томъ много и словъ.... Такъ посмотримъ,—каковы наши бесѣды,—и откроемъ—есть ли въ насъ любовь къ Богу или нѣтъ.

2) Кто кого любитъ, тотъ охотно спѣшитъ туда, гдѣ надѣется или встрѣтить самого любимаго и близкихъ къ нему, или получить вѣсть о немъ, или напасть на что, напоминающее о немъ. Такъ, кто любитъ Господа, тотъ охотно спѣшитъ въ храмъ Божій, гдѣ Господь являетъ особенное Свое присутствіе, гдѣ вѣрующіе вступаютъ въ ближайшее общеніе со Святыми Божіими, въ образахъ представляемыми очамъ ихъ, и слышатъ о Немъ слово. Кто любитъ Господа, тотъ съ желаніемъ ищетъ быть причастникомъ Св. Таинъ, ибо чрезъ то Богъ къ нему приближается, и онъ къ Богу; тотъ съ напряженіемъ силится пройти всю совокупность чиновъ и молитвованій церковныхъ, ибо въ нихъ обоняетъ онъ слѣдъ благоуханія Христова, тому сладко и тепло въ храмѣ, какъ въ домѣ Отца своего: тщательно внимаетъ онъ здѣсь всякому священнодѣйствію и молитвѣ, — и какъ охотно спѣшитъ къ началу службы, такъ съ нѣкоторою горестію переступаетъ порогъ церковный по окончаніи ея. А кто не любитъ Господа, того не зазовешь въ храмъ; когда другіе идутъ сюда, онъ спѣшитъ въ другое мѣсто, а если и заходитъ иногда сюда, то неохотно, не къ началу и не за тѣмъ, чтобъ помолиться; того только нужда или обычай и стыдъ заставляютъ какъ нибудь поговѣть и причаститься, а о другихъ постановленіяхъ или молитвованіяхъ и говорить нечего... Того холодомъ обдаетъ одна мысль о Церкви и о чемъ нибудь церковномъ. Посмотримъ же, каковы мы въ отношеніи къ Церкви и всему ея устроенію, и увидимъ—любимъ ли мы Господа или нѣтъ.

3) Кто кого любитъ, тотъ не выпускаетъ изъ головы своей помышленія о немъ, и, оставшись на-единѣ, мысленно бесѣдуетъ съ нимъ,—представляя и любезно лелѣя образъ его.— Такъ, кто любитъ Господа, тотъ не отступаетъ отъ помышленія о Немъ, и, какъ только улучаетъ свободу, мысленно обращается къ Нему, и тепло изъ сердца бесѣдуетъ съ Нимъ.—

Тотъ, послѣ законныхъ дѣлъ, требуемыхъ семействомъ, или службою, или промысломъ, не развлеченій ищетъ, а спѣшитъ уединиться, чтобъ побыть едину съ своимъ Господомъ,—чтобъ или Богомыслію предаться, или размыслить напр. о безпредѣльныхъ совершенствахъ Божіихъ, о домостроительствѣ нашего спасенія, о послѣдней участи нашей и проч., или стать на молитву и помолиться, или развернуть спасительную какую книгу, или освѣжить голову свою святыми, излагаемыми тамъ, истинами.—Напротивъ, кто не любитъ Господа, тотъ не любитъ оставаться одинъ, — и послѣ необходимыхъ дѣлъ спѣшитъ къ развлеченіямъ—на гулянья, или еще что хуже того. Если нужда заставитъ его остаться на-единѣ, то что дѣлаетъ онъ? бездѣйствуетъ, мечтаетъ о пустомъ, или строитъ козни, или читаетъ пустыя книги. — Осмотримся же, каковы мы въ семъ отношеніи, и увидимъ, любимъ ли Господа или нѣтъ.

Вотъ нѣсколько близкихъ къ намъ признаковъ любви, и нелюбви къ Богу! По о томъ и говорить нечего, что кто любитъ Господа, тотъ всячески печется угодить Ему исполненіемъ Его святой воли,—и той, что изречена въ заповѣдяхъ, и той, что всякому изъ насъ, кромѣ того, явлена бываетъ въ обстоятельствахъ жизни нашей. Ибо какая будетъ любовь къ Богу въ томъ, кто заповѣди Его не исполняетъ, а явно и сознательно нарушаетъ ихъ?.. Только въ томъ случаѣ можно видѣть любовь въ таковыхъ, когда нарушивъ какъ нибудь заповѣдь Божію, они тотчасъ приходятъ въ сокрушеніе и болятъ сердцемъ, что оскорбили Господа и спѣшатъ очистить грѣхъ покаяніемъ и обѣщаніемъ не грѣшить болѣе. А кто согрѣшивъ, не только не болитъ о томъ, но еще оправдываетъ себя, тотъ совсѣмъ почти погибшій человѣкъ!

Не буду распространяться болѣе... И этихъ признаковъ достаточно, чтобы увидѣть: есть ли въ насъ любовь или нѣтъ, и тѣмъ утѣшить себя, или озаботить душу свою. Если найдемъ, что у насъ есть любовь къ Богу, хотя въ начаткахъ,— возблагодаримъ Господа за то, что сію жизненную силу— Самъ Онъ началъ изливать въ сердца наши. А если найдемъ,

что мы холодны къ Богу, возболѣзнуемъ о томъ, и поспѣшимъ возгнести сей спасительный огнь... Какъ? — Храненіемъ всего того, что, какъ мы сказали, служитъ признакомъ любви къ Богу,—храненіемъ хотя неохотнымъ, принудительнымъ, самонасильственнымъ... и Господь поможетъ.—Дерево холодно само по себѣ, но когда начинаютъ тереть дерево объ дерево,— онѣ согрѣваются и даютъ пламя. Также, когда онѣмѣетъ какой нибудь членъ тѣла отъ холода или другаго чего,—начинаютъ тереть его, и возбуждаютъ въ немъ потерянное чувство.—Такъ и когда начнемъ мы тереть душу свою, охладѣвшую къ Господу, — хожденіемъ въ храмы, домашними молитвами, чтеніемъ спасительныхъ книгъ, бесѣдами назидательными, частымъ говѣніемъ и причащеніемъ св. Таинъ, не оставляя, при всемъ томъ, ни одного случая къ исполненію заповѣдей, то, вѣрно, умягчится окаменѣлое сердце наше, и начнетъ согрѣваться любовію къ Нему. Надобно только не пожалѣть себя, а понудить и понасиловать вначалѣ... Пройдетъ нѣсколько времени,—и то, къ чему не лежала душа, начнетъ ей быть пріятнымъ... и чѣмъ долѣе будемъ нудить себя, тѣмъ пріятнѣе и сладостнѣе будутъ дѣла тѣ, а потомъ возгорится и огнь въ сердцѣ, который преобразитъ душу нашу въ пламеннаго Серафима, непрестающею любовію горящаго къ Господу... Сего да сподобитъ всѣхъ насъ Тотъ, кто пришелъ на землю воврещи сей небесный огнь. Аминь.

13 Сентября,
1859 г.

IX.

НА ВОЗДВИЖЕНІЕ,—НА ТАМБОВСКОМЪ КЛАДБИЩѢ.

Слово крестное погибающимъ юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть. (1 Кор. 1, 25.)

Какую благую мысль вложилъ Господь въ сердцѣ здателей храма сего—посвятить его славѣ креста Своего? — Какъ это утѣшительно для живыхъ, и спасительно для отходящихъ? Какъ много пищи вѣрѣ доставляетъ это сочетаніе славы Крестовоздвиженія съ временнымъ покоищемъ праховъ нашихъ по отходѣ изъ сего житія? Припоминаю при семъ нашу многознаменательную икону Воскресенія!.. Тамъ изображается крестъ, который нижнимъ концемъ низпущенъ во адъ и своею поперечиною опирается о землю... По продольной части, низпущенной во адъ,—восходятъ праотцы наши—Адамъ и Ева... а за ними и другіе праведники, влекомые десницею Господа, стоящаго на другомъ концѣ. — Думаю, для васъ понятенъ смыслъ сего изображенія! Оно означаетъ, что Господь крестомъ Своимъ разрушилъ адъ и высвободилъ оттуда всѣхъ, до пришествія Его содержавшихся тамъ.

Стало быть крестъ Христовъ былъ лѣствицею восхожденія изъ ада въ рай для тѣхъ, кои жили до Господа Іисуса Христа... Что же онъ для насъ? Для насъ онъ есть лѣствица восхожденія на небо, тотчасъ по разрѣшеніи души отъ тѣла. Ибо нынѣ вѣрующіе во Христа Іисуса уже не низходятъ во адъ.—

Какъ же должно быть для насъ утѣшительно, что близкіе

къ намъ, оставляя міръ сей, не бываютъ поражаемы безвѣстностію пути въ новомъ своемъ состояніи, а срѣтаютъ его готовымъ тотчасъ,—и какъ сладка увѣренность, что того же утѣшенія можемъ быть не лишены и мы.

Такимъ образомъ, благодареніе Господу, все сіе для насъ устроившему. Для всѣхъ отходящихъ изъ сей жизни уготована лѣствица восхожденія на небо—именно—крестъ... но самымъ дѣломъ восходятъ по ней только тѣ, кои обыкли ходить подъ крестомъ въ настоящей жизни... Тѣ же, которые въ настоящей жизни не успѣли или не захотѣли ходить подъ крестомъ, какъ слѣдуетъ, никакой пользы не получатъ отъ того, что есть для отходящихъ отсюда лѣствица на небо. Ибо они или не найдутъ ее, или и нашедши не возмогутъ воспользоваться ею.

Послѣ сего сами можете вывесть урокъ, который внушаетъ намъ Крестовоздвиженскій храмъ—на кладбищѣ! Утѣшайтесь, какъ бы такъ говорится симъ, что по отшествіи изъ тѣла готовъ вамъ будетъ восходъ на небо—въ крестѣ; но вмѣстѣ позаботьтесь и о томъ, чтобъ подготовиться навыкомъ восходить по немъ, и подготовиться благоразумнымъ хожденіемъ подъ крестомъ въ продолженіи настоящей жизни.

При этомъ не воздохнулъ бы кто въ горести,—какъ быть? гдѣ взять крестовъ и какъ ходить подъ тяжестію ихъ? — Не безпокойтесь! — Господь зналъ, что безъ крестовъ намъ нѣтъ спасенія,—потому такъ устроилъ нашу жизнь, что мы бываемъ поминутно и со всѣхъ сторонъ обложены крестами. Остается только одно съ нашей стороны... воспринимать на себя и нести сіи кресты, какъ слѣдуетъ... Я вамъ укажу, какіе это кресты и какъ воспринять ихъ и нести.

Первый крестъ есть — горестное наше на землѣ сей пребываніе, исполненное скорбей, лишеній, неудовольствій, болѣзней и всякаго рода бѣдъ.—Вѣдь мы созданы для блаженства, но преступивъ заповѣдь, изгнаны изъ рая,—и вотъ несемъ епитимію временнаго пребыванія въ сей юдоли плача и сѣтованій... Никто не свободенъ отъ сего креста; но всякой воленъ—и обратить его въ цѣлительное себѣ врачевство,—и

отравлять имъ свою жизнь.—Чтобъ сего не случилось, вотъ что надобно... Надобно сіе состояніе считать заслуженнымъ, и говорить Господу искренно: не стою лучшаго; за тѣмъ оказывать себя, что сами виноваты во всемъ томъ, и наконецъ благодушно нести все скорбное. Только ходя такъ, подъ симъ крестомъ, мы получимъ дерзновеніе и по отходѣ отсюда восходить по кресту на небо.

Второй крестъ есть вся совокупность нашихъ слабостей и недостатковъ—душевныхъ и тѣлесныхъ, а паче всего совокупность страстей и неправыхъ чувствъ и расположеній нашего сердца. Богъ сотворилъ человѣка правымъ, но, внявъ совѣту змія, онъ принялъ въ себя сѣмя зла, которое извратило его добрую природу... не истребило ея, но привившись къ ней, стоитъ предъ лицемъ ея, какъ соблазнъ и искушеніе. Никто не свободенъ и отъ сего креста, и кто не знаетъ, какъ онъ безпокоенъ и скорбенъ? Тому, кто хочетъ обратить сей крестъ въ свою пользу, вотъ что надобно дѣлать!—Не поддаваться ни за что неправымъ влеченіямъ сердца; поддавшись нечаянно,—каяться и снова установлять себя въ бранное положеніе противъ страстей. Всякой отказъ страстнымъ требованіямъ, всякая побѣда надъ ними есть шагъ — подъ крестомъ и приготовленіе къ посмертному поступательному восхожденію по кресту въ рай.

Третій крестъ или образъ креста есть неизбѣжный для насъ трудъ и соединенныя съ нимъ тягота и терпѣніе въ исполненіи лежащихъ на насъ обязанностей. Нѣтъ ни одного человѣка, свободнаго отъ обязательствъ. Но исполненіе ихъ неизбѣжно требуетъ напряженія силъ и постоянства, или, что то же, труда и терпѣнія... Такимъ обр., терпѣніе въ постоянномъ исполненіи лежащихъ на насъ обязанностей, съ преодоленіемъ всѣхъ сопряженныхъ съ тѣмъ препятствій,—есть крестъ,—и вмѣстѣ то, какъ можно надлежащимъ образомъ имъ воспользоваться. Ты отецъ или мать, — терпи, исполняя обязанности отца и матери... Ты судья... терпи, исполняя долгъ

добросовѣстнаго судьи (о недобросовѣстномъ нечего говорить... тотъ самъ себя вѣшаетъ на крестъ въ пагубу). Ты учитель,— веди дѣла учительства съ неутомимостію... Ты купецъ—веди дѣла купечества, какъ слѣдуетъ... Такъ всякій, исполняя обязанности своего мѣста и званія,—встрѣтится съ терпѣніемъ и трудомъ, или, что то же, со крестомъ, который, неся благодушно, будетъ пріобрѣтать силу и къ загробному свободному восхожденію по кресту на небо.

Есть и еще множество другихъ крестовъ: есть крестъ умерщвленія суемудрія, крестъ распятія своеволія, крестъ отверженія всякихъ утѣхъ, или, въ совокупности все, крестъ строгаго самоотверженнаго житія; и, еще, выше всего,— крестъ Богопреданности,—когда замираетъ у человѣка всякое помышленіе объ устроеніи своей участи временной и вѣчной отъ преданія себя въ волю Божію.

Вотъ сколько крестовъ!... И это еще не все.... Да и зачѣмъ ихъ исчислять всѣ подробно.... Все дѣло относительно ихъ кратко—вотъ въ чемъ состоитъ:

Неси благодушно доставшуюся тебѣ долю,—и борясь мужественно со страстьми и похотьми, иди съ терпѣніемъ путемъ обязательныхъ для тебя дѣлъ, силясь достигнуть въ безмятежную область рѣшительнаго преданія себя въ волю Божію.

Симъ образомъ жительствуя, мы несомнѣнно пріобрѣтемъ силу и дерзновеніе къ безпрепятственному восхожденію по кресту на небо, по исходѣ изъ сего житія!.. Господь да умудритъ всѣхъ насъ сотворить такъ.—Ропщущій на свою участь, работающій страстямъ, лѣнивый на обязательныя дѣла, своеправный и суемудренный — тоже несутъ кресты, — но не во спасеніе себѣ... Да избавитъ насъ Господь отъ сего неразумія, въ которомъ, чая себя спасать, губимъ себя, не подозрѣвая козней врага, симъ образомъ опутывающаго насъ, и заранѣе подготовляющаго насъ въ жертву себѣ — въ другой жизни. Аминь.

1859 г.

X.

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ВЪ ЧЕСТЬ МУЧЕНИКА МАКСИМИЛІАНА, ВЪ ТАМБОВСКОМЪ МАРІИНСКОМЪ ПРІЮТѢ.

Пишется въ третьей книгѣ Царствъ: *и сотвори Соломонъ праздникъ въ той день и весь Израиль съ нимъ* (3 Царств. 8, 65). Это было въ день освященія построеннаго имъ храма! Въ подобныхъ обстоятельствахъ находимся нынѣ и мы. И у насъ храмъ оконченъ и совершенъ нынѣ освященіемъ,—храмъ, конечно, не столько великолѣпный совнѣ, какъ Соломоновъ, но большею исполненный благодатію внутри.—Законно потому творимъ нынѣ праздникъ духовный и мы, благодарныя принося пѣсни Господу—Совершителю сего дѣла.

Празднуйте же во первыхъ вы, здатели храма сего, и ради благополучнаго окончанія труда вашего, и ради того, что сей даръ вашъ не отвергнутъ Щедродавцемъ Богомъ, но принятъ въ Его благоволеніе, засвидѣтельствованное нынѣшнимъ Его благодатнымъ присѣщеніемъ сюда.

Да празднуютъ и учредители сего заведенія и попечители о немъ, потому что нынѣ только получило оно окончательное свое образованіе и стало дѣломъ совершеннымъ. Донынѣ оно было какъ бы безъ крова,—нынѣ оно окровлено особеннымъ

благодатнымъ покровомъ. Донынѣ здѣсь былъ прiютъ только для тѣла, — отнынѣ есть уже прiютъ для души — въ храмѣ семъ.

Празднуйте и вы—дѣти , или больше всѣхъ вы ,—потому что и заведенiе, и храмъ—для васъ. Празднуйте, радуясь, что милосердый Господь—единый покровитель, попечитель и прiютитель сирыхъ,—даровавъ вамъ другихъ отцевъ въ сихъ попечителяхъ вашихъ,—нынѣ Самъ благоволилъ приблизиться къ вамъ такъ осязательно и такъ близко.

«Благословите нынѣ Господа и вси раби Господни, стоящiи въ семъ храмѣ Господнемъ — во дворѣ сего дому Божiя (Пс. 133, 1)!

Но и только ли? Все это, кажется, уже и сдѣлано. Нѣтъ ли же еще чего недоконченнаго? — Есть, — и очень важное. Именно: надобно учредить въ семъ заведенiи такой порядокъ жизни, чтобъ при немъ наивѣрнѣе достигалась цѣль и назначенiе сего храма.—Храмъ назначенъ для дѣтей.—Надобно же сдѣлать, чтобы дѣти бывали въ немъ сколько можно чаще.

Послушайте же , дѣти!-Къ вамъ-слово мое!-Вы видѣли , какъ здѣсь простерта была завѣса, слышали слова совнѣ: *возмите врата, князи, ваша... и внидетъ Царь славы.* Внимали вопросу: *кто есть сей Царь славы,*—и отвѣту: *Господь силъ,*—*той есть сей Царь славы.* Видѣли затѣмъ, какъ завѣса разверзлась—и вниде Царь славы—Господь.—Здѣсь Онъ теперь пребываетъ съ нами,—и навсегда пребудетъ съ вами и со всѣми приходящими сюда. Ибо Самъ сказалъ: *будутъ очи Мои ту и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. 9. 3). Чаще же приходите сюда, дѣти, ко Господу, какъ къ Отцу вашему! — Имѣющiе родителей дѣти—утро и вечеръ являются къ нимъ и принимаютъ отъ нихъ привѣтъ любви и благословенiе благожеланiй.—У васъ или совсѣмъ нѣтъ, или нѣтъ съ вами здѣсь вашихъ отцевъ и матерей... Сюда приходите къ Господу, единому истинному Отцу вашему,—здѣсь утро и вечеръ творите Ему дѣтское поклоненiе, въ любви,—и отъ Него прiимете бла-

гословеніе и отеческое объятіе.—Это не уподобленіе, а самое дѣло. Охотно Господь допускалъ къ Себѣ дѣтей во время земной Своей жизни, запрещалъ мѣшать имъ приходить къ Себѣ,—и когда обступали Его дѣти, Онъ благословлялъ ихъ всѣхъ, возлагалъ руки Свои на нихъ, а иныхъ сверхъ того бралъ на руки къ Себѣ.—Но что̀ тогда дѣлалъ Онъ видимо, то̀ теперь дѣлаетъ невидимо; тогда прикасался къ тѣлу, а теперь прикасается къ душѣ.—Се отнынѣ Онъ присущъ съ вами въ храмѣ семъ—Онъ тойже во вѣки..... Приступите же къ Нему съ дѣтскою простотою! Онъ и васъ благословитъ; и васъ обыметъ дланями Своими—невидимо, хотя тѣмъ не менѣе дѣйствительно.—И вотъ замѣчайте, когда, присутствуя здѣсь и молясь, вы ощутите особую тишину и миръ въ себѣ,—вѣдайте, что это—Господь приближается къ вамъ. Усугубьте тогда молитву вашу и внимайте себѣ.—Вотъ зачинается въ душѣ легкое движеніе теплоты,—вотъ теплота растетъ все болѣе и болѣе,—и въ сердцѣ наконецъ возгарается огнь.—Вѣдайте, что это—Господь въ объятія Свои заключилъ душу вашу,—лелѣетъ ее и благословляетъ..... И душа не знаетъ себя отъ радости и веселія!

Вотъ за этимъ и приходите сюда чаще; ибо съ блаженствомъ отъ обыманій Господнихъ ничто на землѣ сравниться не можетъ. Приходите же.—Господь готовъ принять васъ; прострите и вы къ Нему руки душевныя—любовь, молитву, благоговѣйное желаніе Господа.... Не смотрите на то, что вы малы. Господь есть Богъ и васъ малыхъ, какъ и большихъ.—Подражайте въ семъ Матери Божіей. Ей было только три или четыре года, какъ родители Ея, Бого-отцы Іоакимъ и Анна,—привели Ее въ храмъ Господень и посвятили Господу.—И тамъ при храмѣ Она прожила потомъ неисходно до времени обрученія своего Іосифу, пребывая преимущественно въ церкви Божіей, въ молитвѣ и въ углубленіи въ слово Божіе.—И видите, чего сподобилась?—Быть Матерію Господа.... Прибѣгайте же и вы чаще въ храмъ сей и терпѣливѣе пребывай-

те въ молитвахъ вашихъ,—и вы сподобитесь—не того, конечно, чего сподобилась Матерь Божія,—но много—подобнаго тому. Отъ Нея vпостасно воплотился Господь,—а въ васъ невидимо вселится Онъ благодатію Своею и навсегда пребудетъ въ васъ, какъ сказалъ: *вселюся въ нихъ и похожду*. Видите, какое великое обѣтованіе! Тогда вы сами сдѣлаетесь храмами Богу,—и будете всегда носить Его въ сердцѣ своемъ.—Возжелайте же сего!—Матерь Божія,—Сама всю юность Свою проведшая въ храмѣ,—будетъ вамъ въ томъ помощницею. Приходите къ Ней сюда. Какъ Матерь вѣрующихъ, Она будетъ встрѣчать васъ здѣсь всякой разъ, какъ вы притечете сюда для изліянія молитвъ вашихъ предъ Господомъ.

Но чтоже это я все къ дѣтямъ обращаюсь?—Дѣти идутъ туда, куда ихъ ведутъ,—и такъ идутъ, какъ ихъ ведутъ.... Все лежитъ на васъ дѣтоводители.—Примите же на свой трудъ обязательное для дѣтей и дайте имъ возможность выполнять то свойственнымъ имъ образомъ. Помните слово Господа къ тѣмъ, кои почему-то не допускали къ Нему дѣтей... *Оставите дѣтей приходити ко Мнѣ и не браните имъ*; *таковыхъ бо есть царствіе Божіе* (Марк. 10, 14). Вѣрите ли, что потребность благочестія жива и сильна у дѣтей, хотя не осмыслена и не введена въ формы? Не заглушайте же сего ростка духовной-спасительной жизни допущеніемъ или учрежденіемъ для дѣтей такого порядка жизни и занятій, который бы отдалялъ ихъ отъ Церкви и отчуждалъ отъ нея.—Если допустите это, вы будете убивать душу прежде, чѣмъ она достигнетъ возраста, въ которомъ сама можетъ не бояться за себя, и не страшиться убивающихъ тѣло.

Вѣруете, что съ сего дня Господь здѣсь—особеннымъ Своимъ благодатнымъ присутствіемъ,—знаете, какъ Онъ желаетъ, чтобъ дѣти были приводимы къ Нему невозбранно... Приводите же ихъ сюда,—приводите во всякій свободный часъ. Я не могу представить ни одной основательной мысли, которою можно-бъ было оправдать отказъ въ этомъ дѣтямъ.—Тѣ, кои

въ то время хотѣли-было не допускать дѣтей къ Господу, могли представить въ свое извиненіе опасеніе обезпокоить Господа, или лишить другихъ утѣшенія слышать слово Его... Что вы скажете въ свое оправданіе?! Ужъ не то ли, какъ часто слышится, что высота дѣйствій вѣры выше понятій дитяти?! Но кто не знаетъ, что таинства вѣры пріемлются сердцемъ?—Если есть сердце у дѣтей, то есть пріятелище вѣры.—Да—есть,—и еще какое?! Такое, которое намъ самимъ ставится въ образецъ. *Аще не будете яко дѣти, не внидете въ царствіе Божіе.*—(Матѳ. 18, 3.) Прибавьте къ сему, что атмосфера храма, въ которомъ вмѣстѣ со всѣми его священнодѣйствіями осимволена вся вѣра наша,—атмосфера сія чиста, небесна, божественна! Кто же способенъ дышать и оживляться симъ воздухомъ?—Мы ли, избитые паденіями, израненные страстями, омраченные суетою, или эти невинныя души?! Не браните же имъ приходить сюда. Онѣ здѣсь— въ настоящей своей средѣ.—Съ другой стороны, какъ всякая другая жизнь возбуждается, развивается и зрѣетъ невидимо, сокровенно, неуловимо для наблюденія,—такъ и жизнь духовная зараждается и спѣетъ тайными путями—глубже нашего сознанія. Такъ въ сѣмени, брошенномъ въ нѣдра матери—земли, спитъ ростокъ.—Скажите, какъ возбуждается онъ къ жизни? Укажите этихъ сокровенныхъ возбудителей и пути, какими проникаютъ они къ сердцу сѣмени?—Тутъ участвуютъ—и солнце съ своею теплотою, и земля съ влажностію;—но главные ли они здѣсь дѣятели, или только проводники другихъ дѣятелей—никто сего опредѣлительно сказать не можетъ.—Вотъ и мы дышемъ, и дыханіемъ (въ связи съ другими условіями) поддерживаемъ въ себѣ огнь жизни. Кажется, тутъ ничего особеннаго нѣтъ, кромѣ механическаго движенія груди,—входа и выхода воздуха... Но между тѣмъ, подъ симъ видимымъ совершается невидимо для насъ втеченіе высшихъ живительныхъ стихій изъ атмосферы, которыя, проходя къ исходищамъ жизни нашей, освѣжаютъ, питаютъ

и усиливаютъ ее.—Такими же невидимыми наитіями возбуждается, развивается и зрѣетъ въ насъ жизнь духовная.—*Не приходитъ царствіе Божіе съ усмотрѣніемъ*, говоритъ Господь (Лук. 17, 20). Невѣдомо—какъ, то объемлетъ душу вѣяніе любви Божіей,—то освѣжаетъ ее дыханіе благоговѣйнаго страха Божія, какъ дыханіе утренней прохлады,—то оживляетъ движеніе теплоты сердечной;—но при сихъ только дѣйствіяхъ и живемъ мы духомъ.—Напрасно потому и въ семъ отношеніи хотятъ ограничить все вѣдѣніемъ. Нѣтъ... Для образованія и укрѣпленія жизни духовной—одно условіе: держать ее непрестанно подъ вліяніемъ дѣйствій, въ которыхъ сокрыты Божественныя силы, чтобъ пользоваться ихъ притеченіемъ и наитіемъ... Гдѣ же—все это? Здѣсь—въ храмѣ... Не браните же дѣтямъ приходить сюда...

Понимапіе св. вѣры и дѣйствій ея должно придти послѣ, какъ цвѣтъ по образованіи ствола, чтобъ принести потомъ зрѣлый плодъ сознательнаго благочестія. Ясныя понятія о предметахъ вѣры благотворны, когда, по образованіи своемъ въ душѣ, они найдутъ на дѣлѣ готовую уже жизнь благочестную: ибо тогда они освѣщаютъ ее сознаніемъ и тѣмъ еще болѣе дѣлаютъ ее прочною и несокрушимою.—Но что̀ въ сихъ понятіяхъ, когда они застанутъ образовавшуюся уже и окрѣпшую въ привычкахъ жизнь совсѣмъ имъ противоположную? Это будетъ пустоцвѣтъ, немогущій дать плода.—Когда понятія въ разладѣ съ чувствами, ихъ встрѣчаютъ недовѣріемъ, колеблютъ сомнѣніями и изгоняютъ отрицаніемъ. Этого ли хотите отъ трудовъ вашихъ? То есть, хотите ли напередъ уже разорять то̀, что̀ созидать только преднамѣреваетесь?

Боятся, обыкновенно, утраты времени.—Нерѣдко слышится: много у насъ положено, или предположено занятій, и нѣтъ свободныхъ часовъ для того, чтобъ ходить въ церковь.—Не лучше ли сказать, что не достаетъ не времени, а охоты и расположенія?... Будто порядокъ занятій не въ нашихъ рукахъ,—и будто въ самомъ дѣлѣ гдѣ-нибудь на свѣтѣ есть люди, такъ за-

нятые, что не только часовъ, даже минутъ не имѣютъ свободныхъ? Да и кто требуетъ много времени?... Ненужно.—Опредѣлите нѣсколько минутъ утромъ и нѣсколько вечеромъ для внятной молитвы съ пѣніемъ,—и довольно.—Но не считайте сего тратою времени. Напротивъ будьте увѣрены, что этою жертвою малаго времени вы успорите трудъ, и слѣдовательно много сбережется времени. Ибо что̀ болѣе всего нужно для успѣха въ какомъ-бы то ни было обученіи? Мирный духъ и вниманіе. Гдѣ же взять ихъ? Здѣсь—у престола Божія. Они низходятъ свыше отъ Бога мира. Пусть здѣсь утишатся чувства, умиротворятся мысли и освѣжатся души дѣтей.... И они несравненно больше успѣютъ въ тотъ день, нежели когда не побываютъ здѣсь.—А благословеніе Божіе развѣ ненужно для дѣтей?! Пріидите же съ ними сюда и возмите его здѣсь у Господа. Оно расширитъ ихъ души и сердца и сдѣлаетъ ихъ многовмѣстительнымъ сосудомъ для всякаго обученія.—Не подражайте тѣмъ, которые все хотятъ сдѣлать сами, ни въ чемъ не довѣряя и ничего не ввѣряя Господу. Ибо вѣковыми опытами уже дознано, что̀ они всуе бдятъ и всуе труждаются.

Вотъ что̀ нужно для окончательнаго совершенства сего заведенія, и вотъ чѣмъ надобно завершить вамъ свои о немъ труды и попеченія! Надобно завести здѣсь такой порядокъ, чтобъ дѣти каждый день бывали въ храмѣ и благоговѣйно припадали здѣсь къ Господу, хвалу Ему воспѣвая и молитвы Ему возсылая своими дѣтскими устами. Это же нужно и для полноты нынѣшняго торжества. Храмъ сей отнынѣ посвященъ св. мученику Максимиліану, одному изъ 7-ми отроковъ, иже во Ефесѣ (Августа 4). Отрокъ—мученикъ, безъ сомнѣнія, потому что съ дѣтства воспиталъ и укрѣпилъ въ себѣ духъ благочестія, превитая въ храмахъ Бога истиннаго. Будетъ ли ему пріятно, если онъ всегда почти будетъ видѣть храмъ свой пустымъ, а сосѣднія жилья полными?—А Архистратигъ Михаилъ,—сей служитель Божіей славы, стражъ, защитникъ и забрало Божіей чести, которому нынѣшній посвящается день, — будетъ ли доволенъ, замѣтивъ въ насъ равнодушіе къ обученію дѣтей воздавать честь и славу

единому Богу въ семъ храмѣ?!—Помолимся же, братія, ко Господу, чтобъ начавши въ васъ сіе доброе дѣло—пріютъ,—Онъ же и совершилъ ѐ въ похвалу вамъ за него въ день Христовъ! Аминь.

8 Ноября,

1859 г.

XI—XV.

ПОУЧЕНІЯ О ПУТИ КО СПАСЕНІЮ.

I.

Учителю, что сотворивъ, животъ вѣчный наслѣдую? Лук. 10, 25.

Такъ нѣкогда вопрошалъ Господа одинъ законникъ! И тотъ вопрошалъ Господа, искушая Его, какъ бы любопытствуя только что скажетъ Учитель, ибо самъ зналъ, какой надо сдѣлать на это отвѣтъ.—Но можно вопрошать о пути ко спасенію и не изъ пустаго любопытства, а по искреннему желанію получить на него прямой отвѣтъ—невѣдомый или забытый, вопрошать по кровной нуждѣ, потому что душа болитъ и сердце томится недоумѣніями,—что сотворивъ, животъ вѣчный наслѣдуемъ?

Такое томительное недоумѣніе тѣмъ естественнѣе, чѣмъ неопредѣленнѣе сфера мыслей, окружающая вопрошающихъ, и чѣмъ болѣе разномыслія встрѣчаютъ они въ писаніяхъ и рѣчахъ человѣческихъ.—И не въ такомъ ли положеніи находимся мы нынѣ? Осмотритесь кругомъ и увидите, что и тѣ, кои отъ насъ, не одно говорятъ. Иной, напр., говоритъ: молись—и спасетъ Господь; другой: плачь, сокрушайся—и Богъ не уничижитъ; третій: твори милостыню, — и та покроетъ множество

грѣховъ; тотъ: постись и приметайся къ дому Божію; а сей: брось все и удалися бѣгая и водворися въ пустыню. Вотъ сколько разныхъ отвѣтовъ у нашихъ!—И это еще все истины, правила спасительныя, съ которыми неизбѣжно встрѣтиться на пути спасенія, хотя онѣ не обнимаютъ его вполнѣ.—Что же касается до тѣхъ, кои считаютъ себя сущими отъ насъ, но перестали уже быть нашими, - разумѣю Христіанъ, увлекшихся духомъ вѣка и суемудрія,—до тѣхъ, которые, присвоивъ себѣ нѣсколько здравыхъ понятій, заимствованныхъ въ Христіанствѣ и возмечтавъ о себѣ много, оставили насъ и сердцемъ отдѣлились отъ Христа Господа, хотя языкомъ исповѣдуютъ еще Его,—что до нихъ касается, то между ними еще болѣе самаго грустнаго и болѣзненнаго разномыслія, уклонившагося отъ пути истины и блуждающаго на распутіяхъ лжи. Не случалось ли и самимъ вамъ или слышать при разговорѣ, или читать въ книгахъ, какъ иные умствуютъ о порядкѣ вещей, коему надлежало бы быть по ихъ уму, вмѣсто того, который теперь есть? О спасеніи души здѣсь и помина нѣтъ. Блаженство вѣчное, если оно допускается, считается уже какъ бы обладаемымъ, по какимъ-то правамъ человѣчества, и вся забота обращена на то, какъ бы, въ придатокъ къ тому, усладить и земную жизнь и превратить ее изъ горестной въ райскую.—Въ семъ духѣ иной возглашаетъ: не вѣрь ничему кромѣ ума твоего, слѣдуй влеченіямъ природы твоей, будь независимъ, живи въ свое удовольствіе, не позволяй чужой рукѣ лежать на выи твоей,—и будешь счастливъ; другой проповѣдуетъ: гдѣ не распложаютъ общественныхъ увеселеній, театровъ и т. под.,—тамъ и жизнь не жизнь. Тамъ слышится: прямою дорогою идти нельзя, нужно умѣнье жить—умѣнье такъ вести дѣла, чтобъ не терять своего интереса, и не дать другимъ подмѣтить своихъ плановъ, намѣреній и чувствъ (это у нихъ называется благоразуміемъ...); здѣсь говорится, что если не защищать своей чести и достоинства, то пропадешь.—Замѣчаете ли, какое все это мрачное мудрованье! И однакожъ оно составляетъ можно сказать основаніе обычаевъ свѣта, и его можно встрѣтить свободно ходящимъ и въ простой бесѣдѣ, и въ большомъ собра-

нія, и въ книгѣ печатной—не одной.—Вообразите же теперь, что должно произойти въ умѣ и сердцѣ вашего знакомаго, а иногда, можетъ быть, вашей дочери и вашего сына, когда въ одномъ, другомъ, третьемъ мѣстѣ встрѣтятъ ихъ подобныя рѣчи, когда въ одной книгѣ вычитаютъ они такія мысли, въ другой и третьей еще хуже,—и это не одинъ день или мѣсяцъ, а цѣлые годы,—когда притомъ вокругъ себя они видятъ обычаи, напитанные тѣмъ же духомъ, а тутъ въ своемъ сердцѣ, искушаемомъ соблазнами, возникаютъ прихотливые помыслы, колеблющіе доброе настроеніе,—вообразите, что всѣ сіи разностороннія впечатлѣнія—за одинъ разъ — соберутся въ юную, да и не въ юную, можетъ быть, душу,—что тогда должно возчувствовать сердце, особенно сердце, еще не забывшее Господа и дорожащее словомъ истины, изшедшимъ изъ устъ Божественныхъ?—Я слышу изъ глубины сего сердца исходящій вопль, подобный воплю Апостоловъ, устрашенныхъ бурею, и Петра, начавшаго утопать: Господи! спаси мя, погибаю. Господи! что сотворю, что сотворю, да спасуся?—Матери и отцы! слышите ли вы этотъ вопль?

Не подумайте, что я увлекся. Нѣтъ! Я намѣренно хотѣлъ выяснить, какъ естественно, особенно нынѣ, вопрошать о пути ко спасенію, или о пути въ царствіе небесное.—И я увѣренъ, что если бы здѣсь среди насъ, сталъ сейчасъ Господь, то всѣ, ищущіе прочнаго добра, и видящіе, какъ нынѣшній духъ, нынѣшнія ученія, нынѣшніе порядки разпорѣчатъ другъ съ другомъ, всѣ эти въ одинъ голосъ обратились бы къ Господу прежде всего съ вопросомъ: Господи! что сотворимъ, да животъ вѣчный наслѣдуемъ? Что сотворимъ, да спасемся?

Но, братія, *Господь вчера и днесь, той же и во вѣки* (Евр. 13, 8).—Тогда Іудею Онъ велѣлъ искать отвѣта въ законѣ: *въ законѣ что писано,—како чтеши?* Нынѣ Христіанину Онъ повелѣлъ бы безъ сомнѣнія обратиться къ святому Евангелію—вообще къ новозавѣтному ученію или къ Церкви Божіей, и спросилъ бы его: что здѣсь содержится, какъ разумѣешь?—Очевидно, что Господь, обративъ вниманіе Іудея на законъ,

хотѣлъ внушить ему: нечего тебѣ и спрашивать; путь спасенія прописанъ въ законѣ: твори такъ, и спасешься. На то и законъ данъ, чтобъ вести тебя ко спасенію.—Подобное сему должно сказать и Христіанамъ, колеблемымъ навѣянными на нихъ недоумѣніями: нечего вамъ спрашивать! Христіанство и есть единственный путь ко спасенію.—Будьте истинными Христіанами, и спасетесь.—На что же св. Церковь, на что догматы и заповѣди, на что св. таинства, наши посты, бдѣнія, молитвы, освященія и проч?—Все это,—или все, содержимое св. Церковію, и есть вѣрный путь ко спасенію. Кто сердечно пріемлетъ и усердно исполняетъ все, что заповѣдуетъ св. Церковь, тотъ не внѣ пути спасительнаго. Посему, если есть это въ насъ,—то намъ не совопросничать мѣсто, а славословить; не искать, гдѣ спасеніе, а принимать его готовое, намъ предлежащее или насъ объемлющее; всею крѣпостію воздавать славу, честь и поклоненіе Господу, спасающему насъ во святой Своей Церкви. Что, т. е., должны мы творить?—Свято чтить и неуклонно ходить во всѣхъ ученіяхъ, уставахъ и постановленіяхъ св. Церкви, не слушая никакихъ пустыхъ умствованій новомодной философіи, которая стремится все разорить, ничего не созидая?

Думаю, что въ вашемъ умѣ все еще остается неопредѣленнымъ,—что же именно нужно дѣлать, чтобъ спастись? Нынѣ я отвѣчу вамъ на это въ нѣсколькихъ словахъ: вѣруйте во все, во что вѣровать повелѣваетъ святая Церковь, и пріемля благодатныя силы чрезъ таинства и возгрѣвая ихъ чрезъ всѣ другія священнодѣйствія, молитвованія и учрежденія св. Церкви, идите неуклонно путемъ заповѣдей, возвѣщенныхъ намъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, подъ руководствомъ законныхъ пастырей,—и спасетесь.—Подробное же раскрытіе сего отложу до другаго времени, и заключу слово мое молитвою, чтобъ Господь даровалъ вамъ свѣтъ и разумъ, да познаете Его и ясно уразумѣете путь спасенія, принесенный Имъ на землю и утвержденный въ Церкви, и столько уже святыхъ людей проведшій въ рай,—чтобъ и вамъ всѣмъ нелишеннымъ быть сего благаго чаянія. Аминь.

II.

Отъ прошедшей бесѣды осталось за нами объясненіе одного, довольно важнаго положенія.—Мы говорили вамъ, что и нынѣ, при великомъ разномысліи окружающихъ насъ людей, естественно спросить: Господи! что сотворивъ, животъ вѣчный наслѣдуемъ? Господи! что сотворимъ, да спасемся? Мы сказали также, что такой вопросъ излишенъ для Христіанина, живущаго въ нѣдрахъ Христовой Церкви, по духу Христіанства; потому что Христіанство и есть единственный, Богомъ на землѣ проложенный, путь въ вѣчное царство, или путь ко спасенію. Идущему по сему спасительному пути,—что и спрашивать о пути ко спасенію?—Будь истиннымъ Христіаниномъ,—и будешь въ раю; будь истиннымъ Христіаниномъ,—и спасешься.

Но, можетъ быть, не для всякаго ясно, что значитъ быть истиннымъ Христіаниномъ, или что именно въ Христіанствѣ предлагается, какъ неотъемлемое условіе спасенія и вмѣстѣ какъ рѣшительный признакъ того, что кто нибудь идетъ въ животъ вѣчный, а не въ пагубу.—Объясненіе сего-то пункта и осталось за нами. Тогда мы отвѣтили на это общимъ положеніемъ,—нынѣ разъяснимъ то подробнѣе, взявъ въ руководство сравненіе пути ко спасенію съ обыкновеннымъ путемъ.

Собирающемуся идти въ путь, чтобъ благополучно совершить свое путешествіе, надобно знать сей путь, знать направленіе его и долготу, равно какъ и все, могущее встрѣтиться на его протяженіи,—а при самомъ шествіи надо видѣть и его, и то, чѣмъ онъ окруженъ. Такъ и Христіанину, желающему достигнуть живота вѣчнаго, надобно знать и ведущій къ нему путь, и все ему соприкосновенное, все, что и выше его, и окрестъ, и впереди его,—надобно освѣтить умственную атмосферу собраніемъ здравыхъ понятій о всемъ сущемъ и бывающемъ,—надобно знать: что есть Богъ? что міръ сей, какъ онъ стоитъ и куда ведется? Что мы, зачѣмъ мы здѣсь, и что ожидаетъ насъ за гробомъ? Какъ намъ должно держать себя въ

отношеніи ко всему окружающему,—къ верховному Существу —Богу, къ братіямъ нашимъ—человѣкамъ и къ міру невидимому,—Ангеламъ и Святымъ. Знающій все сіе шествуетъ при свѣтѣ; а незнающій сего сидитъ во тмѣ, и, еслибъ вздумалъ идти, поткнется, потому что тма ослѣпляетъ очи его.—И только Христіанство разгоняетъ тму сію, давая на все сіе вѣрные отвѣты въ своемъ ученіи. Оно учитъ, что Богъ, въ Троицѣ поклоняемый—Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, сотворивъ все единымъ словомъ Своимъ, все содержитъ глаголомъ силы Своея, и все ведетъ къ Своему предназначенію, паче же блюдетъ человѣка, и падшаго—преестественно возстановляетъ въ Христѣ Спасителѣ, вразумляя его откровеніями и руководя заповѣдями, опредѣляющими всѣ его обязательныя отношенія и составляющими собственно путь, коимъ слѣдуетъ идти. Совокупность всѣхъ сихъ понятій и есть свѣтъ, указующій намъ путь и освѣщающій его. И такъ—узнай православное ученіе Христіанское и содержи его всѣмъ сердцемъ, и будешь видѣть путь въ царствіе, и все окружающее сей путь, и все, могущее встрѣтиться въ продолженіи его.—Это первое.

Но пусть и знаетъ кто путь, и путь сей освѣщенъ: что пользы въ семъ знаніи, если нѣтъ силъ идти по немъ? Больной, разслабленный, безногій, лежа при пути, по которому необходимо идти, и такъ необходимо, что если не пойдетъ, погибнетъ, — будетъ только больше сокрушаться отъ того, что знаетъ и видитъ сей путь. Въ такомъ бы положеніи были и мы, еслибъ Господь, просвѣтивъ насъ свѣтомъ вѣдѣнія, не далъ намъ силъ идти по указанію сего свѣта; ибо сами собою мы не можемъ идти, не имѣемъ силъ, мы разслаблены, разбиты.—Но не смущайтесь! *Вся Божественныя силы, яже къ животу и благочестію*, заготовлены уже намъ Господомъ, призвавшимъ *насъ въ чудный Свой свѣтъ* (2 Петр. 1, 3), и всякому вѣрующему подаются въ святыхъ таинствахъ Церкви, подаются независтно, въ такомъ обиліи, сколько кто желаетъ и можетъ вмѣстить. Крещеніе возраждаетъ, мѵропомазаніе укрѣпляетъ, св. причащеніе преискреннѣйше соединяетъ съ Господомъ Іисусомъ Христомъ,

св. покаяніе возставляетъ падшаго, который падаетъ снова по крещеніи, и проч. Всякое таинство даетъ особую божественную силу, нужную человѣку на пути въ царство небесное.... И такъ, зная содержимыя Церковію таинства, бывай сколько можно чаще причастникомъ ихъ, съ вѣрою и по всему чину, установленному въ св. Божіей Церкви,—и силы Божественныя, нужныя къ совершенію пути въ царство небесное, никогда не оскудѣютъ въ тебѣ.—Это второе.

Но на пути могутъ ослабѣвать и истощаться силы, могутъ встрѣчаться приманки и увлеченія.—Отъ перваго должно прекратиться шествіе; отъ втораго—принять ложное направленіе; конецъ же того и другаго—пагуба. Какъ же быть? Надо обновлять силы, и отрѣвать приманки и увлеченія.—Что нужно для этого? Одно: неуклонно исполнять всѣ постановленія Церкви и всѣ чины ея—священнодѣйственные, молитвенные и освятительные. И вотъ почему!—Въ св. таинствахъ мы пріемлемъ благодать Св. Духа, какъ искру Божественную, низпадающую въ наше естество.—Какъ для того, чтобъ искра, павшая въ вещество, превратилась въ пламень, необходимъ воздухъ и движеніе сего воздуха; такъ необходима своего рода атмосфера и движеніе сей атмосферы и для того, чтобъ искра Божественной благодати, принятая нами въ таинствахъ, проникла въ наше естество и превратилась въ пламень. Сію атмосферу и составляетъ наша церковность—всѣ чины священнодѣйствій, молитвъ и послѣдованій Церкви, окружающихъ человѣка во всѣхъ положеніяхъ; а движеніе сей атмосферы есть непрестанное послѣдованіе священнодѣйствій Церкви однихъ за другими и непрерывное участвованіе человѣка то въ одномъ, то въ другомъ. Здѣсь разумѣются дневныя службы: вечерня, утреня, литургія, праздники церковные, крестные ходы, молитвованія на разные случаи — въ домахъ и церквахъ, путешествіе ко св. мѣстамъ,—паче же всего св. посты съ говѣніемъ и причащеніемъ Св. Таинъ.—Чѣмъ кто усерднѣе участвуетъ во всѣхъ сихъ чинопослѣдованіяхъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе будетъ разгараться въ немъ искра благодати, пока не превратится въ

пламень, поглощающій весь составъ его—душевный и тѣлесный. Кто будетъ такъ дѣйствовать, у того никогда не истощатся силы, тотъ никогда не потеряетъ бодрости на пути и не впадетъ въ безпечность. Этотъ же способъ дарованъ намъ и для того, чтобъ отрѣзать отъ себя приманки и развлеченіе міра. Кто живетъ по уставу Церкви, тотъ, какъ за оградою спрятавшійся, не боится соблазновъ его. Церковность есть какъ бы отпѣваніе и отчитываніе отъ омраченія, производимаго дыханіемъ мірскаго духа. Коснется ли кого эта зараза,—бѣги въ церковь, и все отойдетъ, — или будь неуклонно вѣренъ указаніямъ Церкви, и міръ не найдетъ случая приразиться къ тебѣ; ибо все, что есть въ мірѣ, есть и у насъ въ Церкви, только въ чистѣйшемъ, Божественнѣйшемъ видѣ... Тамъ гулянья,—у насъ св. праздники: тамъ балы,—у насъ церковныя служенія: тамъ театры,—у насъ Божественныя священнодѣйствія.—Сравнивай всякій, что лучше, — и не увлекайся пустою приманкою и не оставляй—ради ея — существеннаго, плодотворнаго и питательнаго. Итакъ живи по церковному, и будешь жить какъ въ духовной атмосферѣ и оградѣ,—и силы твои никогда не ослабѣютъ въ тебѣ къ продолженію пути, и никакія приманки не увлекутъ тебя на распутія. — Это третіе.

Чтобъ не утомить васъ, коротко скажу вамъ четвертое.— Могутъ на пути встрѣтиться препятствія, которыхъ не догадаешься, какъ преодолѣть: могутъ быть разставлены сѣти, которыхъ не съумѣешь миновать; могутъ быть сочетанія стезей, при которыхъ не сообразишь, куда идти; можетъ набѣжать облако, которое скроетъ совсѣмъ путь, и устрашитъ громомъ и молніями: къ кому тогда обратиться? Какъ быть? Кто поможетъ во всѣхъ такихъ случаяхъ?—Ангелы съ неба? Но они являются только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, оставляя обычное теченіе дѣлъ существующему у насъ порядку. Такъ кто же поможетъ? Пастыри—отцы духовные, которые и даны Церкви, по Апостолу, для того, чтобъ не допускать Христіанъ влаяться недоумѣніями,—и вести всѣхъ неуклонно

по пути въ животъ вѣчный, научая каждаго приходить въ мѣру возраста исполненія Христова (Еф. 4, 11—15). Такъ, будь покоренъ руководству отцевъ духовныхъ, и избѣжишь распутій и преткновеній на пути въ царствіе небесное, и скоро и безбѣдно притечешь къ вратамъ рая.

Вотъ все, что предлагаетъ намъ Христіанство о пути спасенія: 1) знать и содержать ученіе Христіанское, которымъ сообщаются здравыя понятія о всемъ сущемъ и указывается самый путь въ царствіе—въ заповѣдяхъ; 2) быть подъ дѣйствіемъ святыхъ таинствъ Церкви, чрезъ которыя даруются силы, яже къ животу и благочестію; 3) участвовать во всѣхъ священнодѣйствіяхъ, молитвованіяхъ и чинопослѣдованіяхъ Церкви, какъ положено уставомъ, чтобъ тѣмъ возгрѣвать въ себѣ искру благодати Божіей и отрѣвать обаянія міра; 4) ввѣряться руководству законныхъ пастырей и духовныхъ отцевъ и повиноваться ихъ руководительнымъ указаніямъ. Итакъ —

«Узнайте и сердцемъ содержите все, чему учитъ св. Церковь, и пріемля благодатныя силы чрезъ таинства и возгрѣвая ихъ чрезъ всѣ другія священнодѣйствія Церкви, идите неуклонно путемъ заповѣдей, предписанныхъ намъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, подъ руководствомъ законныхъ пастырей, и несомнѣнно достигнете царствія небеснаго и спасетесь». Аминь.

III.

Въ прошедшей бесѣдѣ мы дошли до слѣдующаго вывода: «узнай и сердцемъ содержи все, чему учитъ св. Церковь, и пріемля божественныя силы чрезъ таинства и возгрѣвая ихъ чрезъ всѣ другія священнодѣйствія и молитвованія Церкви, иди неуклонно путемъ заповѣдей, предписанныхъ намъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, подъ руководствомъ законныхъ пастырей, и несомнѣнно достигнешь царствія небеснаго и спасешься.» И

это отвѣтъ,—прямой и единственный—отвѣтъ всякому вопрошающему: что сотворивъ, животъ вѣчный наслѣдуемъ? Всѣ спасшіеся спаслись симъ, а не другимъ способомъ, и всѣ нынѣ спасающіеся спасаются такъ, а не иначе.

Нечего бы больше и говорить о семъ. Но я боюсь, нѣтъ ли кого между вами, кто неправо о семъ судитъ? Не думаетъ ли кто, что не все изъ сказаннаго одинаково необходимо, или не для всѣхъ все необходимо,—что безъ иного, можетъ быть, можно обойтись, не умаляя тѣмъ своего спасенія, иное можетъ быть оставлено на произволъ, не будучи обязательно для всѣхъ. Потому вынужденнымъ себя нахожу пояснить вамъ, что все сказанное нами, т. е. здравое ученіе вѣры, хожденіе по заповѣдямъ, принятіе таинствъ, участіе во всѣхъ молитвованіяхъ Церкви и руководство законныхъ пастырей,—все это существенно необходимо въ дѣлѣ спасенія, такъ что тамъ только и содѣвается спасеніе, гдѣ есть все въ совокупности; гдѣ же чего либо не достаетъ, тамъ дѣло спасенія подвергается великой опасности и портится.—Ибо

Какого спасенія чаять тому, кто не содержитъ истиннаго ученія Церкви и неправо мыслитъ или о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, или о настоящемъ состояніи нашемъ испорченномъ, или о способѣ нашего возстановленія, который одинъ, или о смерти и будущей участи нашей, или о какомъ бы то ни было догматѣ,—когда самъ Господь говоритъ, что если кто *отвергнется словесъ* Его *въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ, того и* Онъ *отвергнется предъ Отцемъ* Своимъ, *Иже есть на небесѣхъ* (Марк. 8, 29)? А кого Господь отвергнетъ, гдѣ тому мѣсто? Ужъ вѣрно не въ царствіи небесномъ. А вотъ есть же люди, которые говорятъ: какъ хочешь вѣруй, только живи хорошо, и ничего не бойся;—какъ будто можно жить хорошо, не имѣя здравыхъ понятій о предметахъ, сообщаемыхъ истинною вѣрою. Не льститеся, братія! Въ составъ истинной жизни входитъ не одно поведеніе, но и здравый образъ мыслей, такъ что у кого не достаетъ послѣдняго, о томъ не слѣдуетъ говорить, что жизнь его исправна и хороша. Съ другой сторо-

ны, жить хорошо значитъ, жить Богоугодно, — Богоугодная жизнь вся ведется по волѣ Божіей, — а одно изъ первыхъ опредѣленій воли Божіей относительно къ намъ, есть вѣровать въ Того, кого Онъ послалъ (1 Іоан. 3, 23. Іоан. 6, 29), т. е. въ Господа Іисуса Христа и Его божественное ученіе. Значитъ тотъ, кто говоритъ: какъ хочешь вѣруй, только живи хорошо,—когда истинно вѣровать есть заповѣдь,—походитъ на такого человѣка, который самъ разоряетъ основаніе, на которомъ хочетъ строить домъ, или на такого, который хочетъ переплыть рѣку на ладьѣ, которую самъ сознательно разбиваетъ подъ собою.

Какого также спасенія чаять и тому, кто нарушаетъ какія либо заповѣди Божіи, напр.: заповѣдь правды или милосердія, воздержанія или трудолюбія, чистоты или нестяжательности, супружеской вѣрности или другой какой, умаляя тяжесть своихъ грѣховъ какимъ нибудь кривотолкованіемъ,— напр.: природа влечетъ, сердце требуетъ, — или стараясь заслонить ихъ безобразный видъ отъ совѣсти какими нибудь видимыми, несовсѣмъ трудными, дѣлами благочестія,—напр.: хожденіемъ по церквамъ, устроеніемъ цѣнныхъ иконъ и возжженіемъ лампадъ? Какого, говорю, чаять спасенія таковымъ, когда прямо говорится, что если хочешь внити въ животъ, соблюди заповѣди (Матѳ. 19, 17)?—что неправедники, какого бы рода они ни были, царствія Божія наслѣдити не могутъ (1 Кор. 6, 9). Нужны конечно, и нужны существенно въ дѣлѣ спасенія, и внѣшнія дѣла благочестія, но не одни: необходимо притомъ исполненіе и всѣхъ другихъ заповѣдей Божіихъ. *Сіе подобаетъ творити*, говоритъ Господь, *и онѣхъ не оставляти* (Матѳ. 23, 23). Какъ безъ ногъ идти или безъ крылъ летать, такъ безъ исполненія заповѣдей достигнуть царствія небеснаго невозможно.

Какъ это еще иные самовольно замышляютъ содѣвать свое спасеніе сами собою, не пріемля Божественныхъ *силъ, яже къ животу и благочестію*, чрезъ св. таинства, и не возгрѣвая ихъ священнодѣйствіями и молитвованіями Церкви? Я уже объяс-

нялъ, что мы падшіе немощны, и шага не можемъ сдѣлать на добромъ пути, безъ особенной благодатной помощи, — что благодать сія пріемлется въ св. таинствахъ, и пріемлемая подобна бываетъ вначалѣ малой искрѣ, которая потомъ возгарается до пламени дѣятельнымъ участіемъ во всѣхъ чинахъ св. Божіей Церкви. Все это и само собою ясно, и сознается своимъ опытомъ, и свидѣтельствуется всѣми. А вотъ есть же лица, которыя говорятъ: «вся эта церковность нужна для простыхъ; понимающимъ же дѣло достаточно одного умственнаго, духовнаго или сердечнаго служенія Богу». — Блаженны вы, простыя души, все безпрекословно пріемлющія и всякому гласу Церкви охотно повинующіяся! Вы подобны древамъ, посаженнымъ при исходищахъ водъ, которыя даютъ плоды свои во время свое. А тѣ, понимающіе дѣло, — по-своему конечно, — подобны, въ духовномъ отношеніи, тощимъ былинкамъ, растущимъ на сухой, каменистой или песчаной почвѣ, и едва слабые признаки жизни въ себѣ показывающимъ; или еще и того хуже: они подобны сѣменамъ, заглушеннымъ еще въ нѣдрахъ земли, непрозябшимъ или перезябшимъ. Вообразите себѣ на дворѣ дождь, снѣгъ, духъ буренъ, и поставьте въ такую погоду на открытомъ воздухѣ человѣка, неприкрытаго, какъ должно, одеждою; — долго ли онъ проживетъ? Точь въ точь — въ такихъ находится обстоятельствахъ тотъ, кто чуждается таинствъ и всей нашей животворной церковности. Жалки такіе люди! эгоизмъ и самочиніе снѣдаетъ кости ихъ.

Наконецъ, Господь избралъ Апостоловъ, — Апостолы предали дѣло свое епископамъ, опредѣливъ въ сотрудники имъ пресвитеровъ. Всѣ они въ совокупности составляютъ Богоучреждаемое пастырство въ Церкви, коего дѣло — возводить всѣхъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова (Еф. 4, 13), освящая таинствами, возгрѣвая священнодѣйствіями, а паче руководя совѣтами въ многораспутистомъ теченіи къ духовному совершенству. — И благодареніе Господу, что такъ есть! Мы слѣпы; какъ слѣпому нуженъ вожатай, такъ намъ нуженъ указатель пути въ царствіе Божіе, — въ очень

многихъ случаяхъ нужно лице, которое какъ бы за руки взяло насъ и вывело изъ запутанности мыслей и чувствъ, въ какія повергаетъ насъ иногда врагъ и собственное неразуміе.—Не говорите, что «руководитель всѣмъ есть слово Божіе,—мы и сами прочитаемъ и увидимъ, что нужно.»—Слово Божіе содержитъ общія указанія для всѣхъ, а что именно нужно мнѣ, и въ моихъ обстоятельствахъ, это долженъ объяснить мнѣ другой—живой, опытный голосъ. Не будь сего, я долженъ блуждать по распутіямъ и быть въ постоянной опасности. И вотъ почему благопотребна намъ помощь благоразумнаго совѣта пастырскаго. Какъ же это инымъ и, можетъ быть, не малому числу кажется, что у нихъ нѣтъ другихъ обязательныхъ отношеній къ своему пастырю, кромѣ приглашенія въ случаѣ нужды совершить таинство или другое какое священнодѣйствіе? Такіе забываютъ, что *имже нѣсть управленія, падаютъ, аки листвіе, спасеніе же есть во мнозѣ совѣтѣ* (Притч. 11, 15).

Изъ всего сказаннаго выходитъ снова то же заключеніе, что и прежде: «хочешь ли спасенія,—узнай и сердцемъ содержи все, чему учитъ св. Церковь, и, пріемля Божественныя силы чрезъ таинства и возгрѣвая ихъ чрезъ всѣ священнодѣйствія и молитвованія Церкви, иди неуклонно путемъ заповѣдей, предписанныхъ намъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, подъ руководствомъ законныхъ пастырей,—и несомнѣнно достигнешь царствія Божія, и спасешься».—Все это существенно необходимо въ дѣлѣ спасенія, необходимо все въ совокупности и для всѣхъ. Кто одного чего не принимаетъ или не допускаетъ, нѣтъ тому спасенія,—тотъ не уврачуетъ своихъ немощей и не избѣжитъ болѣзней. Церковь Божія есть врачевательница, содержащая въ своемъ устройствѣ врачевство, всякую болѣзнь нашу духовную врачующее. Составныя части врачевства сего суть: православное ученіе, жизнь по заповѣдямъ, таинства съ священнодѣйствіями Церкви и руководство пастырей. — Какъ въ болѣзняхъ тѣлесныхъ врачевство бываетъ цѣлительно только тогда, когда оно составлено изъ всѣхъ означенныхъ въ рецептѣ веществъ, такъ и въ болѣзни нашей духовной, цѣлительность

можетъ имѣть мѣсто въ насъ только тогда, когда мы пріемлемъ всѣ стихіи, входящія въ составъ единственнаго врачевства нашего духовнаго—Христіанства, или Церкви.—Отнимите какую-либо стихію изъ врачевства тѣлеснаго,—оно уже не будетъ имѣть своего дѣйствія. Не примите чего-нибудь изъ того, что входитъ неизбѣжно въ составъ Христіанства , или Церкви,—и вы сами себя лишите цѣлительности, такъ вамъ необходимой, и слѣдовательно останетесь въ томъ же неуврачеванномъ, пагубномъ состояніи,—стало не спасетесь и не узрите царствія небеснаго. Аминь.

IV.

Разсуждая прежде о пути ко спасенію, мы узнали, что желающему душу свою спасти необходимо знать и свято содержать Божественное ученіе святой вѣры, необходимо при томъ принимать Божественныя силы чрезъ св. таинства и возгрѣвать ихъ чрезъ всѣ церковныя священнодѣйствія, и за тѣмъ съ помощію ихъ идти путемъ заповѣдей Божіихъ, подъ руководствомъ законныхъ пастырей. Видѣли также, какъ все сіе необходимо, и необходимо все въ совокупности, такъ что напрасно будетъ льстить себя надеждою спасенія тотъ, кто самочинно отвергаетъ какую нибудь изъ сихъ, спасеніе совершающихъ стихій.

Обращаясь теперь къ самимъ себѣ,—къ тому порядку жизни, какой царствуетъ среди насъ, что находимъ?—Находимъ, что все сіе уже дѣйствуетъ въ кругу насъ,—что мы не лишены законнаго Богоучрежденнаго пастырства, которымъ совершаются для насъ спасительныя таинства со всѣми священнодѣйствіями, проповѣдуется св. вѣра и толкуются заповѣди Божіи; что слѣд. мы обладаемъ всѣми средствами, яже къ животу и благочестію, или живемъ въ спасительной, такъ сказать, атмосферѣ.

Спасеніе такъ близко къ намъ, что его можно какъ бы ося-

зать. Какъ же будетъ намъ горько, если въ тотъ часъ, когда будетъ рѣшаться достоинство каждаго изъ насъ, мы окажемся несодѣлавшими своего спасенія!—Помышляя о семъ, снова не удержишься отъ вопроса: что же сотворимъ? Что сотворимъ сими Божественными средствами ко спасенію, да спасемся?

Вотъ что сотворимъ:

1. Возблагодаримъ Господа, такъ о насъ благоволившаго, —возблагодаримъ за то, что едва раждаемся мы, какъ уже вступаемъ въ спасительную среду и находимъ готовымъ все необходимое ко спасенію, и прежде чѣмъ придемъ въ сознаніе, уже несемся по пути спасительному — общимъ теченіемъ спасаемыхъ. Какъ въ видимой природѣ самое малое насѣкомое, раждаясь, находитъ все необходимое къ своему существованію вокругъ себя; такъ окружаетъ и насъ Господь теплою заботою, едва явились мы на свѣтъ,—и продолжаетъ потомъ ее до конца нашей жизни. Изъ колыбели еще беретъ насъ на свои объятія мать наша Церковь, — возраждаетъ къ новой жизни, питаетъ и хранитъ на всѣхъ путяхъ нашихъ, и не отступаетъ отъ насъ, пока не опуститъ въ могилу, съ успокоительною для остающихся и небезсильною для отшедшихъ молитвою: «во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь Господи, усопшему рабу, или усопшей рабѣ.» Чѣмъ же все сіе заслужено?—Ничѣмъ.—Есть много народовъ, незнающихъ пути истиннаго. Тѣмъ, которые раждаются среди ихъ, надо усиленно искать сего пути,—и еще найдутъ ли? а мы вступаемъ на него безъ всякихъ съ нашей стороны усилій, находимъ не ища. Почему такъ?—Единому Богу то извѣстно. По всячески, въ семъ дѣйствіи Божественнаго промышленія нельзя не видѣть особеннаго къ намъ Божія благоволенія.

Возблагодаримъ же за все сіе Господа, такъ о насъ благопромыслившаго! Возблагодаримъ при семъ и за самое убѣжденіе о томъ, что мы обладаемъ истинно спасительными средствами; ибо въ связи съ симъ убѣжденіемъ стоитъ другое убѣжденіе—въ особенной Божіей къ намъ близости, въ томъ, что единый истинный Богъ есть нашъ Богъ, и мы

люди Его. А выше этого блага ничего и быть не можетъ на землѣ.

2. Слыша сіе, не одинъ изъ васъ, можетъ быть, готовъ воскликнуть, какъ бы осязая уже спасеніе: Господь мой и Богъ мой! Но не забудьте, братія, слово Господа: *не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи! внидетъ въ царствіе Божіе* (Матѳ. 7, 21).—Вотъ и опять вопросъ: что же еще сотворимъ? Вотъ что сотворимъ. Всѣмъ помышленіемъ своимъ, всѣмъ сердцемъ и всею крѣпостію своею предадимъ себя сему Божественному устроенію нашего спасенія, именно: а) будемъ блюсти *непоколебимое убѣжденіе* въ истинѣ сего устроенія спасенія и неотложной его необходимости для всѣхъ вообще. Ахъ, братія! побѣдите искушеніе своего ума и доходящаго до слуха вашего суемудрія другихъ. Не поддавайтесь сомнѣніямъ и не дозволяйте колебать покоя вѣры вашей дерзкому и гордому совопросничеству: *для чего то* и *за чѣмъ это? Л*учше бъ *такъ* или *этакъ*. Отрѣвайте сіи соблазны. Не мы первые.—Сколько уже было спасенныхъ симъ путемъ?!—Мы больны; насъ врачуютъ.—Объясняетъ ли врачъ, почему онъ такъ, а не иначе врачуетъ больнаго: умолкнемъ же и смиренно покоримся всему, яко Божію устроенію.

б) И не это одно;—приложимъ еще *сочувствіе* ко всему сему устроенію, т. е. такъ себя настроимъ, чтобъ сердце наше находило удовольствіе и въ достойномъ принятіи св. таинъ, и во всякомъ Богослуженіи и священнодѣйствіи, и въ слушаніи проповѣданія истинъ Божіихъ, и во вниманіи къ руководству и совѣтамъ пастырей, и во всякомъ вообще дѣлѣ, предписываемомъ закономъ Божіимъ. Кто къ чему имѣетъ сочувствіе, тотъ туда и влечется. Имѣетъ кто сочувствіе къ дѣламъ спасенія;—къ нимъ и стремится. Имѣетъ кто сочувствіе къ другому чему;—къ тому и бѣжитъ. Вотъ отъ чего и бываетъ, что тогда какъ одни спѣшатъ въ церковь, другіе ѣдутъ въ театръ, на балъ или гулянье... Но сами знаете,—чего ожидать отъ сихъ послѣднихъ?—Переселите же сердце свое изъ сихъ суетныхъ мѣстъ въ отрадную область Божію, и тамъ находите

услажденіе и всю полноту довольства сердечнаго.—Гдѣ сокровище, говоритъ Господь, тамъ и сердце.—Стало, гдѣ сердце, тамъ и сокровище.—Что же за сокровища предлагаетъ міръ?!—И стоятъ ли они того, чтобъ ими осквернять сердце, предопредѣленное быть обиталищемъ Бога?! Не подумалъ бы кто, что можно совмѣстить то и другое! Нѣтъ, нельзя.—Сердце наше одно и просто, такъ что гдѣ оно есть, тамъ есть уже все,—и въ другомъ чемъ уже нѣтъ его, и оно быть тамъ не можетъ. Потому кто въ мірѣ съ сердцемъ, тотъ въ церкви безъ сердца. И на оборотъ, кто въ церкви съ сердцемъ, тотъ въ мірѣ безъ сердца. Гдѣ нибудь—да неизбѣжно быть безъ сердца. А безъ сердца—что за жизнь! Въ мірѣ хорошо быть безъ сердца; а въ церкви Божіей быть безъ сердца,—значитъ быть лицемѣромъ предъ очами Бога всевидящаго.

Вотъ почему ко всему прописанному надо еще приложить,—в) *ревностное, неопустительное и несмѣшанное исполненіе всего*, что требуется для спасенія. Ужъ одно, такъ одно: хочешь спасаться, держись дѣлъ спасительныхъ; а не хочешь, какъ хочешь,—только знай, что не можешь Богу работать и мамонѣ.—Рѣшимся же, братія, идти твердо путемъ спасенія, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе. Отвергнемъ двоедушіе и исправимъ храмлющія ноги свои! Что скажете вы о больномъ, который лежитъ въ доброй врачебницѣ, назирается добрымъ врачемъ, получаетъ прямыя противъ болѣзни лекарства, и всѣмъ этимъ пренебрегаетъ: врача не слушаетъ, лекарствъ не употребляетъ?—Что скажете также о томъ, кто стоитъ предъ чистымъ источникомъ, чувствуетъ жажду и имѣетъ возможность, даже понуждается утолить ее изъ сего именно источника, и вмѣсто того, оставляетъ его и бѣжитъ къ рѣкѣ, полной тины, гадовъ и смрада,—и оттуда пьетъ воду, не утоляющую жажды? Конечно, не одобрите ни того, ни другаго. Но не надъ собою ли самими мы произнесемъ этотъ приговоръ, если, обладая всѣми средствами ко спасенію, не будемъ пользоваться ими, какъ слѣдуетъ? И не къ намъ ли будетъ относиться укоръ Божій: *Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя*,

иже не возмогутъ воды содержати (Iерем. 2, 12. 13). Такъ, братія, благодареніе Господу, что Онъ, по великой милости Своей, такъ приблизилъ къ намъ Свое спасеніе. Но приложимъ и свой трудъ! Путь спасенія указанъ и проясненъ. Онъ предъ нами. Но все же мы не спасемся, если не пройдемъ симъ путемъ! Обозрите еще разъ все въ совокупности устроеніе сего пути! — Мы говорили:—узнай и содержи ученіе вѣры и пріемля силу чрезъ таинства, иди путемъ заповѣдей, подъ руководствомъ пастырей.—Здѣсь знаніе вѣры и заповѣдей, таинства со всѣми священнодѣйствіями и руководствомъ пастырей составляютъ устроеніе спасительнаго пути, который внѣ насъ. Самое же дѣло спасенія въ чемъ? Въ томъ, чтобъ идти симъ путемъ. — Пойдемте же!—*Се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія* (2 Кор. 6, 2). Аминь.

V.

Между тѣмъ, какъ я придумывалъ, что̀ бы сказать вамъ въ заключеніе нашихъ бесѣдъ о пути ко спасенію, пришло мнѣ на память сказаніе, которое я читалъ въ одномъ изъ древнихъ отечниковъ. Оно очень близко къ тому, о чемъ мы говорили, и я не считаю излишнимъ передать его вамъ нынѣ въ томъ видѣ, какъ оно рисуется въ головѣ моей.

Одинъ глубокій старецъ, жившій въ уединенной пустынѣ, впалъ въ уныніе и тма помышленій начала сокрушать душу его, внушая ему недоумѣнія, правильно ли течетъ онъ, и есть ли надежда, что труды его увѣнчаются наконецъ успѣхомъ? Старецъ сидѣлъ, поникши главою. Сердце ныло; но очи не давали слезъ. Сухая скорбь томила его. Между тѣмъ, какъ онъ такъ убивался горемъ, предсталъ ему Ангелъ Господень, и сказалъ: «что смущаешься и за чѣмъ помышленія входятъ въ сердце твое? Не ты первый и не ты послѣдній идешь путемъ

симъ. Многіе уже прошли имъ, многіе идутъ—и многіе пройдутъ имъ въ свѣтлыя обители райскія.—Ступай,—я покажу тебѣ разные пути, какими ходятъ сыны человѣческіе, равно какъ и то, куда приводятъ сіи пути.—Смотри,—и вразумляйся!»

Повинуясь мановенію Ангела, старецъ всталъ и пошелъ; но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ сталъ внѣ себя и погрузился въ созерцаніе дивнаго видѣнія, которое открылось умнымъ очамъ его. Онъ видѣлъ по лѣвую отъ себя сторону, густой мракъ, какъ стѣну непроницаемую, внутри котораго слышались шумъ, тревога и смятеніе.—Всматриваясь внимательнѣе въ мракъ, увидѣлъ онъ широкую рѣку, по которой волны ходили взадъ и впередъ, вправо и влѣво,—и кто-то всякой разъ, какъ мелькала предъ очами его волна, какъ бы на ухо внятно произносилъ старцу: это волна невѣрія, безпечности, холодности, это—немилосердія, разврата, взяточничества; это—нѣги, забавы, зависти, раздора, а это—пьянства, нечистоты, лѣности, невѣрности супруговъ и проч. и проч., — и всякая волна поворачивала на себѣ предъ нимъ несмѣтное множество людей, поднимая ихъ изъ рѣки и снова погружая въ глубь ея. Въ ужасѣ старецъ воскликнулъ: Господи! ужели всѣ сіи погибнутъ и нѣтъ имъ надежды спасенія? Ангелъ сказалъ ему: смотри далѣе, и узришь милость и правду Божію!

Старецъ взглянулъ еще на рѣку, и увидѣлъ ее по всей широтѣ и по всей долготѣ своей покрытою малыми ладьями, въ которыхъ сидѣли свѣтлые юноши со всякаго рода орудіями во спасеніе утопающихъ. Они всѣхъ призывали къ себѣ, и инымъ подавали руки, другимъ спускали жерди и доски, тѣмъ бросали верви, а иногда погружали въ глубь багры и крюки, не ухватится ли и тамъ кто? И что же? Рѣдкій-рѣдкій откликался на призывный гласъ ихъ, и еще менѣе было такихъ, которые пользовались, какъ слѣдуетъ, подаваемыми имъ орудіями спасенія. Наибольшая часть съ презорствомъ отвергали ихъ, и съ какимъ-то дикимъ услажденіемъ погружались въ рѣкѣ сей, издававшей чадъ, смрадъ и гарь. Старецъ простеръ взоръ свой вдаль рѣки, и въ концѣ ея увидѣлъ

бездну, въ которую низвергалась она. Юноши въ большомъ количествѣ стремительно плавали въ ладьяхъ туда и сюда, у самаго края бездны, заботливо подавая помощь всякому; но, не смотря на то, каждую минуту, на каждой точкѣ рѣки, цѣлыя тысячи людей вмѣстѣ съ рѣкою низвергались въ бездну, откуда были слышны одни стоны отчаянія и скрежетъ зубовъ.—Старецъ закрылъ лице свое и зарыдалъ.—И былъ къ нему гласъ съ неба: «горько, но кто виновенъ? Скажи, что бы еще могъ Я сдѣлать для спасенія ихъ, чего бы не сдѣлалъ? Но они съ ожесточеніемъ отвергаютъ всякую, подаваемую имъ помощь. Они отвергнутъ Меня, если Я низойду на помощь къ нимъ въ самыя безотрадныя мѣста ихъ страданій.»

Успокоившись нѣсколько, старецъ обратилъ очи свои на правую сторону, къ свѣтлому востоку, и утѣшенъ былъ отраднымъ видѣніемъ. Тѣ, кои, внимая зову свѣтлыхъ юношей, подавали имъ руку, или хватались за какое нибудь спасительное орудіе, были извлекаемы ими на правый берегъ.—Здѣсь принимали ихъ другія лица, вводили въ небольшія стройныя зданія, разсѣянныя въ большомъ количествѣ по всему протяженію берега, гдѣ обмывали чистою водою, облекали въ чистыя одежды, опоясывали, обували, давали посохъ и, подкрѣпивъ пищею, отсылали въ путь,—далѣе къ востоку, заповѣдавъ имъ—не озираться вспять, идти безъ остановки, внимательно смотрѣть подъ ноги, и не пропускать ни одного подобнаго зданія безъ того, чтобъ не зайти въ него и не подкрѣпить себя въ немъ пищею и совѣтомъ отъ тѣхъ, чьему попеченію ввѣрены сіи зданія, равно какъ и всѣ заходящіе въ нихъ.

Старецъ провелъ глазами по берегу и увидѣлъ, что на всемъ протяженіи его, готовятся въ путь эти избавленные.—На лицѣ всѣхъ отпечатлѣвались радость и воодушевленіе. Видно было, что они всѣ чувствовали особенную легкость и силу и съ нѣкоторою неудержимостію устремлялись въ путь, первыя стадіи котораго усѣяны пріятными цвѣтами.

Старецъ обратилъ потомъ взоръ свой далѣе къ востоку, и вотъ что ему открылось!—Пріятный лугъ оканчивался не вдали

отъ берега; далѣе начинались горы, лежавшія хребтами въ разныхъ направленіяхъ. Онѣ шли, поднимаясь все выше и выше, и пресѣкаясь пропастями,—то голыя и утесистыя, то покрытыя кустарниками и лѣсами. Повсюду по нимъ видны были путники-труженики. Иной карабкался на крутизну, другой—сидѣлъ въ утомленіи или стоялъ въ раздумьѣ, тотъ боролся со звѣремъ или зміею; одинъ шелъ прямо къ востоку, а другой по косвенному направленію, а иной перерѣзывалъ поперечно пути другихъ;—только всѣ были въ трудѣ и потѣ, въ борьбѣ и напряженіи силъ и душевныхъ и тѣлесныхъ. Рѣдкій путникъ всегда видѣлъ дорогу; часто она совсѣмъ пропадала или раздроблялась въ распутія; въ иномъ мѣстѣ скрывали ее туманъ и мракъ, въ иномъ—пресѣкала пропасть или крутой утесъ; тамъ преграждали ее звѣри изъ дубравы или ядовитые гады изъ ущелій.—Но вотъ что дивно! Повсюду по горамъ разсѣяны были красивыя зданія, подобныя тѣмъ, въ которыя принимаемы были въ первый разъ спасенные отъ воды. Коль скоро путникъ заходилъ въ нихъ, какъ ему заповѣдано вначалѣ, то какъ бы онъ ни былъ изможденъ до того времени, выходилъ оттуда бодрымъ и полнымъ силъ. Тогда звѣри и гады не могли выносить взора его, и бѣжали отъ него;—никакія препоны надолго не останавливали его; и онъ легко и скоро отыскивалъ скрывавшійся какимъ либо образомъ путь, по тѣмъ указаніямъ, какія получалъ въ тѣхъ зданіяхъ.—Всякой разъ, какъ преодолѣвалъ кто препятствіе или одолѣвалъ врага, становился крѣпче, выше и статнѣе: чѣмъ кто выше восходилъ, тѣмъ болѣе хорошѣлъ и свѣтлѣлъ. Къ вершинѣ горы мѣстность опять становилась гладкою и цвѣтистою; но вступившіе на нее вскорѣ входили въ свѣтлый облакъ, или туманъ, изъ котораго уже не показывались болѣе.

Старецъ приподнялъ очи выше сего облака и изъ-за него, или изъ-за горы увидѣлъ чудный, неописанной красоты свѣтъ, изъ котораго доносились къ нему сладостные звуки: «Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваоѳъ!» Старецъ въ умиленіи палъ

ницъ, и надъ нимъ звучно пронеслось слово Господне: *тако тецыте, да постигнете* (1 Кор. 9, 24).

Поднявшись снова на ноги, старецъ увидѣлъ, что съ разныхъ высотъ горы, немалое число путниковъ, въ разныхъ мѣстахъ, стремительно бѣжали снова къ рѣкѣ, то молча, то съ крикомъ и хульными, бранными словами. Къ каждому изъ нихъ и сверху и съ боковъ обращаемо было воззваніе: «остановись, остановись!» Но гонимые какими-то малорослыми муринами, они не внимали остереженію, и снова погружались въ смердящую рѣку. Тогда старецъ въ изумленіи воззвалъ: Господи! что сіе? и услышалъ въ отвѣтъ: «плодъ самочинія и непокорливости Богоучрежденному порядку!»—Тѣмъ видѣніе кончилось.

Ангелъ, показывавшій его старцу, спросилъ его наконецъ: «утѣшенъ ли?»—И старецъ поклонился ему до земли.

Думаю, братія, нѣтъ нужды много говорить вамъ для истолкованія сего видѣнія. — Рѣка есть міръ; погруженные въ ней люди,—живущіе по духу міра, въ страстяхъ, порокахъ и грѣхахъ; свѣтлые юноши въ ладьяхъ суть Ангелы и вообще, призывающая ко спасенію благодать; бездна, въ которую низвергалась рѣка съ людьми, есть пагуба; красивое на правомъ берегу зданіе—Церковь, гдѣ, чрезъ таинство покаянія или крещенія, обратившіеся грѣшники омываются отъ грѣховъ, облекаются въ одежду оправданія, препоясуются силою свыше, и поставляются на путь ко спасенію; восходъ на гору, съ разными затрудненіями—разные труды въ очищеніи сердца отъ страстей; звѣри и гады—враги спасенія; гладкая къ вершинѣ мѣстность—умиротвореніе сердца; свѣтлый облакъ, скрывающій путниковъ,—покойная смерть; свѣтъ изъ-за горы—рай блаженный; зданія, разсѣянныя по горѣ — храмы Божіи. — Кто заходитъ въ сіи зданія на пути, т. е. принимаетъ таинства и участвуетъ въ священнодѣйствіяхъ и молитвованіяхъ Церкви, пользуется совѣтомъ и руководствомъ пастырей, тотъ легко преодолѣваетъ всѣ препятствія, и скоро востекаетъ къ совершенству. А кто самочинно отвергаетъ ихъ,

не подчиняясь указанію и совѣту пастырей, тотъ скоро падаетъ, и духъ міра снова увлекаетъ его.

Прилагать къ сему какое либо увѣщаніе считаю излишнимъ. Умоляю только васъ, братія, спаситеся отъ вѣка сего лукаваго! Аминь.

XVI.

ВЪ НЕДѢЛЮ МЫТАРЯ И ФАРИСЕЯ.

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!

Такую умиленную молитвенную пѣснь влагаетъ намъ въ уста св. Церковь, начиная приготовлять насъ къ покаянію. Три еще недѣли до поста, и о немъ, можетъ быть, никто и не думаетъ; но она издали указываетъ намъ дверь его и заранѣе хочетъ предрасположить ко входу въ нее. Хотя и не хотя, мы должны же встрѣтить время поста; но она хочетъ, чтобъ мы и встрѣтили, и проводили сіе время, какъ слѣдуетъ. И вотъ, въ нынѣшній день, въ слѣдующее воскресенье и далѣе, она внушаетъ намъ одно за другимъ назидательныя правила въ двухъ притчахъ и двухъ разительнѣйшихъ происшествіяхъ, изъ коихъ однимъ началась нынѣшняя исторія человѣчества, а другимъ кончится. Будемъ учиться и внимать урокамъ матери своей!

Нынѣ притчею о Мытарѣ и Фарисеѣ говорится каждому изъ насъ: «не полагайся на свою праведность, подобно

Фарисею, но всю надежду своего спасенія возлагай на безпредѣльную милость Божію, вопія, подобно Мытарю: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Ибо вотъ Фарисей, кажется, и добраго былъ поведенія, а не былъ оправданъ предъ Богомъ.»

Непостижимо для насъ, какъ такъ—твореніе добрыхъ дѣлъ, или праведность, для насъ обязательна, какъ необходимое условіе спасенія, а между тѣмъ мы не можемъ основывать на нихъ сей надежды своей, но, сколько бы ни было у насъ правыхъ дѣлъ, всѣ ихъ должны счесть недостаточными и для восполненія ихъ прибѣгать къ другимъ средствамъ. Непостижимо сіе для насъ; но такъ есть. Христіанинъ въ чувствѣ сердца своего долженъ носить глубокое убѣжденіе въ своемъ непотребствѣ при всей праведности, или при всемъ обиліи добрыхъ дѣлъ, о которыхъ однакожъ долженъ ревновать неусыпно. Такъ спасались всѣ, которые спаслись, и оставили намъ въ своемъ примѣрѣ указаніе возможности такихъ чувствъ и побужденіе къ возгрѣванію ихъ въ себѣ самихъ. Посмотрите на покаянныя молитвы, кои суть изліяніе душъ Святыхъ Божіихъ, прославленныхъ Церковію. Какъ они тамъ осуждаютъ себя предъ Господомъ!... А между тѣмъ всѣ окружавшіе ихъ почитали ихъ чистыми и непорочными предъ Богомъ!... Думаете ли, что тутъ была неискренность? Нѣтъ! Это былъ искренній вопль души къ Богу! И слѣдовательно есть возможность въ глубинѣ души сознавать себя непотребнымъ, не смотря на всю видимую чистоту души, или исправность и честность поведенія. Да и какъ быть иначе? Если на праведности основывать надежду своего спасенія; то надо представить Богу праведность полную, и добродѣтель всеобъемлющую. Только такая праведность и такая добродѣтель могутъ быть положены въ основаніе нашего спасенія и питать насъ благонадежностію. Но посмотрите, чего сіе требуетъ!

Полная праведность, или всеобъемлющая добродѣтель, слагается изъ слѣдующихъ трехъ частей:

1) Изъ добрыхъ дѣлъ, видимо для всѣхъ тѣломъ соверша-

емыхъ, въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Это вотъ что: проситъ кто милостыни, подай ему. Причинилъ кто обиду, прости ему. Пришелъ врагъ, ухлѣби его. Сѣлъ за столъ, вкушай пищу по уставу и воздержно. Настало время молитвы, молись благоговѣйно и какъ велѣно.... Идешь на должность, трудись усердно, и такъ далѣе, и далѣе. Всякая минута и всякое мѣсто имѣютъ свои добрыя дѣла, которыя непремѣнно долженъ исполнять всякій, вступающій въ нихъ. Въ семъ отношеніи вся жизнь человѣка должна быть непрерывною цѣпью добрыхъ дѣлъ, съ той минуты, какъ онъ приходитъ въ сознаніе въ семъ мірѣ, и до той, какъ выйдетъ изъ него.... Какъ тѣ, кои вышиваютъ картины бисеромъ, рядъ за рядомъ прикрѣпляютъ бисеринки къ своимъ мѣстамъ и именно такія, а не другія бисеринки къ тому или другому мѣсту, и только тогда, какъ соблюдутъ все сіе, не спутаютъ бисеринокъ и не допустятъ перерывовъ и пропусковъ, картина получаетъ приличный ей видъ и свое имя: такъ и въ отношеніи къ намъ, тогда только и сочтетъ Господь кого либо добродѣтельнымъ, когда онъ всю картину жизни своей будетъ развивать такъ, что не пропуститъ ни одного мѣста и ни одного момента времени безъ того, чтобъ не сдѣлать обязательнаго для него тогда дѣла. Стань же теперь здѣсь, опирающійся на свою праведность, и скажи: такъ ли живешь ты, чтобъ всегда творилъ добро и никогда не опускалъ дѣла, обязательнаго для тебя, и не допускалъ дѣла полудобраго или даже совсѣмъ недобраго? Если такъ, опирайся на свою праведность; а если нѣтъ, ищи другой опоры для своего спасенія!

2) Другую часть, входящую въ составъ полной праведности, составляютъ добрыя чувства и расположенія, скрывающіяся подъ видимо совершаемыми дѣлами. Это суть: любовь, миръ, терпѣніе, кротость, милосердіе, воздержаніе, смиреніе, благоговѣніе, отрѣшеніе отъ всего, и проч., и проч. Добрыя дѣла, видимо совершаемыя, чтобъ быть добрыми истинно и служить ко спасенію, должны быть непремѣнно выраженіемъ какого либо изъ внутреннихъ добрыхъ чувствъ; такъ что, коль

скоро въ основѣ ихъ нѣтъ добраго чувства, которымъ онѣ должны быть воодушевляемы, то онѣ негодны и Богопротивны. Такъ, напримѣръ, благоговѣйное къ Богу обращеніе ума и сердца есть доброе, Богоугодное внутреннее настроеніе. Когда оно есть на душѣ, то требуетъ неотложно и соотвѣтственныхъ себѣ дѣлъ, которыя и бываютъ, именно: домашняя молитва, долгіе поклоны, хожденіе въ храмъ Божій къ службамъ, посѣщеніе святыхъ мѣстъ, чествованіе иконъ, возжженіе лампадъ и ѳиміама, и проч. Подобная же сумма видимыхъ дѣлъ есть и для выраженія каждаго внутренняго чувства; наприм., для выраженія милосердія есть семь дѣлъ тѣлеснаго и семь дѣлъ душевнаго милосердія. Но всегда надобно помнить, что послѣднія, т. е., дѣла видимыя, тогда только и имѣютъ цѣну, когда онѣ служатъ выраженіемъ первыхъ, т. е., внутреннихъ чувствъ. Такъ, всѣ видимыя дѣла благочестія: поклоны, молитвословія, хожденіе въ храмъ, и проч., тогда только будутъ истинно добрыми дѣлами, когда служатъ выраженіемъ внутренняго благочестія, или благоговѣйнаго къ Богу обращенія нашего ума и сердца, а безъ сего послѣдняго, онѣ ничто. То же должно сказать и о всѣхъ дѣлахъ милосердія, что онѣ тогда только и суть истинно добры, когда служатъ выраженіемъ искренней ко всѣмъ братской любви во славу Божію, а не какимъ нибудь приспособленіемъ къ другимъ, желаніемъ выказаться или, какъ нынѣ часто говорятъ, желаніемъ обнаружить гуманность; это—язычество въ Христіанской одеждѣ. То же надо сказать и о всѣхъ другихъ внѣшнихъ дѣлахъ—что истинная цѣна ихъ опредѣляется внутреннимъ расположеніемъ.... Ибо иначе можно, напр., тѣломъ быть въ храмѣ, а душею — въ блудилищѣ; языкомъ снисходительно извинять, а въ сердцѣ осуждать; положеніемъ тѣла показывать почтительность, а внутри питать презрѣніе; глазами не смотрѣть будто на лица, а въ душѣ распаляться похотію, и проч. и проч. Внѣшно всѣ сіи дѣла и хороши, но цѣна ихъ предъ Богомъ уничтожается чувствами, кои питаютъ при совершеніи ихъ въ душѣ. И слѣдовательно на праведности можно основывать свое спасеніе толь-

ко тогда, когда можно быть увѣренными, что всѣ чувства и расположенія наши исправны и Богоугодны—и притомъ не часъ или два, а всю жизнь и непрерывно. И такъ, приди сюда, хотящій основать свое спасеніе на своемъ добромъ поведеніи, и скажи: не проскользало ли когда подъ видимыми добрыми дѣлами твоими неправыхъ чувствъ, оскверняющихъ ихъ?... Если не проскользало (но кто можетъ сказать сіе?), то успокоивайся на своей праведности; а если проскользало, какъ это всякій долженъ сознать, то смирись и ищи другой основы своему благонадежію во спасеніи.

3) Третью часть полной праведности составляетъ крѣпкая, какъ смерть, ревность о славѣ Божіей, воодушевленная пламенною любовію къ Богу и воодушевляющая всѣ добрыя чувства сердца и всѣ добрыя дѣла видимыя.

Когда въ сердцѣ есть добрыя расположенія, можно бы, кажется, и успокоиваться на счетъ своей участи. Но вотъ что, братіе, возьмите во вниманіе! Мы созданы Богомъ, созданы по образу и подобію Божію, созданы для того, чтобъ славилось нами имя Божіе во вселенной, или для того, чтобъ всѣхъ себя всецѣло посвятили мы Богу.... А между тѣмъ вотъ что можетъ быть! Иной сердоболенъ и сердоболіе свое обнаруживаетъ дѣлами, но и помышленія не имѣетъ о Богѣ, при всѣхъ дѣлахъ и чувствахъ сердобольныхъ. Сердоболіе таковаго не помянется предъ Богомъ, ибо оно не отъ Него принято, какъ заповѣдь, и не Ему посвящено, какъ служеніе и жертва. Иной кротокъ и безгнѣвенъ и сіе расположеніе обнаруживаетъ дѣлами, не позволяя себѣ увлекаться чувствами раздора и мщенія; но при семъ онъ слѣдуетъ какому-то инстинктивному расположенію къ уступчивости, образуемому сознаніемъ безсилія и робостію, а не заповѣди Господа, Который говоритъ: Прости! Мнѣ отмщеніе—Азъ воздамъ! Кротость такого не имѣетъ цѣны предъ Богомъ. Иной воздерженъ и крайне воздерженъ: мало спитъ, почти не ѣстъ и не пьетъ, рѣдко видятъ его внѣ, онъ всегда дома и за дѣломъ; но не Богу посвящаетъ онъ труды свои, а или корысти, или пустой славѣ человѣческой. Воздержности и трудолюбія тако-

го не признаетъ Господь достойными награды. Такъ и во всемъ прочемъ! Недостаточно имѣть добрыя чувства и расположенія (кои могутъ быть и естественныя — прирожденныя), надобно еще, чтобъ онѣ возглавлены были однимъ коренымъ расположеніемъ—ревностію о славѣ Божіей, ею были проникнуты и служили ея выраженіемъ. Коль скоро сего нѣтъ, или нѣтъ въ должной степени и мѣрѣ, вся доброта наша ни во что же вмѣнится предъ лицемъ Господа, Который скажетъ нѣкогда: отойдите отъ Мене; не вѣмъ васъ!... Не вѣмъ васъ потому, что вы въ продолженіи жизни своей не давали Мнѣ знать о себѣ посвященіемъ Мнѣ вашихъ добрыхъ чувствъ и дѣлъ.

И такъ, пріиди, чающій себѣ спасенія отъ праведности, и скажи, всегда ли и въ должной ли мѣрѣ всегда была въ тебѣ ревность о славѣ Божіей, и всегда ли она одна воодушевляла твои добрыя чувства и дѣла? Если такъ (а это кто можетъ сказать?), то успокоивайся на своей праведности; а если нѣтъ, ищи другаго способа къ оправданію себя предъ Богомъ и другаго основанія спасенію своему!

И такъ—можетъ, кто хочетъ, основывать надежду спасенія своего и на праведности, только ужъ пусть сдѣлаетъ такъ, чтобъ сія праведность была совершенная, полная и всесторонняя..., т. е., чтобъ вся жизнь его была непрерывною цѣпью добрыхъ дѣлъ, безъ перерыва и опущеній, чтобъ подъ сими дѣлами скрывались всегда добрыя чувства и расположенія, которыхъ онѣ должны быть только видимыми выраженіями, и чтобъ всѣ сіи чувства и расположенія были воодушевлены одною ревностію о славѣ Божіей, или были жертвою Богу... Потому, у кого есть все сіе, тотъ приди, стань дерзновенно предъ лицемъ Господа и скажи Ему, если смѣешь и если позволитъ то совѣсть твоя: нѣсмь, якоже прочіи человѣцы. А если нѣтъ чего нибудь, умолкни и, не смѣя очесъ возвести на небо и отверзть устъ своихъ, изъ глубины души взывай мытаревымъ гласомъ: Боже, милостивъ буди мнѣ—грѣшному! Не заглядывайся на то, что есть какія нибудь

добрыя дѣла и добрыя чувства, и что иногда чувствуется припадокъ жаркой ревности по Богу. Богъ требуетъ не кое-чего, а всего, всей полноты праведности и доброты, и когда недостаетъ какихъ либо частей ея въ человѣкѣ, то отвергаетъ всего человѣка, какъ непотребнаго. Возьмете ли вы одежду отъ портнаго, когда въ ней все есть и хорошо сдѣлано, а недостаетъ полы или рукава? Или, когда столяръ принесетъ вамъ столъ, чисто обдѣланный, только безъ ноги или другой какой нибудь части, скажете ли вы ему: хорошо, оставь? Такъ и въ отношеніи къ намъ, не можетъ Богъ признать кого либо праведнымъ, если въ немъ недостаетъ какихъ либо частей праведности. Но если никто не можетъ похвалиться, чтобъ онъ и дѣла всѣ добрыя дѣлалъ неопустительно, и чувства всѣ имѣлъ добрыя, и ревностію Божіею всегда воодушевленъ былъ во всей силѣ, то пусть лучше и не помышляетъ основывать свое спасеніе на праведности, чтобъ въ часъ нужный не обмануться въ сей надеждѣ; пусть лучше забудетъ о сей праведности и, сколько-бъ ни дѣлалъ добра, пусть держитъ на сердцѣ чувство непотребства своего предъ Богомъ и ищетъ другихъ способовъ къ оправданію своему, образецъ коего представляетъ Мытарь! Приди, припади и восплачься предъ Господомъ, сотворшимъ насъ, съ вѣрою въ Господа нашего Іисуса Христа, Своею безцѣнною кровію, пролитою на крестѣ, омывающаго всѣ грѣхи наши и Своею безпредѣльною святостію восполняющаго всѣ недостатки наши. Ревнуй о добродѣтели, сна не давай очамъ, чтобъ не пропустить случая къ добру, не допустить недобраго чувства и не ослабнуть въ ревности; но надежду спасенія всю полагай въ Господѣ, *Иже бысть намъ отъ Бога правда и освященіе, и избавленіе* (1 Кор. 1, 30). Аминь.

24 Января,
1860.

XVII.

ВЪ НЕДѢЛЮ БЛУДНАГО СЫНА.

Въ прошедшее воскресенье словомъ Евангельской притчи внушала намъ св. Церковь не полагаться на свою праведность. И мы видѣли, что и возможности никакой нѣтъ какъ нибудь основать на ней надежду своего спасенія. Ибо гдѣ намъ такъ жить, чтобъ вся жизнь наша представляла непрерывную цѣпь добрыхъ дѣлъ и притомъ такъ, чтобъ подъ сими добрыми дѣлами всегда были добрыя чувства и расположенія сердца, а далѣе—всѣ сіи чувства и расположенія со всѣми дѣлами были воодушевляемы одною ревностію по славѣ Божіей? Гдѣ намъ такъ жить? А между тѣмъ все сіе и—все сіе только въ совокупности составляетъ полную праведность, такъ что, коль скоро недостаетъ чего, праведность та уже не праведность и не имѣетъ силы отворить намъ входъ въ царство небесное.

Но съ другой стороны—только праведные, чистые и святые могутъ наслѣдовать царствіе Божіе, потому что въ него не войдетъ ничто нечистое. Такъ какъ же намъ быть? Какъ неправедную жизнь свою сдѣлать праведною? Чѣмъ оправдать неправды свои? Куда дѣвать намъ грѣхи свои, и чѣмъ убѣ-

лить нечистоты и скверны души своей? Ибо, если, при недостаткѣ правды, еще и сего не донщемся и не сдѣлаемъ того, что слѣдуетъ посему, нѣтъ намъ надежды спасенія! Погибли мы! У Бога правды—нѣтъ поблажки, и нѣтъ на лица зрѣнія: или будь правъ, или ищи неложнаго оправданія предъ лицемъ праведнаго и нелицепріятнаго Судіи.

Увы! тѣсно намъ отъ обою! и эту тѣсноту неизбѣжно проходитъ всякая душа, взыскивающая спасенія! Не видя правды въ себѣ, она поражается чувствомъ гнѣва Божія и готова бываетъ пасть въ отчаяніе. Но, благодареніе Господу, вотъ слышится ей утѣшительный гласъ къ разбойнику съ креста: *днесь со Мною будеши въ раи!* и она оживаетъ благонадежіемъ... Ахъ, братіе! если бы не было креста, не было бы никогда никакой отрады ни въ какой душѣ; была бы одна скорбь и тѣснота и въ сей жизни, и въ будущей.

Слышали ли вы, братіе, сердцемъ сей призывъ отъ Господа: пріидите ко Мнѣ, вси труждающіеся въ чувствахъ нечаянія и обремененные грѣхами, и Азъ упокою вы: возьму васъ подъ кровъ Свой, умирю, облегчу и насыщу душу вашу благонадежіемъ!

Пріидите же, всѣ ищущіе спасенія! Пріидите, поклонимся и припадемъ ко Христу, изъ глубины души вопія къ Нему: спаси ны, Сыне Божій, спаси ны! развѣ Тебе, иного спасителя не знаемъ!

И такъ вотъ прямой и незаблудный путь спасенія, а не праведность! По этому Новый Завѣтъ такъ начинается: «*Покайтеся и вѣруйте во Евангеліе*». *Покайтеся*: сознайте себя грѣшными, безотвѣтными предъ Богомъ, и плачьте о томъ въ горести души; *вѣруйте во Евангеліе*: вѣруйте, что Господомъ на крестѣ пригвождены всѣ грѣхи наши и раздрано рукописаніе ихъ, и что всякій грѣшникъ, вѣрующій въ Него, получаетъ прощеніе и объявляется правымъ предъ лицемъ правды Божіей.

Токи слезъ покаянія и сердечнаго сокрушенія во грѣхахъ, растворяемые и умягчаемые вѣрою въ крестную смерть Госпо-

да, это—основа нашего оправданія и слѣдовательно нашего спасенія. Вотъ почему Іоаннъ Предтеча, приготовляя народъ къ срѣтенію Господа, говорилъ: покайтесь... Вотъ почему и Самъ Господь началъ проповѣдь Свою тѣмъ же словомъ: покайтесь, и потомъ, посылая Апостоловъ на проповѣдь еще при Себѣ, заповѣдалъ имъ всюду говорить: покайтесь. Вотъ почему и св. Церковь, научая насъ восхитить спасеніе въ приближающійся постъ, влагаетъ такую пѣснь во уста каждому изъ насъ: *покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!* Она предложила уже намъ притчу о мытарѣ и фарисеѣ, чтобъ научить, что спасеніе—въ мытаревомъ біеніи въ перси съ воплемъ покаяннымъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному*, а не въ самооправдательномъ самомнѣніи: *нѣсмь, якоже прочіи.. хвалу Тебѣ воздаю* и проч.; и нынѣ предлагаетъ притчу о блудномъ сынѣ, чтобъ показать, что Отцу небесному любезнѣе тотъ сынъ, который, обращаясь къ Нему по согрѣшеніи, говоритъ: *нѣсмь достоинъ нарещися сынъ Твой...* нежели тотъ, который, думая, что никогда не нарушаетъ воли Его, говоритъ: *николи же заповѣди Твоя преступихъ...*

Пріидите же, восплачемся предъ Господомъ, сотворшимъ насъ, Господомъ праведнымъ, но готовымъ помиловать насъ ради слезъ нашихъ сокрушительныхъ...

Не подумалъ бы кто, судя по образцамъ мытаря и блуднаго сына, что слезы покаянія нужны тѣмъ только, кои запутывались въ страсти безчестія и большіе грѣхи, а не тѣмъ, кои уже перестали грѣшить и живутъ исправно! Нѣтъ, нѣтъ! Слезы покаянія всѣмъ необходимы, и безъ нихъ никому на свѣтѣ нѣтъ спасенія: притомъ необходимы слезы непрестанныя, а не такъ, что поплакалъ однажды, исповѣдался, и довольно... Онѣ то же въ жизни, что поле или фонъ въ цвѣтистой матеріи. Какъ сіе одноцвѣтное поле служитъ основою цвѣтовъ и наполняетъ пустые между ними промежутки, такъ и слезы покаянія служатъ основою праведности и восполняютъ недостатки правыхъ дѣлъ въ жизни нашей. И такъ, нечего отговариваться! Плакать и плакать подобаетъ!

Чтобъ для васъ яснѣе было, что такое слезы и какъ надобно плакать, приведу вамъ нѣсколько случаевъ относительно сего изъ житій Святыхъ. Одинъ святой мужъ, кажется, Ефремъ Сиріанинъ, шелъ съ учениками своими въ городъ или селеніе и, проходя мимо кладбища, увидѣлъ одну вдову, которая проливала горькія слезы надъ могилою... и, какъ ни утѣшали ее родные, окружавшіе ее, она слушать никого не хотѣла. Она все, кажется, забыла, ничего не видѣла и не слышала; одно горе поглощало ея сердце и душу. Миновавъ ее, старецъ, обратясь къ ученикамъ своимъ, сказалъ имъ: какъ убивается вдова сія на могилѣ сей, такъ намъ надобно убиваться плачемъ о душѣ своей, которую мы уморили грѣхами своими и похоронили на чуждой ей землѣ міра и похотей плотскихъ. Сказавъ сіе, старецъ зарыдалъ и рыдалъ всю дорогу, пока пришли къ тому мѣсту, гдѣ надобно было скрыть слезы свои.

И еще есть сказаніе объ одномъ старцѣ, который, оставя міръ, удалился въ пустынныя мѣста, но не строилъ себѣ келліи, а такъ переходилъ съ мѣста на мѣсто, какъ птица перелетная. Видалъ ли кто его вкушающимъ пищу, невѣдомо; но никто никогда не видалъ его безъ слезъ, рыданій и стенаній. Если случалось, что онъ, какъ горлица пустынная, приближался къ какому городу или селенію, то не входилъ внутрь, а садился внѣ, на какомъ либо камнѣ, и, преклонивъ голову къ персямъ, вопіялъ со слезами: «о! о! о! увы! ой, горе! ой, бѣда! Что-то будетъ? что-то будетъ?»—Случалось, что жители того мѣста выходили къ нему и изъ состраданія брались утѣшать его, но это еще болѣе растравляло его горе и умножало плачь и слезы. Предлагали ему и пищу, и одежду, и деньги, ничто не утѣшало, ничто его не занимало, и были слезы ему хлѣбъ день и ночь. Иногда обращались къ нему съ рѣчью, говоря: о чемъ плачешь ты и какая бѣда постигла тебя? Скажи намъ; можетъ быть, мы по силѣ нашей поможемъ тебѣ и облегчимъ горькую участь твою. Но старецъ отъ сихъ словъ еще больше начиналъ плакать, закрывая лице свое съ тѣмъ

же воемъ и воплемъ и не имѣя силъ произнести ни одного членораздѣльнаго слова. И только послѣ долгихъ докучаній, сквозь слезы и всхлипыванья, произносилъ иногда: «не знаю, поможете ли вы мнѣ, но вотъ бѣда моя: господинъ мой ввѣрилъ мнѣ большое богатство, а я промоталъ его все на балы, театры, гулянья, на пиршества и роскошную, нечистую жизнь съ блудницами. Теперь господинъ мой ищетъ меня, и, нашедши, предастъ суду и позорной казни. И дѣлать, не знаю, что!.. что-то будетъ?.. что-то будетъ?»—и опять предавался плачу, рыданію и воплямъ. Понятно вамъ, о чемъ это онъ плакалъ? Онъ плакалъ о грѣхахъ и боялся суда Владыки всѣхъ—Бога!.. Вотъ такъ восплачемъ, и, можетъ быть, помилуетъ насъ Богъ!

Не сказалъ бы кто при семъ: «вотъ, все плачь, да стоны и слезы! Пріятно ли Самому Господу такое ненатуральное состояніе?» Да, такъ. Слезы только и пріятны Господу и только съ сокрушеннымъ сердцемъ приходящихъ къ Нему Онъ принимаетъ милостиво и благосклонно. Относительно одной души, ищущей спасенія, вотъ что показалъ Господь въ сонномъ видѣніи: видѣлось ей, будто она, въ толпѣ другихъ многихъ, находится на просторномъ дворѣ святой обители, среди коего стояла преблаголѣпная церковь. Всѣ чего-то ожидали. Вдругъ пронесся говоръ: идетъ, идетъ пастырь!.. Народъ разступился, и всѣ увидѣли грядущимъ Спасителя въ пастушескомъ одѣяніи. Лице Его было необыкновенной красоты и радушный взоръ Его разливалъ отраду вездѣ, куда ни падалъ. Онъ прошелъ пространство между народомъ и церковію и сталъ у двери храма. Очи всѣхъ устремлены были на Него... Мановеніемъ руки и знакомъ очесъ Онъ началъ подзывать къ Себѣ изъ толпы народа, кто Ему былъ нуженъ. Подзываемые облекались свѣтомъ и, чѣмъ ближе подходили, тѣмъ становились свѣтоноснѣе... Видно, что это были знаки особенной благодати и милости. Но, подозвавъ двухъ—трехъ, Спаситель остановился какъ бы въ недоумѣніи. Видѣвшая видѣніе душа, не худая по жизни, не чуждавшаяся подвиговъ и трудовъ и тво-

рившая добро, какое могла, съ самаго появленія Господа помечтала, что, вѣрно, ради такой ея услуги Господу, или ради того, что она не то же, что прочіе, Господь покажетъ ей какой нибудь знакъ особеннаго Своего благоволенія. Потому, когда Онъ пересталъ подзывать, ей представилось, что теперь за нею череда. Выступивъ изъ-за другихъ, обратилась она къ Господу: не меня ли, Господи?.. но Господь и не взглянулъ на нее, а только взоромъ и движеніемъ головы выражалъ презрѣніе и отверженіе. Какъ стрѣлою была поражена душа, видѣвшая сіе, и пала съ крикомъ отчаянія. Окружавшіе ее бросились было помогать ей, но она отталкивала всѣхъ, крича только: я грѣшница... я погибшая... Господь отвергъ меня, а безъ Него какъ жить и гдѣ искать спасенія! Но Господь былъ уже близъ, и стенавшая въ горести душа едва восклонила главу свою, какъ узрѣла Господа, Который стоялъ надъ нею съ простертыми объятіями, готовый поднять ее. Утѣшительное слово изошло изъ Божественныхъ устъ Его: вотъ какъ ко Мнѣ приходить должно! И тѣмъ видѣніе кончилось.

Вотъ видите ли, какъ надобно приходить къ Господу? Нечего тутъ умствовать! Такой путь моленія учредилъ Самъ Господь: симъ путемъ и будемъ идти. Онъ пришелъ въ міръ грѣшниковъ спасти: грѣшниками и будемъ приходить къ Нему, только грѣшниками, плачущими о грѣхахъ своихъ съ рѣшимостію не повторять ихъ болѣе. Праведника нѣтъ ни одного на землѣ; всѣ грѣшники и всѣ оправдываются туне, благодатію Господа Іисуса Христа, ради вѣры въ Него и слезъ раскаянія и сокрушенія! Будемъ же плакать о грѣхахъ, да спасемся! Аминь.

31 Января,
1860.

XVIII.

ВЪ НЕДѢЛЮ МЯСОПУСТНУЮ.

Въ позапрошлое воскресенье говорила намъ мать наша— св. Церковь: всячески ревнуйте о добродѣтельномъ житіи, но не гордитесь добрыми дѣлами своими, потому что вы не можете ихъ надѣлать столько, чтобъ на нихъ можно было окончательно основать надежду своего спасенія. Потому, не ослабѣвая въ добродѣланіи, не полагайтесь на свою праведность. Въ прошедшее воскресенье св. Церковь говорила намъ: чистые только и святые войдутъ въ царствіе Божіе... Какъ вы не представляете себя Господу чистыми въ неуклонномъ исполненіи Его заповѣдей, то поревнуйте очистить себя отъ всякаго грѣха слезами покаянія. Плачьте о грѣхахъ своихъ, какъ плачутъ о мертвомъ, чтобы выплакать у Бога помилованіе.

Нынѣ же что она говоритъ? Нынѣ она живописуетъ намъ страшный судъ Божій и тѣмъ хочетъ послушныхъ чадъ своихъ воодушевить на бо́льшіе и бо́льшіе труды, а нерадивыхъ и безпечныхъ пробудить отъ усыпленія. Первымъ она говоритъ: трудитесь и не ослабѣвайте въ трудахъ своихъ; ибо,

когда придетъ Господь и всѣ святые Ангелы съ Нимъ, тогда поставитъ Онъ васъ одесную Себя и скажетъ вамъ: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра.* И съ той минуты вы начнете вкушать блаженство, для выраженія котораго нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ. Тогда забудете всѣ труды свои и скорби. А вторымъ, т. е., нерадивымъ, говоритъ нынѣ св. Церковь: непрестанно внушаю вамъ, — живите, дѣти мои, какъ жить слѣдуетъ истиннымъ Христіанамъ, а вы не слушаете. Приглашаю васъ къ покаянію, а вы уши свои затыкаете отъ зова моего; говорю вамъ: плачьте о грѣхахъ, а вы не только не плачете, но издѣваетесь надъ плачущими, издѣваетесь даже надъ самымъ уставомъ покаяннымъ, какъ и надъ всѣмъ порядкомъ жизни Христіанской. Убойтесь! Прейдетъ образъ міра сего, явится строгій Судія и поразитъ васъ гнѣвнымъ отверженіемъ Своимъ: *отыдите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его.*

Вотъ нынѣшній урокъ! ясенъ онъ и полонъ, при всей простотѣ своей и краткости. И мнѣ ничего не остается прибавлять къ тому, кромѣ одного: напечатлѣйте образъ суда Божія въ умѣ и сердцѣ вашемъ и всегда носите его въ себѣ, не отрывая отъ него вниманія вашего. Сами увидите, какимъ воодушевленіемъ и какою готовностію на всякаго рода труды исполнится духъ вашъ, если вы хотя малое возымѣете попеченіе о спасеніи души своей! Съ другой стороны, какой страхъ и какое сокрушеніе изольются въ сердца тѣхъ, кои не совсѣмъ исправны, страстямъ поблажаютъ и вольности предаются. Можно сказать, что еслибъ какимъ нибудь образомъ можно было глубоко напечатлѣть въ душѣ людей сей образъ суда Божія, то всѣ въ непродолжительномъ времени сдѣлались бы исправными ревнителями добрыхъ дѣлъ. Ибо положите, что вѣрная пришла бы вѣсть съ неба, что вотъ завтра или послѣ завтра придетъ Господь! Сталъ ли бы кто предаваться тогда утѣхамъ и забавамъ? Сталъ ли бы поблажать страстямъ своимъ и творить грѣхи?... Сталъ ли бы еще отлагать пока-

яніе и исправленіе свое?... Развѣ безумный какой сталъ бы такъ дѣлать, а всѣ, не потерявшіе смысла, бросились бы поспѣшнѣе дѣлать все, что̀ еще можно сдѣлать въ это короткое время. Какъ ученики, для которыхъ настаетъ экзаменъ, о томъ только и думаютъ, какъ бы приготовиться къ экзамену: иной не спитъ почти и не ѣстъ, а не то чтобъ позволилъ себѣ еще и объ играхъ и шалостяхъ подумать, — такъ было бы и съ нами, еслибъ память суда Божія никогда не выходила изъ головы нашей... Только и заботы было бы у насъ, какъ бы неопустительно исполнить все требуемое Господомъ, и тѣмъ угодными явиться Ему въ часъ суда. Но то бѣда наша, что мы привыкли отдалять отъ себя сей часъ суда, привыкли или дали себѣ на то право. Думаетъ всякій: сколько ужъ времени я живу! все слышу: вотъ судъ! вотъ судъ! и нѣтъ доселѣ суда. Можетъ быть, еще не скоро. Отцы наши, дѣды и прадѣды тоже ждали суда, но вотъ еще и мы не видимъ его, спустя столько времени послѣ нихъ. Все сіе такъ. Можно прибавить и еще болѣе того, что вотъ ужъ 18 вѣковъ, какъ сказалъ Господь о судѣ и какъ ждутъ суда, и все нѣтъ его. Но что же изъ этого? Не было его доселѣ, но, можетъ быть, не успѣемъ мы выдти изъ храма сего, какъ придетъ Господь. Ибо то несомнѣнно, что Онъ придетъ и что никто не можетъ сказать опредѣлительно, когда Онъ придетъ. И вздоха не проведемъ, какъ Онъ явится. Ной говорилъ своимъ согражданамъ: перестаньте грѣшить, иначе—потопомъ потопитъ васъ Господь. Можетъ быть, въ началѣ проповѣди иной и остепенялся, но потомъ, какъ прошло десять, двадцать, сто и болѣе лѣтъ, всякій давалъ себѣ право не вѣрить такъ долго несбывавшейся угрозѣ. Но невѣріе сіе вѣдь не отдалило же событія. Пришелъ же потопъ и взялъ все... Можетъ быть, за минуту до этого повторялъ проповѣдь свою Ной, и надъ нимъ смѣялись, но все же исполнилось то, что положено Господомъ; иного, можетъ быть, за смѣхомъ симъ и потопъ засталъ. Такъ и у насъ есть не мало людей, кои отдаляютъ часъ суда; иные, можетъ быть, и не вѣрятъ тому;

но все это не отстранитъ суда, и будетъ минута, когда исполнится положенное Господомъ — исполнится, когда не чаемъ, захвативъ насъ внезапно. Во дни Ноя, говоритъ Господь, ѣли, пили, женились, посягали, строились и торговали. Никто и не думалъ о потопѣ. Но потопъ пришелъ внезапно и взялъ все... Вотъ и мы ѣдимъ, пьемъ, веселимся и хлопочемъ о разныхъ дѣлахъ—о судѣ Божіемъ и думать не думаемъ, но, можетъ быть, онъ сей часъ же придетъ и застанетъ насъ, въ чемъ есть. Ибо, какъ молнія, показавшись на одномъ краю неба, въ одно мгновеніе пробѣгаетъ до другаго и охватываетъ все небо, такъ будетъ внезапно и мгновенно явленіе Сына Человѣческаго.

А мы отдаляемъ отъ себя сіе рѣшительное время и отдаляемъ на неопредѣленную даль, такъ что и конца будто не видать, когда сіе будетъ. Но вотъ что: отдаляйте судъ Божій, на сколько хотите. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не скоро еще придетъ Господь судить живыхъ и мертвыхъ; но какая же отъ этого намъ льгота, или поблажка?.. Все же Онъ придетъ и будетъ судить именно насъ и судить безъ лицепріятія, по закону Евангелія, нами воспріятому. Все же нашъ долгъ, быть истинными Христіанами, отъ того нисколько не умаляется. Хоть сей часъ, хоть чрезъ тысячу лѣтъ придется намъ стать на судъ, все же придется; и на судѣ томъ мы будемъ давать отчетъ въ употребленіи настоящихъ часовъ, дней и лѣтъ, дѣйствительныхъ, а не будущихъ, воображаемыхъ. Такъ не лучше ли намъ всякій часъ держать себя такъ, какъ бы Господь сей часъ имѣлъ явиться, или лучше такъ, какъ бы мы стояли уже на судѣ. О, если бы Господь далъ намъ въ такое настроеніе привести умъ свой! Какая ревность о святости начала бы тогда снѣдать насъ! Врагъ знаетъ силу сего помышленія и всячески выбиваетъ его изъ головы нашей разными благовидными предположеніями. Но, братіе, умудримся противоставить всѣмъ его козням одно простое разсужденіе. Скажемъ ему: «пусть не скоро судъ, но вѣдь, если можно отсюда извлекать какую либо поблажку, то это тѣмъ только, кои могутъ быть увѣрены,

что часъ смерти ихъ совпадаетъ съ часомъ суда отдаленнаго; намъ же что изъ того? Вотъ, нынѣ или завтра придетъ смерть и покончитъ все наше, и запечатлѣетъ собою участь нашу навсегда, ибо послѣ смерти нѣтъ покаянія. Въ чемъ застанетъ насъ смерть, въ томъ предстанемъ мы и на судъ. Застанетъ насъ смерть нераскаянными грѣшниками,—грѣшниками нераскаянными узритъ насъ и Судія праведный и осудитъ. Застанетъ насъ смерть кающимися о грѣхахъ и ревнующими о добрѣ,—такими признаетъ насъ и судящій Господь и помилуетъ. Но, когда придетъ смерть наша, никто того сказать намъ не можетъ. Можетъ быть еще минута, и всему конецъ... и пойдемъ мы къ престолу Божію, и услышимъ отъ Него приговоръ, котораго уже никто перемѣнить не можетъ». Такое разсужденіе противопоставимъ лукавому врагу, который мыслію объ отдаленности суда Божія покушается затмить въ умѣ нашемъ картину сего суда и тѣмъ разслабить ревность нашу. И въ самомъ дѣлѣ, что пользы за-горы отдалять время страшнаго суда, когда смерть, не меньше его грозная и рѣшительная, стоитъ у насъ за плечами? Покоримся же, какъ дѣти послушныя, спасительному внушенію матери нашей—Церкви! Наполнимъ память свою картиною суда Божія и не будемъ отрывать отъ него своего вниманія! Отъ суда вѣетъ не однимъ страхомъ и ужасомъ... Онъ можетъ подать и обильное утѣшеніе. Ибо тамъ будетъ сказано не одно: *отыдите... проклятіи*... но и другое: *пріидите, благословенніи*, и послѣднее прежде перваго. Надобно только, помышляя о судѣ Божіемъ, такъ устроить жизнь свою, чтобъ не попасть ошуюю, къ козлищамъ, а одесную, къ овцамъ. А для сего что нужно?.. Заповѣди Божіи исполнять со всею ревностію, а если въ грѣхи какіе впадемъ, каяться о томъ и плакать, постоянно уговаривая душу свою такими пѣснями церковными:

«Живущи на земли, душе моя, покайся; персть во гробѣ не поетъ, прегрѣшеній не избавляетъ; возопій Христу Богу: Сердцевѣдче, согрѣшихъ; прежде даже не осудиши мя, помилуй мя!» (Сѣдал. по 3 каѳисмѣ.)

«Доколѣ, душе моя, пребываеши въ прегрѣшеніяхъ? Доколѣ не пріемлеши покаянія предложеніе? Пріими во умѣ судъ грядущій и возопій Господу: Сердцевѣдче, согрѣшихъ; прежде даже не осудиши мя, помилуй мя!» (тамъ же).

«Душе, покайся прежде исхода твоего, судъ неумытенъ грѣшнымъ есть и нестерпимый; возопій Господу во умиленіи сердца: согрѣшихъ Ти въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, Щедрый, молитвами Богородицы, ущедри и спаси мя!» (по 4-й каѳ.) Аминь.

7 Февраля,
1860.

XIX.

ВЪ НЕДѢЛЮ СЫРОПУСТНУЮ.

Нынѣшній день св. Церковь посвящаетъ воспоминанію паденія Прародителей нашихъ, и вы слышали, какія жалобныя сѣтованія влагаетъ она въ уста изгнанныхъ изъ рая и сидѣвшихъ прямо противъ него праотцевъ нашихъ! Такъ живо было тогда чувство потери: рай былъ въ виду и изъ него, можетъ быть, доносились благоуханія цвѣтовъ и деревъ, напоминавшихъ о блаженной жизни, которую такъ недавно вкушали они въ невинности. Нельзя было не сѣтовать праотцамъ нашимъ.

Но то было сѣтованіе не одного Адама и Евы; то сѣтовала природа человѣческая падшая! Всѣ силы души и всѣ части тѣла издавали плачъ. Прародители передавали его только словомъ сѣтовавшей вмѣстѣ съ ними твари и будущему потомству. Съ той минуты сѣтованіе, плачъ и грусть сроднились съ природою человѣческою и стали составлять основной тонъ нашихъ сердечныхъ чувствъ и расположеній. И кто изъ потомковъ первозданнаго, наслѣдниковъ падшей природы человѣческой, не засвидѣтельствуетъ сего собственнымъ опытомъ?

Въ самомъ дѣлѣ, мы любимъ повеселиться; но что значитъ, что, послѣ самаго полнаго веселія, душа погружается въ грусть, забывая о всѣхъ утѣхахъ, отъ которыхъ предъ тѣмъ не помнила себя? Не то ли, что изъ глубины существа нашего дается знать душѣ, какъ ничтожны всѣ эти увеселенія сравнительно съ тѣмъ блаженствомъ, которое потеряно съ потерею рая? Мы готовы радоваться съ радующимися, но, какъ бы ни были разнообразны и велики предметы радостей человѣческихъ, они не оставляютъ въ насъ глубокаго слѣда и скоро забываются. Но, если увидимъ мать, плачущую надъ умершимъ сыномъ, единственною своею опорою, или жену, раздирающуюся надъ могилою любимаго мужа, скорбь глубоко прорѣзываетъ душу нашу, и слово и образъ сѣтующихъ неизгладимыми остаются въ памяти нашей. Не значитъ ли и это, что скорбь ближе и сроднѣе намъ, нежели радость? Вы слушаете пѣніе или музыку; пріятно, конечно, отзываются въ душѣ и веселые тоны, но они скользятъ только на поверхности ея, не оставляя замѣтнаго въ ней слѣда, между тѣмъ какъ тоны грустные погружаютъ душу въ себя и надолго остаются ей памятными. Спросите путешественника, и онъ скажетъ вамъ, что, изъ множества видѣннаго, выдаются изъ за-другихъ у него въ головѣ преимущественно такіе предметы и мѣста, которые погружали его въ грустную задумчивость.

Этихъ примѣровъ достаточно, кажется, въ поясненіе той мысли, что основное чувство нашего сердца есть грусть. Это значитъ то, что природа наша плачетъ о потерянномъ раѣ, и, какъ бы мы ни покушались заглушить плачъ сей, онъ слышится въ глубинѣ сердца, на перекоръ всѣмъ одуряющимъ веселостямъ, и внятно говоритъ человѣку: перестань веселиться въ самозабвеніи; ты, падшій, много потерялъ: поищи лучше, нѣтъ ли гдѣ способа воротить потерянное?...

Одинъ язычникъ подслушалъ сей плачъ души человѣческой, и вотъ въ какое иносказаніе облекъ онъ свою о томъ мысль! Какой-то мудрецъ старыхъ лѣтъ ходилъ въ уединенномъ

мѣстѣ, погруженный въ размышленіе о судьбахъ человѣчества. Изъ сей задумчивости онъ выведенъ былъ вопросомъ: «ты, вѣрно, видѣлъ его? Скажи, куда пошелъ онъ; я устремлюсь въ слѣдъ его и, можетъ быть, настигну его.» Обратившись, мудрецъ увидѣлъ дѣвицу. На ней была одежда царскихъ дщерей, но изношенная и изорванная. Лице ея было мрачно и загорѣло, но черты его показывали бывшую нѣкогда высокую красоту. Осмотрѣвъ странницу, мудрецъ спросилъ ее: что тебѣ нужно? Она опять повторила: «ты, вѣрно, знаешь его; скажи, гдѣ и какъ мнѣ найти его?» Но о чемъ это говоришь ты? сказалъ мудрецъ.—Ты развѣ не знаешь объ этомъ, отвѣчала дѣва. Ох-ма! А я думаю, что нѣтъ человѣка, который бы не зналъ о горѣ моемъ. Мудрецъ съ участіемъ спросилъ ее: скажи, въ чемъ горе твое, и, можетъ быть, я придумаю, какъ пособить тебѣ? — Подумай и пособи, отвѣчала она... Вотъ что я скажу тебѣ: я была въ странѣ свѣтлой, исполненной радости. Мнѣ было тамъ хорошо, какъ хорошо! Готовился бракъ... Женихъ мой, не помню чертъ лица его, былъ неописанной красоты... Ужъ все почти я забыла... но помню, что все было готово къ браку... какъ вотъ кто-то пришелъ и говорилъ мнѣ такія сладкія рѣчи... Потомъ далъ мнѣ что-то выпить. Я выпила и тотчасъ впала въ безпамятство или заснула. Проснувшись, ахъ, лучше бы мнѣ не просыпаться никогда!—проснувшись, я нашла себя на этой землѣ мрачной и душной. Гдѣ дѣвалось то мое свѣтлое жилище? Гдѣ мой женихъ и его радостныя очи, я того не знала. На первыхъ порахъ я только бѣгала въ безпамятствѣ туда и сюда, рвала на себѣ волосы и била себя въ перси отъ сильной муки, томившей душу мою. Успокоившись немного, я рѣшилась искать потерянное... И вотъ сколько уже времени хожу по землѣ и не нахожу того, его же возлюби душа моя. Днемъ спрашиваю солнце, а ночью — луну и звѣзды: каждыя сутки обходя кругомъ землю, — не видали-ль вы гдѣ того, кого ищетъ душа моя? и онѣ не даютъ мнѣ отвѣта... Есть ли горы,

гдѣ бы не слышался голосъ мой? Есть ли лѣса, гдѣ бы не раздавался вопль мой? Есть ли долины, которыхъ бы не истоптала нога моя? Но вотъ сколько уже времени блуждаю, ища потеряннаго, и не нахожу. Но скажи, не знаешь ли и не слышалъ ли ты, гдѣ то, о чемъ такъ тужитъ душа моя! Мудрецъ подумалъ немного и сказалъ: еслибъ ты назвала мнѣ имя жениха твоего и имя царства его и страны, гдѣ было свѣтлое жилище твое, я, можетъ быть, указалъ бы тебѣ туда дорогу, а по тому, какъ ты говоришь, никто не можетъ поруководить тебя! Развѣ не сжалится ли надъ тобою женихъ твой, и не пошлетъ ли кого указать тебѣ дорогу въ потерянное тобою блаженное жилище, или не придетъ ли самъ за тобою! Сказавъ сіе, мудрецъ отвернулся, а дѣва пошла далѣе снова искать необрѣтаемаго.

Понятно, что значитъ это иносказаніе! Оно изображаетъ душу, сѣтующую о потерѣ рая и общенія съ Богомъ, ищущую Его и не находящую. Такова и всякая душа, таковы и наши души по естеству! Разница въ чемъ? Въ томъ, что языческая душа только искала и искала, но не находила искомаго, и язычникъ не могъ далѣе идти! Разумъ встрѣчается съ ясными признаками — указателями паденія и потери рая, но не умѣетъ найти способа къ возстановленію падшаго и возвращенію потеряннаго. Мы же, братіе, не сыны ночи и тмы, но сыны свѣта и дня. У насъ не можетъ быть о томъ никакого недоумѣнія. Мы знаемъ, что Господь и Спаситель Самъ приходилъ на землю взыскать и спасти погибшаго, Самъ всѣхъ призываетъ къ Себѣ: *пріидите ко Мнѣ.... и Азъ упокою вы*. Вы потеряли царство... Вотъ оно приблизилось! Покайтесь и вѣруйте во Евангеліе, и Я возьму васъ къ Себѣ, и будете со Мною въ раю, въ обителяхъ Отца Моего веселитися и вечеряти. Такъ, братіе, бракъ снова уготованъ. Господь Самъ предлагаетъ Себя въ Жениха кающейся душѣ, для чего послалъ въ міръ невѣстоводителей, сначала Апостоловъ, а потомъ преемниковъ ихъ, чтобъ они обручали Ему души че-

ловѣческія, сѣтующія о потерѣ тѣснаго общенія съ Нимъ, представляя Ему ихъ, посредствомъ освятительныхъ дѣйствій Церкви, дѣвами чистыми, неимущими скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ.

Благодареніе Господу! Вотъ и насъ призвали ко браку! Вотъ и мы уже въ невѣстницѣ Христовой, въ св. Церкви! Вотъ и наши души получили залогъ уневѣщенія — обрученіе Св. Духа въ св. таинствахъ, какъ бы обручальное кольцо! Что еще остается? Остается ожидать, когда отворится дверь, изыдетъ Женихъ и позоветъ насъ къ Себѣ, въ вѣчныя обители. Тогда возрадуется сердце наше, и радости нашей никто уже не возьметъ отъ насъ. О, даруй, Господи!

Но, братіе, вамъ вѣдомы условія, на которыхъ все сіе—обѣщаемое — будетъ дѣйствительно намъ даровано! Будетъ возвращенъ намъ рай и брачное общеніе съ Господомъ, если явимся чистыми и непорочными предъ Нимъ, когда предстанемъ Ему по исходѣ отъ житія сего. Мы уже очищены въ крещеніи, и сколько разъ очищали себя въ покаяніи! Но посмотримъ на себя поближе: нѣтъ ли въ насъ еще какихъ пятенъ, обезображивающихъ лице или одежды наши, и поспѣшимъ снова омыть ихъ слезами покаянія. Се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія! Настаютъ дни очищенія! Воспользуемся симъ благопріятнымъ временемъ! Много бо согрѣшаемъ вси. Если не у всякаго есть смертные грѣхи, но все же есть грѣхи. Запылившійся въ дорогѣ хоть не то же, что упавшій въ грязь, но все же ему нельзя оставаться такъ. Надо и лице умыть и платье вычистить. Такъ и тѣмъ, кои идутъ путемъ жизни сей многособлазнительной, нельзя не запятнаться хотя чѣмъ нибудь. Что бы это ни было и какъ бы малозначительнымъ ни представлялось, нельзя того оставить на себѣ—надо очистить. Ибо Господь говоритъ, что въ царствіе Его не войдетъ ничто нечистое. Когда—ничто нечистое, значитъ, не только большая, но и малая нечистота преградитъ намъ путь въ царствіе Божіе....

Имѣя сіе въ виду, поревнуемъ очистить себя отъ всякія скверны плоти и духа въ приближающіеся дни, чтобъ не лишиться намъ навсегда такъ благостынно возвращаемаго намъ блаженнаго жилища. Аминь.

14 Февраля,
1860.

XX.

ВЪ СРЕДУ ПЕРВОЙ НЕДѢЛИ ПОСТА.

Вотъ уже протекли мы половину поприща говѣнія! Еще нѣсколько, и приступимъ къ таинству покаянія, чтобъ, очистившись, какъ должно, сподобиться причащенія святыхъ, пречистыхъ и животворящихъ Христовыхъ Таинъ, во исцѣленіе души и тѣла, а не въ судъ, или осужденіе. Господь да сподобитъ насъ сего великаго дара Его благодати! И сподобитъ, если не помѣшаемъ Ему сподобить. Ибо Онъ желаніемъ—желаетъ всѣмъ пріобщиться и всѣхъ пріобщить Себѣ; если сего не бываетъ, то причиною тому мы сами.

И вотъ о чемъ больше всего надобно намъ позаботиться въ остальное еще время: устранить причины, могущія воспрепятствовать любообщительному Господу пріобщиться намъ, ибо въ этомъ существо причащенія! Что же можетъ воспрепятствовать сему?—главнымъ образомъ—одно: нечистота сердца. Ибо какъ войти Чистѣйшему въ храмину сердца, когда сія храмина не чиста? Очистимъ же ее!

Конечно, лучше бы всегда содержать ее чистою, и потому всегда быть готовымъ принимать Господа, или, лучше, быть способнымъ всегда носить Его въ себѣ. Но если мы не такъ

счастливы въ семъ отношеніи, если, не остерегшись, пали въ грѣхи, запутались въ страсти и осквернили тѣмъ внутреннюю храмину свою, поспѣшимъ омыть ее въ предлежащей намъ банѣ покаянія. Когда Господь требуетъ чистоты и святости, то требуетъ непрерывной святости не непремѣнно; а очищенія грѣховъ въ покаяніи и исповѣданіи требуетъ непремѣнно. Мѣшаютъ грѣхи общенію съ нами Господа, но не грѣхи содѣланные, а грѣхи, по содѣланіи ихъ, оставленные неоплаканными и неисповѣданными. О! даруй намъ, Господи, обиліе слезъ сокрушенія и откровеннаго, безъ жалѣнія себя, исповѣданія грѣховъ!

Но, бр., понудимся немного и сами умягчить свое сердце! Въ прошедшіе дни мы уже довольно подготовили себя къ тому. Постъ смирилъ нѣсколько плоть и облегчилъ душу; домашнее уединеніе и хожденіе въ храмы отрѣяли дымъ и чадъ мірской суеты; слышаніе поемаго и читаемаго въ храмѣ и домашнее молитвословіе, съ чтеніемъ, кто можетъ, спасительныхъ книгъ, замѣстили уже много недобрыхъ представленій помышленіями благими. Все сіе нужно. Продолжая и далѣе неопустительно поступать такимъ образомъ, приложимъ еще одинъ трудъ или пріемъ, исключительно направленный къ тому, чтобъ сокрушить окаменѣлое сердце свое.

Въ рукахъ естествоиспытателей есть одинъ приборъ, состоящій изъ вогнутой большой тарелки, которая, принимая лучи теплоты, собираетъ ихъ въ одну точку и зажигаетъ тамъ вещество, какое будетъ подставлено. Вотъ подобное нѣчто можно сдѣлать и надъ сердцемъ. Соберемъ на сводѣ ума нашего всѣ поразительныя истины, какія представляетъ намъ святая вѣра, и наведемъ ихъ на сердце. Тѣснимое и проникаемое ими со всѣхъ сторонъ, оно, можетъ быть, уступитъ силѣ ихъ, умягчится, согрѣется, расплавится и породитъ пары воздыханій, и загорится огнемъ сокрушенія.

Не считаю нужнымъ перечислять сіи истины: вы ихъ знаете. Напр., вотъ что: грѣхомъ любовь безпредѣльная Творца и Промыслителя оскорблена, обѣты крещенія нарушены, вто-

рое распятъ Господь и Спаситель нашъ (т. е. когда грѣшили, мы продавали Его, подобно Іудѣ, заушали, оплевывали, ругались надъ Нимъ и наконецъ распяли), чрезъ грѣхъ потеряны всѣ высокія преимущества Христіанскія и—не только Христіанскія, но и человѣческія, и человѣкъ уподобился скоту. Къ тому еще: нынѣ-завтра смерть, далѣе судъ, котораго, не покаявшись, нѣтъ возможности перемѣнить. Еще: можетъ быть, мы, какъ безплодная смоковница, оставлены только на это время покаянія, въ надеждѣ, что принесемъ плодъ слезъ, и, если сего не будетъ, то посѣчены будемъ. Сіи и подобныя поразительныя мысли собирайте въ душѣ и бейте ими свое сердце... Особенно дѣлайте сіе во время молитвы. Трудъ безъ саможалѣнія съ молитвою вѣрно увѣнчается успѣхомъ! Одного только не забудьте: не вѣрьте своему сердцу!.. Оно лукаво и есть первый намъ измѣнникъ. Его надо взять въ руки и безъ жалости жать и бить, какъ жмутъ и колотятъ бѣлье, которое моютъ; надо бить сіе сердце за то, что оно, какъ жадная губка, впивало въ себя всякую встрѣчавшуюся нечистоту, и жать для того, чтобъ выжать сію нечистоту.

Когда же умягчится сердце, тогда легко имъ совладѣть: тогда оно готово бываетъ на все,—и гибко, подобно шелковой матеріи. Тогда, что ни скажи, оно все сдѣлаетъ. Скажи ему: плачь,—заплачетъ; скажи: исповѣдуй грѣхи, — исповѣдуетъ; скажи ему: перестань грѣшить,—и отвѣтитъ: перестану, перестану. Тогда останется только одно еще дѣло сдѣлать надъ нимъ: навесть на него зеркало Слова Божія, или Божественныхъ заповѣдей, и заставить его смотрѣться въ немъ. Тогда оно отразится въ семъ зеркалѣ со всѣми своими пятнами, морщинами и ранами, т. е., со всѣми грѣхами, и большими, и малыми; тутъ увидитъ оно и гордость, и спѣсь, блудъ и тщеславіе, щегольство и сластолюбіе, обиды, гнѣвъ, зависть, и проч... вообще все, чѣмъ чье сердце грѣшно предъ Господомъ. Спросите его тогда: ты ли это? и оно охотно отвѣтитъ: да, это я... несчастное! а въ другое время оно спрячется или укажетъ на другаго. Говорите ему: во всемъ этомъ ты ви-

новно? Оно отвѣтитъ: да, я виновно и само добровольно все сіе надѣлало... а въ другое время оно сего не скажетъ. Говорите ему: ты безотвѣтно? — да, безотвѣтно; а въ другое время оно наговоритъ бездну оправданій и извиненій. Прибавьте ему наконецъ: припади же къ стопамъ милосердаго Бога и умоляй Его о помилованіи... плачь и сокрушайся, исповѣдуй всѣ грѣхи свои и положи твердое намѣреніе не поблажать болѣе страстямъ своимъ, не грѣшить и не оскорблять тѣмъ Господа своего! И все сіе оно совершитъ, какъ послушное дитя. А въ другое время ему хоть и не говори!

Вотъ какъ дорого умягченіе и сокрушеніе сердца!.. Оно одно замѣняетъ всѣ правила и всѣ руководства. Обыкновенно много пишется правилъ, какъ готовиться къ покаянію и какъ производить его... Но я скажу вамъ одно: умягчите свое сердце и сокрушите его, и оно тогда само научитъ васъ всему! Какъ бѣдный, находящійся въ тѣснотѣ, является изобрѣтательнымъ къ облегченію своей участи или вымоленію помощи... таковымъ явится и сердце сокрушенное... Ибо оно тогда будетъ въ тѣснотѣ, какъ пойманный и уличенный преступникъ. Какъ начнетъ оно тогда хлопотать о томъ, какъ бы облегчить скорбь свою и избѣжать близкой опасности! Какъ радостно ухватится тогда оно за способы, предлагаемые Церковію, такіе способы, къ коимъ безъ того надобно бываетъ привлекать его ужемъ, какъ лѣниваго раба, и ухватится за нихъ тѣмъ радостнѣе, что способы сіи такъ немногосложны: — переузнай грѣхи свои всѣ, т. е., всѣ грѣшныя дѣла, слова, мысли, чувства и расположенія, и поди — исповѣдуй ихъ духовному отцу своему! И будешь непороченъ, и выйдешь изъ бани покаянія чистъ, какъ волна, и бѣлъ, какъ снѣгъ. Вотъ и все! Видите, какъ немного!.. А каковъ плодъ! — Таковъ, что его и описать нельзя... ибо того, кто такъ поступаетъ, Господь не сочтетъ уже недостойнымъ вселенія Своего, но сотворитъ съ нимъ по обѣщанію Своему: къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ съ Отцемъ и Святымъ Духомъ чрезъ пріоб-

щеніе крови Моей и плоти. А тогда—вотъ и царствіе! Вотъ и все, чего такъ ищемъ и чего съ такимъ пòтомъ добиваемся!

Сотворимъ же такъ, бр.! Поспѣшимъ такъ устроиться ко времени причащенія св. Таинъ, чтобъ чрезъ то сподобиться быть едино съ Господомъ. О Господи! помоги намъ! о Господи! благопоспѣши намъ! Аминь.

17 Февраля,
1860.

XXI.

ВЪ ПЯТОКЪ ПЕРВОЙ НЕДѢЛИ.

Когда въ какомъ нибудь городѣ ожидается прибытіе царя, то жители его всячески заботятся о томъ, чтобъ приготовиться къ достойному принятію его: выравниваютъ дороги, исправляютъ улицы и дома, особенную же заботу прилагаютъ о томъ, чтобъ убрать прилично царскому лицу домъ, назначенный для помѣщенія государя. Потомъ, когда уже все подготовятъ, то ко времени, назначенному для прибытія его, выходятъ въ срѣтеніе ему. Тутъ если и говорятъ, то только о желанномъ высокомъ посѣтителѣ! Когда же наконецъ пронесется вѣсть: ѣдетъ!—всѣ погружаются въ глубокое молчаніе, только очи свои устремляютъ туда, откуда ожидается прибытіе его.

Вотъ точно то же и у насъ теперь. Святая Церковь давно уже возвѣстила намъ: грядетъ Господь, грядетъ ко всѣмъ, хотящимъ принять Его! Вступивъ во св. Четыредесятницу, мы начали готовиться ко срѣтенію Его въ несомнѣнной увѣренности, что Онъ придетъ къ намъ въ св. Таинствѣ тѣла и крови Своей и вселится въ насъ чрезъ причащеніе. Для сего

оставили житейскія дѣла, говѣли, ходили въ храмы, уединялись, молились, читали и слушали читаемое. Потомъ мы должны были, пересмотрѣвъ всю свою жизнь, сдѣлать стропотное правымъ и острое гладкимъ—исповѣданіемъ и обѣтомъ не портить болѣе пути своего; должны были поставить въ должный чинъ всѣ отправленія и нужды тѣла, эти улицы, гдѣ будетъ проходить Господь; паче же всего позаботиться о томъ, чтобъ убрать храмину сердца возбужденіемъ въ немъ добрыхъ чувствъ и расположеній, чтобъ, пришедши, Господь успокоился въ немъ и Своимъ покоемъ упокоилъ насъ съ облаженствованіемъ. Сдѣлано ли все сіе, бр., какъ слѣдуетъ? Если такъ, то мы совершенно готовы встрѣтить Господа. И Онъ обрадуется намъ... и мы будемъ обрадованы Имъ. Теперь же что?—Теперь выходите въ срѣтеніе Его.

Еще нѣсколько, и Господь пріидетъ! Будемъ ждать Его въ глубокомъ молчаніи, какъ ждутъ помянутые граждане государя! Пусть умолкнутъ у насъ всѣ чувства и помышленія, и око ума невозмутимо да зритъ туда, откуда чаетъ встрѣтить Желаемаго, углубляясь въ Таинство тѣла и крови. Случалось ли вамъ въ полночь сидѣть въ уединенной комнатѣ? Вы, вѣрно, ощущали, какъ въ ту пору на все кладется печать молчанія, и по всему міру проходитъ какая-то величественная тишина, дѣлающая замѣтнымъ самое легкое движеніе. Вотъ въ такое состояніе поставимъ и мы себя съ сей поры, въ чаяніи naитія на насъ пришествія Господа, и въ свое время Онъ снидетъ на насъ, какъ дождь на руно и какъ капля, каплющая на землю. Мудрыя дѣвы въ полночь срѣтили Господа и введены были Имъ въ брачный чертогъ. Полночное молчаніе устроимъ и мы въ душѣ и срѣтимъ такъ Господа! Израиль, послѣ трехдневнаго приготовленія приведенный Моусеемъ къ подножію Синая, въ неподвижномъ молчаніи, въ страхѣ и трепетѣ ждалъ Бога, имѣвшаго явиться ему на горѣ и говорить къ нему: такъ устроимся внутренно и мы, и благоговѣйно будемъ ждать не страшнаго въ громахъ и молніи явленія Бога, но явленія Господа, обиліе милостей намъ приносящаго.

Скажетъ кто: «какъ въ глубокомъ молчаніи? Ужели безъ всякихъ чувствъ?» Нѣтъ, не безъ всякихъ чувствъ, а только безъ движеній суетливыхъ и бурныхъ, съ тихимъ чувствомъ умиленія, растворяемаго радостною надеждою истиннаго вкушенія Господа. Но—«приходитъ великій Господь. Какъ не страшиться и не трепетать!» Да! со страхомъ и трепетомъ исходите во срѣтеніе Ему, но не съ такимъ, который мучитъ и заставляетъ бѣжать и укрываться, а съ такимъ, съ какимъ Херувимы и Серафимы предстоятъ страшному престолу Божію, пія отъ него блаженство, не смотря на всю пристрашность. «Но тѣ безплотны и чисты, а мы съ плотію и исполнены грѣховъ!» Съ грѣхами нельзя приступать къ Господу, и не приступайте. Богъ есть огонь поядаяй и поястъ, какъ Даѳана и Авирона, всякаго, кто придетъ къ Нему во грѣхахъ. Только идутъ ли къ вамъ сіи опасенія?—Если вы сознали всѣ грѣхи свои, поболѣли и сокрушились о нихъ, исповѣдали ихъ духовному отцу и положили твердое намѣреніе не грѣшить болѣе, — вѣруйте, что, въ часъ разрѣшенія священническаго, совершенно изглаждены всѣ грѣхи ваши, вы объявлены невинными и облечены въ царскую одежду оправданія, въ которой дерзновенно можете приступить къ брачному пиру Сына Царева. Если точно вы приготовились, какъ слѣдуетъ, то не оскорбляйте пустою страшливостію Господа, грядущаго къ вамъ съ обиліемъ милостей. Полныя благоговѣйной любви очи устремите на Него и такъ исчезайте въ Немъ теплымъ возношеніемъ къ Нему сердца своего, пока пріидетъ и вселится въ васъ.

Такъ, братіе, еще мало—елико, елико—грядый пріидетъ и не закоснитъ. Вѣрою и любовію приступимъ, да причастницы жизни вѣчныя будемъ; вѣрою и любовію срѣтимъ Его и отверземъ Ему двери сердца, да внидетъ Онъ и вечеряетъ съ нами. Отселѣ же позаботимся учредить и самую вечерю. На сію вечерю Онъ Самъ Себя принесетъ, а мы что?—А мы принесемъ хлѣбъ и соль. Соль — плачъ и сокрушеніе о грѣхахъ прошедшихъ; хлѣбъ — твердую рѣшимость не грѣшить болѣе.

Вотъ то, что̀ больше всего Онъ жаждетъ вкусить въ насъ, когда мы причащаемся Его. Это—и должное срѣтеніе Его, и покойное ложе, на коемъ упокоится Онъ, насытившись нами и насъ насытивъ Собою!

Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа да дастъ вамъ, по богатству славы Своея, силою утвердитися духомъ Его во внутреннемъ человѣцѣ, вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша, (Ефес. 3, 16. 17.) чрезъ причащеніе святыхъ Его Таинъ. Аминь.

19 Февраля.
1860.

XXII.

ВЪ СУББОТУ ПЕРВОЙ НЕДѢЛИ ПОСТА.

Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже! Благодаримъ Тя, Господи Боже нашъ, яко не отринулъ еси насъ грѣшныхъ, но общники быти святынь Твоихъ сподобилъ еси! Благодаримъ Тя, яко и намъ недостойнымъ причаститися пречистыхъ Твоихъ и небесныхъ Таинъ даровалъ еси! Буди же намъ по глаголу Твоему, Господи: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ!*

Такъ, бр., теперь время не собесѣдованія и поученій, а славословія и благодаренія! Къ единому Господу, васъ посѣтившему, да будетъ обращеніе ваше. Имѣете теперь въ себѣ самихъ—всѣхъ наставниковъ единаго Наставника... Ему внимайте! Внимайте тому, что будетъ говорить вамъ Онъ въ тайнѣ существа вашего, сокровенно, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно. Не членораздѣльною рѣчью Онъ будетъ бесѣдовать съ душею вашею, а такъ — прямо въ сердцѣ напечатлѣетъ нужныя для жизни вашей внушенія. Крѣпче храните только тишину внутри, изострите ухо сердца вашего, приложите его къ устамъ Его и внимайте.

Всякому подаетъ Онъ свое благопотребное: кому миръ душевныхъ силъ, кому просвѣщеніе очей сердца, кому исцѣленіе ранъ душевныхъ, кому возбужденіе ревности на добро, кому готовность на подвиги самоотверженія, кому убѣжденіе въ истинѣ,—всякому свое. Но, чѣмъ больше кто окажетъ вниманія и готовности къ дѣятельному послушанію, тѣмъ больше получитъ уроковъ, такихъ уроковъ, кои не памяти передаются, а печатлѣются на существѣ. Не лишите же сами себя сего блага! Не мѣшайте Господу дѣйствовать въ духѣ вашемъ: заключите ихъ однихъ въ храминѣ сердца. Пусть останутся вдвоемъ. Какъ въ притчѣ женихъ, введши внутрь брачнаго чертога мудрыхъ дѣвъ, заключилъ двери, и никто уже изъ внѣшнихъ не могъ нарушать ихъ взаимнаго общенія: такъ и вы, пріявъ въ себя Господа, затворите всѣ входы и исходы, заключитесь и сами съ Нимъ внутри, и отстраните всякое внѣшнее развлеченіе.

Мы были больны, въ большей или меньшей степени; теперь приняли врача и вседѣйственное врачевство. Дадимъ врачевству сему вполнѣ воздѣйствовать въ насъ и, членъ за членомъ, проникнуть весь составъ существа нашего, пройти во всѣ уды, во утробу, въ сердце, душу очистить, освятить помышленія, составы утвердить съ костьми вкупѣ, чувствъ просвѣтить простую пятерицу и показать насъ селеніемъ единаго духа, а не селеніемъ уже грѣха, показать домомъ Бога, отъ котораго да бѣжитъ всякъ злодѣй и всяка страсть. Вотъ сколько надобно еще произвесть врачу! не будемъ же мѣшать Ему! Говорятъ, что сонъ больнаго благопріятствуетъ дѣйствію врачевства. Успокоимся же, какъ бы уснемъ для всего внѣшняго, чтобъ дать свободу принятому врачу и врачевству дѣйствовать безпрепятственно въ насъ всею Своею силою.

И время ли теперь заниматься чѣмъ нибудь постороннимъ? Дайте душѣ нарадоваться Господомъ и Господу—душею. Давно они не видали другъ друга. Грѣхи разлучали ихъ! О! еслибъ никогда не повторялись грѣхи сіи! Какъ тому, кто

съ дороги, дорогъ покой; такъ дорого упокоеніе Господу теперь въ душахъ нашихъ. Онъ утомленъ исканіемъ насъ и исканіемъ входа къ намъ. Грѣхами своими, страстями и мірскими обычаями мы изгнали Его. Вотъ все время Онъ искалъ насъ, то какъ потерянную драхму, то какъ овцу погибшую, и не находилъ, потому что мы всячески ухищрялись укрываться отъ Него. Бывало, что Онъ захватывалъ насъ гдѣ нибудь, становился у дверей сердца и толкалъ, чтобъ отворили, но мы не отворяли: толкалъ словами истины, и мы не внимали имъ; толкалъ тревогами совѣсти, и мы заглушали ихъ; толкалъ внѣшними скорбями, но и то не образумило насъ. Наконецъ вотъ настало благопріятное время поста. Мы немножко остепенились, потрудились въ подвигахъ молитвы и воздержанія, пришли въ себя, отверзли Ему сердце свое и исповѣданіемъ и сокрушеніемъ, и Онъ вошелъ въ насъ въ святомъ Причащеніи. Дадимъ же Ему насладиться душею нашею! Не возмутимъ покоя Его скорымъ возобновленіемъ суетностей, и тѣмъ паче—страстныхъ дѣлъ и обычаевъ...

Сколько разъ уже мы изгоняли Его!.. Потерпимъ Его въ себѣ хоть теперь. Правда, милостивъ Господь! Вѣрно, снова будетъ искать входа къ намъ и снова внидетъ. Но что, если нынѣшнее Его снисхожденіе къ намъ есть послѣдній предѣлъ Его долготерпѣнія!.. Что, если, будучи и послѣ сего вынужденъ отыти отъ насъ, Онъ произнесетъ окончательный приговоръ: *се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ*! Рѣдко бываетъ сіе, но—бываетъ. Почему знать, не сбудется ли сіе надъ нами, если снова допустимъ себя—оскорбить Его любовію къ намъ горящее сердце! Тогда что?—тогда седмь лютѣйшихъ бѣсовъ внидутъ и будутъ витать въ насъ, муча и терзая. Ахъ, убоимся сего, братіе!

Но страхъ сей поставимъ при дверяхъ сердца нашего, какъ стража и охранителя внѣшняго, внутри же всею любовію обымемъ Господа и въ семъ сладостномъ общеніи пребудемъ съ Нимъ до гроба, храня твердо положенный нынѣ съ Нимъ

завѣтъ и обѣты, данные на исповѣди: грѣшенъ не буду, грѣшенъ не буду, и ходя такимъ образомъ, какъ бы теперь только вышли изъ купѣли, въ обновленіи жизни. Аминь.

20 Февраля,

1860.

XXIII.

ВО ВТОРУЮ НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Вотъ уже кому недѣля, кому день, какъ приступали вы къ чашѣ Господней, какъ за обѣтъ не грѣшить, снова приняты въ пріискреннее общеніе съ Господомъ, какъ восприяли намѣреніе вести новую жизнь, и укрѣпившись благодатію таинствъ вступили на св. поприще истинно Христіанской дѣятельности. — Что же? Успѣшно ли идутъ дѣла ваши?!

Братіе и отцы!—Я не предполагаю между вами нерадивыхъ и безпечныхъ,—не предполагаю такихъ, кои холодно,—по обычаю только,—приступивъ къ таинству, продолжаютъ и теперь жить какъ жили прежде, или жить какъ живется, не заботясь о томъ, сообразны ли порядки ихъ жизни съ волею Господа, принятаго въ таинствѣ; не предполагаю и такихъ, кои съ искреннимъ желаніемъ приступивъ къ таинству и положивъ при семъ въ сердцѣ своемъ не оскорблять болѣе Господа, успѣли уже снова пасть въ прежнія страстныя дѣла и привычки.—Думаю, что всѣ вы—радуете нынѣ Господа и Ангеловъ Его, явившись сюда съ тою же чистотою и полнотою

жизни, съ какою отпущены были отъ св. Причащенія,—и не только тою же, но и большею, успѣвши приложить плоды добрыхъ дѣлъ, какъ пріобрѣтеніе на полученныя благодатныя силы. Едино прошу отъ Господа, и то взыщу,—да будетъ сіе такъ.

Но если такъ; то, ревнуя объ исправномъ Христіанскомъ житіи, заботясь о томъ, какъ бы явить себя угодными Господу, такую къ намъ великую милость недавно явившему, вы вѣрно встрѣчались съ вопросомъ: какъ бы сдѣлать, чтобы снова не пасть,—какъ бы устроить такой порядокъ, чтобъ онъ не мѣшалъ, а благопріятствовалъ новой, начатой по обѣту, требуемой совѣстію и желаемой сердцемъ, жизни.

Вѣроятно всякой рѣшилъ уже сіи вопросы для себя,—какъ умѣетъ и какъ находитъ лучшимъ.—Но чтобъ не вкралась въ столь важномъ дѣлѣ какая либо ошибка, скажу вамъ объ этомъ нѣсколько словъ, именно, — о томъ, какъ въ самомъ дѣлѣ надобно устроиться, чтобъ сохранилась, крѣпла и возрастала начатая нами новая жизнь.

Христіанская жизнь, утверждаясь корнемъ въ сердцѣ, развивается и растетъ на полѣ жизни нашей, подобно древу. Потому до познанія способовъ воспитанія его въ насъ можно сравнительно дойти по способамъ употребляемымъ при воспитаніи деревъ.

Смотрите, что дѣлаетъ садовникъ съ молодыми корнями или прививками,—и дѣлайте сами то же съ собою и съ своею жизнію Христіанскою. — Тотъ огораживаетъ свое деревцо и когда нужно прикрываетъ, чтобы неблагопріятныя дѣйствія внѣшнихъ стихій не повредили его: это первое. Огородивъ совнѣ, поливаетъ его, чтобъ оно имѣло около себя довольно матеріи для всасыванія въ себя и образованія изъ того питательныхъ соковъ: это второе. Далѣе—чтобъ оно росло ровно, — кромѣ своего надзора и обрѣзыванія лишнихъ вѣтвей, привязываетъ его къ тычинѣ или жерди, крѣпко и надежно утвержденной въ землѣ.

Подобный же сему уходъ долженъ быть и за ростками жизни нашей духовной:

Во 1-хъ, надобно оградить его отъ вредныхъ влiянiй совнѣ. Это вотъ что значитъ?! Положили мы твердое намѣренiе не грѣшить... Надобно теперь отстранить все, что можетъ поколебать сiе намѣренiе—именно: измѣнить прежнiе обычаи и оставить привычки, которыми питались наши страсти, — построить новый порядокъ своему поведенiю,—или своимъ занятiямъ дома и внѣ, и всѣмъ своимъ сношенiямъ, а паче всего предохранять себя отъ соблазнительныхъ встрѣчъ съ такими предметами, лицами и вещами, кои могутъ возбуждать томящiя насъ грѣховныя страсти.... Если не сдѣлаемъ сего, легко можемъ пасть,—и ростокъ жизни нашей духовной—снова заглохнетъ подобно деревцу, подверженному вредному влiянiю жара или холода, или росы злокачественной!

Но и оградивъ сей ростокъ показаннымъ образомъ, не должно ограничиваться этимъ однимъ.... Нѣтъ, надо еще, во 2-хъ, питать его... Надо доставить ему, такъ сказать, стихiи, кои усвояя себѣ, онъ умножалъ бы тѣмъ свои соки, росъ и крѣпнулъ... То есть, надо дѣлать—вотъ что: 1, читать и слушать слово Божiе и писанiя отеческiя, равно какъ самимъ разсуждать о спасительныхъ истинахъ и вести о томъ бесѣды съ единомысленными людьми или лицами, опытнѣйшими въ жизни духовной;—2, ходить, сколько это для кого возможно,—чаще въ церковь Божiю на Божественныя службы,—и дома учредить уголокъ молитвенный, время молитвы и правило молитвенное; 3, никакъ не опускать ни одного представляющагося случая къ дѣланiю добра или какому бы то ни было подвигу терпѣнiя или самоотверженiя... Ежели устроимся такъ,—то какъ бы свѣтомъ, теплотою и влажностiю обложимъ своего внутренняго человѣка, и напоимъ его разнаго рода стихiями духовными, впивая кои, онъ будетъ, какъ древо, насажденное при исходищахъ водъ... пышно и быстро развиваться и зрѣть; а если не сдѣлаемъ, то ростокъ сей, по-

добно древу на сухой и песчаной землѣ, скоро истощится, засохнетъ и замретъ.

Какого наконецъ уравнителя приставимъ къ сему древу, чтобъ оно росло ровно и не давало ненужныхъ лишнихъ отростковъ?! Это ближе всего свое собственное разсужденіе.— Смотрите сами внимательно за всѣмъ и все направляйте къ одной цѣли.—Не сможете сами,— останавливаетесь часто въ недоумѣніи,— обращайтесь къ духовнымъ отцамъ своимъ:— вопросите старцы и рекутъ вамъ. Но, при всемъ томъ, не забудьте главнаго садовника и воспитателя нашего внутренняго деревца жизни,—Господа нашего І. Христа, Которому и предайте души свои всецѣло. Преданныхъ къ Себѣ Господь никогда не оставляетъ, но то внутренними внушеніями Имъ собственно, то указаніями чрезъ духовныхъ отцевъ—ведетъ ихъ прямо и незаблудно краткимъ путемъ къ совершенству въ Христіанской жизни!

Вотъ что надо дѣлать тѣмъ, кои желаютъ сохранить въ себѣ начатки новой жизни и преуспѣть въ ней!—Не распространяюсь много. Потому что тѣмъ, кои ревнуютъ о спасеніи, не нужны долгія убѣжденія. Имъ только напомяни, и—они тотчасъ берутъ себѣ въ правило все, что считается для нихъ душеспасительнымъ. Таковыми желаю быть и вамъ,— только одно еще считаю нужнымъ приложить.... Устроивъ все, о чемъ было помянуто,—а помянутое не есть только наборъ словъ, а все существенно необходимо въ дѣлѣ храненія и воспитанія духовной жизни,— такъ устроивъ все сіе,— паче всего блюдитесь отъ разсѣянія вниманія ума, отъ пристрастія сердца къ какимъ либо предметамъ, и обремененія воли многозаботливою попечительностію. Разсѣянность, пристрастіе и многозаботливость,— три злѣйшіе врага внутренней жизни. Будучи допущены внутрь, въ непродолжительное время заглушатъ онѣ духовную жизнь и повергнутъ васъ снова какъ бы въ летаргическій сонъ—въ забвеніе, безпечность и холодность. А въ этомъ—смерть духовная. Да из-

бавитъ васъ отъ сего Господь многомилостивый, и да умудритъ васъ во спасеніе! Аминь.

28 Февраля,

1860.

XXIV.

ВЪ ТРЕТІЮ НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Предлагая въ нынѣшній день нашему поклоненію и чествованію честный Крестъ, св. Церковь хочетъ расположить насъ къ крестоношенію, если мы еще не взялись за святое дѣло сіе, и утвердить въ крестоношеніи, если уже приступили къ нему. Она какъ бы такъ говоритъ намъ: видите ли крестъ, на коемъ Господь волею насъ ради руцѣ распростеръ?—пріидите же и сораспнитесь Ему. Нынѣ Господь со креста приглашаетъ каждаго изъ васъ—взять крестъ свой и послѣдовать Ему. Возьмите же.... возьмите и не бойтесь: ибо какъ Господь со креста предалъ духъ Свой Богу и Отцу, такъ и вамъ со креста одинъ путь—въ райскія обители въ слѣдъ Господа, который каждому крестоносцу, какъ благоразумному разбойнику скажетъ: днесь со Мною будеши въ раи!

Не думаю, чтобъ кто нибудь сталъ отказываться отъ сего обязательства; но можетъ случиться, что не всякой опредѣленно знаетъ, въ чемъ состоитъ обязательное для насъ крестоношеніе, и потому можетъ считать себя крестоносцемъ, не будучи таковымъ. Что безъ креста никого на свѣтѣ нѣтъ,

это всякому вѣдомо; но въ числѣ сихъ крестовъ есть и разбойничій крестъ, на коемъ тоже распинаются люди. Чтобъ не случилось ошибки, въ семъ отношеніи весьма опасной, я укажу вамъ коротко, изъ чего слагается крестъ, который должно каждому изъ насъ взять и нести....

Онъ слагается прежде всего изъ стѣсненія плоти и всего нашего внѣшняго быта и изъ терпѣливаго исполненія правилъ, которыми налагается сіе стѣсненіе.

Заповѣдь получили мы отъ Господа и св. Апостоловъ— распять плоть со страстьми и похотьми,—умертвить уды сущіе на землѣ, представить всѣ члены тѣла своего орудіями правды,— какъ прежде были они орудіями грѣха. Иные считаютъ это насиліемъ, а на дѣлѣ существенно необходимо быть сему такъ. Посмотрите, что дѣлаетъ въ насъ грѣхъ! Утверждаясь въ сердцѣ, онъ проникаетъ всѣ силы нашей души, — исполняетъ всѣ отправленія и члены нашего тѣла, учреждаетъ по своему нашъ бытъ домашній, и по своему духу подбираетъ общественныя соотношенія и связи.... Такъ около грѣшника стоитъ какъ бы грѣшная атмосфера, которую производитъ и которою потомъ питается живущій въ насъ грѣхъ. Положивъ твердое намѣреніе работать Господу, намъ прежде всего должно развѣять сію атмосферу—разстроить сей грѣховный порядокъ жизни и учредить всюду новые порядки, по духу новой жизни. Надобно не ходить туда, гдѣ падали мы въ грѣхъ, или гдѣ разжигались на грѣхъ.... Если это театръ,—бросить театры,— если гулянья, отказаться отъ нихъ; если знакомства, прекратить ихъ. Оставить во внѣшнихъ нашихъ отношеніяхъ только дѣла должностныя или дѣла званія, и притомъ такъ завесть ихъ, чтобъ исполненіе ихъ было по Богу, а не въ угодность страстямъ; и потомъ, отказавшись отъ прежнихъ знакомствъ, связей и способовъ пріятнаго препровожденія времени,—учредить новыя связи, и новыя занятія въ остающіеся отъ должностей часы: вмѣсто пустыхъ бесѣдъ,—бесѣды о духовныхъ предметахъ; вмѣсто баловъ и вечеровъ—посѣщенія людей богобоязненныхъ; вмѣсто чтенія журналовъ—чтеніе слова Божія

и писаній отеческихъ,—и прочее, тому подобное. Перемѣнивъ свое поведеніе во внѣ—въ обществѣ, надо измѣнить и порядокъ домашней жизни. Назначить другіе часы для вставанія и отхода ко сну,—опредѣлить молитвенное правило — утромъ и вечеромъ,—опредѣлить свой столъ и время для него... и то, какъ садиться и какъ вставать изъ-за-стола, какъ выходить изъ дома, и какъ входить въ него, на что употребить какое свободное время, какъ и кого принимать, и какъ вести пріемъ;— самое украшеніе нашего жилья должно быть другое, — надо очистить страстное и помѣстить назидательное—духовное. Все это дѣлаютъ всѣ начинающіе новую жизнь, какъ бы по инстинкту сей жизни. — Стѣснительно конечно... Но вѣдь стѣсняется симъ грѣхъ, живущій въ насъ, а не мы; мы же высвобождаемся изъ узъ грѣха чрезъ сіе стѣсненіе.—Это и есть одно крыло спасительнаго креста, который мы должны взять на себя.

Перестроивъ такъ все окрестъ насъ, переходимъ къ себѣ.— И здѣсь вѣдь — что ни членъ въ тѣлѣ, то сѣдалище грѣха. Надо и здѣсь стѣснить его. Стѣснить надо чувства... глазъ пусть не смотритъ на предметы соблазнительные, ухо не слушаетъ рѣчей страстныхъ, пусть и обоняніе и осязаніе не раздражаютъ только что улегшагося грѣха. Далѣе—чрево наше работало сластолюбію: надо истощить его и пріучить къ трезвенному насыщенію;—тѣло любило нѣжиться и разнѣживаться во снѣ и бездѣйствіи:—надо пріучить его къ труду и напряженности, къ работамъ и бдѣнію. А похоть,—какихъ исходовъ не имѣла она?! ихъ надо преградить всѣ. Чего не говорилъ языкъ-сей огнь,—лѣпота неправды? надо связать его... самую кожу нѣсколько озлобить жестокостями за пристрастіе къ одному изнѣживающему. Учредивъ такой порядокъ мы умертвимъ уды, сущіе на земли, или всѣ члены тѣла содѣлаемъ орудіями правды. Тяжело сіе, но спасительно. Дѣйствуя такъ, въ отношеніи къ тѣлу, мы будемъ дѣлать то же, что дѣлаютъ моющіе бѣлье, т. е.—полоскать, жать и колотить свое тѣло, чтобъ вытѣснить изъ него все грѣховное и страст-

ное,—и возставить его въ первоначальную трезвенную чистоту.... Вотъ и еще рогъ—спасительнаго креста, который надо взять намъ на себя!—Все сіе въ совокупности и составляетъ то, что я назвалъ въ началѣ—стѣсненіемъ плоти, и всего нашего внѣшняго быта и терпѣливымъ исполненіемъ правилъ, которыми налагается сіе стѣсненіе. Т. е., наложивъ новыя правила на свои внѣшнія отношенія и занятія и на свое тѣло, надо неопустительно исполнять ихъ, чтобъ онѣ произвели свое спасительное дѣйствіе.... Каждое изъ сихъ стѣснительныхъ правилъ есть то же что пластырь на рану. Пластырь не снимаютъ съ раны, пока онъ не сдѣлаетъ своего дѣла: такъ и намъ надо пребывать въ семъ новомъ порядкѣ, не измѣняя его, пока установимся и окрѣпнемъ въ немъ, пока онъ такъ сдѣлается для насъ обычнымъ, какъ прежде былъ обыченъ порядокъ грѣховный.

Но все сіе есть только—внѣшній крестъ.... Есть еще внутренній. Объ немъ помяну вамъ коротко.... Онъ состоитъ въ самопринужденіи и въ самопротивленіи. Пока человѣкъ въ грѣхѣ, онъ не любитъ добра, не сочувствуетъ ему и не думаетъ о немъ. Положивъ теперь твердое намѣреніе—не грѣшить, онъ сознаетъ себя обязаннымъ желать одного добра, о немъ одномъ помышлять и въ немъ одномъ находить удовольствіе. Но обращаясь къ себѣ—къ своему внутреннему, онъ не находитъ тамъ сихъ расположеній. Умъ заняться хочетъ другимъ—мечтаетъ и паритъ, сердце холодно къ добру, склонности воли обращены на другое.—Что дѣлать?—Надо отрывать ихъ отъ одного и приковывать къ другому,—отрывать отъ страстнаго и грѣховнаго и наклонять къ доброму, безстрастному, духовному.—Т. е. надо противорѣчить себѣ въ худомъ и принуждать себя на добро... И это при всякомъ почти дѣлѣ. Напр.: предстоитъ случай помочь нуждающемуся!.. Совѣсть говоритъ:—помоги, и человѣкъ готовъ;—но съ боку сидитъ корыстолюбіе и твердитъ: не давай, себѣ нужно. Надо одолѣть или заглушить сію корыстность и расположить душу на добровольное подаяніе.—Обидѣлъ кто.—Совѣсть Христіанская говоритъ: прости,—а гордость заставляетъ отмстить. Надо отнять свое сердце

у сей недоброй страсти и склонить его къ кротости и снисхожденію. Такъ и во всякомъ случаѣ. Вездѣ надо отрывать себя отъ страстнаго и преклонять на святое и Богоугодное... Въ этомъ состоитъ внутренняя брань, производимая самопринужденіемъ и самопротивленіемъ, какъ бы двумя руками. Болѣзненна она!—Какъ больно, когда вынимаютъ занозу, или какъ больно оторвать палецъ, прилипшій къ желѣзу на морозѣ: такъ больно сердцу, когда его отрываютъ отъ одного, чтобъ преклонить къ другому.—Больно сіе, но спасительно. Отъ того и именуется крестомъ спасительнымъ,—источающимъ богатое исцѣленіе страстному сердцу нашему.

Въ семъ состоитъ внутренній крестъ, или внутренняя сторона креста, въ связи съ описанною прежде внѣшнею стороною составляющая одинъ крестъ,—который взять на себя обязуется всякій Христіанинъ, и который дѣйствительно беретъ на себя всякій, кто отставъ отъ грѣха, — порабощается правдѣ.—Господь да благословитъ труды ваши — труженики Божіи!—Потерпите въ семъ новомъ порядкѣ.... Жгучи раны крестныя только въ началѣ; а потомъ гвозди распинательные начнутъ источать цѣлительный елей на раны, причиняемыя ими самими. Стѣснительны такіе порядки, но они путь въ свободу чадъ Божіихъ. Потерпите! Улягутся страсти и легкимъ полетомъ воспаритъ духъ вашъ къ престолу Божію, и, установившись тамъ, начнетъ вкушать блаженство умнаго лицезрѣнія Божія—прежде, чѣмъ выйдетъ изъ тѣла, и прежде, чѣмъ начнется день оный, за которымъ уже нѣтъ ни печали, ни болѣзни, ни воздыханія. Аминь.

6 Марта,
1860.

XXV.

ВЪ ЧЕТВЕРТУЮ НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Когда, проходя какимъ либо пустыннымъ мѣстомъ, встрѣтишь дерево, или другое растеніе, на песчаномъ каменистомъ грунтѣ, то не можешь не пожалѣть о немъ. Уныло стоитъ оно. Недостатокъ питательныхъ частей въ землѣ и воздухѣ истощаетъ его. Оно видимо сохнетъ и чахнетъ,—и, кажется, всякому мимоходящему своимъ видомъ и состояніемъ внятно говоритъ: мнѣ здѣсь дурно; возьмите меня отсюда и пересадите въ другое мѣсто.

Другія совсѣмъ чувства внушаетъ дерево, растущее при протокѣ воды,—на землѣ влажной и тучной. Оно полно жизни и, наслаждаясь полнымъ довольствомъ, всѣми частичками своего состава кажется поетъ благодарную пѣснь Насадителю всякой твари за эту возможность всѣми устами пить питательные соки изъ всего, что окружаетъ его.

Не бываютъ ли, братіе, часто и души человѣческія въ подобныхъ обстоятельствахъ?! Да,—часто и онѣ гибнутъ гла-

домъ и томятся, какъ въ душной темницѣ, отъ недостатка того, что можетъ питать ихъ и доставлять имъ довольство. И это нерѣдко—съ совершенною противоположностію внѣшнему и пышному состоянію тѣхъ людей!—Христіанство,—святая вѣра наша, или св. Церковь и Богомъ назначена—быть мѣстомъ покоища и довольственнаго воспитанія душъ человѣческихъ.... Но не всѣ пребываютъ въ ней, и пребывая,—не всѣ пользуются надлежащимъ образомъ всѣмъ, что предлагаетъ она. И здѣсь много душъ истощающихъ и изможлающихъ себя по одному неразумію.

Вотъ посмотрите, какъ все сіе бываетъ.

Растеніе, будучи земнаго происхожденія,—пищу свою получаетъ изъ земли и изъ того, что есть вокругъ его: напротивъ душа, по образу и подобію Божію созданная, будучи происхожденія небеснаго, можетъ питаться только стихіями небесными,—отъ Бога исходящими и къ ней направленными, или къ ней приложенными. Такъ—

Растенію нуженъ свѣтъ: безъ него оно вянетъ. — Нуженъ и душѣ свѣтъ—небесный. Это истина Божія. Обильно предлагается она въ Церкви Божіей всѣмъ хотящимъ внимать: предлагается и въ чтеніи слова Божія, и въ проповѣдяхъ, и въ пѣсняхъ церковныхъ, и во всемъ устроеніи и чинопослѣдованіяхъ Церкви, и въ писаніяхъ отеческихъ, и во многихъ—многихъ душеспасительныхъ книгахъ. Желающіе, обильно черплютъ здѣсь свѣтъ истины Божіей, и веселятся подъ осіяніемъ ея. Но не всѣ же такъ дѣлаютъ, и не все,—по виду кажущееся быть вмѣстилищемъ истины Божіей—въ самомъ дѣлѣ вмѣщаетъ ее. Есть люди, кои дни и ночи просиживаютъ надъ изученіемъ какой нибудь науки—математики, физики, астрономіи, исторіи и проч., думая, что питаютъ душу истиною, а душа ихъ чахнетъ и томится: отъ чего?—Отъ того, что нѣтъ истины въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хотятъ ее найти?! Не потому такъ говорю, чтобъ науки не могли вмѣщать истины... но что нынѣ она оттуда изгнана,—и замѣщена то мечтаніями, то пред-

положеніями,— не рѣдко противными истинѣ.—А вѣдь души не обманешь,—какъ не обманешь голоднаго, давая ему камень вмѣсто хлѣба. Вотъ она и томится! Но это будто еще дѣльныя занятія—ученость. А что сказать о жадно читающихъ періодичную нашу письменность?—Посмотрите, съ какимъ усиліемъ добивается молодой, а иногда и немолодой человѣкъ,—поскорѣе получить обычный мѣсячный выпускъ, — съ какою неудержимостію бросается пожрать, какъ говорятъ, полученную добычу?! Тутъ и пища на умъ нейдетъ, и сна бываетъ мало... А какой плодъ?! двѣ—три удачныя фразы,—двѣ—три льстящія фантазіи, два—три обманчивыя предположенія—и все тутъ... прочее никуда негоже. И душа недовольна. Берется другая, третья книга... все то же... Душѣ больно!—Заводятся взаимныя бесѣды... все то же,—потому что и предметы бесѣдъ, и образъ трактованія ихъ берутся изъ тѣхъ же книгъ... Приложите къ сему мелочность обыденныхъ занятій и соотношеній, и вы поймете, что еслибъ открыть тотъ слухъ, которымъ слышится рѣчь души,—вы услышали бы горькій въ ней вопль: изведите меня изъ сей темницы... мнѣ тошно здѣсь!—Дайте мнѣ взглянуть на Божій свѣтъ!—Такъ это и есть.—Но кто послушаетъ?! Видите, нынѣ не въ тонѣ—питать душу истиною Божіею!.. и ее томятъ.—И добро бы далеко было идти за сею истиною... Нѣтъ,—она тутъ же; но не хотятъ открыть очей, чтобы воспріять свѣтъ ея.—Войди въ церковь;—послушай, что здѣсь поется, читается и дѣйствуется — и узришь свѣтъ истины Божіей.—Раскрой Евангеліе, или хоть въ рукахъ подержи сію Божественную книгу,—и то отраднѣе будетъ душѣ твоей.—А отеческихъ писаній развѣ мало у насъ теперь въ доступномъ для всѣхъ переводѣ?—А другихъ духовныхъ книгъ и повременныхъ духовныхъ изданій сколько?! Но всѣхъ сихъ сокровищницъ истины Божіей мы не знаемъ, даже и именъ ихъ не слыхали.—Братіе и отцы! — чтожъ это мы за Христіане,—когда и въ руки не беремъ тѣхъ книгъ, въ которыхъ изъясняется Христіанство, а читаемъ—не знать что?—И мучимъ душу въ душной темнотѣ,—мы сыны свѣта и дня, какъ назвалъ насъ св. Апостолъ?!—

Приложу и еще одну или двѣ мысли.—Растенію, чтобъ жить и расти нуженъ воздухъ. Безъ него оно замретъ.—Нуженъ и для души воздухъ небесный... Это, какъ я не разъ говорилъ уже вамъ,—вся церковность или всѣ Боголѣпныя священнодѣйствія Церкви... Тутъ только душа и бываетъ какъ бы въ своей атмосферѣ, а внѣ ей—удушливо. Какъ чахнетъ чахоточный,—такъ чахнетъ душа внѣ Церкви—въ пространныхъ будто обычаяхъ міра... И вотъ отъ чего—кто только и знаетъ, что балы да театры, гулянья, да вечеринки, живыя картины, да фиглярство и подобное, — душа того глубоко ноетъ и томится, когда останется онъ одинъ самъ съ собою!.. Она говоритъ ему тогда: мнѣ душно... возьми меня отсюда—и введи туда, гдѣ всегда воздухъ чистъ и небо свѣтло.

Для растенія нужна влажность—соки, которые пьетъ оно корнями и проводя въ стволъ, образуетъ себя передѣланною осадкою ихъ... Нужно своего рода передѣланіе и осадка духовныхъ соковъ и для души.—Сіе совершается повседневнымъ добродѣланіемъ,—или исполненіемъ заповѣдей, къ какимъ случаи представляетъ обыкновенное теченіе жизни нашей.—Какъ соки въ растеніи, или пища въ тѣлѣ нашемъ, оставаясь непередѣланными, обременяютъ только и тяготятъ, не принося пользы: такъ всѣ духовныя стихіи, какія пріемлетъ душа—истина Божія, таинства и священнодѣйствія и проч. будутъ только тяготить ее,—здѣсь и вѣчно,—судомъ совѣсти и Божіимъ, если она не претворитъ всего того въ свою кровь духовную добродѣланіемъ.—Вотъ отъ чего больны, скорбны и унылы души людей, кои погружены въ однѣ заботы житейскія, или одни дѣла служебныя и еще хуже—въ дѣла страстныя; а о томъ, чтобъ сдѣлать какое добро, и помышленія не имѣютъ. Не пропускаютъ они ни одной частички питательной въ душу, и она сохнетъ—сохнетъ.—Не потому такъ говорю, чтобъ дѣла службы и дѣла житейскія—хлопоты по семейству, торгъ,—обороты разные и разныя предпріятія были пагубны для души... Нѣтъ. Не они сами по себѣ пагубны, а пагубно то, если ими только одними и занимаются, не за-

ботясь о добродѣтели, и если совершая ихъ,—совершаютъ не во славу Божію, а для какихъ нибудь самолюбивыхъ цѣлей. Какъ соки въ нашемъ тѣлѣ обращаются въ живую кровь чрезъ соединеніе ихъ съ кислородомъ воздуха: такъ всѣ дѣла и служебныя и житейскія могутъ обращаться въ питательную для души стихію, если будемъ ихъ посвящать всѣ Богу! — А когда сего нѣтъ,—нѣтъ притомъ и добрыхъ дѣлъ: то чѣмъ питаться душѣ?! Вотъ она томится тогда,—и жалуется человѣку, и внятно говоритъ ему: пересади меня съ этой сухой, или гнилой почвы,—на ниву Божію, ниву добрыхъ дѣлъ, заповѣдями Христовыми требуемыхъ.

Вотъ и все! Но все сіе вы вѣдаете, братіе! вѣдаете, что душа обильно осіяваемая свѣтомъ истины Божіей, содержимая въ чистомъ и небесномъ воздухѣ молитвованій и священнодѣйствій Церкви, и подкрѣпляемая питательною пищею добродѣланія, подобна древу, насажденному при исходищахъ водъ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ его не отпадетъ. А другая, лишаемая всего сего, подобна благородному растенію, съ ожесточеніемъ держимому въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ни свѣта, ни воздуха чистаго, ни влажности... и чахнущему!— Сія вѣсте. Но блажени есте, аще творите я!—За что тиранишь ты, человѣкъ, душу свою, въ неразуміи и ослѣпленіи предаваясь буйству жизни мірской?!

Эти мысли предложить вамъ внушилъ мнѣ нынѣшній день, посвященный св. Іоанну Лѣствичнику, пустынножителю и наставнику въ пустынножительствѣ. Многимъ кажется, что пустыня, или какая нибудь иноческая обитель есть мѣсто сухое, ничего питательнаго для души не представляющее. А вотъ посмотрите на дѣла св. Іоанна,—разверните Лѣствицу его, прочитайте въ ней что нибудь,—и увидите, какъ много въ немъ было жизни и силъ! Пустыня истощаетъ только плоть, а душу обильно питаетъ всякою небесною пищею.—Міръ вамъ кажется тучнымъ; но онъ утучняетъ только плоть, а душу моритъ голодомъ, ни малѣйшей даже частички питательнаго

не представляя для нея. По сему различію—устрояйте и жизнь свою всѣ хотящіе возрастить душу свою—въ древо живое, достойное пересадки въ рай небесный. Аминь.

13 Марта,
1860.

XXVI.

НА ПАМЯТЬ АЛЕКСІЯ ЧЕЛОВѢКА БОЖІЯ,—ВЪ ДѢВИЧЬЕМЪ ВОЗНЕСЕНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Дивно житіе святаго Алексія, человѣка Божія! Какъ это могъ онъ вытерпѣть и не высказаться въ продолженіи такого долгаго времени, имѣя предъ глазами лица, къ которымъ горѣлъ любовію,—зная, что обрадовалъ бы ихъ, еслибъ сказался, и терпя непріятности отъ нихъ потому только, что они не знали, кто онъ?—Все же онъ былъ человѣкъ—и человѣкъ живой, имѣющій сердце,—и какое сердце?! Душа его вѣрно болѣла и болѣла не легко; но онъ побѣждалъ сію боль твердою рѣшимостію—быть вѣрнымъ принятому намѣренію, и умягчалъ ее сильною любовію, какою горѣлъ къ Господу.—Въ семъ положеніи онъ походилъ на распятаго на крестѣ, но еще не испустившаго духъ.—Какъ въ семъ распятомъ легкое движеніе или колебаніе тѣла раздираетъ раны, и увеличивая боль щемитъ сердце, помрачаетъ голову: такъ и у него,—отца ли видѣлъ онъ или слышалъ голосъ матери, слуги ли встрѣчалъ строгій взглядъ, или ласку человѣка сторонняго, забывали-ль

его надолго, или увеличивали попечительность о немъ,—все сіе и многое подобное не могло не терзать сердца его!—Но онъ все терпѣлъ, все покрывалъ молчаніемъ, былъ всегда въ одинаковомъ покойномъ и немятежномъ состояніи,—не метаяся туда и сюда, какъ отчаянный. Такъ терпѣлъ Господь на крестѣ, такъ терпѣли и всѣ мученики.

Вотъ образъ истиннаго монашества,—и весьма близкій примѣръ для подражанія вамъ,—сестры обители сей! Тѣ, кои одинъ изъ престоловъ здѣшнихъ посвящали Алексію человѣку Божію, вѣрно тѣмъ хотѣли внушить вамъ, чтобъ, имѣя предъ глазами примѣръ такого терпѣливца, вы подражали житію его. Ибо и вы тоже взялись распять себя міру. Пребудьте же терпѣливо въ семъ сараспятіи.—Вообразите себѣ, что обитель ваша то же, что каютка Алексія человѣка Божія,— а городъ предъ лицемъ вашимъ, есть то же, что домъ его родителей. И какъ онъ не увлекался мыслями и чувствами, какія были возбуждаемы въ немъ такими близкими его сердцу предметами; такъ непоколебимыми пребудьте и вы въ своемъ намѣреніи, не смотря на то, что такъ близки къ вамъ соблазны. Не сходите со креста, на который сами вы вознесли себя. Я скажу вамъ коротко, какъ сіе сдѣлать.

Распятый никакъ не сойдетъ со креста, если не вынутъ гвоздей, которыми пригвожденъ онъ на древѣ. Не вынимайте и вы изъ сердца тѣхъ расположеній, коими какъ гвоздьми можете быть прикованы къ обители и монашескому житію — и вы не сойдете со креста своего,—и пребудете въ крестоношеніи,—и крестоношеніе сіе возведетъ васъ къ совершенству, и съ себя прямо преставитъ въ царство любве Божія. Именно—вотъ что творите:

1) Храните неугасимымъ тотъ огнь ревности, съ какимъ искали вы обители и вступили въ нее. Припомните, какіе тогда обѣты исходили изъ сердца вашего, какіе строились планы въ головѣ о дѣлахъ Богоугожденія, какіе подвиги готовы были вы подъять, чтобъ явить свое самоотверженіе! — Чаще воспоминайте о всемъ томъ... и тѣмъ распаляйте свою

ревность, если она начнетъ хотя сколько нибудь охладѣвать въ васъ. Знаете вѣрно уже по опыту, что когда въ силѣ ревность сія, все ни по чемъ... Первые вы въ церкви, первые на послушаніи, первые въ вѣрности уставу монастырскому. А когда ослабѣетъ она,—рука не поднимается, нога не ходитъ... церковь не мила, — и глаза посматриваютъ въ ворота монастырскія. Видите, какая бѣда отъ ослабленія первой ревности!.. Храните же ее,—и не позволяйте ей ослабѣвать въ васъ.

2) Оставили вы міръ и все мірское за воротами монастырскими. И пусть его будетъ тамъ... Не вносите его внутрь ограды. Это вотъ что значитъ: не попускайте сердцу своему снова пристраститься къ чему либо мірскому, вещественному, плотскому, какъ бы оно малозначительно ни было. Не осуечайтесь слишкомъ заботою о нуждахъ, и междудѣлія не ставьте главнымъ дѣломъ,—не возбуждайте въ головѣ и сердцѣ бури спорныхъ помысловъ о рангахъ и преимуществахъ,—не копите ненужнаго, а имѣя пищу и одежду, сими довольни бывайте.—Иначе чѣмъ будете вы разниться отъ людей, работающихъ не Господу, а мамонѣ?! Не говорите: какъ это можно?—Трудно правда, но не невозможно.—Дѣлая все то, что вы дѣлаете, можно держать сердце свое отрѣшеннымъ отъ всего.—Сдѣлайте такъ, и благо вамъ будетъ..

3) Пребывайте въ терпѣливомъ послушаніи, во взаимномъ согласіи и крѣпкомъ мирѣ, покрывая любовнымъ снисхожденіемъ немощи, какія достались на долю каждой, пребывая въ вѣрности и уставу монашескому, вычитываемымъ наставленіямъ св. подвижниковъ и частнымъ совѣтамъ вашихъ духовныхъ отцевъ и старицъ опытныхъ. Будьте подобны шару, который безъ треска катится, куда его ни толкнутъ.— Все сіе удобно совершитъ всякая изъ васъ, коль скоро рѣшительно отречется отъ своей воли.—Пока есть своя воля, нельзя не быть треску и гаму, раздорамъ и непокорности въ самой мирной обители. Своя воля есть адское сѣмя,—есть дорога сатанѣ и полчищамъ его въ мирныя жилища Божіи.

4) Главное же—убѣдите свой умъ и свое сердце, что вы

уже мертвы для всего здѣшняго; переселитесь вашимъ сознаніемъ и чувствомъ въ другой міръ,—и тамъ пребывайте, являя себя чуждыми всему васъ окружающему, всему тварному и земному... Такъ устройтесь внутри, что будто никого и ничего на свѣтѣ нѣтъ, кромѣ васъ, и единаго въ Троицѣ покланяемаго Бога.—Дайте хоть мало коснуться сему помышленію вашего сердца,—и сами увидите, какъ оно перестроитъ все ваше внѣшнее и внутреннее!..

Вотъ вамъ четыре гвоздя? Ревность о спасеніи—неугасимая, изгнаніе всего мірскаго изъ ограды монастырской, отреченіе отъ своей воли, умертвіе всему и житіе единому Богу!—Пронзите ими руки и ноги сердца вашего, и вы явите себя распятыми,—и возможете говорить со Апостоломъ, что не только вамъ міръ распялся, но и вы міру. Господь да настроитъ васъ на дѣло сіе и да укрѣпитъ въ трудахъ и неизбѣжныхъ при семъ болѣзняхъ сердца—молитвами Алексія, человѣка Божія. Аминь.

17 Марта,
1860.

XXVII.

ВЪ ПЯТУЮ НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Нынѣшнее Воскресенье посвящается памяти преп. матери нашея Маріи Египетскія, и мы уже восхваляли ее вмѣстѣ съ Церковію на Всенощной въ пѣніяхъ и пѣсняхъ духовныхъ, и помолились ей о помощи намъ въ трудномъ дѣлѣ исправленія своей жизни и своего нрава.—Теперь будемъ учиться у ней сему дѣлу.—Св. Церковь, предлагая намъ примѣръ Маріи Египетской, хочетъ внушить: «если хотите каяться и исправлять жизнь свою какъ должно,—вотъ какъ кайтесь и исправляйтесь!—Но такъ ли поступали вы въ продолженіи поста сего?—Если такъ, добро вамъ.... А если нѣтъ,—вамъ еще остается двѣ недѣли, успѣете поправить неисправное,—или дополнить опущенное. Только не нерадите.»

Но скажетъ кто: «Марія Египетская—примѣръ для подражанія! — Неужели же всѣмъ надо бѣжать въ мѣста необитаемыя—въ пустыню,—въ горы?» Нѣтъ не всѣмъ. Но всѣмъ должно подражать ея трудамъ въ самоисправленіи,—ея твердой

рѣшимости перемѣнить жизнь и тому, какъ она дошла до сей рѣшимости. Вотъ стороны подражаемыя! Какъ дошла преп. Марія до рѣшимости перемѣнить жизнь? Господь довелъ.—За что? За то, что при всей неудержимости одолѣвавшей ее страсти, она никакъ не думала оставаться навсегда въ семъ горькомъ рабствѣ. Она терпѣла насиліе со стороны плоти и врага, дѣйствовавшаго чрезъ сію плоть, и поддавалась увлеченію, но не предавала себя ему въ конецъ. Господь сжалился надъ страданіемъ твари и пришелъ высвободить ее изъ томившихъ ее узъ.—Въ этомъ урокъ изъ самой грѣшной части жизни св. Маріи Египетской. Такъ если кто имѣетъ несчастіе состоять въ рабствѣ какой либо страсти плотской или душевной, возымѣй, по крайней мѣрѣ, столько крѣпости, чтобъ не отдаться ей безвозвратно, — не будь подобенъ тѣмъ, кои въ нечаяніе вложшеся предаютъ себя студодѣянію. Страсть точно вяжетъ человѣка и какъ ведомаго ведетъ его на дѣла удовлетворяющія ей;—но ты и при узахъ рабства, обнаруживай, по крайней мѣрѣ, нехотѣніе такихъ дѣлъ — оставайся недовольнымъ ими. Не говори: «ну ужъ вѣрно такъ и быть... пусть ее будетъ, какъ было, или пусть текутъ дѣла, какъ текли.» Но подобно тому, кто не имѣя силъ противостоять, когда его влекутъ связаннаго, по крайней мѣрѣ упирается ногами; и ты, не смотря на силу страсти тебя влекущей, хоть чѣмъ нибудь показывай ей противленіе, говори ей: ну ужъ въ послѣдній разъ, больше не поддамся; и хоть еще падешь, — опять то же говори и такъ далѣе; только говори не языкомъ однимъ, но и сердцемъ, — и ко Господу вопій о помощи.—Какъ тотъ, кого врагъ связавши ведетъ въ плѣнъ, оставя ему незавязаннымъ уста,— хотя влечется въ слѣдъ его, но имѣя возможность кричать, кричитъ, не услышитъ ли кто и не освободитъ ли его: такъ кричи и ты ко Господу: «Господи,—прежде даже не погибну, спаси мя;—Господи,—прежде конца даруй мнѣ покаяться»... И услышанъ будешь.—Какъ дитя повитое, лежащее въ колыбели, хотя не можетъ двинуться ни руками, ни ногами, но крикомъ своимъ беретъ за сердце мать свою и какъ ужемъ

привлекаетъ ее къ себѣ: — такъ если будешь вопіять, и ты привлечешь къ себѣ Господа, Который сказалъ, что скорѣе мать забудетъ дитя свое, нежели Онъ забудетъ вопіющихъ къ Нему.

Когда же наконецъ придетъ къ тебѣ Господь, внимай тогда, братъ, — и не попусти себѣ — не воспользоваться какъ слѣдуетъ симъ великимъ къ тебѣ снисхожденіемъ Божіимъ. Ты будешь тогда походить на св. Марію, когда она предъ входомъ ко гробу Господню была поймана судомъ Божіимъ. — Какъ она, пораженная силою невидимою, — долго не раздумывала, а тотчасъ пришла въ сознаніе, что причиною сего — грѣхъ ея, — и тотчасъ же положила намѣреніе — отстать отъ сего пагубнаго грѣха своего, — и никогда уже не возвращаться на него... Такъ надлежитъ сдѣлать и тебѣ. Внимай же! Когда сильное ли угрызеніе совѣсти, или страхъ суда и смерти, близость ли опасности, какъ меча надъ главою, или чувство величія Божія и великой Его благости, — или другое что — поразитъ глубоко сердце твое и потрясетъ всѣ составы твои, такъ что ты будешь чувствовать, что какъ бы спали съ тебя всѣ узы, тѣснившія тебя дотолѣ; — знай, что это благодать Божія коснулась тебя и даетъ тебѣ свободу вступить на путь добра, — свободу, которой прежде у тебя не доставало. Внимай! минута сія дорога! То, что ты чувствуешь въ ту пору, есть дѣло благодати... Приложи сюда и свое дѣло, — именно вотъ что: Скажи: скверно жилъ я, поблажая страсти... Съ сихъ поръ не буду... За тѣмъ, исповѣдавъ и пріявъ разрѣшеніе, — держись положеннаго обѣта... Такъ сдѣлала св. Марія. Не отлагала она намѣренія перемѣнить жизнь до завтра; нѣтъ, а тотчасъ, — рѣшилась и сдѣлала... Такъ должно всякому. — Благодать пришедши, точно разрѣшаетъ узы страсти; но если кто тотчасъ не рѣшится отстать отъ дѣлъ страстныхъ, то опять заковывается въ сіи узы. — Когда Ангелъ явился Петру Апостолу въ темницѣ, узы его спали;.. но еслибъ онъ не пошелъ потомъ въ слѣдъ Ангела вонъ изъ темницы, а остался въ ней, пришелъ бы стражъ темничный, заковалъ бы его спо-

ва въ кандалы,—и заперъ темницу,.. и остался бы св. Петръ по прежнему узникомъ. Такъ снова облегаютъ узы страсти всякаго, кто ощутивъ дѣйствіе благодати Божіей, освобождающей его отъ страсти, не рѣшается тотчасъ перемѣнить жизнь свою, а отлагаетъ то до другаго времени. Не отлагай же, братъ!—Ибо не знаешь,—придетъ ли еще когда такая благопріятная минута.

Положивъ твердое намѣреніе исправиться, надо тутъ же и самымъ дѣломъ начать сіе исправленіе, какъ сдѣлала св. Марія. Оставивъ все, укрѣпясь таинствами, напутствованная совѣтами духовнаго отца,—устремилась она въ пустыню заіорданскую—уединеніемъ, пощеніемъ и молитвою изсушать засѣянные и порочною жизнію воспитанные грѣховные навыки. Берись и ты тотчасъ за труды и подвиги. Не всѣмъ конечно одинъ путь по обращеніи. Кто удаляется въ пустыню,—и живетъ одинъ; кто идетъ въ обитель,—и спасается въ числѣ братства, кто остается въ порядкѣ общей всѣмъ семейной и гражданской жизни. Многіе уже прошли всѣми сими путями,—и на всѣхъ были спасавшіеся и люди великіе. Какой кому избрать,—пусть самъ рѣшитъ по своему настроенію, внушенію Божіей благодати и по совѣту отца своего духовнаго. Только вѣдай, что безъ труда не исправишься. Борьба великая предлежитъ всѣмъ хотящимъ побѣдить плоть, воюющую на духъ. Чего не вытерпѣла преп. Марія!... И всякому—трудъ! Надо, какъ я уже говорилъ прежде, отстранить все могущее питать страсти; а это стоитъ труда немалаго. Надо дѣлать все, чѣмъ можетъ питаться и укрѣпляться начатая новая жизнь; но и это не бываетъ безъ труда. Нужно въ истинѣ Божіей поучаться,—сколько можно чаще быть подъ дѣйствіемъ таинствъ съ участіемъ въ священнодѣйствіяхъ Церкви, бороться со страстьми и творить дѣла добрыя, противоположныя страстнымъ навыкамъ; но и это все—трудъ. А главное что надо?—никогда не должно оставаться одному... Прилѣпись къ духовному отцу своему, найди единомысленнаго тебѣ, углубляйся въ совѣты св. отцевъ, — и ничего не предпринимай, не спра-

вившись во всѣхъ сихъ мѣстахъ.—Не смотри въ семъ на преп. Марію. — Она жила одна; но ея путь былъ по особенному Божію избранію.—Намъ же лучше держаться общаго порядка жизни.—Орелъ уединенно паритъ къ небесамъ, и такъ высоко, что его бываетъ не видно. — Но то — орелъ... — И такъ трудамъ преп. Маріи въ самоисправленіи, ея постоянству въ семъ, и неуклонной вѣрности положенному обѣту—подражай... а въ прочемъ—иди общимъ путемъ спасаемыхъ.—Будь только твердъ, не позволяй себѣ разслабляться... и немного потрудившись, не думай, что уже все сдѣлалъ: ибо конецъ вѣнчаетъ дѣло.

Сей блаженный конецъ преднапиши въ умѣ твоемъ, — и теки къ нему, по Апостолу, задняя забывая, а въ предняя простираяся, дондеже достигнешь мѣста упокоенія отъ трудовъ, которое уготовалъ Господь всѣмъ Своимъ труженикамъ. Аминь.

20 Марта,
1860.

XXVIII.

НА БЛАГОВѢЩЕНІЕ.

Благовѣствуй земле радость велію, хвалите небеса Божію славу.

Какую это радость заповѣдуется землѣ благовѣствовать?— Радость спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ.—Вся земля была въ глубокомъ траурѣ; и хотя съ увѣренностію чаяла, но долго-долго не видѣла избавленія. Наконецъ благая вѣсть принесена съ неба, возвѣщена по всей землѣ, и радостно принята.—Благовѣствуй же земле сію радость твою великую.

Небеса, приникая къ землѣ, видѣли только плачъ, стенаніе и горе. Но вотъ просвѣтлѣлъ ликъ сѣтующей земли,—и какъ образъ совершенія сего явилъ во всей полнотѣ безпредѣльныя Божественныя совершенства; то какъ удержаться и небесамъ отъ того, чтобъ не хвалить сію Божію славу? Хвалите же небеса Божію славу.

Небеса, кои приглашаются хвалить славу Божію—это міръ ангельскій; а земля, коей повелѣвается благовѣствовать радость велію—это люди... Ангеламъ—что напоминать о Богохваленіи, когда они и такъ непрестанными гласы взываютъ:

святъ, святъ, святъ—Господь Богъ Саваоѳъ!—А людямъ, можетъ быть , неизлишне напоминать: не забывайте , други , о великой радости, единственно-истинной радости, принесенной вамъ съ неба въ часъ благовѣщенія пресвятой Дѣвѣ Маріи.

Когда Архангелъ въ первый разъ возвѣстилъ преблагословенной Дѣвѣ: *радуйся*; тогда, можно сказать, только занималась заря радостнаго дня, имѣвшаго возсіять въ послѣдствіи... Но и тогда у пресвятой Дѣвы, уразумѣвшей силу словъ привѣтственныхъ, сама собою исторглась пѣснь: *величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ, Спасѣ моемъ* (Лук. 1, 46.). Въ какихъ вышѣ восторженныхъ пѣсняхъ должна изливать радость свою душа, когда знаетъ,—и Воскресеніе, и Вознесеніе, и Сошествіе Св. Духа, основаніе и прославленіе Церкви Божіей на землѣ , и водвореніе на небесахъ Церкви первородныхъ!—Судя по сему , у насъ не должно быть нерадующихся; а если такъ, то что и говорить намъ: радуйтесь.—Радующійся радуется—напоминай ему или не напоминай о радости ; равно какъ неимѣющій на сердцѣ радости не будетъ радоваться, сколько ни тверди ему: радуйся—радуйся!—Благодареніе Господу! и мы введены въ сокровищницу благъ небесныхъ и стоимъ у источника всѣхъ радостей и утѣшеній. Если причастились сихъ благъ, то пьемъ утѣшенія и радуемся; а если не причастились, не можемъ радоваться, сколькобъ ни напрягались на то, пока не вкусимъ тѣхъ благъ обвеселяющихъ. Итакъ смыслъ воззванія: благовѣствуй земле радость велію—однозначителенъ съ приглашеніемъ: вкусите людіе благъ, принесенныхъ Господомъ на землю,—и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто уже не возьметъ отъ васъ.

Кто сидѣлъ во тмѣ, томился сею темнотою, и потомъ изведенъ на свѣтъ: тотъ не можетъ не чувствовать утѣшенія, что видитъ свѣтъ дневной, радостное солнце и все освѣщаемое имъ разнообразіе тварей. Онъ не забудетъ никогда прежняго томленія и минуты, въ которую избавленъ отъ него.—И мы по естеству—во тмѣ: возсіялъ ли свѣтъ Христовъ въ сердцахъ нашихъ? Созерцаетъ ли око ума нашего Бога въ

Троицѣ покланяемаго—сіе умное Солнце и всѣ открытыя намъ тайны Божественнаго міроправленія и искупленія,—сей Свѣтъ, освѣщающій все сущее и бывающее!? Помнимъ ли минуту, когда прогнана тма, и облисталъ насъ свѣтъ умный?—Кто можетъ сказать сіе, тотъ радуется... Кто не можетъ: изыди прежде изъ тмы, и возрадуешься.

Кто томился въ узахъ, и освобожденъ: тотъ помнитъ хорошо, какъ пришла къ нему вѣсть о свободѣ,—какъ отворили узилище, разбили оковы,—и извели его на свободу... и не можетъ не радоваться, потому что вкушаетъ свободу.—Лежатъ и на насъ узы грѣха, злыхъ обычаевъ міра и тиранства сатаны.—Помнимъ ли въ жизни своей такую минуту, когда, какъ Ангелъ, слетало въ душу чаяніе и желаніе свободы,—когда вливалась въ душу необычайная нѣкая сила,—и съ ней спадали однѣ за другими узы грѣха, міра и діавола?—Съ кѣмъ было это, тотъ въ области радостной свободы чадъ Божіихъ—радуется и веселится... Съ кѣмъ не было... взыщи прежде сей свободы, и начнешь радоваться... и всѣ святые Ангелы возрадуются съ тобою.

Кто лежалъ въ разслабленіи покрытый ранами,—и потомъ изцѣленъ: можетъ ли тотъ не имѣть чувства здравія и ходить не радуяся въ крѣпости и бодрости отъ присутствія новыхъ силъ?—И мы въ разслабленіи отъ нерадѣнія, и въ ранахъ отъ страстей.—Приходилъ ли къ намъ Врачъ душъ и тѣлесъ, и душа наша внимала ли слову Его, какъ разслабленный: *возьми одръ твой*,—и какъ больной: *се здравъ еси*!.. Кто сподобился сего, тотъ не можетъ не пѣть пѣсней радости, скача и играя; а кто нѣтъ,—взыщи прежде Врача—уврачуйся и будешь радоваться.

Кто былъ въ изгнаніи, или самовольно убѣгалъ изъ дома,—а потомъ воротился и благосклонно принятъ; забудетъ ли тотъ, какъ на встрѣчу ему вышелъ отецъ его, палъ на выю его и облобызалъ,—какъ потомъ обмыли его, одѣли и учредили пиръ о возвращеніи его?.. А помня сіе, можетъ ли не утѣшаться тѣмъ непрестанно, пребывая въ дому отца своего милостиваго?!..

Бѣгали и мы изъ дома Отчаго. . Помнимъ ли тоску разлученія,—побѣжденную робость и прогнанный страхъ возвращенія—въ покаяніи,—милостивое объятіе Отчее—въ разрѣшеніи,—пиръ—въ причащеніи... и главное—носимъ ли въ глубинѣ сердца своего то убѣжденіе, что мы въ дому Отца,—а не въ изгнаніи,—въ милости и любви, а не подъ гнѣвомъ и клятвою? Если такъ, духъ нашъ не можетъ не радоваться, хотя бы тѣло терзали ногтьми желѣзными; а если нѣтъ,—нѣтъ намъ радости, хотя бы мы окружили себя всѣми утѣхами міра...

Такъ, братіе, кто вкусилъ блага, принесенныя Господомъ на землю—т. е. и этотъ свѣтъ вѣдѣнія,—и сію свободу отъ узъ грѣха и силу на добро,—и это исцѣленіе ранъ сердца, и это сыновство Богу:—тотъ пребываетъ постоянно въ небесной непритворной радости.—Ублажимъ таковыхъ, а тѣмъ, кои чужды сего состоянія,—пожелаемъ внити въ радость Господа прямымъ путемъ вкушенія благъ, приносящихъ истинную радость.

Не льститеся, братіе!.. Духовная радость не есть минутное, случайное, принужденное увлеченіе сердца, а есть отраженіе постояннаго радостнаго состоянія всего существа, преимущественно изъ отношенія его къ Богу,—и воспріятія отъ Него помянутыхъ благъ.—Можно насильно напрягать свое сердце на радость; но радость будетъ извергаема изъ него тотчасъ, какъ палка вертикально погружаемая въ воду.—Можно на минуту обмануть сердце представленіемъ ему мнимыхъ благъ, но это будетъ не обрадованіе, а опьяненіе, кончающееся обычно бо́льшимъ томленіемъ. Блюдитесь же и не обманитесь. —Можете встрѣчать много свѣтовъ—свѣтовъ суемудрія, —кои не суть свѣты вѣдѣнія, а блуждающіе огоньки, подобные тѣмъ, кои всегда почти вьются надъ трупомъ мертваго... Смотрите и не обманывайтесь.—Есть люди, кои думаютъ, что расширяютъ кругъ свободы въ неограниченіи своихъ желаній, но кои на дѣлѣ походятъ на обезьянъ, самовольно запутывающихъ себя въ сѣти.—Не увлекайтесь примѣромъ ихъ. Мало ли предлагалъ міръ утѣхъ,—будто цѣленій ранъ сердечныхъ, —но

кои больше еще томятъ и разъѣдаютъ раны, какъ миражи водные въ пустынѣ, или соленая вода, разжигающая жажду! Отчуждите себя отъ нихъ. И князь міра,— дышущій злобою на насъ въ сердцѣ, всегда съ сладкою будто отеческою рѣчью до времени обращается къ намъ, предлагая довольство и покой. Отриньте обаянія и сего льстеца, обаявающаго насъ.

Пусть не знаетъ сердце ваше другой радости, кромѣ радости спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ.—Пречистая Владычица Богородица,—первое радости пріятелище, да обрадуетъ всѣхъ насъ сею радостію,—кого въ чувствѣ дѣйствительнаго спасенія, кого въ вѣрной надеждѣ полученія его,—да воспоетъ каждый нынѣ съ нею: *величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ, Спасѣ моемъ.* Аминь.

1860.

XXIX.

ВЪ НЕДѢЛЮ ВАІЙ.

Воспоминаемое нынѣ событіе торжественнаго входа Господня въ Іерусалимъ было, можно сказать, послѣднимъ вразумленіемъ неразумной синагогѣ. Начальники Іудейскіе давно положили предать смерти Господа. Но вотъ Онъ, смиренно входя въ Іерусалимъ на ослятѣ, потрясаетъ весь градъ,—всѣми велегласно привѣтствуется, показывая тѣмъ, что достаточно одного Его хотѣнія, чтобы уничтожить всѣ ихъ замыслы, и что если Онъ предается на смерть, то предается добровольно.—Тутъ же напоминаетъ имъ сбывающееся пророчество:—*се Царь твой грядетъ*, чтобъ образумить ихъ,—и самымъ событіемъ предлагаетъ новое пророчество о призываніи вмѣсто ихъ язычниковъ, чтобъ устыдить ихъ и раздражить ревность ихъ. Ослѣпленные не вняли вразумленію.—Господь провидѣлъ сіе—и пролилъ слезы о погибающихъ!

Торжество вокругъ, а у самого Господа—слезы!.. Что могло утѣшить Его?.. развѣ только хвалебные гласы дѣтей. Видѣлъ Господь, что этотъ народъ, взывающій теперь: *осанна*,—чрезъ четыре дня будетъ кричать: *распни, распни Его*... По

эти дѣти и всѣ, прилѣпившіеся къ Нему съ дѣтскою простотою, неизмѣнно вѣрными пребудутъ Ему. — Пролита будетъ кровь Его,—и увлажитъ землю сію, и породитъ на ней новое поколѣніе—свѣжее и полное жизни, какъ ваіи отъ финикъ, и съ неразмышляющею вѣрою преданное Ему, какъ дѣти, взывающія: *осанна*!..

Такъ, братіе, кровь Господня уже пролита, и принесла плодъ свой. Вмѣсто одного народа, всѣ уже народы взываютъ: *осанна Сыну Давидову*,—вмѣсто одного храма въ одномъ священномъ градѣ—сколько истинныхъ храмовъ воздвигнуто на землѣ, и сколько градовъ пребываютъ вѣрными Господу! Но законъ утѣшеній и надеждъ Господнихъ одинъ. Только на тѣхъ почиваетъ Духъ Его, кои, какъ ваіи, полны жизни и, какъ дѣти, обращены всѣмъ сердцемъ ко Господу.—Мы читаемъ сей законъ въ словахъ Господа: *оставите дѣтей приходити ко Мнѣ и не браните имъ: таковыхъ бо есть царствіе Божіе* (Лук. 18, 16.).

Не безсиліе дѣтское берется здѣсь въ образецъ, а свѣжесть ихъ дѣтскихъ силъ,—живость ихъ дѣйствій и простота. Принятъ ли и нами сей законъ?.. Конечно принятъ, вмѣстѣ со всѣмъ закономъ Христовымъ. А если принятъ, то приняты и всѣ обязательства, соединенныя съ нимъ... Къ чему же это обязываетъ насъ?! Обязываетъ—

1) Начинать работать Господу—съ юныхъ лѣтъ,—съ тѣхъ поръ, какъ только сознаемъ свои обязательства, данныя въ крещеніи; а не отлагать сего дѣла до старости, предаваясь между тѣмъ страстямъ и работая міру... Старческую ли немощь и сухія кости принесемъ Господу, кровь Свою за насъ пролившему?!—И еще принесемъ ли?—Богъ знаетъ.—Подъ старость точно стихнутъ страсти: но будетъ ли угодна Господу жизнь, въ которой не видно страстныхъ дѣлъ потому только, что нѣтъ силъ удовлетворять страстямъ, между тѣмъ какъ все существо пропитано страстьми?!—Не то сіе значитъ, чтобъ подъ старость не возможно было обращеніе. Богъ, могущій и изъ каменій воздвигать чадъ Аврааму, пошлетъ Духа

и оживутъ старческія кости, и старецъ съ юношескою бодростію начнетъ работать Господу... Но сколько вы знаете такихъ примѣровъ?!—Не всѣ ли почти старцы, проведшіе жизнь въ страстяхъ,—томятся отъ скуки,—ропщутъ и снѣдаются нечаяніемъ.—Блаженна только та старость, до которой дожито непрерывно Богоугодною жизнію!

2) Но для сего надобно—начавши съ юныхъ лѣтъ работать Господу—съ юношескою же живостію и бодростію совершать всѣ дѣла сего служенія. Въ ветхомъ завѣтѣ заповѣдано приносить Господу тукъ. Почему, благодаря и преклоняя Господа на милость, Давидъ пѣлъ: *всесожженіе тучно вознесу Тебѣ* (Псал. 65, 15.). Это образъ того, что въ дѣлахъ Богоугожденія надобно приносить Господу все расположеніе, все сердце, всю полноту чувства, а не одни внѣшнія, холодно совершаемыя, дѣла... Пусть напередъ сердце горитъ любовію ко Господу, а потомъ и всѣ кости изрекаютъ: Господи, Господи!—Кто читаетъ молитвы Господу, а сердцемъ отстоитъ отъ Него; кто въ храмѣ стоитъ, а помышленіями въ душѣ устрояетъ торжище; кто милостыню даетъ—да видимъ будетъ, и вообще совершаетъ всѣ дѣла благочестія исправно, но безъ участія сердца: того дѣла не ваіи отъ финикъ, а сухое хврастіе, готовое въ пожженіе... *Сыне, даждь ми сердце* (Притч. 23, 26.), говоритъ Господь.—Кто не даетъ Господу сердца, тотъ ничего не даетъ.—Пусть и дѣла есть у него, но онъ дѣлаетъ ихъ по заведенному порядку—холодно какъ машина, или какъ лѣнивый мулъ или волъ, неохотно, вынужденно,—какъ связанный-ведомый. Посмотрите, какъ дѣти, когда дѣлаютъ что,—бываютъ всѣ въ дѣлѣ—нераздѣльно,—и дѣйствуютъ съ увлеченіемъ.—Такъ надобно намъ работать Господу!

3) Не думайте, что трудно поддерживать такую живость.—Нѣтъ;—Господь близъ:—Онъ есть дѣйствуяй въ насъ.—Надобно только предать Ему сердце свое съ дѣтскою вѣрою и простотою. Блаженно сердце, питающее сію неразмышляющую вѣру,—такую, въ которой не двоится мысль и чувство сердца,

въ которой убѣжденіе въ истинѣ неразлучно съ готовностію дѣйствовать по ней, въ которой всякое слово Божіе принимается нераздѣльно всѣмъ существомъ... Умъ тамъ не каверзничаетъ, покушаясь подрывать основанія истины многообразными вопросами, составляемыми его неразуміемъ и недалекостію въ позпаніи вещей духовныхъ, сердце—не покрываетъ заповѣдь туманомъ страстныхъ помышленій, которыми соблазняются и желанія наши, уклоняясь отъ повелѣннаго, или совсѣмъ или на время. Всякое слово тамъ пріемлется всецѣло, какъ оно есть,—впивается какъ вода губкою, или капли дождя жаждущею землею... Вотъ отъ этого тамъ много жизни, живости и силы, гдѣ есть неразмышляющая вѣра.

Тамъ услышатъ, наприм., — давай, и даютъ, — прости,— и прощаютъ,—ищи того-то, и ищутъ; такъ смотри на вещи— и смотрятъ такъ... Ни мысли, ни чувству, ни желанію не позволяютъ возникнуть въ сознаніи на перекоръ тому, что исходитъ изъ устъ Божіихъ, все безъ колебанія пріемлютъ, какъ дѣти изъ устъ отца или матери, которыхъ любятъ, или отъ учителя, къ которому прилѣпились.

Вотъ такія расположенія возбудимъ и утвердимъ въ сердцѣ!.. И принесемъ такимъ образомъ нынѣ Господу трехвѣтвенныя ваіи—духовныя, угодныя Господу.—Господь, видящій сердце, увидитъ ихъ и благословитъ... Наша пѣснь — *осанна Сыну Давидову*—дойдетъ до слуха Его,—и Онъ защититъ насъ,— отъ укорныхъ возгласовъ неразумныхъ разумниковъ: смотри-ка, что они дѣлаютъ?!—Изъ устъ младенецъ и ссущихъ Онъ Самъ устрояетъ Себѣ хвалу... И другой принимать не хочетъ...

Богъ да благоволитъ всѣмъ намъ быть устроенными такъ. Аминь.

27 Марта,

1860.

———

XXX.

ВЪ СРЕДУ СТРАСТНОЙ СЕДЬМИЦЫ.

Въ нынѣшній день оканчивается чтеніе Евангелій. И я хочу обратить ваше вниманіе на то, что значитъ это чтеніе и къ чему оно насъ обязываетъ?—Что значитъ чтеніе всѣхъ Евангелій во дни сіи? Оно есть повтореніе завѣщанія, даннаго намъ Господомъ Іисусомъ Христомъ.—Господь, умерши за насъ, оставилъ завѣщаніе всѣмъ, имѣвшимъ увѣровать въ Него—завѣщаніе кровію Его написанное и подписанное. Всякой, приходящій къ Господу, вѣрою, вступаетъ съ Нимъ въ завѣтъ и обязуется исполнять оставленное Имъ завѣщаніе,—изображенное въ Евангеліяхъ. Завтра будутъ совершаться страсти. Чрезъ день будетъ предложено чествованію нашему изображеніе на плащаницѣ Господа, по снятіи Его со креста, умученнаго и изъязвленнаго.—Первая мысль всякаго приходящаго къ цѣлованію плащаницы, будетъ мысль о завѣтѣ смертію Господа утвержденномъ. Истощеннымъ видомъ Своимъ и язвами Онъ будетъ напоминать каждому изъ насъ: помните ли и исполняете ли завѣщаніе Мое, которое исполнять вы обязались, вступая въ завѣтъ со Мною?—Чтобъ всякой Христіанинъ

предъ плащаницею могъ добросовѣстно отвѣтить: да, Господи, помню завѣтъ Твой и знаю завѣщаніе,—св. Церковь постановила прочитывать предъ страданіями Господа всѣ Евангелія, чтобъ обновить въ памяти каждаго всю картину обязательствъ, завѣщанныхъ Господомъ.

Вотъ зачѣмъ читаются всѣ Евангелія въ дни сіи! Что же—достигается ли цѣль?—Да,—въ большей или меньшей мѣрѣ, всякой знаетъ, чего ожидаетъ отъ него Господь, какъ отъ Христіанина?—Но, можетъ быть, не всякой ясно представляетъ себѣ все существо дѣла, завѣщаннаго намъ,—не подводилъ можетъ быть подъ одинъ обзоръ всѣхъ обязательствъ, налагаемыхъ Завѣщателемъ,—не изображалъ въ одной общей картинѣ всего сюда относящагося?—Берусь помочь вамъ,—и изобразить все содержаніе завѣщанія Господня—въ одномъ небольшемъ очеркѣ.—Это поможетъ намъ предъ лицемъ Господа страждущаго или болѣе укрѣпиться въ жизни, если она исправна, или побудитъ насъ измѣнить ее и исправить, если она неисправна.

Извѣстно вамъ, что существо Христіанства состоитъ въ возстановленіи падшаго человѣка. Человѣкъ въ твореніи назначенъ быть въ общеніи съ Богомъ, чтобъ жить въ Немъ и блаженствовать. Преступленіемъ заповѣди онъ отпалъ отъ Бога,—потерялъ истинную жизнь,—и долженъ былъ страдать и временно и вѣчно. Единородный Сынъ Божій, принявъ на Себя человѣческое естество, оживотворилъ его въ Себѣ, смертію удовлетворилъ правдѣ Божіей,—и возвратилъ человѣку блаженство въ Богѣ.—Для того, чтобъ людямъ, можно было, усвоять сіи блага во всѣ времена, Онъ учредилъ на земли св. Церковь—домъ спасенія и дворъ спасаемыхъ.—Всякой теперь желающій достигнуть своего назначенія—вкусить блаженства отъ общенія съ Богомъ,—можетъ сподобиться сего не иначе, какъ чрезъ общеніе съ Господомъ Іисусомъ Христомъ во св. Церкви... *Никтоже можетъ пріити ко Отцу*, говоритъ Господь, *токмо Мною*... (Іоан. 14, 6.) Въ семъ состоитъ существо завѣщанія Его къ намъ. Отсюда само собою видно, что

болѣе частные пункты сего завѣщанія касаются: 1) пути восхожденія ко общенію съ Іисусомъ Христомъ, 2) пребыванія въ Богѣ по общеніи съ Господомъ и 3) пребыванія въ Церкви, гдѣ находятся всѣ силы и способы къ совершенію того и другаго.

1) Какъ восходятъ въ общеніе съ Господомъ, и что въ слѣдствіе того лежитъ на насъ?

Путь восхожденія къ общенію съ Господомъ состоитъ въ слѣдующемъ. Приходя въ раскаяніе въ своихъ грѣхахъ, человѣкъ готовъ бы пасть въ отчаяніе, еслибъ не предстоялъ ему Господь съ заслугами... Усвояя же себѣ ихъ вѣрою въ Господа Іисуса Христа, онъ возникаетъ къ надеждѣ спасенія и пріемля Божественныя силы, полагаетъ намѣреніе работать Господу вся дни живота своего... и за то чрезъ таинства соединяется съ Господомъ. Въ слѣдствіе сего вотъ что отъ всякаго Христіанина требуется:

а) *Знай и познавай свою бѣдность и окаянство,*—что ты нищъ и слѣпъ и нагъ, и погибалъ бы временно и вѣчно, еслибъ не Господь...

б) *Знай и возрастай въ познаніи Господа Іисуса Христа,* пришедшаго въ міръ грѣшниковъ спасти.—Онъ удовлетворилъ правдѣ Божіей за тебя, оживотворилъ тебя въ Себѣ и спосадилъ одесную Отца на небесныхъ.

в) *Вѣруй,* полною вѣрою, что Господь, спасшій міръ весь, и *тебя спасаетъ,*—и взывай къ Нему съ Ѳомою: *Господь мой и Богъ мой.*

г) Въ слѣдствіе сего *уповай—спасеннымъ быть.* Содержи въ сердцѣ, что опасность уже миновалась; но не предавайся безпечности и нѣгѣ, а ходи въ дѣлахъ самоотверженія, забвеніе котораго тебя ввергало въ бѣду столько разъ.

д) *Возгрѣвай чувство мира съ Богомъ.*—Созерцай въ духѣ свѣтлое благоволительное къ тебѣ лице Божіе; но не послабляй не только страстямъ, но и помысламъ страстнымъ, и всякой разъ, какъ они прорвутся противъ воли твоей, спѣши

очищать себя слезами покаянія, или и всегда пребывай въ слезахъ покаянія, омывая ими всякую нечистоту.

е) Носи въ сердцѣ убѣжденіе, что ты сынъ Богу, коему дана власть взывать къ Нему: *Авва Отче*;—и помня сіе, дѣйствуй какъ бы отъ лица Божія, въ видахъ Божіихъ, для Бога,—всегда во славу всесвятаго имени Его. Вотъ первый рядъ чувствъ и расположеній, завѣщанныхъ Господомъ!

2) Вступивъ въ общеніе съ Іисусомъ Христомъ, а чрезъ Него возсоединившись съ Богомъ,—человѣкъ становится предъ лице Бога, отъ Коего отпалъ было,—и созерцаетъ Его въ безконечныхъ совершенствахъ Его,—и въ Его дѣлахъ творенія, промышленія и совершенія всего... И вотъ какими чувствами и расположеніями долженъ исполняться каждый при семъ! Вотъ чего, въ слѣдствіе того, отъ каждаго изъ насъ требуетъ Господь:

а) Созерцая Бога сокровеннѣйшимъ-непостижимымъ,—изумляйся Ему. Да замолкнетъ въ тебѣ всякое помышленіе, какъ молчитъ предъ Нимъ всякая тварь небесная и земная.

б) Созерцая Его безконечно-великимъ,—падай предъ Нимъ въ уничиженіи, проникаясь благоговѣйнымъ страхомъ и трепетомъ...

в) Созерцая всесовершеннымъ,—хвали и славословь Его, вмѣстѣ съ хорами Ангеловъ взывая къ Нему: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ,—исполнь вся земля славы Твоея!

г) Созерцая Его вездѣсущимъ, всевидящимъ и всеисполняющимъ,—ходи предъ лицемъ Его, такъ, какъ ходилъ бы предъ царемъ на тебя смотрящимъ.

д) Богъ сотворилъ тебя и хранитъ,—ты весь Его... Покорствуй же Ему, какъ Владыкѣ жизни, въ чувствѣ всесторонней зависимости отъ Него.

е) Богъ сотворившій тебя и промышляетъ о тебѣ: стало все твое Его есть. Благодари же Его за все... Благодушествуй и терпи, если найдетъ на тебя что непріятное, — и никогда не попускай ослабѣвать въ тебѣ чувству довольства распоряженіями Промысла о тебѣ самомъ.

ж) Богъ всѣмъ управляющій ведетъ тебя къ своему назначенію. Слѣдовательно все, что будетъ съ тобою, будетъ отъ Бога.—И такъ предай себя въ волю всеблагаго Бога, Который лучше тебя знаетъ, что тебѣ нужно,—успокойся въ Немъ, не позволяя себѣ терзаться пустыми недоумѣніями и крушеніями духа; и питая полную надежду, что Онъ приведетъ тебя къ своему концу, возносись къ Нему умомъ и сердцемъ, въ молитвѣ.

з) Богъ, все сотворившій и всѣмъ управляющій, положитъ конецъ настоящему порядку вещей, преобразитъ небо и землю, и водворитъ вѣчное царство блаженства для человѣка... И такъ ожидай сего втораго пришествія Господня, и не только вѣрь ему, но и желай и приготовляйся срѣтить Его на всякой часъ... Готовься къ смерти;—помни судъ, рай и адъ, и будь какъ странникъ на землѣ.—Вотъ второй рядъ чувствъ и расположеній, завѣщанныхъ Господомъ!

3) Вступающіе въ общеніе съ Іисусомъ Христомъ, а чрезъ Него съ Богомъ, не иначе достигаютъ сего, какъ въ св. Церкви, по ея указанію и руководству,—и не иначе утверждаются и пребываютъ въ семъ общеніи, какъ пребывая въ общеніи съ Церковію. Въ Церкви всѣ необходимыя для сего благодатныя средства, и всѣ, въ ней пользующіеся сими средствами и къ Богу обращающіеся, становятся единымъ тѣломъ, исполненнымъ единымъ духомъ. Церковь есть домъ спасенія или сосудъ благодатныхъ средствъ, и дворъ спасаемыхъ.

А. Церковь есть домъ спасенія или сосудъ благодатныхъ средствъ... И такъ къ ней обращайся и въ ней ищи удовлетворенія твоимъ нуждамъ духовнымъ. Все, что тебѣ нужно, найдешь въ ней.

а) Тебѣ нужно просвѣщеніе ума.—Церковь есть просвѣтительница. Вѣрь и содержи въ сердцѣ, что она одна есть столпъ и утвержденіе истины,—и въ ней ищи сей истины—въ словѣ Божіемъ, въ отеческихъ писаніяхъ, въ наличномъ учительствѣ церковномъ.—По руководству сего просвѣщенія ищи и всякаго другаго, и имъ повѣряй его.

б) Ты слабъ—тебѣ нужно подкрѣпленіе.—Церковь есть подательница благодати и воспитательница духа благодатнаго. Семь сосцевъ открыты у матери нашей—семь таинствъ. Приступай къ нимъ вѣрою, —и напаяйся изъ нихъ живоносными силами по нуждамъ своимъ, и потомъ возгрѣвай ихъ хожденіемъ во всѣхъ уставахъ и чинопослѣдованіяхъ Церкви—постахъ, говѣніяхъ и во всемъ прочемъ.

в) Ты окруженъ врагами. Тебѣ нужно ходатайство и защита. Церковь твоя ходатайца и защитница. Ходи въ храмы Божіи. Собирая чадъ своихъ, Церковь низводитъ на нихъ ходатайственную свою силу... Здѣсь Жертва безкровная, здѣсь хоры Ангеловъ и Святыхъ, здѣсь молитвованія на всякую потребу душевную и тѣлесную... Сюда прибѣгай, и молитвою церковною ограждай себя.

Б. Церковь есть дворъ спасаемыхъ... Всѣ вѣрующіе—одно тѣло съ однимъ духомъ... И такъ—

а) Пребывай со всѣми въ единеніи духа:—пребывай въ *единомысліи*, не ища самостоятельныхъ взглядовъ въ дѣлахъ вѣры, отъ которыхъ ереси; пребывай въ *сочувствіи* со всѣми и въ *готовности содѣйствовать благу всѣхъ*. Это три стихіи истинной любви, которая далѣе научитъ тебя всякаго брата встрѣчать съ благорасположеніемъ, съ благожеланіемъ и благопопеченіемъ; научитъ каждаго честію больше себя творить, и блюсти чистымъ лице ближняго; научитъ всѣмъ жертвовать для блага его душевнаго и тѣлеснаго,—и, въ постоянномъ взаимообращеніи, быть искренно-радушнымъ, скромнымъ, миролюбивымъ, уступчивымъ, истинолюбивымъ и проч., научитъ такъ держать себя не только въ отношеніи къ благодѣтелямъ и друзьямъ, но и ко врагамъ и недоброжелателямъ.

Церковь—дворъ спасаемыхъ:—всѣ вѣрующіе—одно тѣло съ однимъ духомъ...

б) Ревнуй же всею ревностію о томъ, чтобы пребыть въ единеніи съ нею—и себя подвесть подъ одинъ съ нею духъ... А для сего помни обѣты, данные при вступленіи въ нее въ крещеніи и чаще возобновляй ихъ въ памяти; отвергнись себя

и непрестанно приноси себя въ жертву Богу;.. пожри Ему умъ свой и воспріими умъ Христовъ, пожри волю свою, и ходи только въ волѣ Божіей,—пожри сердце свое,—и ничего не люби, кромѣ Его; пожри Ему тѣло свое въ трудахъ и озлобленіяхъ тѣлесныхъ, спасенія ради... Трезвися и бодрствуй... и чувства свои храни неразсѣянными... Вотъ третій рядъ чувствъ и расположеній, завѣщанныхъ намъ Господомъ!

Есть еще особыя завѣщанія—родителямъ и дѣтямъ,—мужьямъ и женамъ, слугамъ и господамъ, начальникамъ и подчиненнымъ, пастырямъ и пасомымъ, продающимъ и покупающимъ, судьямъ и судимымъ; всякому званію и состоянію: но они понятны уже изъ первыхъ завѣщаній сами собою... Всюду господствующимъ да будетъ духъ любви и самоотверженія въ ревнованіи творить во всемъ единую волю Божію, которой должна быть посвящена вся жизнь.

Вотъ краткое начертаніе завѣщанія, оставленнаго намъ Господомъ,—и вотъ что воспроизвесть въ умѣ нашемъ хочетъ Церковь, прочитывая намъ всѣ Евангелія въ эти дни, чтобы непостыднымъ лицемъ представить насъ къ подножію креста, на коемъ виситъ Завѣщавшій намъ завѣтъ сей,—представить, по крайней мѣрѣ, знающими,—если не всецѣло исполняющими... Но, братіе, что въ знаніи?! Оно только обличитъ насъ! Понудимъ немного душу свою,—не возревнуетъ ли она приложить къ знанію и дѣло?! Мало времени?! Нѣтъ—не мало.—И въ одну минуту можно все поправить... Сдѣлаемъ вотъ что: повѣримъ свою жизнь по предложенному начертанію, и все, что найдемъ неисправнымъ, омоемъ слезами покаянія, положивъ твердое намѣреніе быть исправными въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ доселѣ были неисправны. Страждущій за насъ на крестѣ Господь,—и намѣреніе приметъ какъ самое дѣло, лишь бы оно было искренно и сопровождалось готовностію устоять въ немъ до положенія живота. Обрадуемъ хотя этимъ Господа—въ сіи дни воспоминанія Его... Въ ветхомъ завѣтѣ было время, когда въ слухъ всего народа прочитывались книги закона, съ клятвами непокорнымъ и благословеніями по-

корнымъ, и весь народъ отвѣчалъ: *вся, елика рече Господь, сотворимъ и послушаемъ*... Вотъ Господь со креста Самъ повторяетъ намъ завѣтъ Свой; отверземъ слухъ сердца, сложимъ по писанному свои чувства и расположенія, и скажемъ: будемъ, Господи, соблюдать все заповѣданное Тобою, хотя бы намъ слѣдовало ради того идти въ темницу или на смерть. Аминь.

30 Марта,
1860.

XXXI.

ВЪ НЕДѢЛЮ О ѲОМѢ.

Въ великую среду, если помните, я предлагалъ вамъ завѣтъ, завѣщанный намъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ,— написанный кровію Его и запечатлѣнный крестною смертію Его.—Пункты сего завѣщанія, по ихъ численности, можно было тогда только указать кратко, или только озаглавить. Но какъ они всѣ должны составлять главный предметъ нашего вѣдѣнія,—равно какъ и главную заботу нашей жизни и дѣятельности; то считаю себя обязаннымъ подробнѣе растолковать ихъ вамъ; а васъ прошу приложить посильное вниманіе и терпѣніе въ слушаніи. Думаю разъяснять вамъ это теперь потому, что Господь по воскресеніи Своемъ четыредесять дней являясь ученикамъ Своимъ, глаголалъ имъ яже о царствіи Божіи: царство же Божіе, которое внутрь насъ есть,—въ чемъ другомъ и состоитъ, какъ не въ чувствахъ и расположеніяхъ, къ которымъ обязалъ насъ Умершій за насъ и Воскресшій?— Такъ бесѣдуя о семъ, мы войдемъ въ соучастіе бесѣдъ Го-

сподних, и продолжимъ нѣкоторымъ образомъ дѣло Его, которое совершилъ Онъ въ предлежащіе намъ дни.—Къ томужъ, можетъ быть, и самыя послѣдующія недѣли, по своему содержанію и значенію, будутъ наводить насъ то на тѣ, то на другіе пункты лежащаго на насъ къ исполненію завѣщанія. По крайней мѣрѣ, о настоящей недѣлѣ это можно сказать утвердительно и безъ особыхъ натяжекъ.

Припомните, въ чемъ состоитъ существо новаго завѣта Божія къ намъ? Вотъ въ чемъ кратко:—въ живомъ общеніи съ Богомъ чрезъ Господа Іисуса Христа во святой Его Церкви.—Главный пунктъ—живое общеніе съ Богомъ. Но намъ падшимъ невозможно иначе придти въ общеніе съ Богомъ, какъ чрезъ Господа Іисуса Христа. Слѣдовательно, предварительно надлежитъ намъ сочетаться съ Господомъ Іисусомъ, пріискреннѣ пріобщившимся нашего естества; далѣе, достигши сего,—надо жить въ семъ общеніи съ Спасителемъ и стяжанномъ чрезъ Него Богообщеніи,—при союзѣ со всѣми возобщенными съ Богомъ—составляющими Церковь Божію, коей ввѣрены и всѣ средства спасенія и руководство всѣхъ спасаемыхъ. Такъ заучите: существо нашего завѣта — въ Богообщеніи чрезъ Господа Іисуса Христа во святой Его Церкви.—Возстани, падшій, воззри на Господа и сочетайся съ Нимъ;—отъ Него возтеки чрезъ рядъ другихъ расположеній къ Богу и погрузись въ Богосозерцаніе и Богонаслажденіе; но твори это такъ, какъ сіе творится въ Церкви Божіей,—пребывая въ союзѣ со всѣми, призывающими имя Господне.—Истинный Христіанинъ, твердо содержа сей Богоначертанный порядокъ, всю жизнь свою ходитъ по немъ умомъ и сердцемъ и собираетъ въ немъ святыя чувства и расположенія, ублажающія его здѣсь и надежно приготовляющія къ блаженству вѣчному.

Вотъ о семъ-то я считаю долгомъ толковать съ вами сколько можно чаще и разнообразнѣе. Тутъ все дѣло наше. Если мы стоимъ въ семъ чинѣ, хорошо намъ, а если нѣтъ—пропали мы.

Такъ первое дѣло наше—сочетаться съ Господомъ Іисусомъ Христомъ.—Мы уже сочетались съ Нимъ. – Остается только хранить сіе сочетаніе, возгрѣвая чувства и расположенія, которыми поддерживается оно.—Тому, кто не съ Господомъ, надо говорить: возстань, падшій, воззри на Господа и сочетайся съ Нимъ. А кто съ Господомъ, тому надо внушать: не забывай паденія, отъ коего ты возставленъ,—не своди очей своихъ съ Господа, спасшаго тебя,—и сильною вѣрою впивай въ себя Его спасительную силу.—Иначе это такъ:—знай и въ чувствѣ сердца содержи свою бѣдность,—знай и въ чувствѣ сердца носи богатство Христово; и потомъ силою вѣры и любви переноси сіе богатство Христово на себя бѣднаго.— Сочетанный съ Господомъ постоянно содержитъ сіи чувства и, переходя отъ одного къ другому, поддерживаетъ въ себѣ или приводитъ въ движеніе живое свое сочетаніе съ Господомъ. И такъ надобно—

а) Знать и въ чувствѣ сердца содержать свою бѣдность, свое окаянство и свою безотвѣтность предъ Богомъ. Это есть первая о насъ самихъ истина. Были высоко поставлены, но завистію діаволею, преступивъ заповѣдь, подверглись осужденію и клятвѣ, разстроились душею и тѣломъ, осуждены на внѣшнія бѣдствія, подпали тиранству сатаны, и состоимъ въ опасности, по смерти быть вверженными во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Для увѣровавшихъ все сіе уже миновалось. Но никакъ не должно забывать сего,—чтобы не впасть въ самозабвеніе,—и снова не низпасть туда же. Путь нашъ лежитъ надъ безднаю пламени, куда мы поминутно готовы низринуться, если оставитъ насъ благодать;—а она оставитъ, если забудемъ, что мы сами по себѣ и слѣпы и нищи и наги... Сіе чувство будетъ устремлять насъ постоянно къ Господу или заставлять бѣжать къ Нему, какъ бѣгутъ изъ душнаго мѣста или зданія, объятаго пламенемъ, на свободу. Какъ масло поддерживаетъ горѣніе въ лампадѣ, такъ чувство сіе будетъ поддерживать горѣніе вѣры въ Господа, въ духѣ нашемъ. По мѣрѣ ослабленія перваго слабѣетъ

и послѣднее. Теряющій же его выходитъ изъ строя спасаемыхъ. Вотъ какъ это важно! Попечемся же—возгрѣвать въ себѣ чувство бѣдности своей, своего окаянства и негодности предъ Богомъ,—чтобъ непрестанно пребывать въ чувствѣ самоуничиженія и смиренія... и изъ глубины души взывать: Господи, спаси мя, погибаю.

б) Знать и въ чувствѣ сердца носить богатство Христово. — Чувство своей бѣдности, окаянства и безотвѣтности предъ Богомъ одно — безотрадно, и, пожалуй, можетъ ввести въ отчаяніе, окончательно пагубный грѣхъ. — Потому не отказываясь отъ него, надо растворять его познаніемъ и чувствомъ богатства Христова... Ибо, на самомъ дѣлѣ, не бѣденъ только есть человѣкъ и погибающъ, но есть и спасаемъ и обогащаемъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, — на самомъ дѣлѣ есть такое устроеніе, по коему надъ человѣкомъ гибнущимъ простерто Божественное осѣненіе благодати спасающей. Потому намъ надо посматривать не только на себя, какъ мы ничтожны, но и на Господа, какъ Онъ богатъ и благъ, на то, т. е., какъ милосердый Богъ, обѣтовалъ послать во спасеніе наше—Сына Своего, Который, по исполненіи временъ, дѣйствительно пришелъ къ намъ, воплотился, пострадалъ, крестною смертію принесъ жертву за грѣхи всего міра, воскресъ и всѣхъ совоскресилъ, вознесся и, сѣдши одесную Бога и Отца, ходатайствуетъ о насъ, и властвуетъ надъ всѣмъ, какъ Царь, все устрояя во спасеніе наше. Содержа въ умѣ такое устроеніе спасенія, воспріимемъ его и въ чувствѣ, чтобъ вмѣстѣ съ Апостоломъ взойти до того состоянія, въ которомъ вся вмѣняютъ уметы быти за превосходящее разумѣніе Христа Господа.—Слѣдствіемъ сихъ двухъ чувствъ будетъ—

в) Самое сочетаніе сердца съ Господомъ. Ибо когда, такимъ образомъ, въ одномъ и томъ же духѣ встрѣтятся и чувство своего окаянства, и чувство богатства Христова,—то что можетъ удержать ихъ отъ того, чтобъ сочетаться другъ съ другомъ, какъ сочетаваются вода съ сухою землею, или какъ двѣ сродныя между собою стихіи? Чувство безотвѣтности вос-

ходитъ къ Господу, пожершемуся,—чувство растлѣнія пріемлетъ Господа—какъ животъ нашъ, страхъ смерти и ада исцѣляется видѣніемъ Господа, Царя и Побѣдителя всяческихъ.— Каждое чувство находитъ себѣ соотвѣтственное удовлетвореніе въ созерцаемомъ Господѣ. Изъ сего-то сочетанія и раждается какъ дщерь ихъ небесная, — истинная вѣра въ Господа Спасителя, которая есть ни одно познаніе Господа, ни одно познаніе своей бѣдности, а есть то и другое вмѣстѣ—во взаимномъ сопроникновеніи.—Сочетаніе сердца съ Господомъ вѣрою есть внутреннее благодатное дѣйствіе, коимъ на наше ничтожество и бѣдность переносится вся полнота Христова и усвояется намъ.—Это дѣйствіе Божеское, коимъ творится внутрь насъ новый потаенный сердца человѣкъ. Вотъ стихіи, изъ коихъ слагается онъ: я—погибающій—погибъ бы на вѣки, но Господь Іисусъ Христосъ, отъявшій все зло, лежавшее на родѣ человѣческомъ, воспріялъ и меня въ милость Свою,— и Имъ я спасаюсь. Вѣра зритъ Господа единственнымъ источникомъ своего облаженствованія, изчезаетъ въ Немъ сердцемъ, объемлетъ Его любовію, живетъ Имъ однимъ и для Него одного. Когда совершается сіе сочетаніе Господа съ сердцемъ: тогда бываетъ съ каждымъ изъ насъ то, что Онъ обѣщалъ: *вниду къ нему и вечеряю съ нимъ*, насыщая его всѣми благами Своими безконечными. Въ слѣдствіе сего и въ глубинѣ духа человѣческаго изрекается какъ Ѳомою,—по осязаніи Господа: Господь мой и Богъ мой!—Это самый вѣрный голосъ вѣры и самый вѣрный ея символъ.

Вотъ коротко,—какъ сочетавается сердце съ Господомъ!.. Сначала возчувствуетъ оно свою бѣдность и безотвѣтность предъ Богомъ; потомъ возчувствуетъ богатство Христово, наконецъ силою вѣры перенесетъ на себя сіе послѣднее, говоря въ себѣ: все, что содѣлалъ Господь для всѣхъ, Онъ даруетъ по благости Своей и мнѣ и меня спасаетъ... И говоря сіе, крѣпко прививается къ Господу, какъ любящее матерь свою дитя обвивается около шеи матерней... Обвившись такъ съ Господомъ, вѣрующая душа и пребываетъ такъ,—любовію

смотря въ очи Господа, держащаго ее надъ бездною и спасающаго въ Себѣ... Такъ устроиться внутренно да поможетъ намъ Господь, всѣмъ желающій спастися,—чтобъ всѣ мы и въ часъ послѣдняго Его явленія міру дерзновенно могли воззвать съ Ѳомою: Господь нашъ и Богъ нашъ! Аминь.

10 Апрѣля,
1860.

XXXII.

ВЪ НЕДѢЛЮ САМАРЯНЫНИ.

Вотъ уже почти недѣля, какъ слухъ нашъ оглашается церковными пѣснями о жаждѣ.—Каждому изъ насъ внушается взывать ко Господу: жаждущую душу мою напой... И самъ Господь всѣхъ жаждущихъ призываетъ къ Себѣ, говоря: *жаждай, да грядетъ ко Мнѣ и да піетъ.*—Нынѣ въ Евангеліи Спаситель бесѣдуетъ съ Самарянкою тоже о жаждѣ. Самарянка проситъ Его: дай мнѣ такую воду, чтобъ мнѣ не ходить сюда на колодезь за водою и даже совсѣмъ не имѣть жажды. Господь говоритъ: *всякъ піяй отъ воды сея вжаждется паки: а иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему: не вжаждется во вѣки* (Іоан. 4, 13. 14.).

Можете догадаться, что здѣсь разсуждается не о простой жаждѣ, когда хочется пить воды,—а о другой нѣкоторой жаждѣ болѣе цѣнной и болѣе обширной.—Словомъ *жажда* означаются высшія потребности человѣческаго духа, которымъ нельзя найти полнаго и прочнаго удовлетворенія нигдѣ, кромѣ Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа. Самарянка въ

семъ отношеніи представляетъ образъ природы человѣческой, съ неудовлетворенною жаждою обращающейся къ Господу, послѣ того, какъ многократно удовлетворяла ее изъ колодца самоизобрѣтенныхъ тварныхъ благъ и все не находила покоя отъ жажды.

Читается намъ такое Евангеліе всегда весною, чтобы мы разумѣли смыслъ ея, не бросались подобно неразумнымъ дѣтямъ на приманки удовольствій, которыя открываются намъ обычно въ это время года, и не переставали быть въ Господѣ—единственномъ источникѣ всеудовлетворительныхъ благъ.

Чтобъ и вы сами пришли къ такому же заключенію, я только разскажу вамъ,—что такое природа человѣческая и чего она ищетъ.—Вы увидите, сколько есть жažданій, — и какъ мы несправедливы къ себѣ, удовлетворяя одну сторону и оставляя въ тѣни и презрѣніи другую.

Человѣкъ, какъ видите, не тѣло только имѣетъ, но и душу,—и въ душѣ самой, или въ своей внутренней жизни не душу только, но и духъ, который несравненно выше души... Каждая изъ сихъ частей существа человѣческаго—духъ, душа и тѣло—имѣетъ свои потребности. Чувство потребности есть жажданіе. Стало быть у насъ есть три рода жажданій: жажданіе тѣлесное, плотское—чувственное, жажданіе душевное и жажданіе духовное. Первое плотское ищетъ земныхъ и чувственныхъ удовольствій,—второе душевное—ищетъ благъ житейскихъ или благъ міра; третіе—духовное—ищетъ благъ духовныхъ—небесныхъ, или Бога и Божественныхъ вещей.

Укажу еще подробнѣе сіи жажданія... Такъ въ тѣлѣ нашемъ есть потребность самосохраненія—ѣсть, пить, спать;—есть потребность движенія—ходить, работать, трудиться, которая превращена въ потребность гулять, танцовать и проч. подобное;—есть потребность употребленія чувствъ—смотрѣть, слышать, осязать, обонять.—Три класса потребностей плотскихъ, три рода и жажданій чувственныхъ, которыя удовлетворяются чувственными вещами, насъ окружающими... Кто занятъ преимущественно удовлетвореніемъ сихъ потребностей,—тотъ сто-

итъ на степени животнаго.—Всталъ, походилъ, поговорилъ, помечталъ, почиталъ, поѣлъ и потомъ опять соснулъ,—прогулялся, повертѣлся, поглядѣлъ, послушалъ пустыхъ рѣчей, и самъ поболталъ, и снова спать... Вотъ вся тутъ программа жизни... Пусто; — но къ сожалѣнію очень-очень большой кругъ людей сюда принадлежитъ.—Тутъ жажданіе утоляется на нѣсколько часовъ и снова оживаетъ, и точитъ человѣка, какъ червь.

Въ душѣ—есть потребность знанія—хочется человѣку все развѣдать и разузнать, научно, или по наслышкѣ, или чрезъ чтеніе. Поминутно слышите: что это, отъ чего, какъ, для чего?.. Эта пытливость есть у всякаго.—Есть потребность предпріятій или дѣлъ:—по домохозяйству, по торговой части, по военной, ученой, судебной, гражданской или сельской жизни... Минуты не проходитъ, чтобъ кто что-нибудь не загадывалъ дѣлать, и дѣлаетъ,—и сдѣлавши одно берется за другое... Это—предпріимчивость—забота и многопопеченіе.—Есть потребность украшать себя, свое жилье и свою жизнь. Нужна хорошая мебель, одежда, хорошія картины, изваянія, пѣніе, музыка и прочее подобное. Рай хочется человѣку насадить окрестъ себя въ замѣнъ потеряннаго.—Это такъ называемыя невинныя удовольствія. Вотъ и въ душѣ три потребности:—потребность знанія, предпріимчивость или попечительность и исканіе эстетическихъ удовольствій... Столько же въ ней и жажданій. Тутъ жажда никогда не удовлетворяется, а постоянно снѣдаетъ человѣка, не смотря на то, что онъ и минуты не даетъ себѣ покоя. Все это знаете вы сами.

Въ духѣ есть потребность созерцанія Бога и Божественныхъ вещей, удовлетворяемая познаніями духовнаго міра; есть потребность покоя въ Богѣ, или покоя совѣсти, утовлетворяемая исполненіемъ воли Божіей;—есть потребность Богообщенія, или вкушенія Бога, удовлетворяемая молитвеннымъ исчезновеніемъ въ Богѣ. Сколько потребностей въ духѣ, столько же и жажданій,—т. е., жажда молитвеннаго отрѣшенія отъ всего, покоя въ Богѣ и Богосозерцанія, которыя не будучи

удовлетворены оставляютъ тоску, а будучи удовлетворены надлежащимъ образомъ, и духъ упокоеваютъ, и низводятъ покой въ душу и тѣло, восполняя ихъ недостатки своею полнотою, или замѣняя ихъ способы своими;—напр. молитвеннымъ возношеніемъ къ Богу — эстетическія удовольствія, покоемъ совѣсти—многопопечительность, созерцаніемъ Бога и вещей Божественныхъ—безплодное исканіе истины научнымъ путемъ.

Вотъ у насъ три класса жажданій и по три вида жажданій въ каждомъ классѣ—всѣхъ девять, какъ бы девять устъ, изъ которыхъ человѣкъ слышитъ непрестанный вопль: жажду!... Всю жизнь иной человѣкъ бьется, чтобъ какъ нибудь заглушить сей вопль и не успѣваетъ. Почему?—Потому прежде всего, что неправильно распредѣляетъ сіи жажданія. Посмотрите, какъ бываетъ: чувственныя потребности стоятъ напереди и объ нихъ больше заботы,—за тѣмъ душевныя, уже въ меньшей мѣрѣ удовлетворяемыя, а духовныя считаются послѣдними, и объ нихъ мало или совсѣмъ не бываетъ заботы, такъ что человѣкъ находится теперь въ превратномъ положеніи,—на верху у него то, чему слѣдуетъ быть на низу. А въ такомъ видѣ трудиться насытить человѣка есть то же, что стараться наполнить водою сосудъ, обративъ его къ верху дномъ. Вотъ отъ чего и не имѣетъ человѣкъ довольства—не насыщается, все жаждетъ и жаждетъ, не смотря на то, что непрестанно хлопочетъ о довольствѣ, и окруженъ бываетъ многими благами. Такимъ образомъ, кто желаетъ покоя, тому надо поправить сію ошибку,—и обрящется покой и миръ, превосходящій всякій разумъ. Надо, т. е., прежде всего—удовлетворить духъ,—возведши его въ Богообщеніе, Боговкушеніе и Богосозерцаніе. Далѣе, силою духа, и по его указанію и руководству, удовлетворять и потребностямъ душевнымъ и тѣлеснымъ. Богъ—полнота благъ,—наполнивъ духъ,—чрезъ него изольетъ пополнительныя удовлетворенія на потребности души—на ея знанія, предпріятія и услажденія и на потребности тѣла, давъ имъ мѣру и вѣсъ и цѣль.

Видите теперь, когда человѣкъ можетъ перестать вопіять:

жажду! Тогда, когда удовлетворитъ духъ чрезъ Богообщеніе. Спрашивается: какъ это сдѣлать? Вотъ какъ. Человѣкъ первоначально сотворенъ, чтобъ быть въ Богообщеніи — жить въ Богѣ и блаженствовать. Такъ и было. Въ паденіи онъ отдѣлился отъ Бога и потерялъ Богообщеніе. Потерявъ Богообщеніе, сдѣлался неудовлетворимо жаждущимъ. — Духъ его ослабѣлъ, оставшись одинъ, надъ нимъ возобладала душа съ потребностями своими, сама въ свою очередь подчинившись преобладанію плоти. — Для возстановленія падшаго пришелъ Господь, и, удовлетворивъ правдѣ Божіей Своими безпредѣльными страданіями, ниспослалъ Божественнаго Духа, — для того, чтобъ, будучи пріемлемъ вѣрующими чрезъ таинства, Онъ возставлялъ въ Свой чинъ духъ человѣка, а чрезъ него душу и тѣло — и возвращалъ такимъ образомъ падшему предопредѣленное ему совершенство — сладостную и вседовольную жизнь въ Богообщеніи. Все сіе совершается такъ: приходитъ человѣкъ въ покаянное раскаяніе о своемъ непотребствѣ и своей виновности предъ Богомъ; за тѣмъ вѣрою въ Господа возникаетъ ко благонадежности спасенія, далѣе, положивъ обѣтъ — принадлежать Господу, — пріемлетъ таинство. Пришедшая чрезъ таинство благодать всесвятаго Духа живо сочетаваетъ его съ Господомъ, какъ дикую вѣтвь съ лозою, а чрезъ Господа возводитъ къ глубочайшему общенію съ Богомъ. — Преисполнившись симъ Богообщеніемъ, все существо человѣка является упокоеннымъ, вступаетъ въ субботство въ Богѣ, нетревожимое никакими воплями нисшихъ потребностей. Вотъ и вся тайна! Кто жаждетъ, иди къ Господу и напьешься у Него воды, отъ которой піющіе не жаждутъ болѣе. А безъ сего показанныя девять потребностей будутъ непрестанно томить бѣдную душу, не давая ей покоя, точить ее, какъ черви точатъ сердце дерева, и истощать ее, какъ піявки истощаютъ жизненные соки тѣлесные...

Не то сіе значитъ, чтобъ вступившіе въ Богообщеніе не чувствовали потребностей душевныхъ и тѣлесныхъ и не удовлетворяли имъ; а то, что жажданіе у таковыхъ теряетъ

свою жгучесть и неотступность,—и что подъ симъ условіемъ нисходитъ и къ нимъ отъ Бога—услаждающее вседовольство.— Кто въ Богѣ живетъ, тотъ все имѣетъ,—и ни въ чемъ не имѣетъ недостатка, или не бываетъ безпокоимъ чувствами скудости и лишенія. Вотъ въ чемъ вся сила!

Нынѣ зоветъ всѣхъ насъ Господь: *жаждай, да грядетъ ко Мнѣ и да піетъ*... Пойдемте всѣ къ сладчайшему Господу, и утолимъ у Него жажду свою. Но такъ, чтобъ уже не заходить послѣ сего ни къ какимъ колодцамъ, хотя бы они были вырываемы какими нибудь знаменитостями. Аминь.

1 Мая,
1860.

XXXIII.

ВЪ НЕДѢЛЮ СВЯТЫХЪ ОТЕЦЪ.

Нынѣ св. Церковь воспоминаетъ св. Отцевъ, прославившихся твердостію исповѣданія вѣры въ Божество Господа нашего Іисуса Христа, защищавшихъ сей догматъ и утвердившихъ его на первомъ вселенскомъ соборѣ. Предлагаются вниманію нашему и чествованію св. Отцы для того, чтобъ ихъ ревностію воодушевить и насъ стоять до крови за Божество Господа и Спасителя нашего,—и съ мужествомъ вооружаться противъ всего, что возстаетъ противъ Него.—Какъ же мы можемъ выполнить въ настоящее время сіе внушеніе матери нашей—Церкви?

Извѣстно вамъ, что̀ богохульно проповѣдывалъ нечестивый Арій? Онъ проповѣдывалъ, что Спаситель нашъ не есть истинный Богъ, хотя величалъ Его самыми высокими титлами. Такое ученіе стремилось уничтожить самое Христіанство, какъ единственный путь ко спасенію. Ибо если Спаситель не Богъ, то нѣтъ намъ спасенія. За тѣмъ и воплотился единородный Сынъ Божій и Богъ, что премудрость Божія не находила иного удобнѣйшаго способа къ нашему спасенію. Мы — едино съ человѣчествомъ Господа Іисуса Христа; человѣчество въ Господѣ

упостасно соединено съ Божествомъ Его и въ Немъ съ Тріединымъ Богомъ. Вѣрующіе становятся едино тѣло съ Господомъ, и какъ Господь единъ съ Богомъ въ Троицѣ покланяемымъ, то и всѣ вѣрующіе чрезъ Него входятъ въ единеніе или пріискреннее общеніе съ Тріѵпостаснымъ Богомъ. Въ семъ состоитъ вся тайна спасенія! *Азъ во Отцѣ*, говоритъ Господь ко ученикамъ,—*и вы во Мнѣ.* Почему молился ко Отцу: *да вси едино будутъ, якоже Ты Отче во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ.*

Такъ видите, что отвергая Божество Господа и Спасителя нашего, Арій покушался уничтожить самое необходимое звѣно въ цѣпи возсоединенія насъ съ Богомъ, поставляя насъ въ прежнемъ мрачномъ отдаленіи отъ Бога,—или что то же, съ Евангеліемъ въ рукахъ онъ хотѣлъ подрывать основанія Христіанства.

Вотъ отъ чего и возстали противъ него тогда всѣ, повсюду ревновавшіе объ истинномъ спасеніи святые Отцы,—всѣ, которые самымъ дѣломъ желали содѣвать спасеніе, а не мудрствовать только о немъ. Этимъ они показали и намъ примѣръ,—тоже своимъ образомъ,—въ нашихъ обстоятельствахъ,—всячески защищать Божество Господа и Спасителя нашего и вооружаться противъ всего, что противно ему. Ибо много враговъ у Господа,—или у спасенія нашего,—и было и есть. Аріанство гласное давно исчезло; но негласное ходитъ по міру Христіанскому и собираетъ себѣ жертвы, — изъ круга невнимательныхъ къ дѣлу спасенія,—больше же всего изъ круга тѣхъ, кои слишкомъ много довѣряютъ себѣ самимъ. Прошу вникнуть въ слѣдующія мысли:

Исповѣдающіе Божество Господа всѣмъ существомъ своимъ покланяются Ему яко Богу,—покланяются своимъ умомъ, своею волею и своимъ сердцемъ, вносятъ Его въ свою внутреннюю храмину и посаждаютъ Его, какъ на Херувимахъ,—на всѣхъ силахъ своего духа, такъ что сіи послѣднія никакого движенія не имѣютъ иного, какъ то, которое даетъ имъ возѣдящій на нихъ Господь. Въ этомъ существо исповѣданія

Господа и Спасителя нашего Богомъ, а не въ одномъ устномъ прочитываніи: *вѣрую и во единаго Господа Іисуса Христа* и т. д. Можно и читая сіе, быть внутренно,—по настроенію своего духа—аріаниномъ... И такъ исповѣдуя Божество Господа, надо имѣть Его Богомъ ума, Богомъ воли и Богомъ сердца.

Умъ имѣетъ Богомъ Господа, когда безпрекословно пріемлетъ все, принесенное Имъ на землю и чрезъ Апостоловъ проповѣданное ученіе... Если у кого Господь есть Богъ для ума, то какъ можетъ онъ не только говорить, но и помышлять что противное ясному Его ученію? Когда Богъ говоритъ, тварь молчаливо должна принимать слово Его въ законъ себѣ. И такъ если кто не принимаетъ Чего изъ ученія Христіанскаго или принимаетъ не все,—или принимая что, суемудрствуетъ о томъ,—того умъ не признаетъ Христа Богомъ—недугуетъ аріанствомъ. Не то сіе значитъ, чтобъ противно было Господу знать и другое что, кромѣ Христіанскаго ученія, а то, что Христіанское ученіе должно стоять во главѣ и руководить всѣмъ. Усвой себѣ сіе ученіе и съ нимъ иди въ область всѣхъ другихъ познаній, отвергая все несогласное съ нимъ. Кто дѣйствуетъ такъ, тотъ истинно покланяется Господу умомъ яко Богу; кто иначе—тотъ аріанствуетъ.

Воля имѣетъ Господа Богомъ, когда безпрекословно подклоняетъ выю свою подъ иго спасительныхъ Его заповѣдей,—или когда терпѣливо и благонадежно идетъ путемъ спасенія, который учрежденъ Господомъ и Спасителемъ,—не изобрѣтая въ самонадѣянности своихъ самодѣльныхъ путей.—Мы съ вами выясняли однажды,—въ чемъ состоитъ сей путь.—Повторю вамъ: пріявъ Божественныя силы въ таинствахъ и возгрѣвая ихъ чрезъ всѣ священнодѣйствія Церкви, иди, при свѣтѣ вѣры, путемъ заповѣдей, подъ руководствомъ пастырей,—и спасешься.—Кто смиренно подчиняется сему спасительному игу,—тотъ покланяется Спасителю, яко Богу,—кто дѣйствуетъ иначе, тотъ аріанствуетъ.—Не то сіе значитъ, чтобъ только и позволительно было намъ что ходить въ показанномъ чинѣ. Нѣтъ. Но настрой свое внутреннее по показанной программѣ, и по-

томъ—дѣйствуй подъ ея освященіемъ и подъ ея руководствомъ во всѣхъ кругахъ, гдѣ можешь дѣйствовать, — въ семействѣ, въ торговлѣ, въ воинствованіи, въ гражданской службѣ, вездѣ, гдѣ хочешь,—только не позволяй себѣ нарушить того чина, который Господомъ положенъ, какъ законъ для насъ, и какъ условіе спасенія нашего. У кого есть такое настроеніе, тотъ искренно исповѣдуетъ Спасителя Богомъ; у кого нѣтъ, тотъ аріанствуетъ.

Сердце имѣетъ Господа Богомъ, когда, всецѣло прилѣпившись къ Нему, Имъ единымъ услаждается,—и кромѣ Его только тѣмъ, что носитъ явный отпечатокъ Его лика, Его свойствъ, Его благолѣпія и особенной близости... Вы уже догадываетесь, къ чему это ведетъ. Господь обитаетъ въ Церкви. Церковность есть облаченіе Его,—есть слѣдъ воніи Его... Сердце, любящее Господа здѣсь только и находитъ сладость и покой... Услаждается пѣніемъ только духовнымъ, живописью духовною, дѣйствованіемъ духовнымъ, т. е., священнодѣйствіями;—поэзіею духовною,—т. е., церковными пѣснями... Тутъ—рай того сердца, которое Господа имѣетъ Богомъ своимъ.—Не то сіе значитъ, чтобъ намъ непозволительны были никакія удовольствія—эстетическія или даже тѣлесныя... Нѣтъ. Непозволительно только отрывать сердце отъ Господа и прилѣплять его къ чему либо кромѣ Его.—Настрой сердце свое такъ, чтобъ оно находило истинное—ублажающее—услажденіе только въ вещахъ Божественныхъ и во всемъ Боголѣпномъ учрежденіи церковномъ на землѣ,—и потомъ смотри,—какія удовольствія укрѣпляютъ и возвышаютъ сіе услажденіе, тѣ принимай и вкушай, а какія ослабляютъ его и погашаютъ, тѣ отвергай. Кто такъ дѣйствуетъ, тотъ имѣетъ Господа Богомъ сердца своего; а кто иначе, тотъ аріанствуетъ.

Такой урокъ предлагаетъ намъ нынѣ св. Церковь. Она внушаетъ намъ: покланяйтесь Господу Іисусу Христу, яко Богу, умомъ вашимъ,—и не понимайте иначе вещей, какъ такъ, какъ Онъ изобразилъ въ Божественномъ ученіи Церкви, или—

согласно съ тѣмъ и по руководству того. Покланяйтесь Ему, яко Богу, волею,—и не учреждайте себѣ другаго порядка жизни, какъ тотъ, который Имъ учрежденъ—во спасеніе наше.— Покланяйтесь Ему, яко Богу, сердцемъ,—и не находите вкуса ни въ чемъ, кромѣ Его и Божественныхъ вещей, кои суть слѣдъ Его.—Помните, братіе, что въ Христіанствѣ главное не слово звучное и не внѣшнее дѣло,—а внутреннее настроеніе.— Господь есть Богъ для насъ,—когда Онъ есть начало для нашихъ познаній Своимъ ученіемъ,—начало для нашихъ предпріятій—Своими заповѣдями,—и начало для нашихъ эстетическихъ удовольствій—благообразнымъ устроеніемъ Церкви. У кого нѣтъ сего, тотъ аріанствуетъ,—для того Господь—не Богъ. Если не Богъ, то и не Спаситель.—А кому Іисусъ Христосъ не Спаситель, тотъ есть жертва погибели и подлежитъ осудительному опредѣленію 318 Богосныхъ Отцевъ,—бывшихъ на первомъ Никейскомъ соборѣ,—хотя внѣшне и принадлежитъ къ Церкви Божіей. Аминь.

15 Мая,
1860.

XXXIV.

ВЪ ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТНИЦЫ.

Какою свѣтлостію окружила св. Церковь праздникъ Пятьдесятницы! Видимъ, и въ пѣсняхъ и въ образѣ священнодѣйствій, и въ убранствѣ храмовъ, домовъ и даже путей—особенныя проявленія радованія. И понятно почему.—Это все есть плодъ радости жизни чрезъ Духа Святаго о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

И сколько здѣсь поучительныхъ—высокихъ символовъ!—Изъ многихъ остановлю ваше вниманіе на одномъ,—именно—на томъ, что нынѣ всѣ заготовляютъ себѣ пуки цвѣтовъ и пахучихъ травъ, которыхъ ароматъ съ усиліемъ вдыхаютъ въ то особенно время, когда читаются молитвенныя воззванія къ Богу въ Троицѣ покланяемому.

Что значитъ это очень простое по виду дѣйствіе? Оно выражаетъ, что сошествіе Св. Духа имѣетъ самое близкое сходство съ дыханіемъ. И дѣйствительно, и первое пріятіе Св. Духа, и пребываніе Его въ Церкви, и то, какъ Онъ разливается по всему тѣлу Церкви, и какъ каждымъ членомъ ея

пріемлется,—самымъ очевиднымъ образомъ отражается въ дѣйствіи нашего дыханія.—Вотъ посмотрите, какъ это!—

Сошествіе Св. Духа есть первый вздохъ человѣчества Божественнымъ Духомъ.—Обратитесь назадъ и припомните пророчество Іезекіиля о полѣ, полномъ костей человѣческихъ. Помните, какъ по слову его, совокуплялись кости къ костямъ, какъ онѣ потомъ покрывались жилами, плотію и кожею, но духа не было еще въ нихъ. И сказано было пророку: прорцы о Духѣ; и прорекохъ, говоритъ, и все ожило.—Сіе поле костей есть образъ падшаго человѣчества, которое, въ отдаленіи отъ Бога, не имѣло въ себѣ жизни и было безъ духа, какъ говоритъ Апостолъ. Но милостивый Господь не оставлялъ его, а приготовлялъ его къ пріятію оживленія разнообразными промыслительными дѣйствіями. Ко времени явленія Христа Спасителя, оно, можно сказать, совсѣмъ было готово пріять новую жизнь,—походило на трупъ цѣльный, въ коемъ кости совокуплены къ костямъ и покрыты жилами, плотію и кожею... только духа не было въ немъ. И въ Евангеліи ясно говорится, что время оживленія его уже настало. Оставалось немногое: *не ў бѣ Духъ Святъ*,—отъ чего?—*яко Іисусъ не ў бѣ прославленъ*. Но вотъ Господь воскресъ, вознесся во славѣ на небеса... Божественный Духъ сошелъ, и человѣчество ожило, дохнувъ Божественнымъ Духомъ,—это въ первый разъ, какъ новорожденное дитя выходя на свѣтъ, въ первый разъ вдыхаетъ въ себя воздухъ.—Апостолы, или вся первая собравшаяся въ Сіонской горницѣ Церковь, были только устами, коими приняло человѣчество сіе первое вдыханіе Духа.

Но проведемъ далѣе сіе сравненіе. Принятый въ дыханіи воздухъ обыкновенно проходитъ въ легкія,—изъ большаго канала все въ болѣе и болѣе меньшіе, пока дойдетъ до послѣднихъ предѣловъ. Пріемники живительныхъ стихій воздуха суть легкія, а способъ сообщенія его живительности есть самое дѣйствіе дыханія, совершающееся колебаніемъ груди,—или

вдыханіе и выдыханіе.—Такъ и въ отношеніи къ Духу Святому. Дохнувши однажды Божественнымъ Духомъ, родъ человѣческій дышетъ Имъ съ тѣхъ поръ непрестанно. Легкія, въ коихъ сіе совершается, есть св. Церковь; каналы въ легкихъ—это Божественныя таинства св. Церкви и другія освятительныя ея дѣйствія. Колебаніе груди—есть годовое движеніе всѣхъ священнодѣйствій Церкви, напр. великій постъ со всѣмъ чиномъ своимъ, потомъ пятидесятодневныя празднества,—далѣе будетъ опять постъ,—и опять свѣтлые дни, и такъ далѣе—это точь въ точь—колебаніе груди. Такъ дышетъ Христова Церковь,—или всѣ повсюду вѣрующіе Христіане. И какъ Христіанство — въ человѣчествѣ,—то все человѣчество дышетъ въ немъ,—хотя не все оно причастно животворныхъ дѣйствій сего Божественнаго дыханія.

Причина сему та, что въ одной части человѣчества повреждены органы дыханія, другая бо́льшая не подвергаетъ себя вліянію сего благотворнаго дыханія. Ибо какъ для того, чтобъ дыханіе производило всеполное свое дѣйствіе въ тѣлѣ,—необходимо, чтобъ каналы легкихъ были не повреждены и не засорены: такъ и для того, чтобъ Божественный Духъ оказывалъ полное Свое дѣйствіе, необходимо, чтобъ органы, Имъ самимъ учрежденные для сообщенія Себя, были цѣлы, т. е., всѣ Божественныя таинства и священнодѣйствія сохранялись въ томъ видѣ, какъ онѣ установлены св. Апостолами, по внушенію Духа Божія.—Гдѣ повреждены сіи учрежденія, тамъ дыханіе Божественнымъ Духомъ не полно и слѣд. не имѣетъ полнаго дѣйствія. Такъ у Папистовъ—всѣ таинства повреждены, и искажены многія спасительныя священнодѣйствія.—Папство—легкое со струпами или загноенное.—У Лютеранъ большая часть таинствъ и священнодѣйствій отвергнута, оставшаяся искажена и въ смыслѣ и въ формѣ.—Они походятъ на тѣхъ, у коихъ сгнило три четверти легкихъ, а остальная дотлѣваетъ.—Близки къ намъ, но еще поврежденнѣе — наши раскольники, Молокане, Хлыстовцы и проч. Всѣ таковые не

дышутъ или неполно дышутъ; потому суть тлѣющіе трупы, или чахнущіе, какъ чахнетъ тотъ, у кого разстроена грудь.

Однакожъ не будемъ обольщать и себя тѣмъ, что мы обладаемъ здравыми орудіями дыханія Божественнымъ Духомъ, т. е., истинными священными таинствами и настоящимъ устроеніемъ Церкви. Есть и здѣсь свои условія для оживленія Духомъ.—Смотрите, какъ.—Тогда какъ свыше воздухъ сходитъ въ легкія и расходится по нимъ чрезъ каналы,—другими сосудами снизу восходитъ туда же отжившая кровь и не жившіе еще соки, выработанные изъ принятой пищи, и расходятся тоже по каналамъ легкихъ.—Будучи наитствуемы здѣсь животворными стихіями воздуха, сіи соки претворяются въ живую кровь.—Отжившая,—мрачная кровь—образъ грѣшниковъ, омрачившихся грѣхами, а новые соки—это новорожденные или обратившіеся и принявшіе оглашеніе иновѣрцы или невѣрные... Тѣ и другіе оживляются во святой Божіей Церкви, подвергая себя наитствованію Божественнаго Духа въ святыхъ таинствахъ.—Христіане-грѣшники лишаются Духа; но,—говѣютъ, исповѣдаются, причащаются св. таинствъ и снова начинаютъ дышать Божественнымъ Духомъ. Безъ дыханія Божественнымъ Духомъ нѣтъ жизни. Какъ Церковь дышетъ Духомъ, такъ Имъ должны дышать всѣ мы. Уста, коими пріемлется Божественный Духъ или отверзается сердце для пріятія Его, есть живая вѣра; соприкосновеніе съ Нимъ есть участвованіе въ таинствахъ и священнодѣйствіяхъ по уставу св. Церкви; усвоеніе Его—есть дѣйствованіе по Его внушенію, выражаемому въ требованіяхъ совѣсти и заповѣдяхъ Евангельскихъ. Кто живетъ такъ, тотъ дышетъ Духомъ и оживляется Имъ.—Вѣрное же свидѣтельство одухотворенія есть молитва, которую справедливо называютъ дыханіемъ Духа. Кто хорошо, собрано и тепло молится дома или въ церкви, тотъ дышетъ Духомъ...

Молю убо вы, братіе, *не упивайтеся виномъ* чувственныхъ удовольствій, *но паче исполняйтесь Духомъ, глаголюще себѣ во*

псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснѣхъ духовныхъ, воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви, благодаряще о всѣхъ всегда о имени Господа нашего Іисуса Христа Богу и Отцу (Ефес. 5, 18. 19.). Аминь.

22 Мая,
1860.

XXXV.

ВЪ СОФІЙСКОМЪ УСМАНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Слышасте, яко речено бысть древнимъ: не во лжу клнешися, воздаси же Господеви клятвы твоя (Матѳ. 5, 33.). Такъ Господь и Спаситель нашъ, Іисусъ Христосъ, между другими наставленіями сказалъ къ народу, собравшемуся окрестъ Его отъ всея Іудеи и Іерусалима и поморія Тирска и Сидонска. Смыслъ сего изреченія такой: что съ клятвою обѣщано Богу, то непремѣнно должно быть выполнено. Какъ будто нарочно пришлось нынѣ Евангеліе, начинающееся сими словами, чтобъ мнѣ, въ первый мой приходъ къ вамъ, сестры, дать поводъ напомнить вамъ, а съ вами и себѣ, о данныхъ нами обѣтахъ. Ибо и всѣ Христіане даютъ Богу обѣты въ таинствѣ крещенія, а вступающіе въ иночество къ тѣмъ, общимъ для всѣхъ обѣтамъ, прилагаютъ еще новые, лежащіе исключительно на нихъ однихъ.

Вы знаете, сестры, какіе это обѣты, — вы гласно повторяли ихъ предъ лицемъ Церкви—въ слухъ всѣхъ Христіанъ, монашествующихъ и немонашествующихъ, и слышали при томъ увѣщаніе отъ отца своего. Хороши обѣщанія; но по-

мните, что Господь воздастъ вамъ не по тому, что вы обѣщали, а по тому, что успѣете сдѣлать. Привожу вамъ на память это слово не потому, чтобъ думалъ, что вы не радите о данномъ Богу словѣ, и чтобъ належала нужда говорить вамъ: дѣлайте же то и то. Нѣтъ, я увѣренъ, что вы дѣлаете и трудитесь—всякая по силѣ своей. Съ своей стороны, призывая благословеніе Божіе на труды ваши, одного желаю: продолжайте, какъ начали,—не ослабѣвайте, помня, что конецъ вѣнчаетъ дѣло и что только *претерпѣвый до конца, той спасется* (Мѳ. 24, 13.). Какъ искусно прядущая ровную ведетъ нить, сколько бы ни пряла: такъ ровно надо вести нить ревности объ иноческомъ житіи съ той минуты, какъ преступили вы порогъ въ обитель, до той, когда прейдете за двери гроба. Неослабѣвающая ревность много значитъ, если не все. Видалиль вы многосложныя машины, которыя приводятся въ движеніе парами?—Тамъ бываетъ такъ, что когда есть пары,—машина въ движеніи, и чѣмъ больше паровъ, тѣмъ сильнѣе движеніе. Ослабѣютъ пары, ослабѣетъ и движеніе, прекратятся—прекратится и движеніе. Что пары въ машинѣ, то ревность въ жизни Богоугодной. Когда есть ревность, всѣ дѣла идутъ стройно, всякой трудъ не въ трудъ; не станетъ ея, не станетъ ни силъ, ни труда, ни порядка; все приходитъ въ разстройство.

Такъ не ослабѣвайте въ трудахъ иноческаго житія! Сами шевелите и тревожьте душу свою, чтобъ не предалась дреманію и не дала врагу случая посмѣяться надъ вами. Все дѣлайте, чтобъ не ослабѣла сія крѣпость духа: ибо въ ней вся сила.—Именно:—

Чаще поминайте о первомъ воодушевленіи, съ какимъ вы, оставя все семейство, родство, надежды свои,—пришли сюда. Помните, какъ горѣла тогда душа ваша, какъ помышляли вы, что, вступивъ въ обитель, будете только молиться—и въ келліи и въ церкви, только заниматься Богомысліемъ, душеспасительными бесѣдами или чтеніемъ духовныхъ книгъ, —что будете жить въ уединеніи,—не вдаваться въ суетливость,

быть въ мирѣ со всѣми,—въ безпрекословномъ послушаніи настоятельницѣ и старицамъ. Конечно искренно было такое желаніе ваше. Приводите же чаще себѣ на память сіе первое воодушевленіе, и оно будетъ обновляться въ васъ и теперь, подобно тому, какъ освѣжаете воздухъ въ комнатахъ чрезъ впущеніе туда новаго воздуха совнѣ.

Къ сему возбудительному помышленію присоедините другое: обносите въ памяти вашей какъ можно болѣе примѣровъ ревности, представляемыхъ въ житіяхъ Святыхъ. — Читайте Четь-Минею, и собирайте въ памяти, какъ неутомимо трудились Святые Божіи,—мужи и жены, не жалѣя ни силъ, ни даже живота. А потомъ во всякую свободную минуту поминайте Ѳеклу, Варвару, Сигклитикію, Сарру, Ѳеодору, Анастасію Римляниню, Марію Египтяниню, Февронію, Евфросинію Полоцкую и другихъ, со всѣми трудами ихъ неутомимаго подвижничества. Не праздно о семъ помышляйте, а прилагайте къ тому обязательное убѣжденіе, что и вамъ всѣмъ должно быть таковыми же, какими явили себя тѣ ублажаемыя дѣвы,—и каждое такое помышленіе будетъ остенъ, бодущій и подгоняющій. Какъ на перегонкахъ бѣгъ одного возбуждаетъ напряженіе въ другомъ, или какъ вы сами, работая вмѣстѣ, другъ передъ дружкою заботитесь не отстать: такъ будутъ разжигать ревность вашу помышленія о великихъ трудахъ, ревностно подъятыхъ святыми подвижницами.

А между вами развѣ нѣтъ ревностныхъ,—такъ ревностныхъ, чтобъ ихъ ревность была болѣе замѣтна среди всѣхъ?—Но и безъ того—одна другую подгоняйте, совѣтами и примѣрами. О чемъ идутъ бесѣды у васъ, когда бываете вмѣстѣ? Не говорите ни о чемъ, кромѣ главнаго вашего дѣла, на которое выступили вы. Какъ торгующіе, встрѣчаясь другъ съ другомъ, толкуютъ все о томъ, какъ лучше и успѣшнѣе вести торгъ: такъ вы, сходясь, не позволяйте себѣ пустыхъ рѣчей, а всячески склоняйте бесѣду на главное,—на то, какъ вамъ быть, какъ кончить начатое, какъ бы не поткнуться и не стать посмѣшищемъ врагу. Замѣчаете ли, какъ одно слово раждаетъ

рядъ другихъ словъ,—каждое же слово—рядъ мыслей; ряды мыслей переходятъ въ ряды начинаній и дѣлъ добрыхъ или худыхъ. Кто о пустомъ говоритъ, у того пусто въ головѣ и сердцѣ, пусто и въ жизни... Кто говоритъ о добромъ, тотъ все болѣе и болѣе разгарается на добро и богатится имъ.

Если такимъ образомъ, сохраняя первое воодушевленіе, вы будете подогрѣвать его, то примѣрами древнихъ подвижницъ, то взаимнымъ одна другой понужденіемъ, можно надѣяться, что не ослабѣетъ ревность ваша. Но не забудьте, что, что̀ бы вы ни дѣлали для охраненія въ себѣ сего живаго духа ревности, все будетъ ни къ чему, если въ порядкѣ жизни вашей,—разумѣю частную келейную и общую монастырскую, — есть что либо такое, что прямо можетъ погашать сію ревность. Заведите же у себя такой порядокъ, чтобъ знать только церковь да келлію (или общее послушаніе), и въ келліи—рукодѣліе, чтеніе и молитву. Переходите отъ одного изъ сихъ дѣлъ къ другому, и не позволяйте себѣ развлекаться ни чѣмъ стороннимъ. Старшія пусть руководятъ въ семъ младшихъ. Сами на все изберите удобнѣйшіе часы и способъ выполненія. Паче же всего бѣгайте развлеченій внѣшнихъ, и блужданія помыслами внутренняго. Остерегайтесь отъ пересудовъ, блюдите миръ между собою, взаимное предпочтеніе и послушаніе безъ ропотливости. Какъ нельзя натопить комнаты, когда окна и дверь отворены, какъ нельзя развесть огня, когда дрова сыры или нарочно поливаются водою: такъ нельзя сохранить неугасимымъ въ себѣ огня ревности, если въ порядкѣ жизни допускается что либо противоположное сему.

За всѣмъ же тѣмъ не выпускайте изъ мысли—конецъ, къ которому приводитъ ревностное и нерадивое житіе. Поминайте притчу о мудрыхъ и юродивыхъ дѣвахъ, и ставьте себя въ то расположеніе, какое должны были испытывать тѣ и другія.—Однѣ приняты въ чертогъ женихомъ, а другія слышатъ отъ Него: *не вѣмъ васъ.* Станьте мысленно у сего чертога, и воображайте, что̀ должно произойти съ вами, если услышите — *не вѣмъ васъ*! и тѣмъ раздражайте духъ свой.—

Что сѣетъ кто, то и пожнетъ. Что родитъ поле, когда бразды его не орошены пóтомъ? Терніе и волчцы, которыхъ участь—пожженіе. Помните, какъ одинъ сынъ докучалъ все матери своей: иду спасаться,—въ монастырь хочу,—пусти. Сколько та ни уговаривала его: подожди, вотъ умру, тогда пойдешь, и слушать не хотѣлъ,—ушелъ.—Но когда пришелъ туда, подумалъ вѣрно, что уже все сдѣлалъ тѣмъ одним, что вступилъ въ обитель спасаемыхъ, и—предался безпечности: много спалъ, лѣнивъ былъ на послушаніе, да и въ церковь ходилъ рѣдко. Что ни говорили ему, онъ, какъ глухой, ничего не слышалъ. Но Господь, нехотящій смерти грѣшника, вотъ какъ извлекъ его изъ усыпленія. — Мать его, жившая по мірски—по свѣтски,—со всѣми удобствами, во всѣхъ утѣхахъ, какія представляются обычаями міра,—умерла и пріяла жребій по роду житія своего. Заболѣлъ и сынъ,—нерадивый инокъ и приблизился къ концу.—Братія, окружая одръ его, проливали слезы, зная какъ жилъ онъ, и усердно молили Господа помиловать его. Тотъ скоро забылся и отошелъ. Со всѣмъ ужъ приготовили его къ похоронамъ, какъ онъ очнулся. Братія съ радостію бросились было къ нему; но онъ билъ себя только въ перси и горько плакалъ. Сколько ни спрашивали его:—скажи намъ—что такое—что такое, онъ не могъ произнести ни одного слова отъ сильной скорби, снѣдавшей душу его.—Успокоившись наконецъ, вотъ что онъ разсказалъ имъ: «когда душа моя приблизилась къ исходу,—взору моему открылся другой міръ: я видѣлъ, какъ Ангелы отступили отъ меня и приступили злые—истязательные духи. Ужаса того описать вамъ не могу. Взяли они меня и понесли мѣстами мрака непроницаемаго, съ крикомъ, смѣхомъ и ругательствами. Долго мчались мы все внизъ. Вотъ почуялся запахъ сѣры и смрада, послышался шумъ, все слышнѣе и слышнѣе, доносились уже стоны и вопли отчаянія. Я замиралъ отъ ужаса.—Но вотъ и двери—жерло ада! Ужъ размахнули, чтобъ бросить меня, какъ кто-то прилетѣлъ стремительно и остановилъ исполнителей казни. Я сталъ. Открылись очи мои,—и я увидѣлъ безграничное море огня,—въ

которомъ биткомъ набиты осужденные, и едва переводилъ духъ.—Вдругъ показалась изъ огня мать моя, и говоритъ: и ты сюда, сынъ?!!—Какъ же ты покоя мнѣ не давалъ, говоря: иду спасаться, иду спасаться! Такъ-то спасался ты?!—Съ симъ словомъ одинъ брызгъ отъ огня геенскаго палъ мнѣ на руку.—Сотряслись всѣ составы существа моего и я очнулся. Опомниться не могу отъ того трепета и ужаса, какой испытала душа моя.»—Съ тѣхъ поръ, братъ сей прожилъ еще 12 лѣтъ, оплакивая прежнюю свою нерадивую жизнь, и потомъ въ мирѣ благонадежно отошелъ ко Господу.

Помните это, сестры, возгрѣвайте тѣмъ въ себѣ духъ ревности. Конецъ нерадивыхъ и безпечныхъ — одинъ. Но не всѣмъ Господь подаетъ такое потрясающее вразумленіе, какъ помянутому брату, а одинъ примѣръ или случай приводя въ извѣстность, хочетъ, чтобъ всѣ имъ вразумлялись и возбуждались.—То, что вы оставили міръ, — хорошо и цѣнно предъ Господомъ. Но попекитесь въ совершенствѣ и окончить дѣло сіе. Вотъ посмотрите, что проповѣдуется въ нынѣшнемъ Апостолѣ! Не тотъ, говорится тамъ, настоящій Іудей, который внѣшно къ Іудейскому народу принадлежитъ; но тотъ Іудей, кто внутренно таковъ по настроенію духа. То же и къ намъ можно сказать. Кто въ стѣнахъ монастырскихъ, не слѣдуетъ изъ того, что тотъ уже и монахъ.:. Нѣтъ, надо еще созидать въ себѣ и духъ монашеской жизни. О семъ поревнуйте. Аминь.

27 Мая,
1860.

XXXVI.

ВЪ ЛИПЕЦКОМЪ СОБОРѢ.

Осматривая храмы ваши, я видѣлъ нелестное усердіе ваше прилѣпляться къ дому Божію и вашу готовность сердечно общиться со всѣмъ, что дѣйствуется и кѣмъ дѣйствуется въ нихъ. Это уже одно радуетъ и свидѣтельствуетъ о живой вѣрѣ вашей. Но когда при томъ привожу себѣ на память преднамѣренія ваши—то обновлять обветшавшіе храмы, то возстановлять упраздненныя, но памятныя еще обители; то не могу не сказать со Апостоломъ: благодарю Бога моего Іисусомъ Христомъ, яко вѣра ваша такъ явно возвѣщается дѣлами предъ лицемъ всѣхъ вѣдающихъ васъ. Потому далѣе, желая подобно тому же Апостолу, преподать вамъ нѣкое дарованіе духовное къ утвержденію вашему, невольно долженъ ограничиться однимъ соутѣшеніемъ—вѣрою общею—вашею же и моею (Римл. 1, 11. 12.) и однимъ изъявленіемъ благожеланій вамъ.

Такъ, Господь да благословитъ труды ваши и начинанія ваши, да благоустроитъ ваше внѣшнее и да созиждетъ внутреннее. Вѣрую, что сіе сбудется по вѣрѣ вашей. Ибо многомилостивый Господь не посрамитъ дѣлъ любви и упованія

вашего. Но вмѣстѣ не могу скрыть опасеній своихъ: — не посмѣялся бы врагъ надъ простотою вѣры вашей, и, прикрывая распутія благовидностями, не уклонилъ бы васъ на путь неправый, изображая его въ умѣ вашемъ правымъ.—Въ семъ предположеніи обязаннымъ считаю напомнить вамъ нѣкоторыя предостереженія, годныя впрочемъ вездѣ и для всѣхъ.

1) Въ дѣлахъ благочестія и въ трудахъ Богоугодныхъ не забывайте соразмѣрять со внѣшнимъ и внутреннее. Внѣшнее—это дѣла видимо для всѣхъ совершаемыя; внутреннее—это невидимое для другихъ, но тѣмъ не менѣе вѣдомое совѣсти и видимое Всевидящему настроеніе ума и сердца, т. е. образъ мыслей, расположеній и чувствъ. Внѣшнее одно—это листья безъ плода или цвѣтъ безъ завязи — пустоцвѣтъ. Внутреннее одно, — если оно возможно, подобно силѣ паровъ, неограничиваемыхъ ничѣмъ и потому разсѣявающихся въ воздухѣ. То же и другое вмѣстѣ есть древо благосѣнолиственное, полное жизненныхъ соковъ и обильное плодами, веселящими взоръ всѣхъ. Такимъ образомъ, не молчаніемъ только свидѣтельствуй свое непротивленіе вѣрѣ, но и въ мысляхъ не содержи ничего противнаго ей. Не о томъ одномъ заботься, чтобъ языкомъ не говорить задорныхъ рѣчей, но и отъ сердца гони всякое непріязненное чувство.—Не тѣломъ только стой въ храмѣ, но и умомъ и сердцемъ предстой престолу Вышняго и пр. Гдѣ внутреннее не согласно съ внѣшнимъ, тамъ качествуетъ презрѣніе, лицемѣріе и лицедѣйство... Господь да сохранитъ всѣхъ насъ отъ сей заразы, губящей многихъ—многихъ!—Часто мы по должности должны являться такими, какими не состоимъ по внутреннему нашему настроенію. Но будетъ время, когда все сіе приведется во вселенскую извѣстность. — И тогда похвала будетъ коемуждо не по тому, какимъ онъ кажется, но по тому, каковъ онъ есть въ сердцѣ. Это первое и главное!

2) Для вашего внутренняго поставьте законами: покорность ума—опредѣленіямъ догматовъ, покорность воли—заповѣдямъ Евангелія, покорность сердца — отрѣшеннымъ надеждамъ и чаяніямъ благъ въ будущемъ. — Много соблазновъ уму отъ

окружающаго насъ разномыслія и иномыслія или всеобщаго почти порабощенія суетѣ; много соблазновъ волѣ отъ окружающихъ насъ примѣровъ нехристіанскаго житія въ Христіанахъ; много соблазновъ сердцу отъ разсыпаемыхъ предъ нами удовольствій міра, коими врагъ покушается затмить у сердца память о чаемомъ блаженствѣ вѣчномъ и привязать его къ землѣ. Бороться со всѣмъ симъ подобаетъ особенно нынѣ, когда суемудріе ума возрастаетъ, злые обычаи разширяются, и прелести міра богато размножаются. Не говорите: трудно одолѣть себя и противостоять увлеченіямъ со стороны другихъ. Мы не одни. Близъ Господь, Который сказалъ: *дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ.* Господь Самъ есть премудрость наша и сила и утѣшеніе.

3) Для вашего внѣшняго поставьте закономъ — уставъ св. Церкви. Вникните хорошо въ сей уставъ, — и вы найдете, что имъ опредѣляется наше поведеніе во всѣхъ можно сказать подробностяхъ. Тутъ опредѣлены пища, трудъ, отдыхъ, пребываніе дома и въ храмѣ, дѣла дня и ночи, и проч. Напр., вы пришли въ храмъ: уставомъ уже опредѣлено, какъ надо стоять вамъ въ храмѣ, т. е., тихо, не говорить, внимать поемому и читаемому и проч. — Еще: садитесь за столъ: — въ уставѣ указано, что, когда можно вкушать вамъ, — нынѣ напр. только постное. Пришелъ часъ сна: сказано уже, какъ должно отходить ко сну по Христіански, — именно: помирись со всѣми, исповѣдуй грѣхи свои, помолись и проч. Такъ и на всякое дѣло есть свое правило въ Церкви. Христіанину, члену Церкви, должно жить по церковному, какъ воинъ живетъ по воински. Нынѣ особенно настоитъ нужда напоминать о томъ часто: ибо многіе уже Христіане, увлекаясь суемудріемъ, знать не хотятъ устава Церкви, считая его ниже своего ранга, а себя выше его. Нѣтъ, братіе, уставъ Церкви отъ Бога исходитъ. Кто ему не покоряется, тотъ Богу противляется. Св. Апостолы, Мученики и всѣ Святые, пожившіе по чину Церкви и животъ свой въ немъ положившіе, суть свидѣтели того, что

въ немъ ничего нѣтъ произвольнаго и суемудреннаго, а все съ мудрою соразмѣрностію и сознаніемъ нужды учреждено и возложено на всѣхъ, какъ долгъ. Опыты всѣхъ не суть ли указанія неотложности закона?

4) Такъ учредивъ свое внутреннее и внѣшнее, не на трудахъ однакоже своихъ или своемъ напряженіи опирайтесь, — но всецѣло предавайте себя всеустрояющему благопопеченію Божію. Отъ Него чайте совершенія, какъ отъ Него есть начало и продолженіе. Безъ Него все ничто. Надо жертву устроить Богу изъ себя и дѣлъ своихъ. Призирающій на все Богъ приметъ ее благосердно только тогда, когда она Ему посвящается. Кто замыкаетъ свои дѣла въ себѣ, или въ своемъ внѣшнемъ бытѣ, тотъ напрасно губитъ время и трудъ. Здѣсь можетъ быть еще какой нибудь будетъ ему отъ этого плодъ, но не въ будущемъ. *Сыне, даждь Ми твое сердце*, говоритъ Господь (Притч. 23, 26.). Сердце означаетъ всего человѣка. Кто не отдаетъ себя Богу, тотъ внѣ Бога. Кто внѣ Бога, тотъ внѣ истинной жизни и блаженства. Ужасаетъ насъ мракъ и пустота. Въ томъ духѣ мракъ и пустота, въ которомъ не обитаетъ Богъ. Но какъ будетъ обитать Онъ въ томъ, кто не предаетъ себя Ему и всего себя Ему не посвящаетъ? Преданіе сіе есть отверстіе сердца толкущему и ищущему входа въ него Господу. Многимъ кажется, что они тѣмъ выше, чѣмъ самостоятельнѣе и независимѣе. Но тутъ лесть. Отъ сего палъ сатана; и всѣхъ симъ увлекаетъ въ свое паденіе послѣ перваго удачнаго опыта надъ праотцемъ нашимъ. *Пріидите ко Мнѣ, и Азъ упокою вы*, говоритъ Господь;—а не сказалъ: и упокоивайте себя, какъ знаете...

Такимъ образомъ,—въ преданности Богу—живите по уставу Церкви, въ покорности догматамъ, заповѣдямъ и запрещеніямъ Божіимъ. Соразмѣряя такимъ образомъ ваше внутреннее съ внѣшнимъ, вы будете прославлять Бога въ душахъ и тѣлесахъ вашихъ,—прославлять полнымъ прославленіемъ, за ко-

торое не лишитъ васъ вѣчнаго прославленія Тотъ, Кто Самъ прославился у Отца, послѣ того, какъ прославилъ Его на землѣ. Аминь.

30 Мая,
1860.

XXXVII.

ВЪ ТРОЕКУРОВСКОЙ ОБЩИНѢ, ПРИ ЗАКЛАДКѢ НЕБОЛЬШОЙ ТЕПЛОЙ ЦЕРКВИ.

Видя постоянное восхожденіе вашей общины отъ силы въ силу нельзя не радоваться; нельзя не радоваться и умноженію скиній вашихъ и увеличенію числа трудящихся и желающихъ подвизаться на одномъ съ вами поприщѣ, — и этому усердію имѣть отдѣльное, болѣе уединенное мѣсто для повѣренія Господу сокровенныхъ желаній сердца и привлеченія отъ Него помощи, столько нужной во внутреннемъ и внѣшнемъ быту вашемъ. Благодареніе Господу, такъ все устрояющему! Ваше общество, въ настоящемъ состояніи, похоже на завязь плода. Плодъ уже видѣнъ; но ему предлежитъ еще созрѣть—и явиться во всей красотѣ, предначертанной въ первомъ образованіи. Не скудна рука благодѣющаго Господа. Начный въ васъ дѣло сіе, той и совершитъ ѐ во славу имени Своего святаго.

Полагаю, что и вы также вѣруете. И вѣруйте; упованіе не посрамитъ. Но вѣдайте, что упованіе есть обоюдное дѣло. Вы чаете отъ Господа особой помощи и содѣйствія; а Онъ чаетъ отъ васъ особенной Ему вѣрности во всемъ — и большомъ и маломъ, — чаетъ, что вы всегда будете являть себя

достойными особеннаго Его благоволенія. Вотъ объ этомъ-то паче всего и пекитесь, сестры.—За Господомъ же никогда ни чье не стояло и не стоитъ дѣло.

Господь ущедряетъ Своимъ благословеніемъ всѣхъ, кто пребываетъ въ волѣ Его. *Аще заповѣди Моя соблюдете*, говоритъ Самъ Онъ, *пребудете въ любви Моей* (Іоан. 15, 10.).— Знаете, въ чемъ воля Божія относительно васъ?—Пребывайте же въ ней. И *не лишитъ Господь благихъ Своихъ* васъ, *ходящихъ незлобіемъ* (Псал. 83, 12.).

Въ настоящемъ вашемъ видѣ вы—община. Но это только предначинательное состояніе, полу-мірское и пол-иноческое. На этомъ полупути нельзя останавливаться. Надо идти далѣе,—слѣд. являть и добродѣтели имѣющаго открыться совершеннѣйшаго чина, чтобы вступать въ него не неготовыми.

Какъ для общины—вотъ для васъ законъ, представляемый примѣромъ первой Апостольской Церкви: *народу же вѣровавшему бѣ сердце и душа едина, и ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща* (Дѣян. 4, 32.). Какъ тамъ все было обще, такъ да будетъ все обще и у васъ: одна цѣль, одинаковы труды, одна радость и печаль,—одинаковы заботы и попеченія. Единомысліе и единодушіе, соединяя васъ внутренно взаимносочувствіемъ, приведутъ васъ къ скорому взаимосодѣйствію и взаимоспомоществованію и, составляя изъ всѣхъ едино тѣло, содѣлаетъ каждую изъ васъ сильною столько, сколько сильны всѣ въ совокупности. Образецъ для васъ—пчелы. Смотрите, въ какихъ непрестанныхъ всѣ онѣ хлопотахъ?.. Но всѣ строятъ одинъ сотъ,—всѣ дѣйствуютъ за одно—дружно, подъ управленіемъ одной матки. Отъ того и медъ у нихъ сладокъ, что сладокъ миръ, одушевляющій ихъ. Ибо *что добро и что красно, но еже жити братіи вкупѣ*? Что благонастроенная арфа, то мирная община, воздающая Господу согласную пѣснь хвалы и дружную дань единомыслія и единоначалія. Что многоцвѣтная нива, то добрая община, красующаяся разнообразіемъ добрыхъ сердечныхъ качествъ, отличающихъ сестръ. Что садъ разноплодный, то

трудолюбивая община, богатая обиліемъ дѣлъ любви и взаимности. Таковыми являйте себя—одна передъ другою ревнуя преуспѣть въ послушаніи, миролюбіи, въ прощеніи случайныхъ оскорбленій, нещадномъ трудѣ для другихъ, въ неосужденіи, во взаимопочтеніи, во взаимопопеченіи, храненіи чести общины предъ внѣшними, въ любви нелицемѣрной ко всѣмъ.

Но являясь таковыми, какъ общинницы, полагайте сѣмена добродѣтелей и,—имѣющаго открыться въ васъ, иночества и даже отшельничества. Навыкайте отрѣшенію отъ житейскихъ обычаевъ, сокращая ихъ болѣе и болѣе, а отъ сего переходите по преемству къ возможному для васъ уединенію и пребыванію съ единымъ Господомъ. Навыкайте хранить чувства нерасхищенными:—око отъ видѣній, ухо отъ слышанія, вкусъ съ обоняніемъ и осязаніемъ—отъ сластей и нѣжностей. А отъ сего по соотвѣтствію — переходите и къ храненію неразсѣянности мыслей и неувлеченію чувствъ сердца. Навыкайте труду по приказанію, и начинаніямъ по совѣту, — чтобъ не дѣлать ничего по своей волѣ и своему смышленію, а все по разсужденію старшихъ, и такимъ образомъ заранѣе являть себя ученицами истиннаго послушанія, ревнующими преуспѣть въ отрѣшеніи отъ своей воли. Паче же всего навыкайте труду молитвенному, прилѣпляяся къ дому Божію и наединѣ въ келліи— болѣзненно припадая Ему, столь часто, сколько это возможно. — Молитва есть и свидѣтельство совершенства и способъ преуспѣянія. Чѣмъ выше молитва, тѣмъ чище душа. Горѣніе духа въ молитвѣ есть плодъ общенія его съ Богомъ, Который есть огнь и огнь возжигаетъ въ духѣ всякаго, кому прикасается. — Начинайте съ простѣйшаго и восходите къ совершеннѣйшему:—отъ молитвословій денноночныхъ, — стояній и колѣнопреклоненій—ко внутреннему въ сердцѣ предстоянію Господу неотходно, или къ непрестанной молитвѣ. Когда сія засѣменится, тогда душа готова къ монашеству, или она уже монахиня: ибо монахъ есть тотъ, кто въ сердцѣ непрестанно пребываетъ единъ съ Господомъ. Чѣмъ больше сестръ будетъ достигать сего совершенства, тѣмъ болѣе община ваша будетъ

подходить къ степени монастыря. И когда всѣ содѣлаетесь таковыми: тогда духовно вы вступите въ степень монашествующихъ, будете ли внѣшно таковыми опредѣлены, или нѣтъ.

Сего желая вамъ, молю недостойною молитвою моею Господа—вспомоществовать вамъ и въ трудахъ устроенія внѣшняго и преуспѣянія внутренняго,—да достигнете всѣ въ мѣру возраста исполненія Христова. Аминь.

2 Іюня,

1860.

XXXVIII.

ВЪ СЕЗЕНОВСКОМЪ МОНАСТЫРѢ,—НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА.

Всемилостивый Господь особеннымъ образомъ благоволитъ присутствовать въ храмахъ, освященныхъ молитвеннымъ призываніемъ благодати Его. Потому таковые храмы справедливо именуются скиніею Божіею съ человѣки,—мѣстомъ особеннаго вселенія между людьми Бога, какъ Самъ Онъ удостовѣряетъ: *вселюся въ нихъ и похожду, и буду имъ въ Бога, и тіи будутъ Мнѣ въ людіе* (2 Кор. 6, 16.). У древняго Израиля это свидѣтельствовалось видимымъ для всѣхъ образомъ. Облакъ осѣнялъ скинію и слово было изъ облака. Потомъ во все время странствованія по пустынѣ столпъ облачный, надъ скиніею воздвигаясь и останавливаясь, былъ руководителемъ Израильтянъ въ ихъ шествіи къ Ханаану обѣтованному. Надъ храмомъ Христіанскимъ мы не видимъ чувственнаго облака; но тѣмъ не менѣе увѣрены въ дѣйствительности благодатнаго присущаго здѣсь осѣненія Божія. Храмъ сей не будетъ воздвизаться и двигаться подобно скиніи—походному храму Израильтянъ, но тѣмъ не менѣе онъ есть вѣрный указатель пути для шествующихъ въ Ханаанъ небесный.

Это послѣднее его свойство даетъ мнѣ поводъ указать вамъ устройство путнаго шествія Израильтянъ окрестъ скиніи, чтобы вывесть оттуда,—какими добрыми расположеніями должны мы окружить храмъ сей, чтобы онъ былъ для насъ руководителемъ на пути въ небесный Ханаанъ.

Когда освящена была и устроена скинія, то Богъ повелѣлъ Моусею съ того времени такъ располагать шествіе, чтобъ три колѣна шли впереди, три позади, три по правую и три по лѣвую сторону, и въ срединѣ двигалась скинія, несомая колѣномъ Левіинымъ. Это образъ того, что и въ нашемъ шествіи къ небесному отечеству, подъ руководствомъ Церкви, три чувства и расположенія должны быть впереди, три позади, по три по правую и лѣвую сторону,—и еще одно сердцевинное, соотвѣтствующее самой скиніи. Укажу вамъ коротко, какія это, — не толкуя иносказательно именъ сыновъ Израиля, а располагая чувства по ихъ внутреннему значенію.

Три переднія суть высшія духовныя чувства. Это — *вѣра*, что Господь воистинну есть здѣсь отнынѣ благодатнымъ Своимъ присутствіемъ, что храмъ сей сталъ домомъ Его, куда выну обращено око Его и гдѣ выну пребываетъ сердце Его; *упованіе*, что Господь пребывающій здѣсь внятно внимаетъ, какъ отецъ чадолюбивый, всѣмъ возсылаемымъ къ Нему прошеніямъ, и готовъ удовлетворить имъ; *любовь* къ храму, по коей сладостно пребывать въ немъ, какъ въ домѣ роднаго отца, по коей мирно упокоевается въ немъ духъ, какъ покойно дитяти на лонѣ матери. Это—главныя-источныя, сокровенныя расположенія, служащія возбудителями и водителями другихъ. Онѣ созрѣваютъ въ духѣ и обращены, можно сказать, лицемъ къ лицу къ самому Богу—сему умному востоку.

На соотвѣтственной имъ задней сторонѣ должны стоять тѣлесныя дѣланія относительно дома Божія, яко дома молитвы,—молитвенные, тѣломъ подъемлемые труды. И ихъ тоже три: *трудъ цельностнаго хожденія въ храмъ—на всѣ службы* по первому зову, безъ оговорокъ и безъ саможалѣнія или возгражденія воображаемыхъ препятствій, по слѣдующему закону:

какъ только услышишь зовъ, брось все и спѣши въ храмъ: *трудъ терпѣливаго пребыванія въ храмѣ* отъ начала службы до конца—безъ передвиженій, на своемъ всегда одномъ мѣстѣ, безъ распущенія членовъ,—съ нѣкоторымъ ихъ напряженіемъ, придающимъ бодренность; *трудъ благоговѣйнаго стоянія*—тихаго съ поклонами,—съ очами, обращенными долу или горѣ, на иконы или священнодѣйствія,—съ ушами устремленными на поемое и читаемое,—съ молчаливымъ языкомъ,—безъ озираній, блужданій очами и безъ разговоровъ. Всѣ такія расположенія выражаютъ тѣлесный трудъ въ молитвѣ, поддерживаемый внутреннимъ молитвеннымъ духомъ и его обратно поддерживающій.

Послѣ сихъ расположеній высшихъ и нисшихъ—переднихъ и заднихъ, перекрестную линію составляютъ душевные молитвенные труды, или занятія,—именно: по правую сторону станутъ три положительныхъ дѣла. Это—*стояніе умомъ въ сердцѣ* въ присутствіи Божіемъ, сопровождаемое страхомъ, отрезвляющимъ, сообщающимъ бодренность и освѣжающимъ внутреннюю храмину нашу, подобно свѣжему воздуху утреннему; *углубленное вниканіе въ силу* и значеніе всего поемаго, читаемаго, и дѣйствуемаго, съ сердцемъ, отверстымъ на принятіе имѣющихъ родиться въ немъ возможныхъ при семъ чувствъ и расположеній,—съ готовностію приводить ихъ въ исполненіе какъ внушенія Божіи; *мирное расположеніе* доброжелательнаго духа ко всѣмъ людямъ, не исключая самыхъ враговъ, по заповѣди Господа: *аще помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави даръ предъ олтаремъ* (Мѳ. 5, 23. 24.) и поди помирись.

По лѣвую сторону станутъ три отрицательныхъ дѣла,—именно: *нерасхищеніе мыслей* или непозволеніе уму блуждать по разнымъ мѣстамъ и предметамъ, когда стоимъ въ храмѣ, и возвращеніе его вспять всякой разъ, какъ онъ самовольно предается мечтамъ; *необремененіе сердца заботами житейскими*, нещадно гонящими преданнаго имъ все далѣе и далѣе и неоставляющимъ ему свободнаго времени для занятія небомъ;

непривязанность ни къ чему земному,—или свобода отъ всѣхъ пристрастій, влекущихъ долу и недающихъ восклониться горѣ.

Вотъ молитвенный крестъ, духовно совершаемый въ естествѣ нашемъ, подъ осѣненіемъ котораго въ срединѣ дѣйствуется самая молитва:—и какъ молитвословіе съ поклонами, и какъ мирное устремленіе чувствъ къ Богу, и какъ сокровенное къ Богу предстояніе духомъ.

Кто настроитъ себя такъ, въ отношеніи къ храму, тотъ въ самомъ семъ настроеніи найдетъ вѣрное руководство и способъ къ достиженію небеснаго отечества. Таковой, можно сказать, уже паритъ къ нему. Ибо замѣчаете ли, какъ всѣ сіи чувства и дѣла, будучи расположены въ соотвѣтственномъ порядкѣ, представляютъ собою парящую птицу. Главу ея составляютъ вѣра, упованіе и любовь; правое крыло-стояніе въ присутствіи Божіемъ, сердце отверстое для принятія внушеній Божіихъ и миръ со всѣми; лѣвое крыло-неразсѣянный умъ, свобода отъ заботливости и пристрастій;—заднюю часть—трудъ хожденія въ храмъ, стоянія въ немъ, и дѣланія молитвы; тѣло же ея—это сама молитва.—Птица вдыхая и выдыхая воздухъ, приводя въ движеніе крылья, дѣйствуя головою и другими членами, успѣшно летитъ и даже не иначе летитъ, какъ такъ. Такъ и молитвенное къ Богу восхожденіе въ храмахъ не иначе возможно, какъ когда есть въ насъ всѣ помянутыя расположенія. Не будь одного какого, дѣло молитвы покривится, или прекратится, какъ прекращается летаніе птицы при недостаткѣ напр. крыла или другихъ частей. Это всякой испытываетъ,—и испытаетъ надъ собою, если захочетъ испытать. Всякой желающій молиться непремѣнно встрѣчается со всѣми сими расположеніями и всякой молящійся имѣетъ уже всѣ ихъ. На оборотъ,—у кого нѣтъ ихъ, тотъ не начиналъ еще молиться, какъ должно. А безъ молитвы нѣтъ жизни, нѣтъ восхода въ царствіе; человѣкъ долу преклоненъ и гибнетъ.—Восклонитесь убо, и почтите домы Божіи, повсюду разсѣянные, чтобы воскрилять въ насъ духъ молитвенный и отъ земли вознося на небо, на землѣ еще даровать намъ предвкушеніе благъ

вѣчныхъ. Врагъ себѣ, кто чуждается храмовъ; но и тотъ не большой доброжелатель, кто ходитъ въ нихъ не какъ должно, а кое-какъ. Отъ чего это иной десятки лѣтъ ходитъ въ храмъ и все не умѣетъ молиться, даже не понимаетъ, что такое молитва?—Отъ того, что не выполняетъ всего внутренняго строенія, необходимаго для молитвеннаго въ храмѣ пребыванія. — Пощадите же себя: вамъ, сестры, не ново все, что я говорилъ. Непрестанно почти пребывая въ храмѣ, вы конечно парите къ небу, какъ птицы—легкими, полными полетами... Однакожъ потрудитесь провѣрить по предложенному образцу и свое молитвенное настроеніе и если замѣтите, что не достаетъ какого пера въ крылахъ молитвенныхъ, позаботьтесь стяжать его: ибо нашей молитвенной птицы то преимущество, что можно, во всякое время, снова раждать ее и воспроизводить все, чего иногда не достаетъ въ частяхъ устроенія ея. Аминь.

3 Іюня,

1860.

XXXIX.

ВЪ СЕЗЕНОВСКОМЪ ЖЕ МОНАСТЫРѢ, ПО НАКРЫТІИ НѢСКОЛЬКИХЪ СЕСТРЪ РЯСОФОРОМЪ.

Благодареніе Господу.—Вотъ и еще на древѣ вашей обители показались завязи, еще на полѣ вами воздѣлываемомъ прозябли благонадежные ростки и возникли изъ подъ-земли, еще новыя невѣсты приводятся и обручаются жениху. Благодареніе Господу!

Но не надо забывать, что не въ числѣ дѣло,—а въ силѣ. Помните, сколько народа собралось къ Гедеону,—и однакожъ, по знаку указанному Богомъ, изъ нихъ только триста оказались благонадежными воинами. Прочіе, увеличивая число, не придавали силы и только мѣшали бы производству брани; почему отосланы во свояси.

Привожу это на память вамъ не для того, чтобы ослабить желаніе вступить въ обитель, или отбить охоту принимать въ нее желающихъ, но чтобы и во вступившихъ уже и въ желающихъ еще вступить—раздражить большее рвеніе явить себя достойными предначинаемаго и предначатаго. Ибо хотя

не въ числѣ дѣло, но, конечно, чѣмъ больше хорошихъ, тѣмъ лучше.

Не думаю, чтобъ какая нибудь изъ васъ, вступая въ обитель, не имѣла ревнія быть хорошею инокинею; но вмѣстѣ считаю очень вѣроятнымъ, что не всѣ ревнуютъ, какъ должно, а немалая часть, можетъ быть, тратятъ силы ревнія своего не на то, на что должно.—Отъ чего то и другое?! Паче всего отъ того, что на первый разъ неуяснено, въ чемъ дѣло иночества,—и чего должно добиваться, вступивъ въ обитель.

Желательно, чтобъ между вами, какъ можно меньше было такихъ, которыя о томъ только и заботятся, чтобы быть—сначала пріуказненными, потомъ рясофорными, далѣе—монатейными. Это конецъ желаній, достигши котораго, предаются покою, и какъ много не имѣлось въ мысли, остаются довольными своимъ положеніемъ. Конечно, безъ такого порядка нельзя быть въ обители; но внѣшній порядокъ монастырской жизни не всегда есть порядокъ монашествованія. — Послѣдній совершается внутри съ трудомъ и потомъ,—незримо для другихъ и вѣдомо единому Богу, и душѣ ревнующей о своемъ спасеніи.

Чесо изыдосте въ пустыню видѣти? — Такъ Господь спрашивалъ Іудеевъ, потому что иные изъ нихъ выходили къ Іоанну Крестителю за тѣмъ только, чтобъ посмотрѣть, какъ онъ одѣтъ въ одежду изъ верблюжьяго волоса и опоясанъ ременнымъ поясомъ, гдѣ онъ тамъ въ пустынѣ и что дѣлаетъ. А надлежало выходить за тѣмъ, чтобъ каяться и плакать о грѣхахъ своихъ. Спрошу и я васъ: зачѣмъ вышли вы въ пустыню сію?... Спрошу не за тѣмъ, чтобъ обличить кого либо; но по искреннему желанію, чтобъ между вами не было такихъ, которыя всю силу монашества поставляютъ въ черной одеждѣ и въ порядкѣ полученія ея.

Дѣло, на которое вы рѣшаетесь, есть дѣло великое и многоцѣнное; но надо совершить его какъ слѣдуетъ. Оно все внутреннее; внѣшнее же въ немъ есть только придатокъ. Вся сила въ очищеніи сердца отъ страстей. Вотъ смотрите, какъ:

Человѣкъ первоначально былъ сотворенъ правымъ; но палъ и разстроился. Привзошла къ нему самость и привела съ собою все полчище страстей, отвлекающихъ отъ добра и влекущихъ въ грѣхъ. Страждетъ человѣкъ въ семъ состояніи. Вотъ Господь и учредилъ на землѣ врачебницу — св. Церковь съ св. таинствами. Въ крещеніи отрицаются сатаны и всѣхъ дѣлъ его и всего служенія его, и всея гордыни его,—т. е. всѣхъ страстей,—и пріемлютъ силу преодолѣвать ихъ. Падшимъ по крещеніи предлежитъ таинство покаянія, въ которомъ снова повторяются обѣты крещенія и возобновляются потерянныя благодатныя силы... Покаявшійся,—если опять падаетъ,—опять встаетъ тѣмъ же путемъ покаянія... Еще падетъ, и еще встаетъ... и такъ до конца жизни... И это есть общій путь спасенія. За тѣмъ у насъ и посты съ говѣніемъ.— Конечно, лучше бы не падать по крещеніи, или падши однажды и возставши чрезъ покаяніе не падать снова; но страсти близъ сердца,—а жизнь въ семействѣ и обществѣ представляетъ много поводовъ къ раздраженію ихъ,—и бываетъ, что не устоитъ Христіанинъ и падаетъ, или дважды и трижды устоитъ, а въ четвертый и пятый разъ падаетъ. — Кается, но и снова падаетъ.

Но падать больно, пока вѣрна совѣсть и живо чувство благочестія и страха Божія. Какъ устранить эту непріятность— отчасти состоитъ и въ нашей волѣ, то вотъ иной и разгарается духомъ—такъ устроиться въ жизни, чтобы непадательно исполнять обѣты крещенія и покаянія, или жить, не уязвляя болѣе совѣсти и не оскорбляя Бога,—въ преодолѣніи и искорененіи страстей. Не надѣясь успѣшно исполнить сіе въ обществѣ, иной удаляется, бѣгая, и водворяется въ пустынѣ, т. е., оставляетъ общество и вступаетъ въ обитель. Такимъ образомъ вступленіе въ иночество есть рѣшимость жить, не поддаваясь болѣе увлеченіямъ страстей, а самое иночествованіе есть непрерывный подвигъ въ препобѣжденіи страстей и искорененіи ихъ, чтобы чистыми и непорочными явиться предъ лицемъ Бога.

Такъ вотъ ваше дѣло! На него и обратите все ваше вниманіе и устремите всѣ силы. Уставъ монастырскій, котораго главные пункты суть постничество, послушаніе и молитва, доставляетъ вамъ такой порядокъ жизни, который не представляетъ пищи страстямъ, или при которомъ онѣ могутъ быть не возбуждаемы. Но онъ не уничтожаетъ страстности. Можно быть совершенно исправнымъ по поведенію, требуемому уставомъ монастырскимъ, и быть полнымъ страстей въ сердцѣ. Есть міряпки въ свѣтлыя платья одѣтыя—инокини по духу, и есть монатейныя—міряпки сердцемъ. Къ сердцу надо проникнуть и смотрѣть, что оттуда исходитъ,—и посѣкать все страстное.—Борьба предлежитъ вамъ,—и борьба непрестанная. — Къ дѣламъ худымъ у васъ мало поводовъ, но мысли и чувства не всегда сообразуются со внѣшнимъ. Ихъ управлять, какъ должно,—цѣль вашихъ подвиговъ.—Міряне борются наиболѣе съ дѣлами худыми, а инокини—съ помыслами и похотями. Хотите спасаться—войдите внутрь себя,—станьте вниманіемъ у входа сердца и потребляйте всё вражеское—выходящее и подходящее. Цѣлыя книги писаны и пишутся о томъ, какъ успѣть въ семъ дѣлѣ.—Скажу вамъ одно... Возревнуйте о чистотѣ, и въ сей ревности болѣзненно припадайте ко Господу, моляся о помощи. *Уповающаго на Господа милость обыдетъ.* Въ часъ нужный—не знать откуда придетъ вразумленіе и сила... Увидите то дѣломъ,—и дѣло научитъ васъ искусству управляться съ собою. Не отвергайте и внѣшняго руководства,—въ писаніи и живомъ словѣ; но внутреннее сильнѣе и многоплоднѣе.

Такъ поживши, нелестными явитесь служительницами Богу въ иночествѣ. Въ чемъ преуспѣть да даруетъ вамъ Господь и смыслъ и силу. Аминь.

4 Іюня,

1860.

XL.

ВЪ КОЗЛОВѢ, — ВЪ СОБОРѢ.

Обходя градъ вашъ и осматривая храмы ваши, я не могъ не видѣть такъ ясно на всемъ отпечатлѣваемую вашу любовь къ святой вѣрѣ и Церкви, не могъ не примѣтить и духа искренняго благочестія, одушевляющаго васъ. Радуюсь сему, какъ обрѣтшій корысть многую и благодарю всемилостивѣйшаго Господа, такъ васъ настроивающаго, моля Его благость—сохранить въ васъ тотъ же духъ до времени послѣдняго Своего пришествія, чтобъ неукоризненными вамъ явиться и въ послѣдній день предъ лицемъ всего міра. — Но изъявляя такую радость о васъ предъ вами же, не могу скрывать и опасеній моихъ за васъ, да не како истлѣютъ разумы ваши отъ простоты,— не уклониться бы вамъ на распутія — къ понятіямъ и дѣламъ неплоднымъ. Потому обязаннымъ себя считаю сказать нѣсколько въ отношеніи къ сему словъ въ предостереженіе вамъ...

Блюдитесь, бр. паче всего отъ того, чтобъ не погасъ въ васъ духъ ревности по св. вѣрѣ и жизни Богоугодной. Въ васъ онъ есть, и есть преимущественный. Но какъ много духовъ вошло въ міръ, — и всякой духъ ищетъ преобладанія; то и смотрите,—не увлечься бы какимъ не къ славѣ Божіей и не

въ похвалу себѣ.—Нельзя жить безъ духа жизни; всякой живущій чѣмъ нибудь да воодушевляется. Свойственный намъ духъ есть духъ Христовъ, который одинъ и долженъ одушевлять насъ, подчиняя своей власти всѣ другіе и дѣлая ихъ служебными себѣ орудіями. Духъ Христовъ вамъ вѣдомъ какъ Христіанамъ.—Это—все творить во славу Божію и спасеніе свое. Противоположный ему есть духъ міра, по которому, въ богозабвеніи, неутомимо дѣйствуютъ, гоняясь за пустыми мечтательными цѣлями, никогда ихъ не достигая и никогда не услаждаясь покоемъ сего достиженія. Иначе именуется онъ духомъ лестчимъ, который подъ разными благовидностями увлекаетъ многихъ, преобразуясь въ ангела свѣтла. — Напр., нельзя не имѣть. Но кто съ забвеніемъ Бога и Его св. закона, предается любоиманію, тотъ воодушевленъ недобрымъ духомъ. — Стяжевай; но по Богу и для Бога. Нельзя не имѣть пріятностей въ жизни: иначе жизнь не жизнь. Но кто поставляетъ цѣлію однѣ утѣхи и удовольствія, тотъ не на добрый уклонился путь. Надо имѣть доброе имя. Но кто о томъ только и хлопочетъ, чтобъ слышать одни добрые отзывы или шумъ льстящей молвы, тотъ преслѣдуетъ мечтательную цѣль. Все это неправые духи, изъ которыхъ каждый разраждается во многихъ отрасляхъ и видахъ, которыхъ и изчислить нѣтъ возможности. Одно обще всѣмъ имъ — отклонять отъ Бога и, погружая въ Богозабвеніе, погашать ревность о спасеніи. — Всего такого блюдитеся, храня живый еще въ васъ истинный духъ Христіанства.

Храня же духъ ревности по вѣрѣ,—блюдитеся далѣе, чтобъ не истощать силъ сего духа понапрасну, не тратить ихъ на то, что ни славы Богу, ни спасенія душѣ не приноситъ Много есть вещей и дѣлъ, кои кажутся хорошими, не будучи таковыми на дѣлѣ. Вы знаете, какъ это возможно и въ какомъ отношеніи возможно. Въ избѣжаніе ошибокъ вотъ какъ поступайте: все съ совѣтомъ творите. Въ дѣлахъ торговли, напр. вы совѣтуетесь съ искусными торговцами, въ дѣлахъ мастерства—съ искусными мастерами. А въ дѣлахъ вѣры и благо-

честія совѣтуйтесь съ тѣми, кому поручено блюденіе ихъ въ мірѣ Христіанскомъ и созиданіе ихъ въ душахъ вашихъ. Конечно лучшій совѣтникъ вамъ самый духъ благочестія. Но съ одной стороны не у всякаго можетъ быть онъ въ силѣ, съ другой, — есть много уже примѣровъ уклоненія къ неправымъ направленіямъ, которыя судя по лицамъ и мѣстамъ, гдѣ встрѣчаются, кажутся правыми.—Долго ли потому попасть въ ошибку? Нынѣ многіе увлекаются новизною... но не все новое хорошо, какъ и многое изъ стараго отжило свой вѣкъ. Надо разбирать. Старое, однакожъ, какъ испытанное, всегда лучше новаго, еще неиспытаннаго.—Въ дѣлахъ же вѣры и благочестія, чѣмъ что старѣе, тѣмъ лучше, или даже—старое-то и есть самое вѣрное. Конечно неизмѣннымъ долженъ оставаться только духъ, но и во внѣшнемъ выраженіи сего духа очень многое такъ существенно и близко къ духу, что коснуться его нельзя иначе, какъ съ ущербомъ для самаго духа.—Дыханіе напр. есть внѣшнее выраженіе жизни. Но дышетъ человѣкъ съ самаго сотворенія все одинаково, и все однимъ и тѣмъ же воздухомъ.—Такого же рода все почти и во внѣшнемъ облаченіи нашей вѣры и Церкви. Здѣсь очень мало такого, что можно сравнить съ покроемъ платья или образомъ шитья его. Да и какая нужда измѣнять напр. рисунокъ иконы, или ноты въ напѣвахъ?—особенно когда старое созидаетъ, а новое разоряетъ.—Европа насъ сводитъ съ ума; но Европа почти вся и во всемъ своемъ составѣ оязычилась. — Не лучше ли оставить ее себѣ самой. Истинный свѣтъ пришелъ къ намъ изъ Византіи. И мы не маленькіе, — не вчера вышли на свѣтъ. Скоро уже тысяча лѣтъ, какъ вѣруемъ въ Господа и содержимъ Его святой законъ. И въ этомъ пусть другіе у насъ учатся, какъ и слѣдуетъ: ибо истина у насъ.

Я коснулся сего не за тѣмъ, чтобъ заставить васъ и внѣшнее ставить наравнѣ съ внутреннимъ. Нѣтъ. Всякому свое, и внутреннее всегда выше. Но тутъ новое предостереженіе: блюдитеся, чтобы предаваясь заботамъ о внѣшнихъ дѣлахъ благочестія, не забыть внутренняго духа его; но блюдитесь и того,

чтобъ подъ предлогомъ предпочтенія внутренняго внѣшнему не оставить совсѣмъ внѣшняго. — Внѣшнее безъ внутренняго еще бываетъ, а внутреннее безъ внѣшняго никогда. Видалиль вы когда силу растительную безъ видимаго тѣла растенія?! А тѣлъ растеній—деревъ, сколько есть безъ внутренней жизни?! Внѣшняго не оставлять—это законъ. Но да не будетъ намъ—останавливаться и на немъ одномъ. А подъ нимъ — подъ его вліяніемъ, руководствомъ и указаніемъ зрѣть и внутренно. Внутреннее вѣры слагается изъ вѣдѣнія св. вѣры и соотвѣтственныхъ ему дѣлъ,—или изъ совокупности здравыхъ понятій и св. чувствъ и расположеній.—Обращаю особенно ваше вниманіе на собраніе здравыхъ о всемъ понятій, или на разъясненіе для себя истинъ св. вѣры. Смотрите, какъ ученія мірскія распространяются! И сколько пишется и выпускается книгъ, духомъ міра пропитанныхъ! Разширяется и умѣнье читать все болѣе и болѣе. Не будьте же слишкомъ падки на мірскую письменность. Есть, конечно тамъ и хорошее, но есть много и нехорошаго. Предостеречь васъ считаю своимъ долгомъ: не увлекайтесь тѣмъ чтеніемъ.—Безъ просвѣщенія нельзя оставаться. Но надо различать свѣтъ отъ свѣта. И курящаяся во тмѣ навозная куча издаетъ какой-то свѣтъ. Но что это за свѣтъ?!—Свѣтильникъ, сіяющій въ темномъ мѣстѣ, по Апостолу, есть откровеніе Божіе,—или совокупность ученія содержимаго и предлагаемаго св. Церковію.—Къ нему стремитесь. Его усвоить поревнуйте,—и будете истинно просвѣщенными... Братіе, поберегитесь! Много злыхъ ученій нынѣ распространяется. — Противопоставьте же имъ вѣдѣніе истины. Слушайте бесѣды, которыя будутъ говориться здѣсь—въ семъ храмѣ каждое воскресенье, — позаботьтесь пріобрѣтать книги, по указанію вашихъ пастырей, какъ я внушу, или читайте, бесѣдуйте, размышляйте. *Слово Божіе да вселяется въ васъ богатно*. И будете ходить во свѣтѣ, какъ сыны свѣта и дня: тма васъ не иметъ и вы никогда не поткнетесь.

Если поревнуете о такомъ просвѣщеніи, то въ немъ найдете руководство и къ тому, какъ вообще соразмѣрять вну-

треннее съ внѣшнимъ,—какъ избѣжать напрасной траты силъ духа ревности по вѣрѣ и какъ сохранить самый сей духъ. Т. е. явитесь и будете являться всегда такими, какими подобаетъ вамъ быть предъ лицемъ Бога и міра Христіанскаго. Господь да благословитъ васъ тако тещи, да постигнете и, явльшуся Пастыреначальнику, пріимете неувядаемый славы вѣнецъ, его же уготова Господь любящимъ Его,—и искренно ревнующимъ о славѣ Его и спасеніи душъ своихъ. Аминь.

7 Іюня,

1860.

XLI.

ВЪ ЧЕТВЕРТУЮ НЕДѢЛЮ ПО ПЯТЬДЕСЯТНИЦѢ.

Какъ милостивъ и снисходителенъ къ намъ Господь! Сколько дѣлалъ и дѣлаетъ Онъ для насъ, — и какъ малаго требуетъ! Образомъ Своимъ насъ украсилъ, все покорилъ подъ ноги наша; когда пали, Самъ благоволилъ придти къ намъ и пострадать за насъ, и всѣми окружилъ насъ спасительными средствами во св. Своей Церкви; всячески руководитъ насъ на пути правды, и сохраняя здѣсь, царство вѣчное обѣщаетъ покорнымъ. Мало ли все это? А сколько требуетъ отъ насъ? — Не больше того, сколько сами мы добровольно отдаемъ грѣхугубителю, когда бываемъ преданы ему. *Человѣчески глаголю*, учитъ Ап. Павелъ, *за немощь плоти вашея, якоже бо представисте уды ваша рабы нечистотѣ и беззаконію въ беззаконіе: тако нынѣ представите уды ваша рабы правдѣ во святыню* (Рим. 6, 19.), какъ слышали вы въ нынѣшнемъ Апостолѣ. Т. е., поработайте Господу хоть съ такимъ же усердіемъ, какъ работали вы грѣху.

Не думаю, чтобъ кто либо отъ такого небольшаго требованія сталъ отказываться. Но можетъ быть не для всякаго

ясно, въ чемъ именно состоитъ сіе требованіе. Поясню вамъ содержаніе его коротко.

Апостолъ Павелъ опредѣляетъ его словами: — какъ представляли вы уды ваша рабы нечистотѣ, такъ нынѣ представьте сіи уды рабы правдѣ. Уды—это части нашего состава душевно-тѣлеснаго, или органы нашего тѣла и способности души. Значитъ, если перечислить сіи органы и способности и показать, какъ каждая изъ нихъ можетъ работать Господу въ противоположность работѣ грѣху,—то само собою объяснится, чего именно требуетъ отъ насъ Господь.

Тѣло наше имѣетъ слѣдующія отправленія: отправленія органовъ чувственныхъ—зрѣнія, слуха, обонянія и проч., отправленія движенія—рукъ, ногъ и всего тѣла,—труда и отдыха, сна и бодрствованія,—отправленія питанія, употребленія пищи и питія,—органы слова, и проч. Душа имѣетъ слѣдующія способности: воображенія и памяти,—смысла и разсудка, пожеланій и предпріятій, ощущеній и эстетическихъ наслажденій и выше всѣхъ сихъ силы духа, обращенныя къ Богу—Боговидѣнія, совѣсти, Богоуслажденія.

Когда человѣкъ работаетъ грѣху, то работаетъ ему всѣми сими отправленіями и способностями, равно когда обращается къ Богу, можетъ и долженъ всѣми ими работать правдѣ. Это естественно. Гдѣ человѣкъ своимъ сознаніемъ и сердцемъ, тамъ онъ всѣмъ своимъ существомъ. Онъ походитъ въ своемъ составѣ разнообразномъ на губку и впиваетъ въ себя ту влагу, въ которую погружаетъ самъ себя,—или тлетворный ядъ грѣха, или животворныя стихіи правды Божіей. Это вотъ какъ:—

Есть у насъ чувственные органы—глаза, уши, обоняніе и проч. Когда работаетъ человѣкъ грѣху, то всѣ сіи органы обращаетъ только на то, что носитъ печать грѣха и питаетъ его: глаза смотрятъ сладострастно, уши любятъ слышать сладкія рѣчи и пѣсни, обоняніе—обонять ароматы, возбуждающіе похоть. Отсюда—глазерство, жажда пріятныхъ впечатлѣній, нѣга кожи и проч. Когда же онъ отвращается отъ грѣха и порабощается правдѣ, тогда глазъ воздерживается отъ видѣ-

ній, ухо отъ слышаній похотныхъ, и обращается на одно святое и спасительное—видѣніе священныхъ изображеній и слышаніе свящ. пѣснопѣній,—и всѣ другія чувства связуются, чтобъ отъ нихъ было сколько можно менѣе впечатлѣній и менѣе развлеченій,—и чтобъ душа имѣла болѣе свободы быть одна въ себѣ самой съ возлюбленнымъ Господомъ. Такъ чувственные органы порабощаются правдѣ.

Есть у насъ отправленія движенія—рукъ и ногъ, потребность труда и отдыха, сна и бодрствованія.—Когда работаетъ человѣкъ грѣху, смотрите, какого рода бываютъ у него движенія?.. — Онъ любитъ гулянья, пляски и танцы, или еще хуже—преданъ хищенію и грабежу, или лѣности и сонливости; у иного день превращенъ въ ночь, и ночь — въ день. Порабощаясь правдѣ, обязуемся двигаться только путями правды: положить мѣру сну и бодрствованію, труду и отдыху, опредѣлить мѣста, куда ходить и за чѣмъ ходить;—вмѣсто танцевъ возлюбить поклоны, вмѣсто безпорядочныхъ гуляній—хожденіе въ храмы и жилища бѣдности и страданій, — руки пріучить работать и подавать милостыню,—отнимать часть сна для молитвы, и проч.

Есть у насъ потребность питанія или употребленія пищи и питія. Работающій грѣху подвергается многояденію, сладкоядению, пированіямъ, пьянству и т. п. Порабощаясь правдѣ, надо возлюбить воздержаніе,—чтобъ вкушать пищи и питія въ мѣру,—и по уставу Церкви.

Есть у насъ органъ слова. У грѣшниковъ и слова грѣшны. Отсюда—пустословіе, празднословіе, пересуды, смѣхи, шутки, остроты, и даже кощунство. Но кто Господу угождать положилъ въ сердцѣ своемъ, тотъ вѣрно исполняетъ заповѣдь: *слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ* (Ефес. 4, 29.), помня, какъ много зла отъ языка.

Такъ членъ за членомъ все тѣло порабощается правдѣ и становится вѣрнымъ орудіемъ спасенія для ищущихъ Господа.

Справедливо говорятъ св. Отцы: поработи тѣло духу,—и увидишь, какой оно другъ тебѣ и сотрудникъ.

Но какъ отправленія тѣла, такъ и способности души всѣ поработить надо правдѣ для полнаго угожденія Богу. Воображеніе, любящее мечтать и любоваться худыми образами, надо связать трезвеніемъ и сосредоточеніемъ вниманія,—препоясавъ, какъ заповѣдуетъ Апостолъ, чресла помышленій.—Память, набитую страстными предметами, надо очистить и наполнить воспоминаніями святыми. Умъ своевольный и склонный къ лживымъ предположеніямъ—покорить откровенному ученію и украсить познаніями истины, чтобъ обо всемъ мыслилъ и все понималъ, какъ заповѣдалъ Господь. Волю своенравную и преданную страстямъ—подчинить игу заповѣдей, чтобъ и желала и предпринимала только то, что сообразно съ волею Божіею всесвятою. Сердце, падкое на чувственныя красоты—отвлечь отъ нихъ и образовать въ немъ вкусъ только къ святому и небесному, чтобъ такимъ образомъ подготовить его ко вкушенію благъ небесныхъ.

Такъ способность за способностію—и душа вся покорится правдѣ. Кто такъ устроится, тотъ и душею и тѣломъ будетъ работать Господу,—и содѣлается вѣрнымъ исполнителемъ заповѣди Апостола—поработить правдѣ всѣ уды свои,—въ противоположность порабощенія ихъ беззаконію.

Понятно вамъ теперь, что требуется отъ насъ словами Апостола: *якоже представисте уды ваша рабы нечистотѣ—тако нынѣ представите уды ваша рабы правдѣ* (Рим. 6, 19.).

Не считаю нужнымъ прилагать какое либо послѣ сего убѣжденіе. Дѣло такъ очевидно, что само собою обязываетъ всякую совѣсть, возжелавшую искренно Господу работать.—Одно только присовокуплю. Посмотрите на конецъ, куда приводитъ грѣхъ, и куда приводитъ правда? Или какой плодъ того и другой.—Нынѣ же Апостолъ указываетъ, что кончина грѣховныхъ дѣлъ—смерть, плодъ же правды есть—животъ.—Т. е., грѣхъ убиваетъ, правда животворитъ. Видалиль вы, какъ, когда на какомъ либо металлѣ нальютъ острыхъ кислотъ, —

сіи кислоты начинаютъ мало по малу разъѣдать и разлагать составныя его части и наконецъ совсѣмъ съѣдаютъ и твердое кажется тѣло, такъ что и угадать нѣтъ возможности, что было прежде. Вотъ точно такое же дѣйствіе оказываетъ грѣхъ на существо наше. Какъ ядъ какой, входя внутрь, разлагаетъ онъ душу и тѣло и каждую часть души и тѣла и тѣмъ губитъ человѣка. Подобно тому, какъ въ теплицу, полную разнообразныхъ растеній и цвѣтовъ впущенный холодъ или воздухъ тлетворный, убиваетъ цвѣтокъ за цвѣткомъ, къ какому только прикасается: такъ грѣхъ способность за способностію губитъ въ душѣ, и силу за силою въ тѣлѣ. Кажется довольно побужденія къ тому, чтобъ убѣгать грѣха.

Напротивъ—какъ весенняя теплота и влага оживляетъ все, замиравшее на время зимы: такъ все убитое грѣхомъ оживаетъ въ составѣ существа нашего, когда духъ нашъ обращается къ Богу и посвящаетъ себя Богоугожденію. Ибо тогда Солнце правды возсіяваетъ въ умѣ,—вѣяніе любви Божественной согрѣваетъ душу нашу, животворныя стихіи благодати Божіей проникаютъ и освѣжаютъ всѣ силы души и тѣла.—Богъ есть источникъ жизни. Предающій себя Господу—единъ духъ есть съ Господомъ и пьетъ полными устами питіе жизни изъ сего неистощимаго источника. Такому только и свойственна истинная жизнь. Или такой только и живетъ. У прочихъ только призракъ жизни, хотя они обнаруживаютъ многодвижную и будто многостороннюю жизнь.

Господи! посли свѣтъ Твой и истину Твою—чтобъ могли мы ясно различать пути жизни и смерти, доброе и лукавое, огнь и воду, и, умудряясь во спасеніе, охотно порабощались правдѣ, свобождшеся отъ грѣха: да не царствуетъ грѣхъ въ мертвеннѣмъ тѣлѣ нашемъ и чтобъ намъ не слушать его въ похотяхъ его. Аминь.

19 Іюня,
1860.

XLII—L.

ПО СЛУЧАЮ ПОЖАРОВЪ.

Слово первое ([1]).

Что мнѣ сказать вамъ и о чемъ начать говорить съ вами?—Горестно положеніе наше, велика скорбь! Отяготѣла на насъ рука Господня! Мало ли времени томитъ насъ засуха? Но не прошла еще эта бѣда, какъ напала другая—пожаръ. Еще и думать мы не начинали о томъ, какъ оправиться отъ сего пожара, какъ напалъ другой. Еще не кончился этотъ, какъ повсюду прошла злая вѣсть о непрерывности пожаровъ, — и изгнала насъ изъ домовъ своихъ. Нашъ городъ нынѣ точно Іовъ,—котораго тѣснили одно бѣдствіе за другимъ, пока, лишивъ всего и покрывъ ранами, не выбросили вонъ изъ города. И вотъ, какъ тотъ внѣ города сидѣлъ на гноищѣ,—такъ нынѣ у насъ всѣ почти вынеслись изъ домовъ и живутъ на пустыряхъ, прибрежьяхъ и изсохшихъ потокахъ, какъ пчелы, выгнанныя изъ ульевъ удушающимъ дымомъ. Вотъ до чего дошли мы!

([1]) На 4-й день послѣ двухъ большихъ пожаровъ. Жители выносились изъ домовъ. Недѣля 12 по Пятьдесятницѣ. 14-го августа 1860.

Кажется бы,—довольно испытанія. Но и еще рука Господня высока.

Все, что можетъ зависѣть отъ предусмотрительности человѣческой, сдѣлано ([1]), и,—благодареніе Господу!—опасность уже не такъ грозна, какъ было въ началѣ. Но все же покой еще не возвращается къ намъ, чувство безопасности не приходитъ и благонадежіе не осѣняетъ духа нашего. Что же бы еще надлежало намъ сдѣлать, чтобъ Господь возвратилъ намъ покой нашъ?

Предложу вамъ одно сравненіе, и вы сами догадаетесь, что надо намъ сдѣлать, чтобъ Господь принялъ тяготѣющую надъ нами руку Свою. Когда учитель, поднявъ руку, начинаетъ грозить, всѣ ученики, знающіе за собою что либо недолжное, тотчасъ исправляютъ свои вольности Не возстановится порядокъ,—не опуститъ учитель грозящей руки своей. По что жизнь наша, какъ не училище благочестія, и кто учитель въ немъ, какъ не всепопечительный Господь? Вотъ надъ нами простерта грозящая рука Его и не опускается. Вѣрно же, не всѣ еще мы пришли въ порядокъ, или не всѣ все привели въ себѣ въ порядокъ, что Онъ не опускаетъ ее. Итакъ не будемъ недогадливѣе малоопытныхъ дѣтей! Какъ братья Іосифа, когда онъ поставилъ ихъ въ стѣснительное положеніе, тотчасъ сознали свою вину и стали говорить другъ другу: *се во грѣсѣхъ есмы брата ради нашего* (Быт. 42, 2), т. е, это мы терпимъ за то, что продали брата своего: такъ и каждый изъ насъ, находясь нынѣ въ стѣснительномъ положеніи, пусть войдетъ въ себя, сознается во всемъ, что найдетъ за собою неисправнаго—мало ли то, или велико, и положитъ твердое намѣреніе исправиться. Пусть сознаетъ одинъ-одно, другой- другое, всякій-свое,—и всѣ вмѣстѣ воззовемъ: согрѣшихомъ, Господи, согрѣшихомъ, и крайняго Твоего отвращенія достойни сотворихомся; но, не отстави милости Твоей отъ насъ и пощади

([1]) Учреждена военная стража по всему городу, сверхъ того каждый домъ обязанъ имѣть своего стража денно-ночнаго.

насъ, смиренно кающихся Тебѣ! И—милостивъ Господь!—навѣрно прекратится бѣда наша! Развѣ страданіями нашими утѣшается Господь?! Нѣтъ. По Ему души наши дороги, и коль скоро онѣ приходятъ въ свой чинъ, Онъ тотчасъ прекращаетъ всякое исправительное бѣдствіе. Таковъ ужъ законъ промышленія Божія о насъ! Такъ, напримѣръ, Давидъ согрѣшилъ. Богъ предложилъ ему чрезъ пророка избрать одно изъ трехъ наказаній—или трех-мѣсячную войну, или трех-годичный голодъ, или трех-дневный моръ. Давидъ избралъ послѣднее, говоря: *да впаду убо въ руцѣ Господни*. Но, смотрите, что было! Такъ какъ сердце Давида глубоко было сокрушено предъ Господомъ уже самымъ назначеніемъ наказанія; то Господь, приводя въ исполненіе опредѣленіе Свое о наказаніи, не на три уже дня посылаетъ смерть, а только отъ утра до полудня. *И даде Господь смерть во Израили отъ утра до часа обѣденнаго.* Видите, какова сила сокрушенія! И мало того: лишь только Давидъ, увидѣвъ ангела, біюща люди, возопилъ: *се азъ согрѣшивый*!—т. е. лишь только онъ совершенно созналъ, что вся вина на немъ одномъ, и покаялся,—то въ ту же минуту Господь повелѣлъ ангелу, погубляющему люди: *довольно нынѣ; отыми руку твою* (2 Цар. гл. 24.)! Вотъ и опущена карающая рука Божія! Кто это сдѣлалъ? Покаяніе. Обратимся же и мы къ нему,—и увидимъ милость. Ибо навѣрно, этого только и ожидаетъ Господь, чтобъ помиловать насъ. «Богъ могъ бы и тотчасъ прекратить всякое бѣдствіе,—говоритъ св. Златоустъ,—но Онъ не прекращаетъ скорби, пока не увидитъ, что въ насъ произошло обращеніе и покаяніе твердое и непоколебимое. И, слѣдовательно, когда произойдетъ сіе послѣднее, бѣды тотчасъ прекратятся милостивою рукою Господа. Какъ золотыхъ дѣлъ мастеръ тотчасъ вынимаетъ золото изъ горна, когда увидитъ, что оно хорошо очистилось: такъ и Богъ тотчасъ отводитъ тучи бѣдъ, когда видитъ, что мы совершенно исправились.»

Да, еслибъ мы попрежде положили начало покаянію и исправленію, то и совсѣмъ не постигла бы насъ бѣда сія.

Еслибъ вразумились мы засухою, не пришли бы пожары. Но какъ во время засухи церкви у насъ были пусты, а мѣста увеселеній полны; то и нужно было новое вразумленіе. И вотъ оно! А что это такъ, можете судить по примѣру Ниневіи. На что грознѣе того опредѣленія: *еще три дни, и Ниневія превратится*! И однакожъ Ниневія осталась цѣлою. Отъ чего; Оттого, что какъ только возвѣстилъ пророкъ Ниневитянамъ о готовой имъ казни Божіей, они тотчасъ во вретищѣ и пеплѣ покаялись предъ Господомъ. Покаялись,—и пощажены; ибо не пагубы ищетъ Господь, а спасенія. *Я*, говоритъ, *возглаголю на языкъ и на царство, да искореню и разорю и расточу я*. Видите,—какъ!!—Расточу, разорю, искореню... Какое грозное опредѣленіе! Что же потомъ? *Аще обратится языкъ той отъ всѣхъ лукавствъ своихъ, то раскаюся о озлобленіяхъ, яже помыслихъ сотворити имъ* (Iерем. 18, 7.). Т. е. если народъ покается и исправится, то какъ бы ни было грозно опредѣленіе, не потерпитъ никакого бѣдствія. Такъ, въ нашихъ рукахъ было отвратить нависшую надъ нами тучу. Но мы пропустили первое вразумленіе безъ вниманія,—и вотъ терпимъ новое наказаніе за нерадѣніе и безпечность,—наказаніе уже болѣе чувствительное. Что же дѣлать?! Тогда пропустили,—теперь по крайней мѣрѣ воспользуемся урокомъ, какъ слѣдуетъ. Покаемся и принесемъ плодъ достойный покаянія: исправимъ все, что есть въ насъ неисправнаго. Отложимъ гордость. Исторгнемъ изъ сердецъ корень золъ—сребролюбіе. Возрастимъ милосердіе, правду, кротость. Прекратимъ роскошь. Отвергнемъ изысканныя украшенія и одежды. Презримъ забавы суетныя, убивающія время, данное намъ для дѣланія добра. Дадимъ силу уставу св. Церкви. Умножимъ моленія—тайныя: на всякомъ мѣстѣ и во всякое время,—общественныя: здѣсь въ храмѣ Божіемъ, держа себя въ нихъ, какъ и во всемъ, въ должномъ порядкѣ и покорности велѣніямъ Божіимъ. Сотворимъ все сіе, — и могу васъ увѣрить, что возвратится къ намъ желанный покой нашъ.

Но—вотъ—скажетъ кто: «мы и такъ убиты горемъ и по-

терями, а тутъ еще бьютъ насъ обличеніями и строгими уроками. Дайте намъ слово утѣшенія. Излейте елей на жгучія раны сердца.» Но, бр., я не о словахъ сладкихъ заботился, а хотѣлъ показать вамъ дѣло, которое одно можетъ доставить вамъ утѣшеніе истинное и прочное,—и не только утѣшеніе доставить, но и отвратить самое бѣдствіе, постигшее насъ, и все возстановить въ прежній чинъ и порядокъ. Ибо ничего нѣтъ могущественнѣе покаянія. Можно, конечно, много придумать успокоительныхъ словъ, но что будетъ отъ нихъ пользы? Ими можно только сверху закрыть рану, оставивъ злокачественную матерію внутри. Но въ такомъ случаѣ непремѣнно нужны будутъ новыя прижиганія, нарѣзы и пластыри,—иначе—новыя бѣды во уврачеваніе нашихъ грѣховныхъ страстей. Покаяніе же совершенно врачуетъ всѣ раны душевныя,—и слѣдовательно дѣлаетъ излишними всѣ очистительныя мѣры, устрояемыя къ тому Божіимъ отеческимъ о насъ промышленіемъ.

А о томъ и говорить нечего, что намъ должно благодушно перенести постигшее насъ бѣдствіе. Вы такъ и дѣлаете, сколько знаю. И пребудьте въ семъ расположеніи неизмѣнными, воодушевляясь примѣромъ Іова, который одинъ потерпѣлъ болѣе, чѣмъ всѣ мы, и однакожъ не переставалъ благодушествовать. Внѣшно мы уже схожи съ нимъ. Позаботимся уподобиться ему и внутреннимъ настроеніемъ ума и сердца. Смотрите, какъ обобрали его бѣды!—И однакожъ онъ не палъ духомъ подъ тяжестію искушеній. Но что?—*Господь*, говоритъ, *даде, Господь и отъятъ. Якоже Господеви изволися, тако и бысть. Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка* (Іовъ 1 гл.). Будемъ и мы благословлять Господа и смиренно—въ вѣрѣ и любви—лобызать наказующую насъ руку Его. Ибо все - отъ Него. Другія участвующія здѣсь лица, если онѣ есть, суть только орудія Его правды и милости. Источникъ же—Онъ одинъ. А Онъ не по злобѣ наказываетъ; ибо безстрастенъ есть,—а по одному желанію намъ душевнаго спасенія. Ему убо предадимъ себя, въ сердечномъ исповѣданіи: буди воля Твоя, Господи, на насъ. Ему предоставимъ все; а

сами будемъ только покаянно молиться и молитвенно каяться, съ твердымъ намѣреніемъ жить благочестно,—по всѣмъ заповѣдямъ и оправданіямъ Божіимъ. И вѣрно, не будемъ посрамлены въ упованіи семъ.

Буди же, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя! Аминь.

Слово второе ([1]).

Вотъ уже Господь началъ являть къ намъ милость Свою посланіемъ дождя. Благодареніе благосердому Его снисхожденію къ намъ!—Пора бы и намъ возникнуть къ благонадежію и успокоиться. Но вчерашній, хотя небольшой пожаръ подновилъ страхъ нашъ, и мы снова мятемся ожиданіемъ внезапной бѣды,—ни къ кому и ни къ чему не имѣемъ довѣрія, и въ каждомъ незнакомомъ лицѣ продолжаемъ встрѣчать недоброжелателя себѣ. Отъ того у насъ и праздникъ не въ праздникъ,—такъ что исполнилась надъ нами пророческая угроза: *превращу праздники ваша въ жалость, и вся пѣсни ваша въ плачъ* (Амос. 8, 10.).

Чтожъ?—И давайте плакать.... Мы и собрались нынѣ на мѣсто плача. Се поле, орошенное слезами! И кто изъ жителей города не проливалъ ихъ здѣсь?!—Такъ, по сродству, пріидите восплачемся предъ Господомъ, сотворшимъ насъ, подобно Израильтянамъ, оплакивавшимъ Іерусалимъ на рѣкахъ Вавилонскихъ!

Не оскорбится симъ Матерь Божія! Она Сама, думаю, не безъ скорби взираетъ нынѣ на сіе мѣсто, которое въ прежніе годы кипѣло многолюдствомъ въ день сей,—а нынѣ такъ пу-

---

([1]) Въ день Успенія Пресвятыя Богородицы. На успенскомъ кладбищѣ. Шелъ дождь. Наканунѣ былъ небольшой пожаръ.

сто;—и это не по охлажденію усердія, а все изъ тѣхъ же опасеній и страха.

Пріидите же,—восплачемся! Но о чемъ плакать?—О всемъ. Поплачемъ *сначала* о томъ, что житіе наше здѣсь полно бѣдъ и скорбей:—то земля колеблется, то небо потрясается, то вода устремляется потопить, то огнь грозитъ пожрать, то засуха и неурожай, то болѣзни и моръ, то эти видимые, а то и невидимые враги постоянно почти держатъ насъ въ страхѣ, безпокойствахъ и опасеніяхъ за жизнь. Со всѣхъ сторонъ бѣды. Какъ тутъ не плакать,—особенно, когда приведешь себѣ на память, что первоначально, когда Господь въ первый разъ воззрѣлъ на творенія Свои, въ нихъ быша вся добра зѣло?—Конечно, сами мы тому виною, и праведно осуждены нести тяготу житія сего. Но все же нельзя не скорбѣть, что такъ есть, и что земля наша,—прежде прекрасная,—превращена нынѣ въ юдоль плача. Много ли кому въ жизни придется встрѣтить ясныхъ дней?!—Да и тѣ даются только для того, чтобъ мы не впали въ отчаяніе,—только для того, чтобъ поддерживать вѣру, что не все еще пропало, что не въ конецъ прогнѣвался Господь, и есть надежда избавленія отъ бѣдъ, хотя образомъ, единому Богу вѣдомымъ.

Потомъ перейдемъ къ плачу и о томъ паче, что грѣшимъ, и грѣхами своими еще болѣе увеличиваемъ скорбность пребыванія своего на землѣ,—Бога прогнѣвляемъ и трудъ Ему даемъ воздвигать наказанія намъ за беззаконія наши. Жаль Господу и наказывать насъ, но еще болѣе жаль оставить безъ наказанія. Потому что если не станетъ Господь наказывать грѣховъ и беззаконій нашихъ, то земля наша станетъ хуже ада, и зло вскорѣ истребитъ весь родъ нашъ. Какъ же не плакать, помышляя о томъ, что мы заключены въ такое со всѣхъ сторонъ противленіе! Грѣхами своими и себя разстроиваемъ, и другимъ причиняемъ вредъ, и Господу досаждаемъ и невидимый міръ возмущаемъ: но все грѣшимъ и все больше и больше запутываемся въ бѣды и нужды. Хоть то не мало отрадно, что были и есть спасающіеся между нами, — и что

всѣмъ открытъ путь спасенія во св. Божіей Церкви: но и опять скорбь, что мало видимъ идущихъ симъ путемъ, — да и сами мы не всегда туда направляемъ шаги свои. Какъ тутъ не плакать!

Будемъ плакать *наконецъ* и такъ, чтобъ только плакать, чтобъ только сѣять слезами, въ чаяніи, не придется ли пожать намъ радостію, какъ обѣщаетъ пророкъ Давидъ: *сѣющіи слезами радостію пожнутъ* (Пс. 125, 5.). Ибо что же намъ дѣлать?!—Ничего не придумаемъ, какъ поправить свое положеніе! Кажется, всѣ предосторожности взяты, а бѣда все прорывается какъ бы изъ подъ-рукъ,—и снова всѣхъ повергаетъ въ тревогу. Такъ лучше ужъ сѣсть и плакать, ничего не приговаривая и плачемъ давая только знать, что больно и больно. Пусть самъ Господь придетъ и посмотритъ, что такое у насъ, и придумаетъ врачевство ранамъ нашимъ. Какъ дитя, неумѣющее говорить, чувствуя боль, только плачетъ, руки и глаза устремляя къ матери,—и та уже сама, прибѣжавши, отстраняетъ причину и успокоиваетъ дитя: такъ сдѣлаемъ и мы. Сядемъ и будемъ плакать,—очи ума и сердца устремляя горѣ. Есть у насъ, попечительнѣе матери родной, промыслитель Господь, скорый на помощь и утѣшеніе. Онъ вѣрно придетъ и успокоитъ насъ, какъ Самъ увѣряетъ чрезъ пророка: *воззоветъ ко Мнѣ, и услышу его*... (Пс. 90.) Да и то надо сказать, что еслибъ мы болѣе любили плачъ, чѣмъ утѣхи, не было бы у насъ столько бѣдствій; еслибъ мы не предавались безумно радостямъ и увеселеніямъ пустымъ, то Господу не было бы нужды внѣшними скорбями остепенять насъ, и тѣмъ возвращать въ то настроеніе плача и сѣтованія, которое должны мы имѣть постоянно, какъ изгнанники изъ отечества. Сердце сокрушенное и смиренное Богъ не уничижаетъ. Еслибъ постоянно было такъ, не сталъ бы Господь смирять насъ такъ, какъ теперь,—что многимъ и головы негдѣ приклонить.

Но, братія, будемъ плача плакать, и скорбя скорбѣть, — только все по Христіански, а не какъ язычники, упованія не имѣющіе. Да не изыдетъ слово ропота изъ устъ нашихъ, и

чувство унынія и нечаянія да не омрачитъ сердецъ нашихъ. Скорбѣть, плакать и болѣть есть дѣло человѣческое, а предаваться унынію и отчаянію, ропоту и хулѣ—есть дѣло сатанинское. Растворимъ скорбь упованіемъ, и—родится плачъ умиленія, не жгущій и терзающій, а разливающій отраду и умягчающій. Возверзимъ на Господа печаль, и Той сохранитъ насъ; ибо уповающаго на Господа милость обыдетъ. Исповѣдуемъ правду Божію въ наказаніи насъ,—и Онъ пошлетъ милость во срѣтеніе ей: ибо не судъ только, но и милость у Него. Потерпимъ въ благодушіи; ибо не до конца гнѣвается Господь, и не во вѣкъ враждуетъ. Біетъ Онъ насъ; возчувствуемъ боль, и, молясь о помилованіи, подкрѣпимъ молитву рѣшимостію не оскорблять Его болѣе грѣхами своими. Будемъ вопіять: *помилуй, Господи, помилуй!*—прибавляя притомъ: *не будемъ,*—чтобъ не къ намъ относился укоръ пророка: *билъ еси ихъ, и не поболѣша, сокрушилъ еси ихъ, и не восхотѣша пріяти наказаніе: ожесточиша лица своя паче камене, и не хотѣша обратитися* (Іер. 5, 3). Аминь.

Слово третіе [1].

Бывалиль вы, братія, когда нибудь въ рабочей рѣзчика или скульптора?—Если бывали, вѣрно замѣтили, какъ такого рода художники, начертавъ въ умѣ образъ того, что преднамѣрены выдѣлать, приступаютъ потомъ къ дѣлу, разными къ разнымъ пріемамъ приспособленными орудіями, обсѣкая, вырѣзывая и окончательно отдѣлывая часть за частію, пока взятое вещество не приметъ вида, сходнаго съ тѣмъ невещественнымъ образомъ, какой носятъ они въ умѣ своемъ. Мнѣ пришли на мысль эти работы, по случаю нынѣшняго праздника

[1] 16 августа. Страхи продолжались по прежнему.

Нерукотвореннаго образа Господа и Спасителя нашего и вмѣстѣ по случаю стѣснительнаго положенія, въ которое поставили насъ пожары. Сличивъ одно съ другимъ, нахожу, что послѣдніе въ рукахъ промысла Божія суть то же, что дѣйствія рѣзца и другихъ орудій въ рукахъ художника, что чрезъ посредство ихъ Господь хочетъ отпечатлѣть въ насъ помышленіе, какое предначерталъ Онъ о насъ въ умѣ Своемъ. Отсюда, къ немалому нашему утѣшенію, заключаю: настоящее наше горестное положеніе означаетъ, что Господь, какъ художникъ, промыслительно взялъ насъ въ руки Свои, какъ необдѣланное, годное однакожъ къ обдѣлкѣ вещество,—и вотъ бѣдами, какъ ударами молота, одно за другимъ отсѣкаетъ въ насъ все излишнее и противное тому образу, въ который Онъ хочетъ возвесть насъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что мы въ рукахъ Божіихъ, какъ не вещество, обдѣлываемое по Его о насъ преднамѣреніямъ?! Апостолъ Павелъ, объясняя, какъ изъ одной и той же утробы, въ одно и то же время рождены Іаковъ благословенный и Исавъ отверженный, вотъ что говоритъ: *тѣмже убо, о человѣче, ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови? Еда речетъ зданіе создавшему е, почто мя сотворилъ еси тако? Или не имать власти скудельникъ на бреніи, отъ тогожде смѣшенія сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь* (Рим. 9, 20. 21.). Не очевидно ли, что въ рукахъ Божіихъ каждый человѣкъ, или человѣческая въ каждомъ природа, есть то же, что глина въ рукахъ горшечника, и что какъ сей послѣдній изъ глины выдѣлываетъ какіе ему угодно сосуды,—такъ Богъ промыслительными Своими дѣйствіями каждаго человѣка возводитъ въ такое состояніе, къ какому находитъ его способнымъ?

Не останавливайтесь на недоумѣніи:—гдѣ же свобода наша, и гдѣ правда Божія?—Премудрый Господь всегда умѣетъ согласить такого рода дѣйствія и съ нашею свободою и съ Своимъ правосудіемъ. Позаботимся лучше исправить недальновидное наше заключеніе о свойствѣ образовательныхъ и воспи-

тательныхъ дѣйствій промысла Божія. Мы обыкли говорить, когда постигаетъ насъ какое либо горе: оставилъ насъ Богъ, забылъ, бросилъ. А по указанному ученію апостольскому выходитъ совсѣмъ наоборотъ, — что это-то и означаетъ, что Господь обратилъ на насъ очи Свои,—и что съ сего времени начинаетъ дѣйствовать на насъ съ особенною заботливостію и попечительностію,—какъ буквально толкуетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же Апостолъ: *его же любитъ*, говоритъ, *Господь наказуетъ: біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ. Аще наказаніе терпите, яко сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ* (Евр. 12, 6. 7.). Наказаніе есть *и* дѣйствіе, боль причиняющее, *и* обученіе или образованіе. Приложите это къ намъ, и вы сами скажете то же, что я прежде сказалъ,—что настоящимъ нашимъ положеніемъ біетъ насъ Господь: но біеніе сіе означаетъ, что Онъ попечительно взялъ насъ въ руки Свои и хочетъ, по особенной Своей любви къ намъ, возвесть насъ въ благолѣпный нѣкій образъ. Вотъ истинный смыслъ настоящаго промыслительнаго о насъ дѣйствія Божія!

Вперите же въ него умные очи ваши, и пейте изъ него, какъ изъ обильнаго источника сладкую воду сердечныхъ утѣшеній!

Итакъ—не унывать намъ нынѣ должно, или убивать себя горемъ, а радоваться особенному Божію избранію и благодарить за оное Господа, и не столько горе имѣть въ виду, сколько заботиться о томъ, чтобъ показать себя достойными такого благаго о насъ промышленія Божія,—чтобъ иначе не раскаялся Господь, что взялся за насъ, предполагая насъ способными къ выполненію Его цѣлей, — и опять не бросилъ исчезать въ безвѣстности, какъ никуда негожихъ, издающихъ только трескъ и пыль—безпокойные и безполезные.

Въ сихъ чувствахъ, предадимъ себя всецѣло промыслительному Божію на насъ дѣйствію—безъ прекословій, безъ упорства, и самочинія,—да творитъ съ нами и изъ насъ, что Его святой волѣ угодно. Какъ мраморъ спокойно стоитъ подъ ударами скульптора, какъ глина гибко укладывается въ формы

по намѣренію скудельника, и какъ всякое другое вещество покорствуетъ художнику: такъ благопокорно и смиренно надлежитъ предаться и намъ художественному дѣйствію Божественнаго о насъ попеченія, — въ благонадежной вѣрѣ, что столь премудрый и столь могущественный Художникъ сдѣлаетъ изъ насъ не что нибудь, а нѣчто великое.

Въ сей вѣрѣ будемъ благодушно ждать и терпѣть, пока выполнитъ надъ нами Господь все преднамѣренное о насъ. Не съ одного удара выходитъ красивая статуя изъ рукъ художника. Нужно время и время, — пока выкажется голова, туловище, оконечности, и потомъ далѣе образуются мелкія подробности каждой части. Не будемъ же скучать, что длится испытаніе! Если длится, значитъ, что еще не вся мысль Божія выразилась въ насъ, — что, потому, если бы теперь прекратилъ Онъ Свои дѣйствія на насъ, мы вышли бы изъ Его рукъ произведеніемъ недоконченнымъ. А этого Онъ не хочетъ. Потерпимъ же благодушно.

Конечно больно терпѣть; ибо мы — созданіе живое, чувствующее: но будемъ подкрѣплять свое благодушіе представленіемъ той духовной красоты, до которой возведетъ насъ претерпѣваемое испытаніе. Ибо вотъ что пишетъ Апостолъ: *аще наказаніе терпите, яко сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ.* Видите, въ какой чинъ возводитъ насъ скорбями сими Господь! Велико ли же то, что придется намъ потерпѣть ради сего! Сыновство Богу — что можетъ съ симъ сравниться? Потому вообразите себѣ живѣе сіе будущее совершенство, и растворяйте тѣмъ горечь настоящаго положенія. Ибо *всякое наказаніе въ настоящее время не мнится радость быти, но печаль: послѣди же плодъ миренъ наученнымъ тѣмъ воздастъ правды* (Евр. 12, 11.).

Можно бы указать, какія именно черты настоящими нашими обстоятельствами хочетъ отпечатлѣть въ насъ Божественное промышленіе. Но думаю, что это всякому само собою представляется съ перваго раза. Кто не видитъ, напримѣръ, что Господь хочетъ внушить намъ: не надѣйтесь на богатство

и не прилѣпляйтесь къ нему, — потому что оно ничтожно и исчезаетъ, какъ прахъ. Не надѣйтесь на князи и на сыны человѣческіе,—потому что въ нихъ нѣтъ спасенія. Видите, какова сила ихъ? Всѣ отступились, и оставили всякаго самому себѣ. Не надѣйтесь на свою расторопность и предусмотрительность. Подъ руками и предъ глазами у васъ загорится бѣда,—и вы ничего не сможете сдѣлать противъ нее. Не мечтайте землю превратить въ рай и знайте, что какъ день смѣняется ночью и ночь днемъ, такъ радость горемъ и горе радостію. Не скупитесь, и поспѣшите скорѣе перевесть все имѣніе ваше въ небесныя сокровищницы чрезъ милостыню; ибо вотъ все мгновенно пропало и даромъ.

И много подобныхъ уроковъ начертано перстомъ промысла Божія въ постигшихъ насъ бѣдствіяхъ. Они очевидны сами собою, какъ я сказалъ; потому нечего много о нихъ разсуждать. Но вотъ что считаю нужнымъ замѣтить: сіи внушенія печатлѣются въ сердцѣ и оставляются въ немъ дѣйствительною чертою не по закону необходимости, а по закону разумной свободы. Мраморъ, напримѣръ, подъ рѣзцомъ художника превращается въ такую или другую статую, безъ всякаго съ его стороны участія. Нравственныя же черты отъ дѣйствій промысла Божія печатлѣются въ сердцѣ нашемъ не необходимо, а подъ условіемъ свободнаго ихъ воспріятія. Точно,—мы вещество въ рукахъ Божіихъ вседѣйственныхъ; но, чтобъ намъ образоваться по намѣреніямъ Божіимъ, надобно воспріять внушенія Божіи сознаніемъ, добровольно провесть ихъ къ сердцу, и начертать въ волѣ, какъ законъ. И вотъ намъ заключительный урокъ отъ испытанія, въ коемъ находимся: внимать, поучаться, склоняться на внушенія и обращать ихъ въ законъ себѣ, или, что то же, въ живую черту духа. Чѣмъ болѣе внушеній переведемъ такимъ образомъ въ законъ себѣ, тѣмъ болѣе будетъ въ насъ чертъ образа, который хочетъ воспроизвесть въ насъ все-строющій Художникъ. Чѣмъ больше такихъ чертъ, тѣмъ ближе къ концу художественныя дѣйствія

образованія насъ промысломъ Божіимъ,—тѣмъ скорѣе конецъ стѣснительному положенію нашему.

Сами видите, къ чему все сіе обязываетъ насъ. Поспѣшимъ же воспользоваться указаніями Божіими! Поспѣшимъ поступить по прописанной программѣ,—и скоро выйдемъ изъ узъ работныхъ въ свободу чадъ Божіихъ. Не пропустимъ случая и милость Божію заслужить и обогатиться совершенствами духовными,—чтобъ послѣ не жалѣть, что въ рукахъ было добро и упущено по неразумѣнію. Господь да умудритъ всѣхъ насъ во спасеніе! Аминь.

Слово четвертое (1).

Благодареніе Господу! Спокойствіе начинаетъ осѣнять городъ нашъ, домы пріемлютъ своихъ жильцовъ и теченіе дѣлъ не встрѣчаетъ уже препятствій за отсутствіемъ дѣлателей (2). Покушенія огня, послѣ неоднократныхъ неудачъ, почти прекратились, благодаря бдительности блюстителей общественной безопасности—и всегдашнихъ и нарочно на сей случай учрежденныхъ. Нареченные члены (3) теперь безпрепятственнѣе могутъ озаботиться залечиваніемъ нанесенныхъ намъ ранъ, сколько позволятъ то средства. Такъ,—благодареніе Господу!—мы въ благихъ надеждахъ!

Но все еще не совсѣмъ вошли мы въ обычный порядокъ,—все еще остаемся не безъ страховъ и смущеній. Какъ настращаннаго легкій шорохъ приводитъ въ испугъ, и какъ на-

(1) 13 недѣля. 21 августа. Жители начали убираться въ домы. Были небольшіе пожары, которые подавлялись въ самомъ началѣ.

(2) Чиновники стерегли сами домы свои и не являлись на службу.

(3) Назначена коммиссія изъ лицъ всѣхъ сословій для изслѣдованія причинъ пожаровъ, и для открытія способовъ помочь пострадавшимъ.

болѣвшее мѣсто безпокоитъ болью отъ легкаго къ нему прикосновенія: такъ у насъ дымъ изъ трубы не въ обычное время, или нехорошо различенный столпъ пыли вдали представляется началомъ грозной бѣды, и снова оживляетъ притихшія уже тревоги. Съ сей стороны можно сказать, что туча еще не разсѣялась!

Такое долгое испытаніе!—И не одна, можетъ быть, изъ васъ душа вопіетъ отъ сердца: ослаби намъ, Господи, да почіемъ!

Да,—будемъ усерднѣе вопіять въ молитвѣ, чтобъ ослабилъ намъ Господь!—Однакожъ и малодушествовать себѣ не позволимъ ради того, что не ослабляетъ такъ скоро, какъ бы намъ хотѣлось. Вѣрно, такъ нужно. Вѣдь вы не принадлежите къ числу невѣровъ, все относящихъ къ случайностямъ. Вѣдь вѣруете, что все отъ Господа,—и большое и малое. Приложите же къ сей вѣрѣ и ту успокоительную увѣренность, что все, исходящее отъ Господа, исходитъ не ко вреду, а ко благу нашему,—что, стало быть, и то, что теперь терпимъ мы, попущено Господомъ въ наше созиданіе и спасеніе... А установившись въ сей мысли, ждите благодушно конца, укрѣпляясь убѣжденіемъ, что вѣрно не все еще то произошло въ насъ, что Господь преднамѣрилъ произвести въ насъ.

Женщина, смѣсивши муки и вложивъ въ смѣшеніе квасъ, ждетъ, пока вскиснетъ все смѣшеніе. Станетъ ли она сажать хлѣбы, если не увѣрится, что уже вскисло все? — И опять, посадивши въ печь хлѣбы, тотчасъ ли и вынимаетъ?—Нѣтъ;—но ждетъ, пока они совершенно испекутся. И вотъ отъ такого терпѣливаго ожиданія вы получаете хлѣбъ вкусный—и квасный въ мѣру и испеченный какъ слѣдуетъ. Похвалите ли вы женщину, если она поспѣшитъ въ чемъ либо и тѣмъ испортитъ хлѣбы?!—Вотъ и Господь, пославъ намъ бѣды, влилъ какъ бы въ насъ новую закваску и ждетъ, пока она проникнетъ весь составъ нашъ. Или Онъ вложилъ насъ въ пещь, и ждетъ, пока огнь испытанія произведетъ въ насъ свое дѣйствіе. Ждите же и вы. Не мѣшайте Господу,—и своими воплями не заставляйте

Его сердоболія поспѣшить окончаніемъ начатаго Имъ въ васъ прежде времени, чтобъ иначе не выдти вамъ изъ подъ-сихъ дѣйствій недошедшими до предначертанной мѣры.

Вотъ и лекарь, приложивъ пластырь на рану, не тотчасъ снимаетъ его, а ждетъ, пока онъ произведетъ свое дѣйствіе. Вы не станете отвергать, что мы всѣ въ ранахъ грѣховныхъ, и что намъ нужны пластыри. Вотъ они приложены. Дайте же имъ произвесть свое дѣйствіе. Терпите и не требуйте, чтобъ ихъ сорвали поскорѣе. Пусть вытянутъ злокачественную матерію и затянутъ пораженное мѣсто. Насъ врачуетъ премудрый Врачь, Которому равнаго нѣтъ. Предадимся же благодушно Его врачевательнымъ на насъ дѣйствіямъ!

Не упирайтесь вниманіемъ вашимъ и чувствомъ на одномъ настоящемъ своемъ состояніи, — скорбномъ и тяжеломъ; но болѣе устремляйте очи ума вашего въ будущее,—въ то благо, которое будетъ принесено намъ скорбію, если будемъ благодушествовать. Смотрите, — земледѣлецъ, посѣявъ сѣмена съ большимъ трудомъ, терпѣливо ждетъ, пока онѣ взойдутъ, возрастутъ и созрѣютъ, молясь, чтобъ Господь въ свое время посылалъ дождь и ведро. Безпокоится ли онъ, когда, въ свое время, идетъ дождь, раздаются громы и упадаютъ молніи?!— Другой скучаетъ отъ ненастья; а земледѣлецъ радуется и веселится, потому что смотритъ не на настоящее, а на будущее,— заботится не объ удовольствіяхъ лѣта, а о нуждахъ зимы,— не о томъ, что теперь переноситъ, а о томъ, что получитъ за то въ послѣдствіи. Не будемъ же и мы сѣтовать о настоящемъ бѣдствіи,—а паче благодарить, зная, какое принесетъ оно благо для души нашей. Время прекращенія горя нашего предадимъ въ волю Господа; сами же позаботимся лучше войти въ намѣренія Божіи о насъ, чтобъ не препятствовать дѣйствію Его въ насъ, и тѣмъ дать Ему возможность скорѣе кончить трудъ Свой надъ нами. Богъ сильнѣе, чѣмъ мы сами, хочетъ погасить огнь, но ждетъ, пока сей послѣдній произведетъ въ насъ свое дѣло. Итакъ все за нами!

Мы обыкли думать, что Господь отягощаетъ насъ, когда

посылаетъ какое либо бѣдствіе. А выходитъ на оборотъ:— мы утруждаемъ Господа, поставляя Его въ необходимость изобрѣтать для насъ такія вразумленія. Такъ пророкъ Исаія жаловался на народъ Іудейскій, что много безпокоитъ Господа своимъ невѣріемъ, упорствомъ и непокорливостію, говоря: *вскую Господеви трудъ даете* (гл. 7.)? Это вотъ что значитъ: Господь промыслительными дѣйствіями Своими образумливалъ Израильтянъ,—чтобъ не отклонялись отъ Него своими сердцами, чтобъ не оскорбляли Его грѣхами своими и неправдами, не предавались безумнымъ утѣхамъ и не распутничали, не забывали дома Божія и благоговѣнія къ нему и въ немъ, не угнетали невинныхъ, не кривили душею на судахъ и торгахъ, не тратили времени въ изобрѣтеніи средствъ губить время со вредомъ себѣ.... и проч. и проч... Народъ не внималъ урокамъ Божіимъ. Еслибъ Господь не любилъ народа, то предалъ бы его тотчасъ своей пагубѣ. Но какъ Онъ не хотѣлъ, чтобъ онъ погибъ, а всячески хотѣлъ, чтобъ онъ пришелъ въ разумъ истины и въ любовь къ святости;—то и посылалъ на него, для вразумленія, испытаніе за испытаніемъ, бѣду за бѣдою, скорбь за скорбію. И вотъ о семъ-то трудѣ пророкъ жалуется на народъ Божій, говоря: *како Господеви трудъ даете*, т. е. что не исправляетесь, не обращаетесь ко Господу и не начинаете жить свято?... Но для васъ *все ни во что*, какъ Самъ Богъ говоритъ чрезъ другаго пророка (Іер. 3, 9. 10.). Вотъ и надъ нами, братія, трудится нынѣ Господь. Не допустимъ же, чтобъ и на насъ падала подобная жалоба. Поспѣшимъ догадаться, чего хочетъ отъ насъ Господь и сдѣлаемъ то. А чего хочетъ, сіе скажетъ каждому изъ насъ своя совѣсть. Аминь.

Слово пятое ([1]).

Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ!—Вотъ мы уже и совсѣмъ почти успокоены, братія!—Ожиданіе бѣдъ отъ длительности ли, или отъ неудачности дѣйствія огня, уже не мучитъ насъ и не поражаетъ сокрушительнымъ страхомъ, — и все у насъ приняло свое обычное теченіе. Прежде,—то скорбь о потеряхъ, то страхъ новыхъ потерь возмущали око ума нашего и мы не могли спокойно обратиться на себя, или обсудить происходящее вокругъ. Теперь мы уже можемъ, кажется, спокойно разсуждать о всемъ, что случилось съ нами.

Чтожъ это было съ нами, и что вышло изъ того, что было?—Испытаніе ли то, или наказаніе?—Мѣра исправленія, или знакъ отверженія Божія?

Нѣтъ,—не отвергаетъ насъ Господь: иначе Онъ не вразумилъ бы бдящихъ о нашей безопасности такъ скоро и дѣятельно преградить всѣ проходы злѣ-направляемому огню, и не давалъ бы имъ возможности такъ быстро пресѣкать его дѣйствія. Нѣтъ,—не отвергаетъ: иначе Онъ не сохранилъ бы храмовъ нашихъ ([2]), которые сохранивъ, Онъ даетъ намъ увѣреніе, что объятія Его отверсты для принятія насъ, и внятно говоритъ намъ: пріидите ко Мнѣ труждающіеся и обремененнии и Я упокою васъ. Нѣтъ,—не отвергаетъ. Еслибъ это былъ гнѣвъ отверженія, кто бы могъ устоять и какая сила могла остановить дѣйствіе его?—Но вотъ мы видимъ, что Господь не до конца гнѣвается на насъ, и не въ вѣкъ враждуетъ.

Что же это Онъ сотворилъ съ нами?—Онъ выводилъ насъ на войну, чтобъ показать и намъ самимъ и другимъ, какъ мы

([1]) 28 августа. Недѣля 14. Жители всѣ уже убрались въ домы.—Были вспышки незначительныя; но ихъ тотчасъ подавляли.

([2]) Стефановская церковь, гдѣ чудотворная икона Божіей Матери, была въ опасности. Когда отпѣтъ былъ молебенъ съ водосвятіемъ и обойдена церковь, вѣтеръ, дувшій на храмъ, поворотилъ опять на погорѣвшія мѣста. Этимъ положенъ конецъ и распространенію пожара.

мужественны, и какъ искусны въ веденіи брани за спасеніе души и славу Подвигоположника нашего и Бога.

На Іова клеветалъ Богу діаволъ: неискренно чтитъ онъ Тебя; онъ только видъ показываетъ, будто чтитъ Тебя, ради того, что Ты всѣмъ надѣляешь его; но повели взять у него богатство, славу, власть, здоровье, — и увидишь, что онъ отпадетъ отъ Тебя, какъ осенній листъ съ дерева. И вотъ въ оправданіе Іова и Своего къ нему благоволенія, Господь выводитъ его на брань, не говоря ему напередъ: стой, будетъ брань,—будучи увѣренъ, что онъ и такъ устоитъ. Начинается брань. Поражаютъ Іова со всѣхъ сторонъ. Падаютъ у него стада, домы, дѣти, а онъ стоитъ, какъ столпъ, непоколебимъ: *во всѣхъ сихъ приключшихся ему, ничтоже согрѣши Іовъ предъ Господомъ* (Іов. 1, 22.). Врагъ дѣлаетъ новое нападеніе, болѣе чувствительное,-поражаетъ плоть его. Но Іовъ и здѣсь не грѣшитъ *ниже устами своими*. Подходитъ жена—совѣтница—съ льстивою рѣчью: *рцы глаголъ нѣкій и умри*. И это не колеблетъ твердости его: *аще благая*, говоритъ, *отъ руки Господни пріяхомъ, злыхъ ли не претерпимъ*. Такъ брань кончилась. Кто же побѣдитель?! Іову честь побѣды, а врагъ отходитъ посрамленъ. Не смотрите, что онъ сталъ нищъ, лежалъ на гноищи и въ ранахъ. Не это нужно было врагу. Не домовъ и стадъ, не дѣтей и рабовъ, не внѣшней пышности и цвѣта тѣла домогался онъ. Ему хотѣлось поколебать духъ благочестія Іова, и исторгнуть слово ропота изъ устъ его, или чувство отчаянія поселить въ сердцѣ его. Какъ это ему не удалось, значитъ онъ проигралъ побѣду. Іовъ оправдалъ благоволеніе къ нему Бога, и Богъ вдвойнѣ ущедрилъ его противъ всего, имъ потеряннаго.

Подобное сему совершилось и съ нами. Клеветалъ ли на насъ Господу врагъ, кто намъ о томъ скажетъ?—Но всячески несомнѣнно, что Господь устроилъ нынѣ испытаніе нашему благочестію. Онъ хотѣлъ показать, что не внѣшняя только благопріятная обстановка держитъ насъ въ вѣрѣ въ Него, и не отсутствіе только потерь являетъ сильною нашу преданность Ему. Потому и вывелъ насъ на брань, и попустилъ бросать въ

насъ разженныя стрѣлы. Вы знаете, какъ стремительны были нападенія на насъ, какъ сильны удары, и какъ болѣзненны раны!—Но не это—признакъ побѣды. Какъ Іовъ на гноищи торжествовалъ побѣду; такъ и мы съ потерею домовъ и со всѣми смущавшими насъ тревогами могли не быть побѣжденными. Ибо не во внѣшнемъ положеніи сила, а во внутреннемъ настроеніи ума и сердца. Поколебались мы,—побѣда проиграна. Устояли,—побѣда за нами.

Что же именно?!—Сами войдите внутрь себя, и съ своею совѣстію, предъ лицемъ Господа, или раздѣляйте корысти, или считайте потери и лишенія. Станьте же предъ Господомъ и понудьте совѣсть свою дать искренніе отвѣты на такіе вопросы:—благодушно ли перенесено несчастіе,—постигшее уже, или еще только ожидаемое?—Видѣлиль вы во всемъ семъ руку Божію, а не случай?—Не было ли въ сердцѣ вашемъ движеній ропота и сомнѣній въ попечительномъ промышленіи Божіемъ о васъ—въ сихъ именно обстоятельствахъ? При слезахъ скорби, благодарно ли возносилось сердце ваше къ Богу?—Душа ваша приняла ли урокъ о безпристрастіи къ земному до чувства странничества на землѣ?—Потерпѣвшіе не омрачилиль сердца своего завистію къ непотерпѣвшимъ? Непотерпѣвшіе не возносились ли надъ потерпѣвшими, и еще хуже,—не увлекались ли злорадостною надеждою какимъ либо образомъ обогатиться на счетъ ихъ?—Пришло ли на мысль, что вѣрно такіе и такіе грѣхи наши были причиною общей бѣды, и положено ли намѣреніе непремѣнно отстать отъ нихъ и не повторять уже ихъ болѣе?—Исповѣдано ли во глубинѣ сердца, что такъ поступить съ нами слѣдовало,—и что мы не это только, но и все готовы потерпѣть съ благодушіемъ и теплою любовію, всецѣло повергая себя въ руки Богу, какъ дѣти чадолюбивому Отцу, Который лучше насъ знаетъ, что хорошо для насъ и что худо,—ведро или ненастье?!

Если на все сіе мы искренно можемъ дать успокоительные отвѣты, то побѣда на нашей сторонѣ. Не смотрите при семъ на потери и тревоги,—а на духъ благочестія, живущій въ

сердцѣ. Если онъ цѣлъ; ничто всѣ потери. Ибо лишеніе и всѣхъ благъ міра не губитъ души,—тогда какъ одно движеніе ропота губитъ душу, если не будетъ очищено покаяніемъ. Если такъ, то благодареніе Господу! А если нѣтъ, то горе намъ!—Горе намъ, что столько потерпѣли мы даромъ, и не только даромъ, но и со вредомъ для спасенія,—что при такихъ большихъ потеряхъ внѣшнихъ терпимъ еще и внутреннюю пагубу. Но, братія, да не отягчится скорбь наша; дадимъ другъ другу увѣреніе, что и мы всѣ, подобно Іову, во всѣхъ сихъ приключшихся не согрѣшили предъ Богомъ, ниже устами, и не дали безумія Богу,—что, не смотря на всю тяготу и чувствительность бѣды, исповѣдали только: Господь даде, Господь отъятъ... аще благая отъ руки Господни пріяхомъ, злыхъ ли не претерпимъ... Яко же Господеви изволися, тако и бысть! Буди имя Господне благословенно во вѣки!—Если было что не такъ, поскорбимъ о томъ и исправимся. Если что слабо и безжизненно,—воскресимъ то и возведемъ до воодушевленія. Позаботимся о семъ; ибо такія только чувства суть вѣрное ручательство, что Господь скоро вознаградитъ потери наши и возвратитъ намъ прежнее благоденствіе!—Это и да даруетъ всѣмъ намъ всемилостивый Господь! Аминь.

Слово шестое (1).

Благодареніе всемилостивому Господу, хранящему цѣлымъ и невредимымъ городъ вашъ!—Видите, какія слышатся вокругъ бѣды, а отъ васъ онѣ отвращаютъ грозное лице свое!—Въ окрестныхъ весяхъ и сосѣднихъ городахъ, огнь поядаетъ достояніе мирныхъ жителей, а вы, какъ кровомъ какимъ при-

(1) 3 сентября. Въ г. Кирсановѣ, въ соборѣ. Въ городѣ не было пожаровъ: но въ Кирсановскомъ дѣвичьемъ монастырѣ сгорѣла крыша одного корпуса,—и весь корпусъ поврежденъ.

крыты отъ внезапныхъ нападеній его. Правда, у васъ бѣда была недалеко; но и она, какъ непреднамѣренный какой ударъ, скоро прекращена и уже не повторялась болѣе. Такъ, благодареніе Господу!

Но, братія, поопаситесь и попекитесь не лишиться такой великой милости Божіей, и сами на себя не накличьте минующихъ васъ скорбей и бѣдъ. Милость и судъ у Господа скоры. Расположитесь же такъ, чтобъ не отогнать милости и не привлечь суда. Укройтеся мало елико-елико, доидеже мимоидетъ гнѣвъ. Куда укрыться?—Подъ милостивую и крѣпкую руку Божію, дѣтски преданнымъ Богу сердцемъ и совершенною покорностію волѣ Его всесвятой. Исповѣдуйте предъ Нимъ поминутно, что въ семъ пощаденіи видите одну милость Его, и молитесь, да продлитъ Онъ на васъ и еще щедроты Свои. Исповѣдуйте, что вы недостойны никакого снисхожденія по грѣхамъ своимъ, и умоляйте Его, да не гнѣвомъ Своимъ, а благостынями обращаетъ души ваши къ Себѣ, помянувъ прежнія бѣды ваши великія и настоящія немощи ваши немалыя.

Такъ, братія, да не восходитъ на сердце ваше льстивое помышленіе, будто вы избавляетесь отъ настоящихъ бѣдъ ради какихъ либо отличій и преимуществъ, будто другіе грѣшнѣе васъ,—и потому терпятъ;—а вы достойнѣе ихъ, потому свободны отъ страданій!—Нѣтъ не такъ,—а вотъ какъ истолковывайте себѣ все, происходящее у насъ!—Заснули мы всѣ, предались безпечности, забывать стали волю Божію и святый законъ Христовъ. Господь, по любви Своей къ намъ, не хотя, чтобъ мы оставались въ семъ состояніи навсегда, ибо въ немъ пагуба,—положилъ, въ совѣтѣ промышленія Своего, горестями пробудить насъ отъ усыпленія. И вотъ тамъ и здѣсь являются, или только слышатся бѣды отъ огня, какъ грозное внушеніе всѣмъ всюду покаяться, какъ бы слово Бога къ каждому: востани спяй! Въ семъ отношеніи всѣ равны—и страждущіе и нестраждущіе; всѣ равно приглашаются къ покаянію и исправленію жизни. Потому послѣдніе нисколько не считаются лучше первыхъ. Не выходитъ ли даже напротивъ?—Ибо почему не

каждое мѣсто поражаетъ Господь, хотя всѣмъ равно нужно пробужденіе?—Это потому, что Ему не скорби наши желательны, а наше пробужденіе отъ грѣховнаго усыпленія. Однихъ Онъ пробуждаетъ наличными бѣдствіями, а другихъ слухомъ и ожиданіемъ подобныхъ бѣдствій. Но не видите ли, что въ такомъ случаѣ Онъ однихъ дѣлаетъ проповѣдниками покаянія для другихъ?—Выборъ же въ проповѣдники падаетъ, конечно, не на слабѣйшихъ, а на тѣхъ, кои совершеннѣе умомъ и крѣпче сердцемъ. Вотъ вамъ и истолкованіе того, почему тѣхъ поражаетъ Господь, а насъ нѣтъ.—Это—потому, что тѣ крѣпче насъ духомъ, а мы слабѣе ихъ; тѣ благодушно переносятъ бѣду, а мы пали бы, можетъ быть, въ ропотъ и отчаяніе. Тѣ, не смотря на тучу бѣдъ, могутъ узрѣть перстъ Божій въ нихъ и уразумѣть сокровенныя намѣренія Его; а мы совсѣмъ бы, можетъ быть, потерялись, еслибъ нынѣ постигло насъ подобное горе. Такъ Господь щадитъ насъ не по достоинству какому, а по крайней немощи нашей.—Онъ тѣхъ—сильнѣйшихъ—избралъ учителями для насъ—слабѣйшихъ, чрезъ нихъ вразумляя насъ и возбуждая къ сознанію и самоисправленію. Потому и Бога благодарите, и пострадавшимъ не только спострадайте сочувствіемъ, но и воздайте честь, какъ наставникамъ и спасителямъ. Такъ себя расположите, не позволяя себѣ предаваться помышленіямъ, уничижительнымъ для братій нашихъ страждущихъ. Смиряйтесь, а не высьтесь,—чтобъ не было сочтено нужнымъ — и противъ воли смирять самовозносящихся!

Не думайте, однакожъ, чтобъ и на насъ смотрѣлъ Господь не такъ хорошо, или считалъ насъ ни къ чему доброму негожими. Нѣтъ,—и намъ воздается свое. Тѣ почтены учительствомъ, а мы благоразумнымъ ученичествомъ; тѣ сочтены крѣпкими духомъ, а мы внимательными къ путямъ промысла Божія и осмотрительными. Т. е., Господь судилъ о насъ такъ,—что хотя наличныхъ бѣдствій мы не перенесли бы, конечно, какъ слѣдуетъ; но довольно имѣемъ ума и совѣсти, чтобъ вразумиться бѣдами другихъ и стать въ свой чинъ. Войдите

же въ намѣренія Божіи о васъ, и самымъ дѣломъ покажите то, чего ожидаетъ отъ васъ Господь. И какъ Онъ отъ всѣхъ ожидаетъ покаянія и исправленія; то поспѣшите войти внутрь себя, осмотрите, что тамъ есть неисправнаго, и положите твердое намѣреніе исправить то во славу и угодность Богу, щадящему васъ.

Станьте теперь предъ лицемъ Господа и дайте отвѣтъ: искренно ли, и всѣ ли искренно вѣруютъ у васъ въ Бога, въ Троицѣ покланяемаго, Отца и Сына и Святаго Духа? — Не дивитесь такому вопросу! Нынѣ и въ этомъ, какъ во многомъ другомъ, погрѣшаютъ многіе. Вѣруете ли, что все произошло отъ Бога, Его всемогущимъ Словомъ, а не самослучайно явилось на свѣтъ? Вѣруете ли, что все въ мірѣ — и большое и малое—правится свободно благимъ и премудрымъ промысломъ Божіимъ, а не подчинено какому-то року непреодолимо неизмѣннаго теченія происшествій?—Вѣруете ли, что мы созданы были для блаженства въ раю, но преслушаніями заповѣди Божіей потеряли рай,—и вотъ нынѣ бѣдствуемъ въ наказаніе за то? - Вѣруете ли, что изъ сего состоянія паденія мы никакимъ образомъ не можемъ высвободиться сами и спастись; что потому, всеблагій Богъ, не хотя, да погибнетъ родъ нашъ, послалъ въ міръ единороднаго Сына Своего — совершить спасеніе наше и учредить на землѣ открытый для всѣхъ домъ спасенія— св. Церковь; что сія Богоучрежденная Церковь, хранящая единственно благонадежный и вѣрный образъ спасенія, есть наша православная восточная Церковь?—А такъ вѣруя, покорствуете ли всецѣло всѣмъ заповѣдямъ и установленіямъ Церкви? Ходите ли въ храмы? Внимаете ли съ охотою проповѣдуемому здѣсь слову Божію? Чтите ли праздники и храните ли посты—всѣ?— Принимаете ли святыя Божіи тайны, какъ должно? Не отмѣтаете ли суемудренно какихъ либо молитвенныхъ и освятительныхъ учрежденій Церкви? Пріемлете ли церковное чиноначаліе, и сущему у васъ священству послушны ли, какъ лику Богоучрежденному въ руководство вамъ на пути ко спасенію? Усердно ли идете симъ путемъ? Богатитесь ли добрыми дѣлами, не

упуская ни одного случая къ творенію ихъ? Паче же, храните ли чистымъ сердце свое отъ всѣхъ неправыхъ чувствъ и расположеній? Есть ли страхъ Божій? Мирны ли другъ съ другомъ? Не завидуете ли? Не подкопываете ли другъ подъ другомъ? Не страдаете ли грѣхомъ осужденія и пересудовъ? Готовы ли ко взаимосодѣйствію и взаимоспомоществованію? Не преданы ли вы утѣхамъ, забавамъ, модамъ и другимъ чувственнымъ удовольствіямъ и порокамъ? Дѣти почитаютъ ли у васъ родителей? Родители пекутся ли передать дѣтямъ сокровище вѣры во спасеніе? Торгующіе ревнуютъ ли о правыхъ мѣрахъ и цѣнахъ? Судьи не забываютъ ли правды на судѣ? Блюстители порядка и безопасности всегда ли бдятъ, и благо ли общее блюдутъ?!

Осмотрите себя по всѣмъ симъ и подобнымъ пунктамъ! — Если найдете, что по всѣмъ имъ вы правы, положите въ сердцѣ своемъ еще болѣе преуспѣвать въ правотѣ сей, съ помощію Божіею. А если найдете что̀ неисправнымъ, позаботьтесь исправиться,—положите теперь же твердое къ тому намѣреніе и дайте слово въ томъ всевидящему Богу, щадящему васъ. Вотъ чего ожидаетъ отъ васъ Господь! Поспѣшите исполнить волю Его, чтобъ иначе и васъ не коснулись бѣды, ходящія вокругъ. Если какой воинъ, когда въ воинскомъ станѣ бьютъ тревогу, не проснется и не поспѣшитъ вмѣстѣ съ другими стать въ ряды во всѣхъ воинскихъ доспѣхахъ; то или отъ военачальника потерпитъ большое наказаніе, или, еще хуже, достанется въ руки врагамъ. Смотрите, не потерпѣть бы и намъ чего подобнаго, если останемся погруженными въ безпечность, когда повсюду кругомъ слышимъ воззванія къ пробужденію! — Конечно, кто уразумѣетъ умъ Господень и кто постигнетъ, чего хочетъ Богъ? Но касательно того, чего хочетъ Богъ, окружая насъ бѣдственными случаями, не трудно увидѣть намѣренія Его. Къ Ниневитянамъ послалъ Богъ пророка съ угрозою, что еще три дня, и Ниневія превратится, если не покаются. Ниневитяне покаялись и Господь отмѣнилъ угрозу Свою. А Ной сколько лѣтъ проповѣдывалъ: покайтесь,—иначе потопомъ потопитъ васъ Богъ?—

Не послушали:—пришелъ потопъ и взялъ все. Вотъ и у насъ, чужими бѣдами Господь внятно говоритъ намъ: пробудитесь отъ усыпленія, осмотритесь, исправьтесь!—Будемъ внимательны, и все, что нужно исправить, исправимъ. Вѣдь, законъ суда Божія давно произнесенъ, и отмѣнить его никто не силенъ. Припомните, что написано въ Евангеліи!—Столпъ Силоамскій палъ и побилъ 18 человѣкъ. Приводя сей случай, въ поученіи Своемъ къ народу, Господь вотъ что изрекъ:—думаете ли, что тѣ 18 были грѣшнѣе всѣхъ живущихъ въ Іерусалимѣ? Нѣтъ. Но говорю вамъ, что если не покаетесь, то всѣ такъ же погибнете (Лук. 13, 4.). Слыша сіе, разумѣвая да разумѣваемъ пути правды Божіей и по указанію ихъ поспѣшимъ отвратить гнѣвъ Божій, всегда готовый, и удержать на себѣ милость Его, теперь насъ покрывающую. Аминь.

Слово седьмое [1].

Не много были встревожены вы, сестры,—и я собирался утѣшать васъ немощнымъ словомъ моимъ. Но, благодареніе Господу, скорбь ваша уже растворена утѣшеніемъ отъ дѣятельнаго участія благотворительныхъ людей, которыхъ Господь воздвигъ на помощь вамъ. Нельзя не радоваться, нашедши васъ въ этомъ, оживленномъ отрадою состояніи. Конечно, вы и безъ того съумѣли бы перенести съ достойнымъ васъ благодушіемъ постигшее васъ горе; но Господь, снисходя къ возможнымъ въ васъ немощамъ сердца, не допустилъ вамъ долго быть подъ

[1] 4 сентября. Въ Кирсановскомъ женскомъ монастырѣ. На Успеніе, 15 августа, былъ въ немъ пожаръ. Сгорѣла крыша въ одномъ изъ лучшихъ корпусовъ,—при чемъ и весь корпусъ такъ поврежденъ, что въ немъ жить не было возможности. Кирсановскій купецъ В. С. Сосульниковъ, — очень благотворительный человѣкъ,—взялся на свой счетъ поправить его. Работы уже были начаты.

искушеніемъ. Рана уже залечивается и скоро, можетъ быть, и слѣдовъ ея не будетъ замѣтно. Потому отлагаю слово утѣшенія, чтобъ не устыдить васъ предположеніемъ въ васъ малодушія. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, нахожу неприличнымъ не занять вниманія вашего тѣмъ, что случилось съ вами. Тутъ видимо было посѣщеніе Божіе на васъ: а гдѣ посѣщеніе Божіе, какъ не остановиться на томъ, чтобъ напитать душу свою сокрытыми тамъ уроками? — Въ самомъ дѣлѣ, ударъ и помилованіе, рана и заживленіе, угроза и пощада:—что-то особенное хотѣлъ сказать вамъ или показать въ васъ Господь. Что же бы такое?

Не будемъ ходить далеко и теряться въ догадкахъ. Онъ хотѣлъ испытать, не привязаны ли вы къ тлѣнному, вещественному, житейскому. Простой урокъ, но очень важный!— Припомните обѣты ваши, какъ,—принимая на себя иноческое житье, вы обѣщались, оставляя міръ, оставить и всѣ заботы его, чтобъ въ уединеніи безмятежно предстоять единому Богу въ молитвахъ непрестанныхъ. Всѣ пристрастія житейскія, какъ излишніе наросты, должны были спасть съ васъ за воротами обители. Какъ тотъ юноша, который желалъ поступить въ монашество, но все былъ останавливаемъ любоиманіемъ, одолѣвши себя наконецъ, вышелъ за городъ или село свое, и, сбросивъ самую одежду свою, бѣгомъ побѣжалъ въ ближайшую обитель, и тамъ остался навсегда, не поминая даже о томъ, что имѣлъ: такъ обнаженными отъ всякаго пристрастія къ вещественному должны вступать въ обители всѣ вступающіе въ нихъ,—и не только вступать, но и всегда пребыть тамъ таковыми, не умаляя сего отрѣшенія, но напротивъ возвышая и укрѣпляя его.

Между тѣмъ, однакожъ, и въ обители, человѣкъ все же остается человѣкомъ. Ему нужны и кровъ, и одежда, и пища. И все это надо добывать, заготовлять и хранить. Вы знаете, какъ совмѣстить это имѣніе и труды относительно его съ совершеннымъ отъ всего отрѣшеніемъ, обѣщаннымъ въ началѣ. Въ этомъ по преимуществу искусство монашескаго житія—при

видимой житейскости хранить безжитейскость въ сердцѣ, или все содержа быть—какъ ничтоже имуще. Но какъ ходя около огня легко обжечься, или проходя по тинистому мѣсту легко завязнуть въ тину: такъ не мудрено, имѣя что нибудь, пристраститься къ тому, что имѣемъ—мало ли то или велико. Не мудрено, слѣдовательно, и находящимся въ обители пристраститься и къ своему уголку, и къ своей одеждѣ, и ко всему другому, что есть подъ руками,—пристраститься, не замѣчая того, даже не желая допустить въ себя какое-либо пристрастіе, и обижаясь, еслибъ кто сталъ подозрѣвать насъ въ томъ, или дѣлать на то намеки. Для людей стороннихъ все равно, есть ли въ насъ какое тайное пристрастіе, или нѣтъ. Они видятъ, что монашескій чинъ соблюдается, и—довольны нами, даже готовы хвалить насъ. Но не все одно это для насъ съ вами, сестры,—не все одно и для Господа, принявшаго жертву обѣта нашего. При всемъ имѣніи хранить нелюбоимѣнное сердце, и при всѣхъ трудахъ и заботахъ безмолвное о всемъ безпопеченіе—законъ для насъ неотложный! Но такъ ли это на дѣлѣ,—какъ испытать и кто скажетъ намъ объ этомъ?—Самоиспытаніе обманчиво. Тутъ самолюбіе всегда покривитъ, и вмѣсто истины представитъ призракъ ея; потому сіе дѣло и не ввѣряется ему. Но какъ дѣло иноковъ есть вмѣстѣ и дѣло Божіе, и Господь дорожитъ ими, какъ избранниками Своими, и желаетъ явить ихъ совершенными во всемъ: то и беретъ сіе испытаніе на Себя и разными обстоятельствами внѣшними,—лишеніями или только опасеніями лишеній,—даетъ имъ разумѣть, привязано ли къ чему сердце ихъ, или нѣтъ: — недугуетъ ли оно пристрастіями, или отъ всего совершенно отрѣшено и свободно. Вотъ это именно Онъ и сдѣлалъ нынѣ съ вами. Смотритъ Онъ съ небеси святаго Своего на сыны человѣческіе и всѣхъ ведетъ такъ, да всяко нѣкіе спасетъ. Милостиво воззрѣлъ Онъ на васъ, и, потревоживъ немного житье ваше, далъ вамъ урокъ: «посмотрите, нѣтъ ли у васъ пристрастія къ земному? Сердце ваше Мнѣ должно принадлежать какъ жениху вашему. Посмотрите, не уклонилось ли оно къ чему

либо иному»?—Вотъ настоящій смыслъ того, что случилось съ вами!

Пристрастіе къ земному и вещественному хорошо сравниваютъ съ укорененіемъ дерева на почвѣ земной. Чѣмъ многовѣтвистѣе корень, и чѣмъ глубже пустилъ онъ вѣтви свои, тѣмъ тверже стоитъ дерево и тѣмъ труднѣе его выдернуть. Равно, чѣмъ болѣе пристрастій у сердца и чѣмъ сильнѣе сіи пристрастія, тѣмъ труднѣе оторвать его отъ земли, и тѣмъ больнѣе сердцу, когда его отрываютъ отъ нея противъ воли. Примѣнивъ это къ вашимъ обстоятельствамъ, вотъ что нахожу:—какъ еслибъ садовникъ или владѣтель сада, ходилъ по саду и пробовалъ то то, то другое дерево, твердо ли онѣ сидятъ; такъ Господь—Промыслитель и Попечитель вашъ—особенно нынѣ коснулся васъ и потревожилъ васъ, чтобъ испытать, не пустилиль вы глубоко корней пристрастія къ земному, легко ли сердце ваше разстается со всѣмъ, что есть у васъ, такъ ли вы свободны, какъ свободна птица, перелетающая съ одного мѣста па другое не только безъ боли, но и съ удовольствіемъ.

Вотъ на что хотѣлъ навесть васъ Господь! Но что же въ васъ и съ вами?—Что въ васъ, это вы опредѣлите сами съ своею совѣстію,—и поспѣшите возобновить и очистить завѣтъ вашъ съ Господомъ, Который все видитъ. Сторонніе о вашемъ внутреннемъ состояніи вѣрнаго суда произнести никакъ не могутъ. Ни вопли ваши, ни тревога, ни слезы не суть еще вѣрные признаки вашего пристрастія къ вещамъ. Все сіе можетъ быть слѣдствіемъ нечаяннаго испуга и продолжающагося его дѣйствія. Настоящее пристрастіе только Богъ можетъ видѣть и совѣсть ваша. Тамъ убо, войдя внутрь себя, сами въ тайнѣ сердца своего скажите Господу,—виновно ли сердце ваше предъ Нимъ, или нѣтъ.—Не стыдитесь самоосужденія и не навязывайте на себя, чего нѣтъ въ васъ. Господь любитъ искренность и правду. Съ симъ, правотою освѣщеннымъ, лицемъ предстаньте Ему, и сами дайте Ему отчетъ.

Съ своей стороны, при желаніи вамъ всякаго утѣшенія,

не могу не напомнить вамъ: не оставляйте сего случая безъ всякой повѣрки своихъ внутреннихъ расположеній и чувствъ, въ которыхъ вся сила и вся цѣна вашего житія. Конечно, то, что Господь погрозилъ только и тотчасъ милуетъ, очень можно истолковать, какъ добрый признакъ отсутствія въ васъ сильныхъ пристрастій. Но это догадка, на которой пріятно останавливаться намъ и вамъ, но которою окончательно удовольствоваться не должно. Судъ совѣсти — другое дѣло, — и еще болѣе другое дѣло — судъ Божій! — Оговорки здѣсь всѣ въ сторону: онѣ тутъ неумѣстны. Смотрите, какъ опредѣляется ваше значеніе! — Вы — соль земли. Вы — свѣтъ міра! — Это и ко всѣмъ Христіанамъ идетъ: но во всемъ совершенствѣ можетъ быть выполнено только иночествующими. Блюдитеся же, да не помрачится свѣтъ вашъ, и да не обуяетъ соль ваша! — Такъ ужъ себя и устройте!

Скажу и еще одно слово! — Утѣшительно видѣть состраданіе къ вамъ въ живущихъ близъ васъ! Утѣшительно, что вы окружены сочувствіемъ! — И кто не знаетъ, какъ это нужно въ жизни нашей земной! Но да не отвратитъ сіе васъ отъ вашего главнаго сочувствія — къ міру невидимому. Житіе ваше есть житіе равноангельское. Переселитесь же вниманіемъ вашимъ и сердцемъ на небо, и тамъ превитайте. Это — и по значенію вашему, и потому, — что только симъ способомъ вы обрящете покой душамъ вашимъ, при всѣхъ безпокойствахъ неизбѣжныхъ по условіямъ земной жизни! — Говорятъ, что чѣмъ выше отъ земли, тѣмъ меньше бываетъ колебаній и движеній въ воздухѣ, — а тамъ, — на самой высотѣ, — все тихо и спокойно, — ни бурь, ни громовъ, ни молній. Это образъ покоя, какой обрѣтаетъ душа, погасившая всякое пристрастіе земное и сердцемъ живущая на небесахъ, — въ непрестанной теплой молитвѣ и неотходномъ предстояніи Богу. Сего блага паче всего желаю вамъ. Тогда, что ни случись съ вами, ничто не встревожитъ и не возмутитъ покоя вашего. Аминь.

Слово осьмое (1).

Есть время молчать, говоритъ Премудрый. И не къ намъ ли,—въ теперешнихъ обстоятельствахъ, — идетъ это замѣчаніе?!—Скорбь сжимаетъ сердце и связываетъ языкъ. Такъ друзья Іова, увидѣвъ его въ первый разъ въ страдальческомъ состояніи, семь дней сидѣли при немъ молча, или не въ силахъ будучи произнести слово отъ туги сердца, или не находя словъ къ полному выраженію своего сострадапія. Что могу сказать вамъ и я, соразмѣрное скорби вашей?!—Конечно, было бы много, еслибъ я приложилъ къ вамъ слово пророка Исаіи о народѣ Божіемъ: *отъ ногъ до главы нѣсть въ немъ цѣлости* (гл. 1.); но всячески недалеко будетъ отъ истины, если приравнить состояніе града вашего къ другому изображенію того же пророка: *нѣсть вида ему, ни доброты* (гл. 53.). Помышляя о семъ, недоумѣваю, утѣшать ли васъ, или вмѣстѣ съ вами предаваться сѣтованію и плачу.

Пророкъ Іеремія, увидѣвъ разореннымъ священный городъ свой Іерусалимъ, сѣлъ на развалинахъ его и оплакалъ погибель его въ плачевныхъ пѣсняхъ, составляющихъ нынѣ одну изъ священныхъ книгъ. Не погрѣшилъ Іеремія пророкъ, выражая свое сѣтованіе. Не погрѣшилибъ и мы, еслибъ вмѣстѣ съ вами стали оплакивать потери ваши. Но не оплаканы ли ужъ онѣ, и не оплакиваются ли еще, горчае всякаго плачевнаго слова?! —И что пользы воспоминаніемъ растравлять раны, которыя начали уже понемногу заживать отъ длительности?!—Итакъ поищемъ лучше словъ утѣшенія!

Въ семъ отношеніи, если можетъ утѣшать васъ сострадание, всею душею сострожду вамъ, и свидѣтельствую, что искренно сострождутъ вамъ всѣ, до кого доходитъ вѣсть о постигшемъ васъ бѣдствіи. Если можетъ низводить утѣшеніе молит-

---

(1) 10-го сентября. Въ г. Борисоглѣбскѣ, въ соборѣ. Было 4-ре большихъ пожара, и выгорѣло съ пол-города.

ва; то молился и молюсь моею грѣшною молитвою, да Богъ всякія утѣхи, Отецъ щедротъ, Самъ изольетъ утѣшеніе въ сердца ваши!—Соединимся и всѣ мы, нынѣ здѣсь собравшіеся, въ единой сей молитвѣ, и вѣрно получимъ просимое, по неложному обѣтованію Самого Господа: *воззоветъ ко Мнѣ* бѣдствующій, *и услышу его,—изму его* изъ бѣды, *и прославлю его* (Пс. 90.).

Такъ,—несомнѣнно упокоитъ труждающихся и обремененныхъ Тотъ, Кто заповѣдалъ имъ небоязненно притекать къ Себѣ единому за успокоеніемъ и облегченіемъ. Какъ бы только намъ самимъ не отвратить отъ себя сего, готоваго свыше утѣшенія, какими-нибудь неправыми чувствами и расположеніями относительно того, что съ нами совершается. Господь все видитъ, видитъ и самыя тайныя помышленія сердца, и соотвѣтственно тому поступаетъ съ нами. Кто обращенъ къ Нему всею душею и, не смотря ни на какія внѣшнія непріятности, не погрѣшаетъ предъ Нимъ въ сердцѣ своемъ, того скоро не внутреннее только утѣшеніе, но и внѣшняя милость обыдетъ. О, даруй Господи, и благопоспѣши!

И благопоспѣшитъ,—только не уклоните́сь, Господа ради, въ неправоту сердцемъ своимъ. *И во 1-хъ,* не подумайте, что все случившееся съ вами есть дѣло чистаго случая,—что око Промысла не видало и перстъ Божій не руководилъ сими происшествіями. Нѣтъ,—если волосъ съ головы не падаетъ безъ воли Божіей, тѣмъ болѣе не безъ сей воли пало столько домовъ, столько лицъ потеряли свое состояніе, и цѣлый городъ страдалъ и страдаетъ. Правда, иное бѣдствіе Богъ посылаетъ Самъ, а иное только попускаетъ; но и попускаемое, подобно посылаемому, все же въ волѣ Его. Ибо еслибъ не восхотѣлъ, не попустилъ бы,—и никто бы не могъ причинить намъ зла, сколько бы силенъ и хитръ ни былъ. Богъ есть домовладыка въ мірѣ семъ,—и ничему, противъ воли Своей, самочинно происходить въ немъ не позволяетъ. Не бываетъ ли такъ, что иной злодѣй, все приготовя къ совершенію зла и преодолѣвъ всѣ препятствія, — въ часъ, когда слѣдуетъ приступить къ

дѣлу, поражаемъ бываетъ страхомъ и удерживается отъ злодѣйства?!—Богъ ангела Своего посылаетъ, и Онъ преграждаетъ путь злодѣю, какъ нѣкогда Валааму. Если не прегражденъ путь, если зло попущено, значитъ:—такъ Богу угодно. Такъ и исповѣдуйте въ умѣ и сердцѣ вашемъ!

Утвердившись же въ сей мысли, не думайте, *далѣе*, что случившееся случилось съ вами даромъ, т. е. *ни по чему* и *ни для чего*. Нѣтъ. Попускаетъ ли что Господь или посылаетъ, все съ премудрою и благою цѣлію,—во благо намъ и благо вѣчное:—иногда для того, чтобъ пробудить насъ отъ усыпленія, иногда—чтобъ испытать нашу любовь къ Его св. закону и твердость повиновенія Ему, иногда—для исправленія сердца и очищенія его отъ страстей, иногда—для явленія въ большей славѣ преданныхъ Ему рабовъ, иногда, можетъ быть, по другимъ какимъ недовѣдомымъ планамъ Своего промышленія,—но всегда во спасеніе насъ и ближнихъ нашихъ. Въ сей увѣренности, что бы ни постигло насъ, всегда можно благодушно терпѣть, отвлекая вниманіе отъ настоящей тяготы и обращая его все къ могущему родиться отъ того благу, какъ и дѣлали всѣ страстотерпцы, и какъ Самъ Господь училъ ихъ,—то явленіемъ ангеловъ, то отверстіемъ небесъ, то Своимъ явленіемъ. Туда обратите очи ума и чувства сердца вашего и вы, и поревнуйте не упустить случая пріять отъ Господа благо духовное, готовимое Имъ въ бѣдствіяхъ сихъ всякому, хотящему воспріять и хранящему въ себѣ должное къ тому настроеніе духа.

Что именно хотѣлъ произвесть въ васъ Господь посланіемъ вамъ вашей бѣды, не съ нашимъ умомъ угадать то; но, вѣрно, въ одномъ-одно, въ другомъ-другое, во всякомъ-свое. Одно только можно счесть общимъ для всѣхъ,—это побужденіе къ покаянію и исправленію жизни. Это вообще всѣмъ и всегда нужно,—счастливъ ли кто, или несчастливъ. Ибо кто похвалится чисто имѣти сердце, аще и единъ день житія его на земли?—Кто, слѣдовательно, можетъ питать помышленіе, что ему не нужно покаяніе, очищеніе, исправленіе, — не нужны,

потому, и мѣры очистительныя, исправительныя и покаянныя?— Если такъ, то, въ настоящихъ обстоятельствахъ, лучше всѣхъ поступитъ тотъ, кто скорѣе обратится къ очищенію сердца и исправленію жизни, или, если она исправна, къ исправленію своихъ чувствъ и расположеній. Слезы вообще утѣшительны, а слезы покаянія еще больше подаютъ утѣшенія глубокимъ примиреніемъ совѣсти и сердца со всемилостивымъ Господомъ и возстановленіемъ дерзновенія предъ Нимъ. Ихъ возбудить посиѣшите, братія, и вы,—и Господь поспѣшитъ къ вамъ съ милостію, какъ древле скоро помиловалъ Онъ Ниневитянъ, покаявшихся проповѣдію Іониною.

Такимъ образомъ, признавъ въ бѣдствіи нашемъ перстъ Божій, вразумляющій насъ, войдемъ всѣ вмѣстѣ и каждый отдѣльно въ себя, подвергнемъ все строгому совѣстному разбору, и если что найдемъ тамъ такого, что не можетъ быть угодно Богу, положимъ твердое намѣреніе отстать отъ того и исправиться. Этимъ мы воспроизведемъ въ себѣ настроеніе духа, способное привлечь съ неба не утѣшеніе только, но и милость. Утѣшеніе при семъ будетъ излито на насъ несомнѣнно, и излито тотчасъ; а милость и тотчасъ можетъ придти и можетъ быть отсрочена, по прозрѣнію Бога, вѣдущаго, что спасительнѣе для насъ. Но то несомнѣнно, что не до конца гнѣвается Господь и не въ вѣкъ враждуетъ. Поразилъ,—и исцѣлитъ. Въ Его десницѣ и животъ и смерть. Уповающаго же на Господа милость обыдетъ. Сіе дѣйственное упованіе возродится въ очищенной совѣсти,—возродится несомнѣнно и несомнѣнно привлечетъ милость.

Въ сихъ чувствахъ пріидите, поклонимся и припадемъ, и восплачемся предъ Господомъ, сотворшимъ насъ!—Господи, воздвигни силу Твою и пріиди, во еже спасти насъ! Аминь.

Слово девятое (¹).

По возвращеніи моемъ, я надѣялся найти васъ вполнѣ успокоенными и въ первое мое служеніе праздновать вмѣстѣ съ вами совершенное прекращеніе всѣхъ вашихъ бѣдъ; но вотъ не удостоенъ такого утѣшенія!—Много видѣлъ я страждущихъ въ другихъ городахъ и весяхъ, и чаялъ облегчить сердце нѣкоторою хотя отрадою, увидѣвъ начатки вашего успокоенія и оправленія; но вотъ опять подновлены улегшіеся-было страхи и тревоги! Посему прилично намъ нынѣ жаловаться словами пророка: доколѣ, Господи, взываемъ, и Ты не слышишь?—Вопіемъ къ Тебѣ обидимы, и не избавляешь?—Вскую являешь очамъ нашимъ одни труды и болѣзни и даешь видѣть одни бѣды и несчастія (Аввак. 1, 2. 3.)?

И добро бы одно настоящее наше было такъ мало утѣшительно! — Вотъ и будущее наше омрачается засухою. *Увы намъ*, братія, *яко бѣда отъ бѣды пріидетъ*, какъ говоритъ другой пророкъ (Іоиль 1, 15.). Окружилъ насъ Господь карами и испытаніями, такъ что позади насъ огнь потребляяй и впереди поле пагубы (Іоиль 2, 3.), и мы стали похожи на человѣка, который убѣжалъ отъ льва, но напалъ на медвѣдицу;— отъ ней вскочилъ въ домъ, и здѣсь усѣкнутъ зміемъ, когда оперся о стѣну (Амос. 5, 9.).

Что же намъ дѣлать и куда обратиться?! Гдѣ искать облегченія и какое врачевство приложить къ ранамъ своимъ?—Ничего не остается намъ дѣлать, какъ обратясь ко Господу въ слезахъ взывать: Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!

Будемъ подражать въ семъ древнимъ пророкамъ, которые, являясь въ народѣ Божіемъ, во время общественныхъ бѣдствій,

---

(¹) Первая служба по возвращеніи изъ епархіи. — 17 недѣля. 18 сентября. За день былъ пожаръ. Засуха безпокоила жителей опасеніями за посѣвъ. Посему назначенъ крестный ходъ на поля—для молебствія.

то утѣшали его, то укоряли и располагали къ покаянію, то просто предавались слезамъ: плакали сами и всё призывали къ плачу. *У лютѣ, у лютѣ! Отмщенія Твоя приспѣша*, взывалъ Михей (7, 4.). *Плачьте теперь. На всѣхъ стогнахъ да будетъ плачъ, и на всѣхъ путехъ да слышится: увы лютѣ, увы лютѣ*,—приглашалъ Амосъ (гл. 5, 16.). А пророкъ Іоиль такъ оглашалъ всѣхъ:—*плачьте вся, какъ плачетъ невѣста по мужѣ дѣвственнѣ, препоясавшись во вретище. Плачися земля, яко опустѣша поля, плачите села по пшеницѣ и ячменѣ, плачьте жрецы, плачите земледѣлатели... плачь каждый, взывая ко Господу: увы мнѣ, увы мнѣ, увы мнѣ* (гл. 1.)!

Сдѣлаемъ и мы то же. Падемъ предъ Господомъ и будемъ плакать, ничего не прибавляя, кромѣ мытарева слова: Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!—Будемъ такъ бесѣдовать къ Нему въ сердечномъ сокрушеніи:

Никакого права не предъявляемъ мы на милости; мы не стоимъ ихъ; ибо грѣшны всѣмъ—и словомъ, и дѣломъ, и помышленіемъ, и всѣми чувствами. Каемся и молимся: Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!

Если Твое всевидящее око видитъ окаменѣніе сердца нашего и слабость рѣшимости на исправленіе, — Самъ пошли сокрушеніе и укрѣпи храмлющую волю нашу. Но, Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!

Не присвояемъ себѣ скораго избавленія, не дерзаемъ намѣчать—завтра, чрезъ недѣлю или годъ; но, предаваясь всецѣло въ волю Твою, объ одномъ молимъ: Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!

Мы и ничего не смѣемъ проглаголать предъ Тобою, а только болимъ, до того, что тронуться нельзя,—и въ болѣзни сей плача, какъ дѣти, взываемъ: Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!

Мы слабы. Не допусти намъ, Господи, пасть подъ тяжестію бѣдъ. Дай крѣпость сердцу нашему, осѣни насъ благонадежіемъ, да не поразитъ духа нашего отчаяніе,—и, Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!

Такъ сокрушенно моляся, приложимъ къ плачу еще неотступность моленія. Вотъ и Сирофиникіянка, поминаемая въ нынѣшнемъ Евангеліи, получила просимое ради неотступности, украшенной смиреніемъ. Господь уже сказалъ-было ей: поди, ты не наша. Но потомъ былъ побѣжденъ неотступностію ея моленія. Будемъ и о себѣ вопіять неотступно, и вѣрно получимъ милость. Тотъ, Кто Самъ располагалъ къ терпѣнію въ молитвѣ примѣромъ неправеднаго судіи, умоленнаго неотступностію вдовицы, уступитъ неотступности нашей и ущедритъ насъ.

Ахъ, братіе, неужели же насъ однихъ бросилъ Господь въ конецъ,—на попраніе всякому мимоходящему, и не возвратитъ намъ милостей Своихъ!? — Нѣтъ, — милостивъ Господь! — не унывайте духомъ, восклоните главы ваши, возникните къ благонадежію! Еще мало,—Грядый пріидетъ и не закоснитъ помочь намъ. Какъ ангелу, въ видѣніи пророка Захаріи, вопрошавшему Господа,—доколѣ не имать помиловати Іерусалимъ и грады Іудовы, когда вся земля покойна,—Господь Вседержитель отвѣчалъ глаголы добры и словеса утѣшна (Захар. гл. 1.): такъ, вѣрно, есть у Господа и для насъ глаголы добры. Конечно, нѣтъ у насъ пророка, который бы передалъ намъ отъ Господа такія утѣшныя словеса: *еще преліятися имутъ грады благими*; но мы имѣемъ слово Самого Господа, — что Онъ не до конца гнѣвается и не въ вѣкъ враждуетъ,—что уповающаго на Господа милость обыдетъ и что сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ.

Обратитеся ко Мнѣ, говоритъ Господь, *и обращуся къ вамъ*, — и *не утвержду лица Моего на васъ, яко милостивъ есмь, и не прогнѣваюся на вы во вѣки* (Іер. 3, 12.). Обратимся къ Нему въ сокрушеніи и смиреніи покаянномъ, въ уповаціи несомнѣнномъ, въ молитвахъ неотступныхъ. Призовемъ на помощь Владычицу, скорую помощницу и заступницу. Призовемъ всѣхъ Святыхъ, ко всѣмъ будемъ припадать слезно,— чтобъ общимъ голосомъ умоленный Господь скоро преложилъ гнѣвъ Свой на милость, и возвратилъ намъ покой, безопасность и довольство.

Другаго прибѣжища намъ нѣтъ! — Взывайте неотступно: Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!—И обратитъ Онъ къ намъ отеческое сердце Свое и скоро помилуетъ! [1] Аминь.

---

[1] Вечеромъ того же дня пошелъ дождь, — и продолжался долгое время. Жители успокоились.

LI.

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА,—ВЪ СЕЛѢ ОЛЬШАНКѢ, БОРИСОГЛѢБСКАГО УѢЗДА.

Если бы собрать во едино души всѣхъ, здѣсь находящихся и всѣхъ обвесть однимъ взоромъ, то, при всемъ разнообразіи лицъ и состояній, при всемъ различіи помышленій и расположеній, нельзя бы не увидѣть одного общаго всѣмъ и во всемъ отпечатлѣвающагося чувства радости и духовнаго веселія о сооруженіи храма и такого храма [1]. Въ этомъ съ нашей стороны должная дань благочестивому усердію и терпѣливому труду храмоздательницы, — дань свободнаго духа, невольно, однакожъ, исторгаемая. И дѣйствительно, зная, что значатъ храмы Божіи въ Христіанскомъ житіи, нельзя не исполняться особеннымъ удовольствіемъ, когда видишь ихъ воздвигаемыми попечительною о своемъ спасеніи и о спасеніи другихъ любовію; нельзя не изъявить благодаренія Господу, вложившему мысль и помогшему; нельзя остаться непризнательными и къ тѣмъ, кои

---

(1) Храмъ созданъ Ея Прев. Вѣрою Николаевною Воейковою, — прочный и красивый во всѣхъ частяхъ и принадлежностяхъ. Онъ будетъ въ числѣ первыхъ по Тамбовской епархіи. Есть храмы огромнѣе и богаче, но нѣтъ совершеннѣе по искусству и характеру.

вняли внушенію, и не щадили труда и достоянія въ исполненіи. Такими чувствами да вѣнчается нынѣшнее наше торжество и наше въ немъ участіе!

Но, братія, этимъ однимъ ограничиваться намъ не должно. Покой утѣшенія собственно приличенъ только жертвѣ любви. Чтобъ и намъ, не приносившимъ здѣсь такой жертвы, достойно внити въ тотъ же покой, приложимъ и съ своей стороны инаго рода жертву—жертву готовой покорности волѣ Божіей, какая открывается въ сооруженіи храмовъ среди Христіанъ—и для Христіанъ; потому что съ симъ сопряжены извѣстныя, налагаемыя на насъ обязательства, которыя возобновлять въ совѣсти должны мы всякой разъ, какъ участвуемъ въ подобномъ нынѣшнему торжествѣ, или совершаемъ воспоминательное о немъ празднество.

Хочу напомнить вамъ о сихъ обязательствахъ. Не думаю, чтобъ для васъ нужно было пространное о томъ слово, когда вы и сами являете себя столь усердными къ храму. Потому ограничусь краткимъ указаніемъ значенія для насъ храмовъ и того, къ чему сіе значеніе обязываетъ насъ.

Что значитъ для насъ храмъ?—Храмъ для насъ есть то же, что сердце для тѣла. Это прообразовала еще древняя скинія, которая всегда находилась внутри народа,—въ пути ли были Израильтяне, или стояли станомъ. Тамъ и здѣсь колѣна Израильтянъ всегда располагались вокругъ скиніи такъ, что она точно составляла средоточіе или сердце народа. Зачѣмъ такова скинія—сѣнь грядущихъ благъ? Затѣмъ, чтобъ научить насъ таковыми имѣть храмы, въ коихъ истиною дѣйствуется то, на что скинія только указывала. Утвердимъ же вниманіе свое на сей мысли, и пойдемъ въ слѣдъ ея.

Въ сердцѣ живо отражается всякое движеніе, состояніе и дѣйствіе нашего тѣла. Бодренность и дремота, крѣпость силъ и слабость, здоровье и болѣзнь, льгота и тягота и проч.,—все вообще отражается въ сердцѣ и вызываетъ съ нашей стороны соотвѣтственныя тому дѣйствія. Не то же ли самое есть между нами и храмъ? Всякая наша нужда духовная не отзы-

вается ли въ храмѣ и не вызываетъ ли изъ него соотвѣтственныхъ дѣйствій? — Смотрите: печаленъ кто, — идетъ въ храмъ пѣть параклисисъ Богородицѣ; радость получилъ, — идетъ туда же воспѣть благодарное молебствіе; — домъ надо строить, — изъ храма берется благословеніе; колодезь вырыть — то же; дождя нужно, — храмъ ходитъ по полямъ, чтобъ привлечь дождь съ неба; болѣзнь постигла, — церковь приходитъ ходатайствовать о выздоровленіи; родилось дитя, — оно возраждается къ новой жизни въ храмѣ; согрѣшилъ кто, — очищается отъ сквернъ въ храмѣ; новая семья зачинается, — она сочетавается въ храмѣ; въ путь собирается кто, — напутствуется молитвами въ храмѣ; умеръ кто, — тѣло его провожается на покой въ нѣдра земли изъ храма, а о душѣ его возносится ходатайственная молитва въ храмѣ, — и проч., и проч. Вообще нѣтъ ни одного значительнаго дѣла, которое бы совершалось какъ слѣдуетъ, по Христіански, помимо храма, или безъ соприкосновенія съ нимъ. Какъ нитями какими прикрѣплены мы къ храму. Къ нему привлекаемся всякой разъ, какъ зачинаемъ что новое, и изъ него уже исходимъ на дѣло свое. Такъ, осязательно вѣрно, что храмъ есть истинное средоточіе или сердце нашей Христіанской жизни.

Такъ это есть.... таковыми и должно намъ всегда въ сердцѣ своемъ признавать свои храмы, и соотвѣтственно тому держать себя или дѣйствовать въ отношеніи къ нимъ. Нечего бы и говорить объ этомъ, когда всѣ — прямые Христіане и сами собою всегда такъ дѣйствуютъ; но не всѣ Христіане суть прямые Христіане. У кого есть въ семъ отношеніи какія уклоненія, тому нынѣшнее наше церковное торжество напоминаетъ, что какъ безъ сердца нельзя жить тѣлу, такъ нельзя Христіанину жить по Христіански безъ храма и всего, что совершается въ немъ.

Цѣлость сердца въ тѣлѣ есть условіе жизни. Поразите сердце, и — тотчасъ смерть. Не должно ли то же сказать и о храмѣ? Да! Не поражайте храма суемудріемъ и своеволіемъ, иначе умрете духомъ. Здѣсь разумѣется не вещество храма. Вещественный составъ его нерѣдко старѣетъ, сгараетъ, раз-

рушается, а принадлежащіе храму, не смотря на то, все еще остаются живыми духомъ. Но вознеситесь немного повыше сихъ вещественныхъ сводовъ, или проникните немного глубже сего вещественнаго состава храма,—и увидите, что оно такъ есть. Хотя того, что въ храмѣ,—не старѣющагося и не умирающаго,—поразить на смерть никакъ нельзя: но кто касается того остріемъ суемудрія или своевольнаго уклоненія инуды, тотъ самъ себя поражаетъ и самъ себѣ самочиніемъ причиняетъ смерть. Посмотрите на тѣхъ, кои чуждаются храмовъ, и разоблачите ихъ внутреннее настроеніе! Отчего это холодомъ вѣетъ отъ нихъ, какъ отъ могилы?—Оттого, что жизнь ихъ духовная или сокращена, или совсѣмъ погашена отсѣченіемъ себя отъ храмовъ и всего чина ихъ. Тутъ разумѣются не одни молокане и раскольники; но и—еще паче—люди суемудренники, которые, подъ предлогомъ какой-то очищенности понятій, высятся надъ сими, непростыми впрочемъ зданіями, и всѣмъ, что въ нихъ. Да не будетъ таковыхъ между нами!—Правда, утѣшительно быть увѣреннымъ, что не въ частныхъ случаяхъ сила, но въ духѣ и настроеніи; но ко всѣмъ ли идетъ такая оговорка?—Утѣшительно и то, что пока стоятъ храмы, есть надежда уразумѣнія смысла ихъ и обращенія къ нимъ неразумѣющихъ и нехотящихъ разумѣть; но все-же пока сіе сбудется, послѣдніе стоятъ на сторонѣ гибнущихъ. А объ этомъ какъ не жалѣть?—Скажетъ кто: развѣ они не живутъ?—Живутъ, но какъ живутъ?—Что за жизнь у того, кто не принимаетъ живительныхъ стихій оттуда, гдѣ исходища жизни?

Изъ сердца исходятъ и дѣйствіемъ его расходятся по тѣлу живительныя стихіи въ крови. Къ сердцу приходитъ кровь, неспособная поддерживать жизнь, отжившая; а изъ сердца исходитъ уже живая кровь и разноситъ оживленіе по всему тѣлу. То же дѣлаетъ съ нами и храмъ. Въ житейскомъ быту, въ продолженіи дней рабочихъ, собираемъ мы, по невниманію къ себѣ, недобрыя мысли, чувства и расположенія, кои, подобно крови отжившей, тяготятъ и мертвятъ душу. Побывавши же въ храмѣ, въ воскресенье или въ праздникъ,—побывавши

какъ слѣдуетъ, — выходимъ оттуда совершенно новыми, какъ бы освѣженными. Другія уже послѣ того бываютъ мысли въ головѣ, другія чувства и расположенія въ сердцѣ. Все въ душѣ передѣлывается тѣмъ, что дѣйствуется, читается, поется и внушается въ храмѣ. Для внимательнаго здѣсь какое богатство святыхъ помышленій въ словѣ? Сколько примѣровъ святости въ изображеніяхъ? Сколько разительныхъ напоминаній въ дѣйствіяхъ? Принимая все сіе вседушно, онъ освѣжаетъ тѣмъ свое внутреннее, какъ освѣжается вышедшій на свѣжій воздухъ послѣ цѣло-нощной духоты,—и облегчается тамъ, какъ облегчается восходящій все выше и выше отъ земли. Вотъ отъ чего св. пророкъ Давидъ ублажалъ живущихъ въ домѣ Божіемъ, и самъ особенную чувствовалъ радость и веселье, когда говорили ему: въ домъ Господень пойдемъ! — Надобно однакожъ знать, что сіе оживленіе и обновленіе въ храмѣ не достаются даромъ. Надо быть особенно настроеннымъ къ тому: надо расположить себя къ пребыванію въ храмѣ со страхомъ, ко вниманію и собранности, къ принятію отверстымъ вѣрою сердцемъ всѣхъ готовыхъ здѣсь небесныхъ вліяній. У кого нѣтъ такихъ расположеній, тотъ и въ храмѣ — какъ не въ храмѣ; потому ничего не получитъ тамъ,—что могъ бы получить, еслибъ пребывалъ въ немъ какъ слѣдуетъ.

Довольно думаю и этихъ чертъ сходства храма и сердца! Такъ ли расположены къ храму всѣ мы, присущіе здѣсь,— объ этомъ пусть каждому скажетъ собственная его совѣсть. Съ своей стороны напомню только, что нынѣшній день освященія храма обязываетъ насъ вникнуть въ свои отношенія ко храму, повѣрить ихъ и поправить, если что вкралось неисправное. Не пренебрегайте сими обязанностями и не считайте ихъ малозначительными. Храмъ—символъ Христіанства и мѣсто благодатныхъ средствъ Божіихъ. Кто отчуждается отъ храма, тотъ сталъ внѣ притоковъ благодати и состоитъ въ опасности засохнуть. Блаженны, напротивъ, преданные храму и всему, что въ храмѣ! Они скоро уподобляются древу, насажденному при исходищахъ водъ, всегда обильные приносящему плоды.

Вотъ что судилъ я сказать вамъ нынѣ,—кому въ урокъ, кому въ напоминаніе, кому въ утвержденіе въ правилахъ, въ которыхъ и сами они пребываютъ уже неуклонно по доброму расположенію сердца и свободному избранію духа, ограждаясь отъ колебаній и возникающихъ недоумѣній своими опытами благихъ отъ того послѣдствій.

Въ заключеніе же снова приглашаю всѣхъ васъ воздать благодареніе Господу о совершеніи сего храма!—Да благословитъ Его всещедрая благостыня и потрудившихся въ созиданіи его, и благословеніе сіе да пребудетъ въ родѣ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе! Аминь.

7 Сентября,

1860.

LII.

НА ВОЗДВИЖЕНІЕ, — ВЪ СУХОТИНСКОМЪ ЖЕНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Празднуемъ мы нынѣ славное Воздвиженіе честнаго и животворящаго креста Господня. Всѣмъ извѣстно, почему оно нужно было, какъ совершилось и для чего празднуется съ такимъ величіемъ въ Христіанской Церкви. Припомните все сіе. По снятіи Господа нашего Іисуса Христа со креста и положеніи Его во гробъ,—честный животворящій крестъ остался на Голгоѳѣ, и потомъ вмѣстѣ съ другими крестами — разбойничьими,—брошенъ въ глубокую пещеру, бывшую тутъ же— близъ самаго мѣста распятія. Мѣсто сіе со временемъ закидано было всякимъ соромъ и забыто.

Когда обратился въ Христіанство Константинъ великій и мать его Елена положила въ сердцѣ своемъ построить храмъ Воскресенія на самомъ мѣстѣ воскресенія, тогда по особенному Божію руководству найденъ былъ и крестъ Господень. Народъ, бывшій при семъ въ несмѣтномъ множествѣ, желалъ видѣть крестъ. Царица повелѣла исполнить желаніе народа и Епископъ, приподнявъ его вверхъ показалъ всѣмъ. Это дѣйствіе приподнятія или воздвиженія, какъ вѣнецъ предшество-

вавшихъ ему трудовъ, вмѣстѣ съ прикосновенными къ нему чудными дѣйствіями Божіими св. Церковь установила воспоминать каждогодно, какъ знакъ особенной милости Божіей къ св. Своей Церкви.

Возблагодаримъ промыслительную о насъ попечительность Господа, но вмѣстѣ и поучимся у ней тому, къ чему она обязываетъ насъ симъ. Ибо, припомните также, — что всякій изъ насъ имѣетъ свой крестъ, съ которымъ, по призванію Господа, идетъ въ слѣдъ Его и на которомъ надлежитъ ему, по примѣру Апостола, сораспятися Христу. Голгоѳа для сего креста—наше сердце; воздвизается онъ или водружается ревностною рѣшимостію жить по духу Христову, а слагается изъ разныхъ сердечныхъ расположеній, главныхъ и источныхъ въ Христіанскомъ житіи. Какъ отъ креста Господня спасеніе всему міру: такъ отъ распятія нашего на своемъ крестѣ спасеніе наше. Но какъ животворящій крестъ Господень былъ брошенъ въ яму и засыпанъ соромъ; такъ можемъ бросить и мы свой крестъ и забросать его нерадѣніемъ и безпечностію, и тогда мы не въ числѣ спасаемыхъ, а въ числѣ погибающихъ. Потому крайне намъ нужно хорошо себѣ уяснить, изъ чего слагается нашъ крестъ, чтобъ вѣрно уразумѣть,— стоитъ ли онъ въ сердцѣ нашемъ, или брошенъ съ него, идемъ ли мы съ симъ крестомъ въ слѣдъ Господа, или уклонились инуды, и, свергнувъ съ себя сіе благое иго Христово, блуждаемъ сами не зная гдѣ и къ чему?

Я поясню составъ нашего внутренняго креста, особенно примѣнительно къ вашему иноческому житію, сестры, съ которыми судилъ мнѣ Господь нынѣ праздновать честное Воздвиженіе креста Своего. И вашъ крестъ, т. е., иноческій,— походитъ на обыкновенные Христіанскіе кресты, только онъ имѣетъ свою постройку и нѣкоторыя особенности въ однѣхъ и тѣхъ-же частяхъ. Правда, онъ не много,—а можетъ быть и не немного,—тяжелѣе; но за то и плодотворнѣе. И если со креста вообще жизнь, то изъ подъ-креста иноческаго—обильные потоки жизни.

Не все подробно буду изъяснять вамъ, а только укажу такія чувства и расположенія, безъ которыхъ вы и шагу не можете сдѣлать въ иночествѣ, безъ которыхъ и жить въ монастырѣ нельзя по монастырски,—и иночествованіе—не иночествованіе, а обыкновенная жизнь, только въ стѣнахъ монастырскихъ. Такъ послушайте!

Нижней части креста,—той, которая входитъ въ землю, соотвѣтствуетъ во внутреннемъ крестѣ *самоотверженіе*, которымъ раздирается земля сердца и въ него внѣдряется крестъ. Отвергнуться себя значитъ обходиться съ собою такъ, какъ другіе обходятся съ отверженнымъ. Въ иночествѣ сіе дѣйствіе принимаетъ новый видъ—умертвія себѣ и всему міру. Инокъ то же, что мертвый, зарытый въ землю. Стѣны монастыря—гробъ его. Одежда его—погребальный саванъ. Онъ оставляетъ все за стѣнами монастыря и во всемъ сущемъ не имѣетъ ничего себѣ родственнаго: онъ чуждъ всему и все его чуждо, такъ что къ нему вполнѣ идетъ слово Апостола: *мнѣ міръ распяся и азъ міру.* (Гал. 6, 14.). Кто стяжалъ такое расположеніе, тотъ положилъ прочное основаніе внутреннему кресту и иночествованію.

Верхнюю часть внутренняго креста, или идущую вверхъ, стоящую прямо,—продольную,—составляетъ *терпѣніе*, т. е., такая твердость стоять въ намѣренномъ, которой не колеблютъ никакія препятствія, никакія неудовольствія и труды. Безъ терпѣнія нельзя стоять въ добрѣ и всякому, тѣмъ болѣе устоять иноку въ иночествѣ. Для мірянина терпѣніе есть постоянство въ перенесеніи всѣхъ трудовъ, по исполненію лежащихъ на немъ обязанностей; у инока, сверхъ того, оно есть твердость пребыванія въ своемъ чинѣ и въ своемъ мѣстѣ. Тутъ что ни шагъ, то упражненіе терпѣнія и слѣд. здѣсь и шага нельзя сдѣлать безъ терпѣнія. Просмотрите уставъ монастырскій и увидите, какъ широко поле для дѣлъ терпѣнія. Только тотъ, кто умеръ себѣ и міру, можетъ вынесть все требуемое здѣсь, какъ должно.

Поперечную часть внутренняго иноческаго креста состав-

ляетъ *послушаніе*,—такое расположеніе, по которому ничего не предпринимаютъ сами, ничего не замышляютъ, а только слушаютъ и безпрекословно исполняютъ распоряженія другихъ. Послушный походитъ на шаръ, который безъ треска катится, куда устремитъ его сообщаемый ему ударъ. Онъ добровольно отказывается отъ самостоятельности и предаетъ себя въ орудіе другому. Онъ дѣйствуетъ или по совѣту, или по повелѣнію, не довѣряя ни своей мысли, ни своему желанію. Потому весь открытъ. Если другіе чего не видятъ, онъ самъ открывается избранному или назначенному, чтобъ не таилось что недоброе подъ видомъ добраго.

Соедините теперь все вмѣстѣ,—и увидите, что умертвіе всему—даетъ входъ въ монастырь, терпѣніе—обезопашиваетъ пребываніе въ немъ, послушаніе—обнимаетъ всю дѣятельность пребывающихъ внутри его. Вотъ трех-составный крестъ, изъ котораго источается истинная жизнь иноческая!

Но что это за жизнь, подумаетъ кто? — Отчужденіе отъ всего,—отреченіе отъ своей воли въ послушаніи, погашеніе почти всякаго чувства въ терпѣніи,—это ли жизнь?! По не останавливайтесь на одной наружности. Каждая изъ показанныхъ добродѣтелей иноческихъ, кромѣ внѣшней—суровой—стороны имѣетъ и сторону внутреннюю, живую и отрадную, которая или предполагается ею, или изъ ней развивается.

Такъ—терпѣніе поддерживается и живетъ *надеждою*, что не всуе трудъ иноческій. Предвкушая чаемое благо, надежда питаетъ терпѣніе и дѣлаетъ его ненасытимымъ. Надежда исполняетъ сердце радостію отъ несомнѣнности обладанія тѣмъ, что чается, и сею радостію растворяетъ жгучесть терпѣнія трудовъ. Отъ того терпящій радуется и не столько страдаетъ, сколько наслаждается, не смотря на то, что другіе видятъ его многостраждущимъ.

Послушаніе оживляется *любовію*. Послушаніе есть отреченіе отъ своей самодѣятельности и своего разсужденія—самыхъ дорогихъ намъ дѣйствій. Великую силу надо имѣть, чтобы одолѣть себя и отказаться отъ нихъ. Силою воли можно, ко-

нечно, переломить себя и твердая рѣшимость успѣваетъ въ этомъ. Но пока она дѣйствуетъ одна, дѣйствія послушанія походятъ на ломаніе сухихъ вѣтвей. Только любовь сильна сообщить неболѣзненную гибкость послушничеству. Любовь бываетъ готова на все пожертвованія и не можетъ считать чѣмъ нибудь ни трудовъ, ни траты времени, ни траты силъ и достоянія. Гдѣ любовь, тамъ все творится охотно, легко и скоро. Только послушаніе изъ любви дѣлаетъ отрадными всѣ труды, къ какимъ оно обязано.

Наконецъ, умертвіе себѣ и міру—оживляется и вызывается *вѣрою*, что такъ быть должно,—и иначе сему быть нельзя, если возжелавшій сего житія хочетъ быть въ немъ тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ быть. Святая вѣра говоритъ намъ, что мы были сотворены для жизни въ Богѣ, но отпали отъ Него и пали въ узы самости и обаяній міра, и что потому желающій снова возстать для жизни въ Богѣ долженъ умереть себѣ и міру. Это убѣжденіе въ неизбѣжности такого порядка,—при живомъ желаніи себѣ блага истиннаго — питаетъ умертвіе всему и даетъ ему жизнь, особенно въ связи съ другимъ убѣжденіемъ, что симъ только расположеніемъ можно привиться ко Христу и, сораспявшись съ Нимъ, почерпать изъ Него полное оживленіе.

Такимъ обр. основу внутренняго креста составляетъ вѣра съ самоотверженіемъ или умертвіемъ всему,—продольную его часть—терпѣніе, укрѣпляемое надеждою,—часть поперечную—послушаніе, воодушевляемое любовію.

Если крестъ вообразить древомъ, то корень его есть вѣра,—изъ которой израстаетъ первѣе всего самоотверженіе и рѣшимость—все бросить и взяться за одно дѣло спасенія души въ удаленіи отъ всего. Изъ самоотверженія раждается любовь, готовая на всякое послушаніе; изъ послушанія или современно съ нимъ развивается терпѣніе, вѣнчаемое надеждою, восходящею на небо—во внутренняя за завѣсу, какъ говоритъ Апостолъ. Гдѣ есть всѣ сіи расположенія, тамъ древо крестное не стоитъ одно голымъ, а развѣтвляется на многіе от-

ростки разнообразныхъ добродѣтелей, покрывается листвіемъ внѣшняго благоповеденія и изобилуетъ плодами добрыхъ дѣлъ. Тамъ—забвеніе міра и обычаевъ его, непрестанное пребываніе въ обители безъ исхода, любовь къ уединенію, трудъ молитвенный въ келліи и храмѣ,—постничество, неутомимость въ рукодѣліи, — готовость помогать другъ-другу, взаимнопрощеніе, взаимопоощреніе на добро, миръ, воздержаніе очей, языка и ушей, и проч. и проч. Блаженна душа, которая, войдя внутрь себя, найдетъ все сіе въ своемъ сердцѣ! Это очевидный знакъ, что древо креста въ немъ воздвигнуто, водружено прочно и изобилуетъ живою внутреннею силою, такъ, что его воистинну можно назвать живоносньмъ древомъ, не вообще только, но именно для сего сердца.

Что у насъ съ вами, сестры,—смотрите сами! Если всѣ указанныя мною добродѣтели дѣйствительно есть въ вашемъ сердцѣ, то крестъ вашъ стоитъ—воздвигнутъ. Если же нѣтъ, то знайте, что онъ зарытъ противоположными имъ недобрыми чувствами и расположеніями. Я не называю сихъ послѣднихъ, потому что онѣ сами собою очевидны.—Но не могу не приложить желанія, или даже прошенія: если найдете, что крестъ вашъ или преклонился, или совсѣмъ палъ, или, еще болѣе, занесенъ пылью и соромъ худыхъ помысловъ и пожеланій,—попекитесь открыть его, очистить покаяніемъ и снова воздвигнуть и водрузить въ сердцѣ твердою рѣшимостію ревновать о спасеніи души,—до положенія живота. Вѣрьте, что безъ сего креста—нѣтъ духовной жизни, и нѣтъ спасенія,—нѣтъ и отрады въ житіи иноческомъ. Безъ креста никто не спасался и не спасется. Какъ Господь вошелъ въ славу, пострадавъ на крестѣ, такъ и всѣ, послѣдующіе Ему, чрезъ своего рода крестъ входятъ въ сопрославленіе съ Нимъ.—Желаете ли внити въ славу сію? Взойдите прежде на крестъ,—и со креста уже пойдете на небо. Аминь.

1860 г.

LIII.

ВЪ ДЕНЬ КАЗАНСКІЯ БОЖІЯ МАТЕРИ.

Празднуя нынѣ Пресвятой Владычицѣ нашей Богородицѣ, чудотворной ради Ея иковы Казанскія, за избавленіе Москвы отъ Литвы, невольно переходишь мыслію и на другія мѣста, гдѣ Ей,—скорой Помощницѣ нашей,—угодно было являть особенную свою къ намъ милость,—какъ то: Владиміръ, Ярославль, Муромъ, Тихвинъ, Псковъ, Смоленскъ, Калугу, Тамбовъ, Курскъ, Кіевъ, Почаевъ и проч. Да есть ли у насъ область, которая не была бы свидѣтельницею скораго заступленія Пресвятыя Богородицы?! Такъ что, если представимъ все вмѣстѣ, то въ изумленіи станемъ умственно предъ дивнымъ образомъ покрова Пресвятыя Богородицы, простертаго на всю Россію, въ коемъ Она съ ликомъ прославленныхъ нашихъ князей и княгинь, бояръ и боярынь, святителей и іереевъ, преподобныхъ и мучениковъ и Христа ради юродивыхъ — непрестанно молитъ о насъ Господа—избавить насъ отъ бѣдъ и скорбей, не вводить въ искушеніе сердца нашего и утвердить насъ въ дѣланіи святыхъ Его заповѣдей. Помышляя о семъ, приходите всѣ и благонадежно повергайте къ стопамъ

Владычицы, предъ честными Ея иконами, всѣ ваши нужды— и тѣлесныя и духовныя, и частныя и общія. Помощь готова!— Ждется только благопріятное время.

Впрочемъ съ этой стороны, кажется, мы очень исправны. Кто не знаетъ вѣры нашей къ Владычицѣ Богородицѣ? И кто не видитъ, какъ неотступно докучаемъ мы Ей своими моленіями?—Но исправна ли у насъ другая сторона, приличная празднеству и имъ вызываемая?—Вѣдь нельзя же все только просить, да просить. Въ прочіе дни просимъ: ужели же и въ праздники все только просить?! Нѣтъ. Въ праздники прошенія только намекаются, главное же, съ чѣмъ должно въ эти дни являться предъ лице празднуемаго,—это есть своего рода посильный приносъ. Принимая приносъ, онъ вспомнитъ о принесшемъ, вспомнитъ и о постоянныхъ прошеніяхъ и нуждахъ его, и тутъ же положитъ удовлетворить имъ. Такъ это бываетъ въ житейскомъ нашемъ быту. Такъ умѣстно сему быть и въ быту нашемъ духовномъ. Потому что если намъ положено по человѣчески служить Богу, то тѣмъ болѣе по человѣчески можемъ мы относиться ко Святымъ Его.

Судя по сему, нѣтъ сомнѣнія, что и Пресвятая Дѣва Богородица нынѣ въ день, Ей посвященный, ждетъ отъ насъ приличнаго приноса. Не исполнить сего и непохвально и неполезно. Что же принесемъ?!—

Дѣвы любятъ цвѣты. Цвѣты принесемъ и Дѣвѣ Богородицѣ. Но какъ Дѣвѣ Пречистой — цвѣты чистые, какъ Приснодѣвѣ — цвѣты неувядаемые, какъ Царицѣ небесной — цвѣты райскіе, — небесные — духовные. Вы вѣрно понимаете, что это за-цвѣты?. Это тѣ, кои засѣменяются въ сердцѣ дѣйствіемъ Пресвятаго Духа и подъ Его благодатнымъ напитіемъ растутъ и распускаются,—цвѣты святыхъ чувствъ и расположеній, которыми должно быть преисполнено сердце Христіанина, и которые справедливо называются райскими, небесными насажденіями въ сердцѣ нашемъ.

Какіе именно требуются отъ насъ цвѣты сего рода, можно

бы дознать наведеніемъ отъ цвѣтовъ садовыхъ къ похожимъ на нихъ цвѣтамъ добродѣтелей. Но не напрягайтесь на это умомъ вашимъ, чтобъ не потеряться въ широтѣ сличительныхъ соображеній. Поищемъ лучше опредѣленныхъ на то указаній въ словѣ Божіемъ.

Всѣ цвѣты, сколько ихъ есть, суть только разнообразныя сочетанія семи цвѣтовъ радуги, явленной на небѣ послѣ потопа въ знаменіе обезопашенія и помилованія преступнаго человѣчества. Своего рода радуга возсіяваетъ и въ духѣ нашемъ, когда по спаденіи водъ нечистыхъ помысловъ и пожеланій, и по принесеніи Богу жертвы всецѣлаго преданія себя въ волю Его, благоволитъ Онъ отпечатлѣть въ насъ ощутительное знаменіе Своего съ нами примиренія. Вотъ изъ какихъ цвѣтовъ слагается сія радуга:—духа премудрости и разума, духа совѣта и крѣпости, духа вѣдѣнія и благочестія, духа, наконецъ, страха Божія. Бери кто что имѣетъ изъ сего, и неси нынѣ въ даръ Пречистой Дѣвѣ Богородицѣ.

Радужные цвѣты являются еще чрезъ преломленіе лучей солнца въ призмѣ. Это наводитъ насъ вотъ на какую мысль:— неприступный свѣтъ Тріѵпостаснаго Божества, отражаясь въ пріемлющихъ его небесныхъ силахъ, духовно оцвѣчиваетъ ихъ соотвѣтственно степени своего таинственнаго въ нихъ преломленія, и тѣмъ опредѣляетъ характеристическія черты девяти чиновъ Ангельскихъ. Подобное нѣчто совершается и въ насъ. Когда чистѣйшій нераздѣльный свѣтъ святости Божіей падаетъ на наше естество, составленное изъ девятерной іерархіи силъ; то соотвѣтственно тому, какъ въ какой части преломляются, даетъ бытіе слѣдующимъ девяти цвѣтамъ духовнымъ—плодамъ Святаго Духа, какъ изчисляетъ ихъ св. Апостолъ, говоря: *плодъ духовный есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. 5, 22.). Берите и изъ этихъ, что у кого есть, и несите нынѣ въ даръ Пречистой Дѣвѣ Богородицѣ!

Цвѣты въ радугѣ располагаются одинъ надъ другимъ въ восходящемъ порядкѣ и притомъ такъ, что одинъ будто вхо-

дитъ въ другой и всѣ составляютъ непрерывную лѣствицу, стремящуюся къ небу. Укажу вамъ одно мѣсто о подобномъ сочетаніи и добродѣтелей, какъ бы о переливахъ духовной цвѣтности. По полученіи благодатныхъ силъ, учитъ Апостолъ Петръ (2 Петр. 1, 4.), принесши съ своей стороны въ дѣло спасенія все тщаніе,—*подайте далѣе въ вѣрѣ вашей добродѣтель, въ добродѣтели разумъ, въ разумѣ воздержаніе, въ воздержаніи терпѣніе, въ терпѣніи благочестіе, въ благочестіи братолюбіе, въ братолюбіи любовь.* Есть что нибудь такое у кого?—Бери щедрою рукою и неси нынѣ въ даръ Пречистой Дѣвѣ Богородицѣ.

Вотъ какъ разнообразны духовные цвѣты и какой богатый предполагается цвѣтникъ добродѣтелей въ сердцѣ каждаго Христіанина! Даруй, Господи, чтобъ и ваши сердца были украшены такими совершенствами! Тогда идите въ садъ сей, собирайте цвѣты сіи и составляйте изъ нихъ букеты въ честь Владычицы Богородицы.—Говорятъ, что есть языкъ цвѣтовъ, и что посредствомъ сочетанія ихъ можно передать другому свои мысли. Займитесь этимъ нынѣ, и начните сію безмолвную, внятную однакожъ бесѣду!—Возьмите, напр., если кто имѣетъ,—цвѣтъ воздержанія, трезвенности, вниманія, или храненія сердца, и вы тѣмъ скажете: се приносимъ Тебѣ букетъ цѣломудрія! Возьмите еще, если есть у кого, цвѣтъ отрѣшенія отъ всего, безпрекословнаго повиновенія и непрестаннаго пребыванія въ молитвахъ и подвигахъ самоотверженія,—и вы тѣмъ выразите: се приносимъ Тебѣ букетъ иночества!—Возьмите и еще—цвѣтъ терпѣнія, нелицепріятія, страха Божія и разсудительности,—и въ васъ узритъ, Пречистая, приносимый Ей букетъ вѣрности своему долгу.—Подобно сему дѣлайте и другія сочетанія, но только не безъ мысли, а такъ, чтобъ въ семъ сочетаніи выразить вамъ себя,—свой чинъ и званіе,—каковыми они должны быть, по требованію Христіанства.—Здѣсь—на землѣ—мы сокрыты другъ для друга внутренно и различаемъ себя взаимно только по внѣшнимъ признакамъ и отличіямъ. Но для неба открыто наше внутреннее настроеніе, и для него мы таковы,

каковы есмы въ сердцѣ своемъ. — Настроимся же въ сердцѣ такъ, чтобъ какими насъ здѣсь признаютъ по внѣшности, таковыми съ неба созерцали насъ по внутреннему настроенію, читая наше сердце, или уразумѣвая смыслъ сочетанія въ немъ духовныхъ цвѣтовъ добродѣтелей. Дѣлая такъ, мы принесемъ нынѣ Богородицѣ—всякой свое—Пастыри истинное пастырство, иноки доброе иночество, судьи Христіанское судейство, торговцы — честное торговство, супруги — вѣрность, дѣвы и юноши — чистоту и проч. Блаженны души, могущія нынѣ явиться таковыми! Пречистая Дѣва обоняетъ духовное ихъ благоуханіе, уразумѣетъ безъ словъ смыслъ ихъ приношенія и обильно исполнитъ ихъ своими благословеніями!

На дѣлѣ, можетъ быть, не все у всѣхъ есть; но всячески что нибудь изъ показаннаго да есть. Принеси всякой что можетъ. Всемилостивая удовольствуется и малымъ, коль скоро приносится то съ искренностію и усердіемъ.

Что же принесутъ Ей тѣ изъ насъ (если окажутся такіе), которые не только букетъ составить, но и одного цвѣтка завялаго найти въ себѣ не могутъ?—Что принесемъ Ей мы, бѣдные?!—Принесемъ слезы покаянія, въ той увѣренности, что онѣ могутъ замѣнить и всѣ цвѣты и всѣ разнообразныя сочетанія ихъ. Видали ль вы, какъ разноцвѣтно играетъ лучь солнца въ каплѣ росы, когда застаетъ ее на цвѣткѣ?! Сдѣлаемъ и себѣ нѣчто приспособительно къ сему! Пройдемте умно по всѣмъ цвѣтамъ обязательныхъ для насъ добродѣтелей и не находя ихъ въ себѣ, оросимъ ихъ слезами глубокаго сердечнаго сокрушенія. Когда потомъ возсіяетъ въ насъ Солнце правды, лучь Его разноцвѣтно отразится въ слезахъ нашихъ.— Эти не наши,—отражающіеся однакожъ въ нашихъ слезахъ цвѣты и принесемъ Приснодѣвѣ, взывая: тока слезъ нашихъ не отвратися, яже отъ всякаго лица всяку слезу отъемшаго, Дѣво, Христа рождшая!—Аминь.

22 Октября,

1860.

LIV.

ВЪ ДЕНЬ АРХИСТРАТИГА БОЖІЯ МИХАИЛА.

Празднуемъ день Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ. Вы теперь вѣрно всѣ на небѣ,—въ хорѣ ангеловъ,—умно предстоите Богу и вмѣстѣ съ ними воздаете честь и славу Сѣдящему на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ.... Не возмущу словомъ моимъ высокаго покоища вашего и не стану низводить васъ долу. Пребудьте тамъ. По силѣ моей и я вознесусь къ вамъ, и займемся вмѣстѣ размышленіемъ о небожителяхъ.

Тамъ начало настоящей исторіи человѣческаго рода,—знаете ли вы это?! Но хоть и знаете, припомнимъ о томъ вмѣстѣ. Невидимый міръ лучше видимаго и ангелы совершеннѣе человѣка. Но какъ тварямъ, и имъ нужно было дать заповѣдь, чтобы испытать склоненіе ихъ произволенія и утвердить ихъ свободу въ добрѣ. Заповѣдь, какъ полагать должно, дана имъ тотчасъ по сотвореніи ихъ. Мы не можемъ опредѣлить, въ чемъ она состояла; но была такого свойства, что послужила однимъ на паденіе, другимъ на возвышеніе.... Первый изъ безплотныхъ не покорился сему распоряженію Царя всяче-

скихъ. Не видѣлъ ли онъ достаточныхъ основаній къ тому, чтобъ покориться Богоучрежденному порядку, или ему казалось, что можно учредить иной порядокъ небожительства, по тому или другому, только онъ возмутился противъ Бога и Его воли и увлекъ за собою третью часть низшихъ ангеловъ.—Напротивъ того Михаилъ Архангелъ остался вѣрнымъ, а по его примѣру всѣмъ существомъ предались Божественнымъ распоряженіямъ и всѣ прочіе ангелы, за исключеніемъ падшихъ. Правосудный Богъ низвергъ сатану съ неба со всѣми его приверженцами, употребивъ орудіемъ къ тому Михаила Архангела съ другими ангелами, послѣдовавшими его примѣру. Михаилъ Архангелъ такъ и изображается—поражающимъ сатану, попираемаго ногами. Съ тѣхъ поръ Михаилъ Архангелъ есть стражъ славы Божіей и Божественныхъ учрежденій, а сатана—богоборецъ и досадитель Божій.

Я не буду вамъ изображать, какъ отверженный и низверженный сатана увлекъ къ преступленію заповѣди Божіей первозданныхъ человѣковъ, и какъ чрезъ нихъ влилъ ядъ зла во весь родъ человѣческій и во весь видимый созданный для насъ міръ. — Это все вы знаете. Хочу только изъ сказаннаго сдѣлать одно самое простое примѣненіе къ намъ самимъ, не безполезное для насъ при настоящемъ, начинающемъ преобладать вокругъ насъ духѣ.

Сойдите теперь съ неба и войдите внутрь себя. И у насъ есть равноангельная сила—умъ,—царь въ головѣ, какъ говорятъ.... И сей царь бываетъ въ насъ и для насъ—или Михаилъ Архангелъ—стражъ славы Божіей и Божественныхъ учрежденій, или сатана-богоборецъ и возмутитель. Поясню вамъ коротко, какъ это и когда.

Умъ нашъ законно называется—царь въ головѣ, — только онъ есть царь не независимый. Ради его мы и разумною тварію именуемся; но не онъ источникъ нашей дѣйствительной разумности. Богъ создалъ его способнымъ узнавать истину,—но не далъ ему силы самому открывать и уразумѣвать всякую истину. Полнота всякой истины и всякаго вѣдѣнія въ Богѣ.

Нашъ разумъ долженъ учиться уже у Него.... Такъ Богъ его создалъ, такъ и дѣйствовалъ въ отношеніи къ нему.... Прямо по созданіи является ему, бесѣдуетъ съ нимъ, — жилище ему учреждаетъ, заповѣдь даетъ и проч. И такъ назначеніе нашего разума или воля Божія, на естество его наложенная, есть, чтобъ онъ учился истинѣ у Бога, принималъ смиренно истины, свыше сообщаемыя, или вседушно покорялся Богооткровенному ученію и всей открытой намъ волѣ Божіей. Разумъ покоряющійся сей напечатлѣнной въ существѣ его заповѣди Божіей,—хранящій ее и защищающій—есть Михаилъ Архангелъ, а разумъ кичливый и въ каченіи своемъ отвергающій откровеніе Божіе и проповѣдующій: не нужно мнѣ откровеніе Божіе, самъ все хочу знать,—и самъ все узнаю;—такой разумъ—есть сатана-богоборецъ.

Богъ дѣйствительно открылъ намъ волю Свою и даровалъ намъ спасительныя учрежденія въ Церкви въ пособіе и руководство намъ падшимъ на пути въ царствіе небесное. Коротко все это можно изобразить такъ:—«Богъ въ Троицѣ покланяемый—Отецъ, Сынъ и Св. Духъ,—все сотворившій словомъ, и о всемъ по частямъ промышляющій, спасаетъ насъ падшихъ и погибающихъ—въ Господѣ Іисусѣ Христѣ благодатію Св. Духа, подаемою чрезъ таинства, подъ руководствомъ и охраніемъ св. Церкви, обѣщая нескончаемо-блаженную жизнь по смерти всѣмъ покоряющимся Его волѣ, и грозя вѣчными муками непокорнвымъ.» Тутъ все Богооткровенное ученіе или вся воля Божія о насъ! Разумъ долженъ покориться всему сему ученію,—смиренно принять его все, и напечатлѣть въ себѣ, чтобъ оно составляло, такъ сказать, его самого,—стало въ рядъ его внутреннихъ неизмѣнныхъ началъ, — и это не только въ такой общности, какъ здѣсь представлено, но и во всѣхъ подробностяхъ или во всѣхъ частностяхъ. Разумъ дѣйствительно такъ поступающій,—напитавшій себя сими истинами, ими проникнутый, дорожащій ими и за нихъ ратующій, не щадя силъ,—есть Михаилъ Архангелъ—стражъ славы Божіей и блюститель Божественныхъ учрежденій.—Напротивъ ра-

зумъ, возстающій противъ сего Богоучрежденнаго порядка вѣденія и жизни, хранимаго въ Церкви Божіей и не только не покоряющійся ему, но и стремящійся совсѣмъ уничтожить его—есть сатана-богоборецъ и возмутитель. Предложу вамъ нѣсколько образчиковъ сатанинства въ умѣ....

Богъ говоритъ о Себѣ, что Онъ троиченъ въ лицахъ— Отецъ, Сынъ и Св. Духъ; такъ исповѣдуетъ и разумъ Богопокорный и защищаетъ сію истину. Разумъ богоборецъ поперечитъ сему и напротивъ учитъ, что или нѣтъ Бога; или если есть, то Онъ единиченъ, а не троиченъ и живетъ Самъ въ Себѣ не занимаясь міромъ. Такъ проповѣдуетъ иной разумъ, — и хочетъ поставить на своемъ, — и за это онъ есть сатана.

Богъ говоритъ, что міръ сотворенъ словомъ Его изъ ничего въ шесть дней. Такъ исповѣдуетъ и разумъ Богопокорный и защищаетъ сію истину. А разумъ богоборецъ противится сему: міръ, говоритъ, самъ собою сотворился и устроился, и хочетъ поставить на своемъ;—такой есть сатана.

Богъ говоритъ, что Онъ о всемъ до малости промышляетъ и творитъ въ мірѣ, что хочетъ. Такъ исповѣдуетъ и Богопокорный разумъ и защищаетъ сію истину. А разумъ богоборный говоритъ, что нѣтъ промышленія Божія, и что все строится само собою по законамъ, положеннымъ въ естествѣ вещей, которыхъ и самъ Богъ преодолѣть не можетъ. Такъ говоритъ и хочетъ поставить на своемъ,—и за это онъ есть сатана.

Богъ говоритъ, что человѣкъ палъ и по паденіи спасается Господомъ Іисусомъ Христомъ во св. Церкви и пр. Такъ исповѣдуетъ и разумъ Богопокорный и защищаетъ сію истину. А разумъ богоборный ничего такого признавать не хочетъ, не вѣритъ ни паденію, ни воплощенію, ни Богочеловѣчеству, ни искупленію, ни св. Церкви, ни св. таинствамъ, ничему святому, ни даже будущей жизни и воздаянію; не вѣритъ, — и другихъ хочетъ увлечь въ невѣріе и богопротивленіе—и за это онъ есть сатана.

Не продолжаю болѣе.... Довольно и этихъ примѣровъ, чтобъ вы могли различить сатану отъ ангела свѣтла.

И простите, что я въ нынѣшній свѣтлый ангельскій день омрачилъ и озловонилъ души ваши—напоминаніемъ о такихъ смрадныхъ внушеніяхъ сатанинскихъ. Сдѣлалъ сіе для того, чтобъ васъ не сбилъ кто съ пути, прикрываясь свѣтлымъ титломъ разумности и вооружаясь мнимыми правами разума. Твердо увѣрьтесь, что разумъ всегда есть ученикъ: или ученикъ Божій,—и тогда пріемлетъ искренно все Богооткровенное ученіе, содержимое Церковію, или ученикъ сатанинъ,—и тогда онъ съ яростію возстаетъ противъ всего устроенія нашего спасенія. Напрасно разумъ кичитъ и кричитъ:—я самъ все знаю, я знаю иначе, по моимъ понятіямъ не такъ выходитъ и проч. Это сатана учитъ его такъ напыщаться,—и подъ симъ напыщеніемъ прикрываетъ свою отвратительную личность. А разумъ и въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что онъ что нибудь значитъ, и начинаетъ шириться, противъ всего возставать и все разрушать, и не подозрѣвая, что служитъ орудіемъ сатаны. Ибо только и есть—Божій порядокъ и сатанинъ безпорядокъ... Гдѣ нѣтъ Божія, тамъ сатанинское. Такъ вотъ по этимъ признакамъ различайте духи—кто они, и всякаго называйте своимъ именемъ,—не боясь ошибки или преувеличенія.

Не подумайте, что я кого нибудь изъ васъ подозрѣваю въ такомъ худомъ настроеніи ума. Нѣтъ. Питаю въ себѣ увѣренность, что всѣ, нынѣшній день свѣтло празднующіе въ честь Михаила Архангела и прочихъ безплотныхъ силъ,—имѣютъ и умъ архангельскій, т. е., совершенно преданный Богооткровенной истинѣ и Богоучрежденному порядку спасенія. Но осмотритесь!—Вы живете въ обществѣ,—многое видите, многое слышите. Не рѣдко, можетъ быть, видимое и слышимое прямо носитъ печать богоборства.—Не смущайтесь тѣмъ и не колеблитесь въ истинѣ.—Изъ того, что ложь и богохульство явно стали возвышать голосъ свой не слѣдуетъ, что истина перестала быть истиною, и вѣрность Богу потеряла свою цѣну.—Нѣтъ. Это Богъ даетъ вамъ случай показать свою Ему вѣр-

ность и засвидѣтельствовать твердость убѣжденія вашего въ истинѣ. Стойте и въ слѣдъ за Михаиломъ Архангеломъ боритесь за порядокъ Божій,—и въ себѣ и въ другихъ. Не смущайтесь успѣхомъ зла,—тѣмъ, что растетъ богоборство, и расширяетъ свою область.—Скорбите о погибели увлекшихся и увлекающихся, но не бойтесь за истину и цѣлительность Божіихъ учрежденій. Пусть мы сотнями будемъ считать вѣрныхъ Богу, а богоборцы—своихъ милліонами. И тогда Богоспасительное ни сколько не умалится въ силѣ, вѣрности и непреложности,—какъ богоборное въ пагубности. Мы и при этомъ также вѣрно спасемся, какъ тѣ вѣрно погибнутъ. Помните Лота, не погибшаго въ Содомѣ и Гоморѣ.—Не говорите съ огорченіемъ:—за чѣмъ такъ,—за чѣмъ истина покрывается безславіемъ и подвергается нападенію гласному?—Господь крѣпче нашего любитъ Свое добро, видитъ успѣхъ злобы,—и однакожъ молчитъ. Покоримся Его изволенію.—А другое дѣло—одно мановеніе Его,—и всѣ тучи разсѣются и возсіяетъ во всемъ величіи свѣтъ Солнца правды.—Будетъ ли такъ?—Единому Богу вѣдомо!.. не наше дѣло указывать лучшее всевѣдущему Промыслителю.—Что могло бы быть,—мы еще можемъ гадать; но что лучше изъ могущаго быть, куда намъ то уразумѣть?!. Воинства небесныя всѣ на-готовѣ стать за Бога и Его порядки. Но если Богъ не повелитъ имъ дѣйствовать,—предъ ихъ глазами свяжутъ самую истину, предадутъ суду и осудятъ, когда такъ нужно. Не скорбѣть, конечно, нельзя; но омрачаться скорбію до колебанія въ истинѣ—преступно.—Помните мучениковъ. Ихъ не однимъ голымъ словомъ хотѣли поколебать,—и однакожъ не успѣли.—Мужайтесь же и запасайтесь мужествомъ на будущее, испрашивая у Архистратига небесныхъ воинствъ и силъ и умѣнія—стоять вседушно за Богоучрежденный порядокъ нашего спасенія,—хотя бы ради того надлежало потерять намъ все. Аминь.

8 Ноября,
1860 г.

LV.

ВЪ 25 НЕДѢЛЮ ПО ПЯТЬДЕСЯТНИЦѢ.

Прошлый годъ съ этого Воскресенья началъ я вамъ объяснять, въ чемъ состоитъ путь, ведущій ко спасенію, и въ нѣсколько бесѣдъ мы дошли съ вами,—если припомните, до слѣдующаго опредѣленія: «узнай и сердцемъ содержи все, чему учитъ св. Церковь, и, пріемля Божественныя силы чрезъ таинства и возгрѣвая ихъ чрезъ всѣ другія священнодѣйствія и молитвованія Церкви, иди неуклонно путемъ заповѣдей, предписанныхъ намъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, подъ руководствомъ законныхъ Пастырей, и несомнѣнно достигнешь царствія небеснаго и спасешься.» Я нарочно повторялъ тогда нѣсколько разъ это правило, какъ повторяю и теперь, съ тѣмъ, чтобы вы легче могли утвердить его въ своей памяти.—Но при всемъ томъ я не думалъ сказать вамъ что либо новое, а хотѣлъ только порадовать васъ возведши до сознанія, что все, чѣмъ мы чаемъ угодить Богу и душу свою спасти, есть дѣйствительно, Богомъ намъ дарованный, единственный путь ко спасенію, а обрадовавши—возбудить живѣйшую ревность идти симъ, имен-

но, а не другимъ путемъ—безъ колебанія, безъ отставанія и безъ блужденія.

Теперь что остается? Остается идти. Пойдемте же, — чтобъ иначе къ намъ не относился укоръ Спасителя къ Іудеямъ зато,что они не хотѣли воспользоваться указаніями Іоанна Предтечи: *онъ бѣ свѣтильникъ горя и свѣтя*, говорилъ Спаситель, *вы же восхотѣсте возрадоватися въ часъ свѣтенія его* (Іоан. 5, 35.). Т. е., Іоаннъ Предтеча указывалъ имъ путь жизни въ Христѣ Спасителѣ, а они не послѣдовали совѣту его. Что тогда было, то можетъ быть и теперь и во всякое время.—Можно стоять при пути спасенія, колеблясь недоумѣніями,—точно ли этотъ путь есть единственный путь,—и нѣтъ ли другаго поудобнѣе и попривольнѣе. Можно и вѣря въ истину и неотмѣнность пути сего спать при немъ въ безпечности или отлагать самое шествіе день ото дня.—Можно стоять и дивиться на всѣхъ мимоходящихъ путемъ тѣмъ, не двигаясь съ мѣста, или вступать на него и опять сходить,—вступать и сходить. Какъ жаль, имѣя такъ вѣрнымъ полученіе вѣчнаго спасенія, въ день распредѣленія участи всѣхъ, оказаться лишеннымъ его!

Не думаю, чтобъ кто нибудь изъ васъ принадлежалъ къ какому изъ сихъ классу. Избави васъ, Господи!.. Но можно еще вотъ въ какомъ состояніи находиться:—думать, что идешь, а между тѣмъ нейти; можно двигаться, не подаваясь впередъ, подобно мулу, поворачивающему рушальное колесо. На это и прошу обратить вниманіе.

И здѣсь можетъ быть не одинъ случай. Укажу вамъ главный. Это бываетъ тогда, когда кто останавливается на одномъ внѣшнемъ, не обращая вниманія на внутреннее настроеніе сердца,—между тѣмъ какъ поступательное движеніе въ царствіе совершается не иначе, какъ въ сердцѣ и сердцемъ. Оно похоже на восхожденіе воздухоплавательнаго шара вверхъ. Впускаютъ въ сей шаръ высшую легчайшую стихію,—и онъ поднимается къ верху самъ собою. То же и въ дѣлѣ шествія ко спасенію. Пріемлетъ кто небесныя Божественныя стихіи серд-

цемъ, подобонастроеннымъ къ тому,—и восходитъ духовно къ небу—въ духовныхъ совершенствахъ. И чѣмъ болѣе пріемлетъ тѣхъ, тѣмъ выше поднимается, идя прямымъ путемъ въ царствіе небесное. Такъ, всё въ сердцѣ,—а иной, не имѣя ничего въ сердцѣ, и только дѣлая дѣла внѣшнія, неизбѣжныя при семъ, можетъ думать, что онъ идетъ въ царствіе,—тогда какъ на дѣлѣ нейдетъ.

Итакъ ревнуя о спасеніи, все вниманіе должно обращать на устроеніе сердца или на впечатлѣніе въ немъ истинно-Христіанскихъ чувствъ и расположеній, хотя при пособіи всего того видимаго устроенія, которое необходимо входитъ въ составъ спасительнаго пути. Не должно напр. ограничиваться однимъ знаніемъ символа и даже всего катихизиса; а надо сердцемъ пріять и сердцемъ возлюбить всякую изреченную тамъ истину; не должно довольствоваться однимъ внѣшнимъ участіемъ въ молитвованіяхъ Церкви, а надо и умно въ сердцѣ возноситься къ Богу; не должно останавливаться на одномъ добродѣланіи, тѣломъ совершаемомъ, но надо воспитать въ себѣ еще добрыя чувства и расположенія,—и проч. Ибо чего нѣтъ въ сердцѣ, того и на дѣлѣ нѣтъ.—Если нѣтъ вѣры въ сердцѣ, то ея совсѣмъ нѣтъ, хотя бы кто писался православнымъ.—Если нѣтъ воздыханій въ сердцѣ, нѣтъ ихъ и совсѣмъ, хотя бы кто воздухъ колебалъ или и билъ себя въ перси.—Если нѣтъ страха Божія въ сердцѣ, нѣтъ его и совсѣмъ, хотя бы кто видомъ казался исполненнымъ благоговѣнія.—Если нѣтъ чистоты и отрѣшенности въ сердцѣ, нѣтъ ихъ и совсѣмъ, хотя бы кто чистъ былъ тѣломъ и ничего не имѣлъ изъ благъ міра.—Если не бываетъ человѣкъ сердцемъ въ храмѣ, нѣтъ его здѣсь и совсѣмъ, хотя бы онъ тутъ стоялъ тѣломъ. Такъ, все надо совершать сердцемъ.—Сердцемъ любить, сердцемъ смиряться, сердцемъ къ Богу приближаться, сердцемъ прощать, сердцемъ сокрушаться, сердцемъ молиться, сердцемъ благословлять и проч. и проч... Ибо каковъ кто въ сердцѣ, таковымъ зритъ его Богъ съ высоты Своего престола, и соотвѣтственно тому принимаетъ его. Каинъ и Авель приносили

жертвы вмѣстѣ; *но Богъ призрѣ на Авеля и на дары его; на Каина же и на дары его не внятъ* (Быт. 2, 4. 5.). Мытарь и фарисей молились вмѣстѣ въ церкви; но мытарь принятъ, а фарисей отверженъ. Гдѣ причина такихъ отличій? Въ настроеніи сердца. Почему Богъ и требуетъ словами Премудраго: *даждь ми сыне, твое сердце* (Притч. 23, 26.). И пророкъ Давидъ влагаетъ намъ въ уста такую молитву: *сердце чисто созижди во мнѣ Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей* (Псал. 50, 12.).

Каково должно быть настроеніе сердца, свойственное Христіанину, идущему незаблудно путемъ спасенія, это я по временамъ буду объяснять вамъ мало по малу, хотя въ главныхъ чертахъ. Аминь.

13 Ноября,
1860 г.

LVI.

ВЪ НЕДѢЛЮ 26 ПО ПЯТЬДЕСЯТНИЦѢ.

Въ прошедшей бесѣдѣ я навелъ васъ на мысль, что главное въ нашей жизни есть настроеніе сердечное, и что каковъ кто въ сердцѣ, таковымъ того имѣетъ и Богъ, не смотря ни на какія внѣшнія отличія и преимущества. Хочу и нынѣ остановить вниманіе ваше на той же мысли, чтобъ научить васъ— цѣнить свои движенія внутреннія и т. обр. расположить— строже смотрѣть за своимъ сердцемъ и за всѣмъ, что входитъ въ него и исходитъ изъ него.

Не буду для этого входить въ разсужденія. Представлю только нѣсколько случаевъ и примѣровъ изъ слова Божія и житій Святыхъ въ подтвержденіе сей истины.

Вотъ и въ читанномъ нынѣ Евангеліи представляется богачь, который, какъ обычно зажиточнымъ, задумалъ перестроить житницы свои, по случаю обильнаго урожая. Ничего нѣтъ тутъ укорнаго. И за это не укоряетъ его Господь. Но между тѣмъ, какъ онъ это задумалъ, изъ сердца вышло такое помышленіе: «ну теперь только ѣшь, пей и веселись:—нѐ о чемъ заботиться и нѐчего бояться.» Кажется не велико слово. Но

что значило оно?... Оно значило, что онъ сердцемъ отвратился отъ Господа, и весь прилѣпился къ богатству, на него одно полагаясь, и въ немъ чая имѣть вѣрнаго хранителя и всегдашняго защитника, поставляя его такимъ образомъ для себя въ бога. Никто сторонній не видѣлъ въ немъ такого помышленія. Но его зрѣлъ Богъ съ небеси святаго Своего,—и тотъ же часъ далъ ему должный отвѣтъ: *въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе* (Лук. 12, 20.). Легъ онъ, не предвидя никакой опасности, а утромъ найденъ умершимъ. Вотъ судъ Божій не по внѣшнему, а по сердцу. Сколько, бр., знаемъ мы случаевъ скоропостижной смерти!!! Но кто знаетъ,—не отвѣтъ ли это правды Божіей богопротивному настроенію сердца, дѣлающему человѣка недостойнымъ жить въ Богоуправляемомъ мірѣ, настроенію, о которомъ,—думали можетъ быть умершіе,—и Богъ не знаетъ, какъ никто не знаетъ изъ людей!

Предложу вамъ и еще опытъ суда Божія. —

Извѣстно вамъ, что народъ Израильскій былъ возлюбленный Богу. Сколько милостей явилъ къ Нему, и какъ часто необыкновеннымъ образомъ спасалъ его Богъ!... Израиль съ своей стороны служилъ Богу по закону данному Самимъ Богомъ, и хвалился предъ всѣми народами именемъ Господа Саваоѳа, Которому служилъ. Войдемте же теперь мысленно въ храмъ ихъ, и посмотримъ,—что тамъ?... приносятся жертвы овновъ и тельцовъ,—возжигается кадило, поются псалмы; и это въ новомѣсячіе,—всякую субботу и праздники, все по закону Божію. Смотря на сіе, мы бы сказали: благочестивый народъ! Какъ пріятно Богу смотрѣть на эти дѣла ихъ вѣры и Богопреданности! Но вотъ является пророкъ Исаія, и послушайте, что говоритъ объ нихъ отъ лица Божія: «Содомляне вы, Гоморряне вы, сѣмя лукавое, языкъ грѣшный! Что Мнѣ въ жертвахъ вашихъ, кадило ваше—мерзость Мнѣ.... Праздники ваши ненавидитъ душа Моя.... И не приходите являться сюда предъ лице Мое...» Слыша сіе, вы готовы спросить въ изумленіи: за что, Господи, гнѣвъ такой?—И вотъ вамъ отвѣтъ: —За то, что сердце ихъ исполнено лицемѣрія, лукавства, гра-

бительства, жестокосердія ко вдовамъ и сиротамъ, неправосудія, плотоугодія и разврата (Исаіи 1 гл. и др.). Вотъ что было у нихъ на сердцѣ!.. А снаружи посмотрѣть—они, кажется, всѣ были исправны.

Еще разительнѣе то же самое изображаетъ пророкъ Іезекіиль.—Сидѣлъ, говоритъ, я въ домѣ моемъ, и взялъ меня духъ и поставилъ меня—въ видѣніи Божіемъ — въ Іерусалимѣ, въ преддверіи храма... Здѣсь увидѣлъ я одну скважню въ стѣнѣ.—Мужъ явившійся при семъ сказалъ мнѣ: раскопай; и я раскопалъ.. Тотъ сказалъ: войди и виждь беззаконія злая, яже творятъ сіи здѣсь! Я вошелъ и увидѣлъ:—на стѣнахъ изображено всякое подобіе гада и скота и суетная гнушенія, и мужи Израильскіе кадятъ предъ ними, каждый держа свою кадильницу въ рукѣ (Іезек. гл. 8.).—Что это такое?—Было это на дѣлѣ? Нѣтъ. Этимъ изображалось то, что каждый помышлялъ на ложѣ тайнѣмъ своемъ, говоря: не видитъ Господь.—Животными указывались страсти, коими полно было сердце ихъ, а кажденіемъ—рабство симъ страстямъ. Таковы были Израильтяне по сердцу!... Но кто это видѣлъ?.. Никто сторонній... Видѣлъ Богъ, и чрезъ пророка произнесъ Свой судъ надъ ними по тому, каковы они въ сердцѣ.—За то, говоритъ, что они предались нечистотамъ, говоря: не видитъ Богъ. — А Я вотъ есмь.... не пощадитъ ихъ око Мое, и не помилую (гл. 9, 9, 10.). Вотъ какъ вышло. А по внѣшнему поведенію они могли казаться честными.

Припомните въ житіи Андрея Христа ради юродиваго,—какъ ему открыто было внутреннее настроеніе одного человѣка. Всѣ чтили сего человѣка за трудолюбіе, привѣтливость и воздержаніе. Но св. Андрей, подошедши, увидѣлъ змія сребролюбія, обвившагося вокругъ шеи его. Вотъ одно было въ наружности, а другое внутри.

Въ другой разъ—шелъ кто-то—мужчина или женщина—не помню. На видъ ничего худаго не видно было,—но открылись очи у св. Андрея,—и онъ увидѣлъ ангела, зажавшаго себѣ носъ. На вопросъ: что это значитъ, ангелъ сказалъ: нестер-

нимо зловоніе блудной страсти, коею обладаемо сіе лице.—А наружность ничего такого не представляла.

Въ житіи Евѳимія великаго разсказывается, что былъ въ ихъ странѣ старецъ, всѣми чтимый и много всѣхъ пользовавшій своими наставленіями и совѣтами. Всѣ считали его святымъ и Богоугоднымъ. Но когда онъ былъ при смерти, пришелъ другой старецъ и увидѣлъ, что бѣсы окружаютъ одръ его, и съ торжествомъ ожидаютъ исхода души его... Видите, какъ всѣ думали, и какъ оказалось на дѣлѣ!

Разсказывали также, что въ Египетской пустынѣ былъ старецъ, который, когда присылалъ кто къ нему какое подаяніе, тотчасъ угадывалъ, что было на душѣ у того, кто присылалъ, и всегда говорилъ ученикамъ: тутъ кровь или слезы, это отдается корыстію, а это—нечистотою плотскою, или тщеславіемъ и гордынею.

Много бывало и другихъ случаевъ, показывающихъ, что вся сила въ настроеніи сердца, и что каковъ кто по сердцу, таковымъ имѣетъ его Богъ, Ангелы и всѣ Святые. Но довольно и этихъ, чтобъ увѣриться вамъ, что такъ есть.... Обратимся теперь къ самимъ себѣ!

Еслибъ открылись у кого очи умныя,—и онъ осмотрѣлъ насъ здѣсь теперь собравшихся; что-бъ открылось?... Даруй, Господи, всѣмъ намъ—быть и предъ Богомъ по силѣ нашей безукоризненными, какъ мы почитаемся и желаемъ быть почитаемыми между собою взаимно, —въ нашихъ отношеніяхъ. Но, бр., къ чему тутъ слово лести?—Не обольщайтесь самоувѣренностію—войдите внутрь себя,—и разберите тонкія помышленія и устремленія сердца вашего—каждый-своего,—и по тому судите о себѣ и опредѣляйте безъ лицепріятія, что вы,—зная, что таковыми, а не инаковыми открыты вы Богу и всему духовному міру.—А за тѣмъ худое исправляйте въ себѣ, а доброе насаждайте.—Кто-то изъ св. отцевъ изобразилъ сердце сосудомъ, полнымъ всякихъ гадовъ и змій, которые всякой разъ, какъ замышляетъ человѣкъ сдѣлать что, выходятъ изъ него, и если дѣло худо—питаются имъ, а если хо-

рошо—покушаются осквернить его ядомъ своимъ. Если челоловѣкъ внимателенъ къ себѣ, то не допуская дѣлъ худыхъ и тѣмъ, не давая пищи зміямъ, истощаетъ ихъ, и, отрѣвая ихъ покушенія—осквернить добрыя дѣла свои, поражаетъ ихъ во главу. Продолжая неутомимо свой трудъ все въ одномъ родѣ и духѣ, онъ наконецъ убиваетъ сихъ змій и мертвыми выбрасываетъ вонъ.—Зміи суть страсти и склонности худыя. Смерть ихъ—очищеніе сердца отъ страстей. Вотъ объ этомъ и поревнуемъ. Грѣхи дѣлать перестанемъ, а добрыя дѣла станемъ творить такъ, чтобъ къ нимъ не примѣшивались никакія худыя чувства и расположенія. А если что проскользнетъ, будемъ очищать то покаяніемъ. Дѣлая такъ, чистыми явимся мы не только предъ людьми, но и предъ лицемъ Бога всевидящаго... Даруй, Господи! Аминь.

20 Ноября,
1860.

LVII.

НА ВВЕДЕНІЕ ВЪ ХРАМЪ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Вводится въ храмъ Пресвятая Дѣва—отроковица Марія, будущая Матерь Спасителя и всѣхъ вѣрующихъ въ Него! Празднуя нынѣ сіе дѣйствіе изъ Ея жизни, какъ дѣти Ея по вѣрѣ и духу,—понудимъ себя и подражать сему дѣйствію, по его силѣ и значенію. Ибо еще Пророкомъ предъизображено: *приведутся царю дѣвы въ слѣдъ ея, искреннія ея приведутся тебѣ и введутся въ храмъ царевъ* (Псал. 44, 15.). Дѣвы—это души вѣрующихъ;—храмъ царевъ—это внутреннѣйшее Богопребываніе. Если мы вѣрующіе, то по слѣдамъ Богоматери должны восходить во внутренній храмъ—предъ лице самого Царя и Бога.

Введеніе впрочемъ въ храмъ отроковицы Богоматери было только предзнаменованіемъ восхожденія всѣхъ вѣрующихъ предъ лице Бога. Основаніе же и начало тому положено,—и самый путь туда проложенъ уже самимъ Господомъ Спасителемъ—по Его человѣчеству. Онъ вошелъ, какъ пишетъ Апостолъ, въ *самое небо, да явится лицу Божію о насъ* (Евр. 9, 24.). Человѣчество въ лицѣ Іисуса Христа прошло небеса и стало предъ

лице Самого Бога,—не ради Господа, а ради насъ. Этимъ открылся истинный путь святыхъ (тамж. 9, 8), сокрытый для древнихъ подъ символомъ вхожденія въ святая святыхъ скиніи. Послѣ сего уже всѣ вѣрующіе имѣютъ дерзновеніе входить *во внутреннѣйшее за завѣсу, идѣже предтеча о насъ вниде Христосъ* (тамж. 6, 19. 20.),—входить путемъ *новымъ* и *живымъ, его же обновилъ есть намъ Господь завѣсою, сирѣчь, плотію Своею* (тамж. 10, 20.).

Самымъ дѣломъ вѣрующіе входятъ предъ лице Бога симъ путемъ новымъ и живымъ, уже по исходѣ изъ тѣла. Но чтобъ удостоиться сего, надобно въ здѣшней жизни умно или сердечно совершить то, что дѣломъ совершится по смерти, т. е. надобно здѣсь еще—умомъ и сердцемъ взойти во внутреннѣйшее завѣсы, стать предъ лице Бога и утвердиться тамъ на неисходное пребываніе.

Божія Матерь восходила по степенямъ. Есть степени и умнаго восхожденія къ Богу. Ихъ можно насчитать много. Укажу вамъ главнѣйшія:

Первая ступень есть обращеніе отъ грѣха къ добродѣтели.—Человѣкъ грѣшникъ—не помнитъ о Богѣ и о спасеніи души своей не заботится, а живетъ, какъ живется, удовлетворяя своимъ страстямъ и склонностямъ безъ всякихъ ограниченій, лишь бы только это не разстроивало его взаимныхъ къ другимъ отношеній. Очевидно, куда приведетъ человѣка такой путь! Но грѣшникъ въ безпечности и нерадѣніи не видитъ того.—Господь же бдитъ надъ нимъ. И бываетъ, что или ангелъ хранитель въ сердцѣ, или слово Божіе—чрезъ слухъ,—открываютъ очамъ его бездну, въ которую онъ идетъ, смѣживши очи.—Когда грѣшникъ восприиметъ въ чувство опасность своего положенія и возжелаетъ избавиться отъ готовой ему пагубы, тогда полагаетъ въ сердцѣ своемъ твердое намѣреніе отстать отъ прежнихъ своихъ худыхъ дѣлъ и обычаевъ и начать жизнь по заповѣдямъ Божіимъ. Эта перемѣна жизни на лучшее, или какъ я сказалъ—обращеніе отъ грѣха къ добродѣтели и есть—первая ступень восхожденія къ Богу. Того,

кто вступилъ на сію ступень,—вы видите занятымъ съ напряженіемъ силъ симъ однимъ добродѣланіемъ. Нѣтъ его ни на гуляньяхъ, ни въ театрѣ, ни на балахъ,—ни гдѣ, гдѣ потѣшаютъ страсти, и чрезъ нихъ служатъ сатанѣ. Онъ всегда за дѣломъ,—или на должности, или въ трудахъ по семейству, или въ дѣлахъ благочестія и благотворенія.—Ходитъ въ храмы на службы Божіи, какъ только есть возможность и соблюдаетъ всѣ уставы Церкви, помогаетъ всячески нуждающимся, дѣло свое ведетъ добросовѣстно, терпитъ, когда нужно терпѣть,—и за себя и за другихъ, соблюдаетъ миръ и миритъ, отличается постоянствомъ и степенностію, не болтаетъ по пусту, не бранится, мало спитъ, мало ѣстъ и проч. Вотъ эта первая ступень!

Вторая ступень есть обращеніе отъ внѣшняго добродѣланія къ возбужденію и блюденію добрыхъ чувствъ и расположеній. Внѣшнія дѣла, какъ я говорилъ вамъ, цѣнятся болѣе по чувствамъ и расположеніямъ, съ какими совершаются. Сіи чувства не всегда бываютъ исправны, при видимой исправности, и потому губятъ большую часть нашихъ добрыхъ дѣлъ. Напр. въ церкви быть Богоугодное дѣло... но къ сему дѣлу можетъ привиться тщеславіе и сдѣлать его небогоугоднымъ.—Можно съ удовольствіемъ стоять въ церкви, но для того, чтобы глазѣть на то или другое, или чесать слухъ, какъ охуждаетъ Апостолъ.—И это уничтожаетъ доброту пребыванія въ церкви. То же можетъ случиться и со всякимъ добрымъ дѣломъ. Можно милостыню подавать и поститься, да видимы будемъ;—можно много трудиться для другихъ—изъ человѣкоугодія;—можно уединяться и терпѣть—изъ презорства;—можно быть усиленно дѣятельнымъ—изъ зависти,—держаться на службѣ и исправно служить изъ корысти и неправедныхъ прибытковъ, такъ что если прослѣдить всю сумму нашихъ добрыхъ дѣлъ, и строго обсудить чувства, съ какими онѣ совершаемы были,—можетъ оказаться, что онѣ всѣ—ничто—уничтожаются недобротою сокрытыхъ подъ ними чувствъ.—А вѣдь это жаль!—Такъ вотъ и надобно намъ строго смотрѣть, чтобъ никакія худыя чувства и расположенія не оскверняли нашихъ добрыхъ дѣлъ.—Сначала,

когда только обратится человѣкъ отъ грѣха къ добродѣланію,—ему, можно сказать, еще некогда заняться своимъ внутреннимъ.. Вся его забота обращена на то, чтобъ отвыкнуть отъ худыхъ дѣлъ и привыкнуть къ добрымъ. Напр. въ церковь онъ не ходилъ, а проводилъ это время въ какой либо утѣхѣ; надо отвыкнуть отъ сего обычая худаго и привыкнуть къ церкви. Милостыню не подавалъ и тратилъ деньги на другое что, расточалъ, прогуливалъ: надо отвыкнуть отъ гулянья и привыкнуть къ милостыне-подаянію; постовъ не соблюдалъ, а ѣлъ много, сладко и скоромно; надо и здѣсь отъ одного отвыкнуть, а къ другому привыкнуть.—Такъ и во всемъ! Такъ говорю, на первыхъ порахъ, когда обратившійся отъ грѣха только еще отвыкаетъ отъ дѣлъ и обычаевъ грѣховныхъ и привыкаетъ къ добродѣланію, ему некогда слѣдить за своими чувствами,—хоть и не невозможно и не необычно сіе. Тутъ борьба его съ собою даетъ высокую цѣну всякому его дѣлу, хотя бы и проскользнуло когда либо недоброе чувство. Но потомъ, когда онъ навыкнетъ добродѣланію и установится въ порядкѣ добродѣтельной и благочестивой жизни, непремѣнно должно ему войти внутрь своего сердца и строго смотрѣть за своими чувствами. Прежде врагъ старался отвлекать его отъ добрыхъ дѣлъ, когда были еще сильны привычки грѣховныя. Теперь же, когда онъ отвыкъ отъ сихъ послѣднихъ и установился въ добрѣ, врагъ начнетъ неправыми чувствами уничтожать доброту дѣлъ. Такъ и надобно обратиться внутрь и смотрѣть за своими чувствами. Вотъ то время, когда работающій добру, дошедши до сознанія бѣды, опасности или безполезности труда, если при добрыхъ дѣлахъ не бываетъ добрыхъ чувствъ, положитъ твердое намѣреніе войти внутрь себя, строго смотрѣть за своимъ сердцемъ и не допускать ни въ какомъ случаѣ недобрыхъ чувствъ и расположеній — или этотъ поворотъ и обращеніе отъ внѣшняго добродѣланія къ удобренію внутреннихъ чувствъ и расположеній—есть вторая ступень въ восхожденіи къ Богу. — Называется это—внутрьпребываніемъ, вниманіемъ ума, трезвеніемъ, различеніемъ по-

мысловъ, или очищеніемъ сердца. Дѣло сіе состоитъ все въ томъ, чтобы отгонять недобрыя чувства и привлекать, возбуждать и укрѣплять добрыя... Съ самаго утра, говоритъ св. Діодохъ, стань у входа сердца,—и посѣкай главы исходящихъ оттуда злыхъ помысловъ. Ибо какое бы дѣло ни пришлось намъ дѣлать,—тотчасъ лѣзетъ изъ сердца худое помышленіе, чтобъ его осквернить. Нашъ долгъ—худое помышленіе отогнать, а доброе на мѣсто его воспроизвесть и съ симъ добрымъ помышленіемъ совершить дѣло. Напр. вы собираетесь въ церковь; и пойдутъ помыслы: нарядись получше, чтобъ на тебя смотрѣли, или иди,—иди, тамъ увидишь того-то или ту-то... или еще: — сходи; сходишь, скажутъ, что ты благочестивый и под. Все это надо прогнать, а на мѣсто того воспроизвесть въ сердцѣ чувство обязанности быть въ церкви во славу Божію, и съ симъ чувствомъ сходить въ церковь.—Какъ въ этомъ,— такъ надо поступить и въ прочихъ дѣлахъ. Чѣмъ бдительнѣе кто смотритъ за сердцемъ и чѣмъ безжалостнѣе будетъ отсѣкать недобрыя помышленія и чувства, возникающія изъ него, тѣмъ скорѣе ослабитъ, заморитъ и истребитъ сіи страстные помыслы. Они будутъ показываться все меньше и меньше,—а наконецъ и совсѣмъ улягутся и перестанутъ безпокоить, а на мѣсто ихъ укоренятся чувства добрыя и святыя. Въ сердцѣ водворится тогда миръ и невозмутимый покой.—Это походитъ на то, какъ стаканъ мутной воды поставить такъ, чтобъ онъ не колебался. Нечистота все будетъ ссѣдать въ низъ; чѣмъ болѣе она спадаетъ, тѣмъ чище становится вода, а наконецъ и совсѣмъ очистится. Небо, солнце, луна и звѣзды въ немъ будутъ видимы! Вотъ это вторая ступень—очищеніе и чистота сердца чрезъ борьбу съ помыслами и страстями!

Третья ступень—есть *обращеніе отъ себя къ Богу*, которая состоитъ въ томъ, чтобъ стоять умомъ въ сердцѣ предъ лицемъ Бога, что собственно и есть вхожденіе во внутреннѣйшее за завѣсу—путемъ новымъ и живымъ. Первыя двѣ ступени суть только приготовленіе къ сему, но такія, что безъ нихъ ему быть нельзя. Какъ наоборотъ тѣ двѣ безъ сего

послѣдняго не приводятъ къ цѣли. Начало сего состоитъ въ томъ, чтобъ утвердиться въ помышленіи о присутствіи Божіемъ. Гдѣ бы кто ни былъ, чтобы ни дѣлалъ, сознавай, что всевидящее око Божіе утверждено надъ твоимъ сердцемъ и все проникаетъ его. Какъ солнце на небѣ свѣтитъ и освѣщаетъ всю вселенную,—и всѣ твари движутся и дѣйствуютъ подъ его освѣщеніемъ: такъ да творимъ и мы всѣ свои духовныя дѣла,—на умственной тверди своей имѣя утвержденнымъ умное Солнце—Бога всевидящаго. Сіе настроеніе внутрь насъ само собою приходитъ по умиротвореніи помысловъ на второй степени,—и очищеніи сердца отъ страстей. Ибо такъ говоритъ Господь: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ*. Но не въ одномъ зрѣніи существо сей степени,—какъ бы холодномъ Богу предстояніи. Это только преддверіе. Дѣло же самое въ томъ, чтобы сердцемъ къ Богу устремляться, забывъ все—и въ себѣ и окрестъ себя,—въ Богѣ изчезать, или къ Нему восхищаться. Святые отцы называютъ его изступленіемъ, т. е. выступленіемъ изъ обычнаго порядка жизни и погруженіемъ въ Бога, по гречески *екстасисъ*. Чтобъ сдѣлать это понятнѣе для васъ, скажу вамъ—одинъ-другой примѣръ: объ одномъ старцѣ говорили, что онъ помнилъ себя только до первой *славы*, т. е., на три псалма, а потомъ погружался въ Богосозерцаніе и такъ-умно—безъ словъ молился Господу, стоя неподвижно. О другомъ старцѣ говорили, что онъ вечеромъ становился на молитву, обращаясь лицемъ на востокъ,—воздѣвалъ руки свои, былъ восхищаемъ къ Богу,—и такъ пребывалъ неизмѣнно до тѣхъ поръ, пока солнце взошедши ударами лучей своихъ не низводило его съ блаженной высоты. Вотъ это и есть восхищеніе—или самое вступленіе во внутреннѣйшее—предъ лице Бога, о которомъ напомнило намъ празднуемое нами Введеніе Пресвятыя Богородицы. Это высшее его состояніе. Но обычное проявленіе сей степени—въ начаткахъ—есть горѣніе сердца,—или возбужденіе чувствъ при чтеніи, молитвѣ, добродѣланіи, дома и въ церкви, за дѣломъ и на пути. Плодъ сего—молитва. Вспадетъ чувство на сердцѣ,—

человѣкъ входитъ сознаніемъ внутрь,—и ничего не хочетъ имѣть въ мысли кромѣ Бога. Если въ семъ состояніи онъ молится, то сытости не знаетъ поклоновъ и молитвенныхъ воздыханій къ Богу. Горѣніе сердца ублажаетъ его,—и ему всегда хотѣлось бы быть въ семъ состояніи, какъ увѣряетъ Макарій Египетскій,—еслибъ можно. Вотъ, кто началъ приходить въ такія состоянія, тотъ вступилъ на третью ступень, т. е., сталъ восходить отъ себя къ Богу! Это предѣлъ восхожденій, но такой, которому конца нѣтъ: ибо Богъ безконеченъ!

Вотъ три ступени восхожденія въ слѣдъ Пресв. Дѣвы предъ лице Бога! На какой стоимъ мы съ вами, братія! На первой, второй или третьей?—Но на какой бы кто ни стоялъ—все хорошо. Вотъ кто валяется въ грѣхѣ и страстяхъ, не радя о спасеніи,—то худо! А если кто обратился отъ грѣха и вступилъ на путь добродѣтели, тотъ уже на доброй сторонѣ. Только пусть не стоитъ на одномъ мѣстѣ, ибо это опасно, а все движется по немногу впередъ, *задняя забывая и въ предняя простираясь*, какъ заповѣдалъ Апостолъ (Филип. 3, 13.). Аминь.

1860 г.

LVIII.

КЪ ВОСПИТАННИЦАМЪ ТАМБОВСКАГО ИНСТИТУТА, ПОСЛѢ ПАНИХИДЫ ПО БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ, ВЪ СОРОКОВОЙ ДЕНЬ.

Послушайте, дѣти! Я хочу сказать вамъ одно-другое слово въ настоящемъ, столько скорбномъ для сердца вашего, случаѣ.

Отошла ко Господу высокая ваша Покровительница и Попечительница—ваша Мать. Вы не имѣли утѣшенія быть при смертномъ одрѣ Ея и слышать изъ смѣжающихся устъ Ея послѣднее слово, которымъ обыкновенно отходящіе выражаютъ волю свою и даютъ свои завѣты остающимся здѣсь близкимъ своимъ. Вы близки были отшедшей Матери вашей—Государынѣ, какъ и Она жила и живетъ постоянно въ сердцахъ вашихъ:—и Ей не было бы чуждо сказать вамъ слово, и вамъ не нежелательно было бы послушать его.

Дѣломъ совершиться сему уже нѣтъ возможности.—Но попытаемся восполнить этотъ ущербъ мысленно. Вы представьте себя стоящими у смертнаго одра отходящей Государыни, а я возьму слово и какъ бы Ея языкомъ изреку вамъ отъ Ея лица послѣднюю волю Ея.

Духъ Ея намъ извѣстенъ.... На немъ основываясь, не ошибемся, если вложимъ въ уста Ея такую къ вамъ рѣчь:—

Дѣти! я отхожу. Мои попечительныя дѣйствія не будутъ болѣе касаться васъ,—и вѣяніе любви моей не будетъ болѣе согрѣвать и оживлять сердецъ вашихъ.—Но я не оставлю васъ сирыми. Васъ приметъ и будетъ согрѣвать другое, не менѣе широкое и не менѣе богатое любовію сердце.—Каковы были вы ко мнѣ, такими будьте и къ преемницѣ моей. Какъ вы входили въ духъ и намѣренія мои, входите въ духъ и намѣренія Ея и являйте себя безпрекословно покорными Ея матернимъ о васъ распоряженіямъ, и всѣмъ вообще воспитательнымъ порядкамъ—старымъ и новымъ.

Я отхожу,—и должна предстать страшному престолу Судіи. По силѣ моей я старалась не нарушать заповѣдей Божіихъ; но какъ человѣкъ—много согрѣшила, и повинною себя сознаю предъ лицемъ правды Божіей. Не отчаяваюсь однакожъ во спасеніи своемъ, но, въ слезахъ покаянія припадая къ Господу Спасителю, уповаю быть помилованною; о чемъ и молю Его безпредѣльную благость, въ смолитвенники Ему предлагая Пречистую Владычицу Богородицу, Ангела моего хранителя и всѣхъ Святыхъ. Прошу и вашихъ молитвъ. Вашъ дѣтскій вопль вѣрно много поможетъ къ преклоненію на милость строгаго правосудія.

Если и я обрѣту благодать у Бога, — первая молитва моя будетъ о васъ, дѣти! да поможетъ вамъ Богъ быть таковыми, какими я всегда видѣть васъ желала.

Всю жизнь мою я носила васъ въ сердцѣ, и заботамъ моимъ о васъ не полагала предѣловъ. Не могу сказать, всегда ли увѣнчивались успѣхами заботы мои, было ли у васъ все такъ хорошо, какъ бы мнѣ хотѣлось; но это было постояннымъ моимъ желаніемъ.—Если что ускользнуло отъ моего вниманія, если допущенъ гдѣ либо недосмотръ, простите меня Господа ради.—Хоть я не видала васъ лично, тѣмъ не менѣе все ваше отношу къ себѣ,—и смиренно прошу—простить меня великодушно, если считаете меня въ чемъ либо неправою

предъ вами. И я прощаю всѣмъ вамъ все, въ чемъ изъ васъ какая оказывалась неисправною въ исполненіи воспитательныхъ распоряженій:—только утѣшьте меня обѣщаніемъ, что это уже не будетъ болѣе повторяться.

Еще нѣсколько—и меня не станетъ. Вотъ моя воля и мое вамъ матернее завѣщаніе: пребудьте навсегда вѣрными духу вашего народа и требованіямъ святой вѣры вашей.—Учреждая и поддерживая ваши заведенія, я имѣла въ мысли—одно: воспитывать васъ истинно-русскими и православными. Не говорю вамъ: любите отечество: ибо кто не любитъ его?... Но не могу не сказать:—любите его любовію истинною и просвѣщенною.—Есть любовь слѣпая, увлекающаяся въ благожеланіяхъ неосмотрительною поспѣшностію все навязывать намъ безъ разбора... Указываю вамъ безошибочное въ семъ отношеніи руководство въ православіи. Любите Россію въ духѣ православія,—ревнуйте объ усовершенствованіи ея по всѣмъ отношеніямъ, но безъ нарушенія мира вѣры, безъ подрыва ея основъ и ея цѣнности повсюдной. Въ этомъ, скажу вамъ въ горести, надежда на однихъ васъ. Многіе у насъ уже начали уклоняться на распутія.—Изъ чуждыхъ источниковъ пьютъ они мутную воду невѣрія и напаяются началами, несообразными съ государственнымъ устройствомъ нашимъ и съ духомъ нашего народа. Если и вы пойдете по слѣдамъ ихъ, погибла Россія! Да сохранитъ васъ Господь отъ сего несчастія! Дайте же мнѣ увѣреніе, что если Господу угодно будетъ позволить мнѣ съ неба обращать очи мои на васъ, я всегда буду обрѣтать васъ носящими тотъ же духъ св. вѣры и преданности престолу, какими вы всегда отличались,—и я отойду съ большимъ спокойствіемъ.

Въ заботахъ моихъ объ устроеніи спасительнаго для васъ теченія жизни, вотъ что считаю нужнымъ напомнить вамъ!—Здѣсь—въ заведеніи—вы только нарекаетесь жить.—Пройдетъ срокъ воспитанія,—и вы вступите на широкое поприще жизни общественной, полныя силъ и надеждъ.—Туда вѣрно и отселѣ вы часто переноситесь мыслію и желаніями. Не мечтайте мно-

го и не прельщайте себя, предупреждая опредѣленія Божіи произвольными построеніями своей участи, чтобъ послѣ дѣйствительность, разсѣявъ мечты, не поразила вашихъ сердецъ тѣмъ съ большею чувствительностію. Всецѣло предайте себя въ руки Бога, отечески о насъ промышляющаго, — и будьте готовы принять благодушно, что Его св. волѣ угодно будетъ.— Желаю всѣмъ вамъ полнаго счастія; но не могу простирать сего желанія за предѣлы Божіихъ о васъ велѣній, тѣмъ паче наперекоръ имъ. Ибо Онъ лучше насъ знаетъ, что благо намъ, и крѣпче нашего желаетъ облаженствовать насъ,—и что особенно надо содержать въ мысли,—не ограничиваетъ взора Своего однимъ настоящимъ, но простираетъ его на всю будущность, временнымъ искупая вѣчное.

Когда оставите вы заведеніе, не думайте, что общество встрѣтитъ васъ съ открытымъ сердцемъ. Нѣтъ; оно встрѣтитъ васъ съ испытательною подозрительностію, чтобы развѣдать— кто вы и куда обращено устремленіе вашего сердца. Отвѣчайте тогда и вы тѣмъ же. Никому ни въ чемъ не ввѣряйте себя,— и ни какого не позволяйте себѣ дѣлать шага даже сердцемъ,— безъ совѣта родителей, воспитателей и попечителей вашихъ, которыхъ искренняя къ вамъ любовь уже такъ осязательно испытана вами. Самимъ же вамъ вотъ что предложу въ руководство! Вы встрѣтите два пути—узкій и широкій. Смотрите на конецъ того и другаго, указанный самимъ Господомъ, и не колеблитесь въ выборѣ по сему указанію.—Васъ встрѣтятъ два духа—духъ Христіанства и духъ міра.—Какъ вы не духъ міра сего пріяли, но духъ, иже отъ Бога, то влекитесь всѣмъ расположеніемъ въ слѣдъ послѣдняго и отрѣвайте первый. Тутъ конечно не обойдется безъ борьбы. Готовьтесь къ ней отселѣ,—и когда придетъ срокъ, вступайте въ нее въ уповании на всесильную Божію благодать.—Можетъ быть васъ всѣ оставятъ и противъ васъ будетъ не только большинство, но даже весь міръ, или, какъ нынѣ называютъ—общественное мнѣніе, которое не всегда стоитъ за правду, а нерѣдко возстаетъ на Господа и на Христа Его.—Но дерзайте: ибо *болій есть, Иже*

въ васъ, нежели иже въ мірѣ (Іоан. 4, 4.); и—Той побѣдитъ... Побѣдитъ Господь, за Котораго будете подвизаться. Поставьте себѣ руководительницами въ семъ св. дѣвъ-мученицъ — Екатерину, Варвару, Анастасію, Февронію и другихъ—и на нихъ смотрите, какъ на образцы: ибо и онѣ боролись съ общественнымъ тогда мнѣніемъ.—Побороли,—и нынѣ торжествуютъ!

Еще одно слово, котораго въ другое время я, можетъ быть, и не сказала бы вамъ... Никому не миновать того положенія, въ которомъ нахожусь я въ часъ сей. Сляжете и вы на одръ смертный; тогда откроются очи ваши, и вы многое увидите—не такъ, какъ оно представлялось вамъ въ жизни.... Хотите ли имѣть вѣрную охрану отъ опасныхъ увлеченій и поползновеній въ жизни, — *помните послѣдняя своя*, какъ совѣтуетъ Премудрый.—Между всѣми средствами, какія есть въ рукахъ человѣка къ укрѣпленію права своего, нѣтъ могущественнѣе памяти смертной. Это самый вліятельный и всеобъемлющій педагогъ, годный и въ курсъ воспитанія, какъ и во все время жизни. Какъ жаль, что многіе доходятъ до познанія его уже тогда, какъ не могутъ воспользоваться его уроками. Желаю, чтобы вы не принадлежали къ сему числу. Не бойтесь помнить о смерти. Это не отравитъ жизни вашей, а напротивъ отвлечетъ васъ отъ дѣйствительныхъ, хотя подслащенныхъ, отравъ жизни, и научитъ находить утѣшенія прочныя, такія, которыя будутъ служить для васъ предвкушеніемъ нескончаемаго блаженства. Повѣрьте мнѣ, что это такъ! Умирающіе не лгутъ.—Они одни и могутъ вѣрно оцѣнивать силу помышленій о часѣ смертномъ.

Вотъ что могли бы вы услышать изъ устъ умирающей Государыни Императрицы—Матери вашей! Не нахожу что прибавить къ сему съ своей стороны, кромѣ одного искренняго желанія,—чтобъ этотъ урокъ напечатлѣлся въ сердцѣ вашемъ и сталъ руководительнымъ началомъ всей жизни вашей. Моимъ архипастырскимъ словомъ могу завѣрить васъ, что здѣсь прописанъ для васъ самый благонадежный и безопасный путь жизни, цѣнный въ очахъ Божіихъ и человѣческихъ. Позволь-

те только напомнить вамъ, что ваши отношенія къ почившей Государынѣ не кончаются Ея смертію и этими панихидами. Вы вѣрно и сами знаете то. Но и поступайте же по тому, какъ знаете. Съ вашею молитвою утреннею и вечернею всегда соединяйте и краткую молитву о упокоеніи души Ея такъ: помяни, Господи, благочестивѣйшую Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну. Это будетъ и для Ней утѣшительно, и для васъ назидательно. Аминь.

Ноябрь.
1860 г.

LIX.

ВЪ НЕДѢЛЮ 29 ПО ПЯТЬДЕСЯТНИЦѢ.

Не разъ уже я предлагалъ вашему вниманію ту простую истину, что въ Христіанствѣ существо дѣла состоитъ въ настроеніи сердца—во внутреннихъ расположеніяхъ, или внутренней нашей дѣятельности: съ чѣмъ, думаю, вы сами были и пребываете согласными. Но доселѣ еще не покушался вмѣстѣ съ вами войти внутрь, подвергнуть разсмотрѣнію все бывающее тамъ, чтобы каждый чрезъ то навыкъ различать потомъ въ себѣ доброе и худое,—и соотвѣтственно тому обходиться съ собою. Сдѣлаемъ это теперь.

Смѣжите же внѣшнія чувства ваши,—обратите око вниманія внутрь и смотрите, что тамъ?

На первый разъ вы ничего тамъ не увидите, не потому, чтобъ тамъ не было ничего, но потому что тамъ слишкомъ много всего,—и все сбито и бродитъ въ безпорядочномъ смятеніи. Вы будете испытывать то же, что испытываютъ въ густой туманъ. Какъ въ семъ случаѣ туманъ, какъ стѣною, отграждаетъ отъ насъ всѣ предметы и сокрываетъ ихъ въ себѣ: такъ кто въ первый разъ обращается внутрь себя, тотъ ви-

дитъ, что какъ мрачнымъ покровомъ закрыто все его внутреннее. Въ этомъ можете удостовѣриться теперь же.

Но не прекращайте труда самоуглубленія. Потерпите немного въ семъ трудѣ, и вы скоро начнете различать мало по малу происходящее внутрь васъ, подобно тому, какъ вошедшій снаружи въ слабоосвѣщенную комнату, постоявши немного, начинаетъ одинъ за другимъ различать находящіеся въ ней предметы.

Усугубьте же вниманіе и смотрите: вотъ предметъ, который васъ занималъ, отошелъ,—его мѣсто заступилъ другой;—этотъ тотчасъ замѣщенъ третьимъ; не успѣлъ этотъ показаться, какъ его тѣснитъ четвертый, гонимый въ свою очередь пятымъ и т. д. Одно помышленіе спѣшно смѣняется другимъ,—и это такъ быстро, что всегда почти нѣтъ возможности дать себѣ отчета въ томъ, что прошло чрезъ нашу голову. Эта подвижность помышленій не оставляетъ насъ не только въ промежуткахъ занятій, напр. при переходахъ съ одного мѣста на другое, но и во время ихъ, какъ бы важны онѣ ни были:—и во время молитвы здѣсь въ храмѣ или дома,—и во время чтенія и даже размышленія углубленнаго и проч. Обычно называютъ это думаніемъ;— въ существѣ же дѣла—это есть расхищеніе ума, или разсѣянность и отсутствіе сосредоточеннаго вниманія, столько нужнаго въ дѣлѣ управленія самимъ собою. Вотъ это и поставьте первою чертою нашего внутренняго человѣка. Подобіе ему—смятеніе снѣжинокъ, падающихъ при вѣтрѣ,—или толченіе насѣкомыхъ въ воздухѣ—въ лѣтніе вечера. Противоположное ему состояніе у Святыхъ есть вниманіе ума, по коему ничто самовольно не входитъ въ голову,—и не выходитъ изъ нея,—все подчинено свободѣ и сознанію, въ коемъ обычно пребываетъ одинъ Богъ и лице Его созерцающее. Между сими противоположностями стоятъ разныя степени душъ,—потѣющихъ въ борьбѣ съ помыслами и ревнующихъ объ умиротвореніи ихъ.

Присмотритесь еще внимательнѣе,—и вы различите въ себѣ,—подъ этимъ смятеніемъ помышленій въ умѣ,—въ волѣ

постоянную заботу объ устроеніи своего быта, которая непрестанно точитъ душу, какъ червь, гонитъ человѣка труженика отъ одного дѣла къ другому, устремляя его все впередъ, по недовольству ни чѣмъ обладаемымъ, и при производствѣ одного всегда представляя сотни другихъ дѣлъ, будто неизбѣжныхъ. Съ перваго пробужденія нашего отъ сна осаждаетъ душу забота и не даетъ намъ—ни посидѣть на мѣстѣ, ни поговорить съ кѣмъ, какъ должно, ни даже поѣсть спокойно, пока не свалитъ утомленныхъ въ глубокую ночь на отдыхъ, въ свою очередь возмущаемый заботливыми сновидѣніями. Эта болѣзнь именуется *многозаботливостію*, которая снѣдаетъ душу, какъ ржа желѣзо. Ее и поставьте второю чертою бывающаго внутрь насъ. Противоположное ему свойство Святыхъ есть безпечаліе, которое не есть беззаботность, а смиренный трудъ,—правильный,—въ преданіи себя и своей участи всепромыслительному попеченію Божію. Средину между ними составляетъ борьба—самопромышленія съ смиреннымъ преданіемъ себя промышленію Божію, при посильномъ и своемъ трудѣ.

Смотрите еще глубже, — и вы должны увидѣть внутри плѣнника, связаннаго по рукамъ и ногамъ, противъ воли влекомаго туда и сюда, въ самопрельщеніи однакожъ мечтающаго о себѣ, что онъ наслаждается полною свободою. Узы сего плѣнника составляютъ пристрастія къ разнымъ лицамъ и вещамъ, окружающимъ его, отъ которыхъ больно намъ отстать самимъ и болѣзненно разстаться, когда другіе отнимаютъ ихъ у насъ. Какъ на удочку попавшаяся рыба плаваетъ еще, но никакъ не дальше, какъ позволяетъ нить, къ коей прикрѣплена удочка; или какъ птица въ клѣткѣ летаетъ и ходитъ, но никакъ не далѣе предѣловъ клѣтки: такъ пристрастія оставляютъ еще душѣ свободу дѣйствовать, какъ хочетъ, пока она не касается предметовъ ихъ. Коснись дѣло до сихъ предметовъ, душа никакъ не совладаетъ съ собою. И чѣмъ больше пристрастій, тѣмъ меньше кругъ свободы. А бываетъ и такъ, что иной всѣмъ связанъ, и не въ силахъ сдѣлать движенія въ одну сторону безъ того, чтобъ не причинить себѣ боли съ

другой. Подобно тому, какъ идущій гдѣ либо въ лѣсу и запутавшійся тамъ и руками и ногами и платьемъ въ прилипчивую траву, какимъ бы членомъ ни двинулъ, чувствуетъ себя связаннымъ: такимъ точь-въ-точь чувствуетъ себя и пристрастный ко многому тварному. Это поставьте третьею чертою нашего внутренняго состоянія — *пристрастность*. Противоположное ему свойство Святыхъ есть отрѣшенность отъ всего, свобода сердца, внутренняя независимость. Средину между ними составляетъ работа надъ освобожденіемъ сердца отъ пристрастій.

Расхищеніе ума, многозаботливость и пристрастность—это еще не вся доля наша. Хоть онѣ качествуютъ внутри, но все еще витаютъ какъ бы на поверхности сердца. Приникнемъ глубже вниманіемъ къ сему сердцу и прислушаемся къ тому, что тамъ. Упрежду ваше соображеніе сравненіемъ. Путникъ въ горахъ,—видитъ пещеру, входъ въ которую прикрытъ разросшеюся травою,—внутри мракъ. Приложивъ ухо, онъ слышитъ тамъ шипѣніе змей, рычаніе и скрежетъ зубовъ дикихъ звѣрей: это образъ нашего сердца. Случалось ли вамъ когда наблюдать за движеніями его? Попробуйте сдѣлать это, хотя въ продолженіи небольшаго времени, и вотъ смотрите, что вы можете тамъ увидѣть. Получили непріятность—разсерчали, встрѣтили неудачу—опечалились, врагъ попался — загорѣлись местію, увидѣли равнаго вамъ, занявшаго высшее мѣсто,—начинаете завидовать. Подумали о своихъ совершенствахъ—заболѣли гордостію и презорствомъ. А тутъ человѣкоугодіе, тщеславіе, похоть, сластолюбіе, лѣность, ненависть и проч.—одно за другимъ поражаютъ сердце. И это иногда въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. Все это исходитъ изъ сердца и въ сердце же возвращается. Справедливо одинъ изъ подвижниковъ, внимательныхъ къ себѣ, созерцалъ сердце человѣческое полнымъ змій ядовитыхъ, кои суть страсти. Когда загорается какая либо страсть—это то же, какъ бы змій выходилъ изъ сердца и, обращаясь на него, уязвлялъ его своимъ жаломъ. И когда выникаетъ змій—больно, и когда жалитъ—больно... Ужаливая,

питается онъ кровію сердца и тучнѣетъ; тучнѣя, дѣлается болѣе ядовитымъ и злымъ, и еще болѣе терзаетъ сердце, въ коемъ живетъ. Такъ бываетъ не съ одною только страстію, но со всѣми, а онѣ никогда не живутъ по одиначкѣ, а всегда всѣ въ совокупности, одна другую заслоняя, но не истребляя. Таково сердце человѣка грѣху работающаго, кто бы онъ ни былъ. Противоположное сему сердце Святыхъ свободно отъ страстей, или украшается безстрастіемъ. Въ срединѣ стоятъ борющіеся со страстьми и похотьми подъ знаменіемъ подвигоположника Господа, въ Его всеоружіи.

Довольно! Не распространяюсь далѣе. — Но что же?—порѣдѣлъ ли теперь для васъ мракъ, сокрывающій наше внутреннее?.. И если порѣдѣлъ, — на радость ли это или на горе?— Горе разсѣяннымъ, многозаботливымъ, привязаннымъ къ чувственному и терзаемымъ страстями! — Блаженны напротивъ души, внимательныя къ себѣ, упокоевающіяся въ Богѣ, отрѣшенныя отъ всего и сердце свое очистившія отъ страстей! Благословенны и труды тѣхъ, которые, оставя пагубы первыхъ, стремятся востечь къ блаженству вторыхъ! — Куда же кого изъ васъ поставитъ совѣсть ваша? Желалъ бы, чтобы вы всѣ принадлежали къ числу блаженныхъ, наслаждающихся совершенствомъ въ Господѣ. Если же это не есть удѣлъ нашъ,— будьте по крайней мѣрѣ въ числѣ работающихъ и воюющихъ за полученіе сей почести вышняго званія. — Но никто да не остается въ числѣ безпечныхъ, пораженныхъ нечувствіемъ и слѣпотою, и въ семъ нечаяніи терзаемыхъ страстями, среди разсѣянія мыслей, заботъ и всякаго рода пристрастій. Аминь.

11 Декабря,
1860 г.

LX.

КЪ НОВОИЗБРАННЫМЪ СУДІЯМЪ.

Слава Тебѣ, Господи, скажемъ и мы съ вами! Кончились труды и безпокойныя соображенія ваши, желанія улеглись, порядокъ установился, остается одно чаяніе исполненія предположеннаго... И вы собрались нынѣ въ храмъ—одни,—чтобъ принести благодарность за окончаніе труда и предать Господу надежды въ выборахъ, другіе,—чтобъ испросить благословеніе Божіе на начало новыхъ трудовъ и освятить молитвою первые шаги свои на пути служенія. Да благословитъ васъ Господь, по молитвѣ вашей!

Какъ вы теперь сдѣлали, такъ дѣлайте и во все время служенія вашего и во всѣхъ дѣлахъ его. — Особенно, когда мысль будетъ двоиться, или обстоятельства такъ сложатся, что трудно опредѣлить, на какую сторону надо склониться своимъ содѣйствіемъ, всегда обращайтесь къ Господу за вразумленіемъ, — и получите просимое... Ибо Господь близъ, и Онъ есть дѣйствуяй въ насъ и еже хотѣти и еже дѣяти истинно доброе.—Сами будете недоумѣвать, какъ въ часъ молитвы сложатся мысли, и сердце приметъ правую сторону.

Ибо не умъ рѣшаетъ. Вы вѣрно знаете, что правитъ всѣмъ Господь,—и что Его намѣреній никто перемѣнить не можетъ. Если Онъ и попускаетъ что, то только прикосновенное, а не главное,—куда Онъ потомъ устремляетъ и попускаемое. Есть путь промышленія Божія или программа для теченія происшествій—и большихъ и малыхъ,—умомъ Божіимъ созерцаемая и силою Его приводимая въ исполненіе. Весь трудъ правителей, а равно и все достоинство правительствованія состоитъ въ томъ, чтобы попасть на сей слѣдъ Божій, въ эту стезю, проначертанную мыслію Божіею. Тѣ только дѣйствія и плодотворны и велики, которыя попадаютъ на сей путь, хоть бы онѣ не выдавались изъ за-другихъ, — и это истинно не только относительно многообъятныхъ дѣйствій, но и относительно малыхъ, касающихся одного лица, семейства, рода, а не только цѣлаго села или округа. Сознавши сіе, спросите сами себя, какъ попасть на сей благотворный слѣдъ? И вы не найдете другаго отвѣта, кромѣ слѣдующаго: предайте всецѣло въ руки Божіи и себя и свое служеніе, и за тѣмъ молитвенно припадайте ко Господу о вразумленіи и укрѣпленіи всякой разъ, какъ приступаете къ дѣлу, или еще лучше, непрестанно содержите въ себѣ сей молитвенный духъ и настроеніе, и никогда не будете лишены должнаго руководства. Еще никто изъ уповающихъ на Бога и живущихъ въ Немъ сердцемъ не былъ посрамленъ. Не увлекайтесь видимостію.— Жизнь спѣется сокровенно: такъ совершается и все животворное. Не прельщайтесь успѣхомъ, не смущайтесь и невидѣніемъ тотчасъ успѣха. Плодъ трудовъ, можетъ быть, отложенъ Господомъ за предѣлы вашего служенія.—Пусть онъ не будетъ приписанъ вамъ, не скорбите: это только здѣсь,—на томъ же свѣтѣ чадо сіе найдетъ своего родителя.—Но и на этомъ не всѣ дѣла такъ закрываются, чтобъ нельзя было угадать, гдѣ ихъ источникъ. Вы только сѣйте по тому указанію, какое сложится въ вашемъ сердцѣ, освященномъ Богомысліемъ и предстояніемъ Богу; а плоды предоставьте распоряженію Домовладыки всего міра и всей вселенной. Пусть даже говорятъ:

вотъ дѣлалъ, да ничего не сдѣлалъ. Послѣ оправдаетесь. Да и то истинно: *Богъ оправдаяй, кто осуждаяй* (Рим. 8, 33.)?..

О томъ, думаю, нечего говорить, что главное у васъ должно быть свидѣтельство совѣсти. Это вы знаете; но не лишнимъ считаю прибавить—совѣсти, просвѣщенной словомъ Божіимъ и укрѣпленной благодатію Божіею и молитвою. Совѣсть всегда можно сбить съ толку кривотолкованіемъ. Вѣрный руководитель ей—слово Божіе. Уясните себѣ, по его указанію, дѣло свое и свой долгъ, и потомъ дѣйствуйте по тому, умудрясь только не покривить дѣла въ примѣненіи началъ къ обстоятельствамъ, или въ направленіи сихъ послѣднихъ по началамъ принятымъ и предначертаннымъ.—Думаю, что всѣ такъ и дѣлаютъ.—Но вотъ что,—можетъ быть, не всѣ дѣлаютъ, или не всѣ дѣлаютъ съ должною настойчивостію и усиліемъ. Надобно построить программу для своихъ дѣйствій по духу Христіанства, и въ семъ одномъ духѣ дѣйствовать во всѣхъ обстоятельствахъ.—Вѣдь вы, какъ и всѣ дѣйствующія лица, стоите въ числѣ устроителей блага народнаго. Благо должно бы принадлежать человѣку по природѣ, но не принадлежитъ. Почему? Потому что онъ возсталъ противъ Бога въ лицѣ праотцевъ и палъ.—Благость Божія возстановляетъ его въ Господѣ Іисусѣ Христѣ въ св. Церкви, или чрезъ Христіанство. Воспріявшій духъ Христіанства получаетъ право на благо внѣшнее и дѣйствительно пріемлетъ благо внутреннее, — возстановляется въ себѣ духовно съ правомъ на возвращеніе потеряннаго и во внѣ, если то—благо ему, и по усмотрѣнію благодателя. Вотъ какъ выражается сей законъ: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Мѳ. 6, 33.). Такъ хотите ли созидать благо народа прочно, возгрѣвайте въ немъ духъ Христіанства и ничего не допускайте такого, что бы могло, хотя сколько нибудь погашать и ослаблять его.—Не говорите:—не наше дѣло.—Нѣтъ,—ваше. Вы Христіане, поставлены дѣйствовать въ кругу Христіанъ и во благо имъ, какъ Христіанамъ. Какъ же при такой обстановкѣ вы будете дѣйствовать, не имѣя во вниманіи духа Христіанства?!—Развѣ занятія ваши не спо-

собны принять такое направленіе?! Быть не можетъ.—Ѣсть и пить—что проще? но и сіе можетъ быть обращено въ славу Божію. Велико ли дѣло—стаканъ воды или праздное слово? но и онѣ въ день суда поставлены будутъ въ расчетъ и послужатъ въ оправданіе или въ осужденіе намъ. Отъ чего такъ?—Отъ того духа, какимъ исполняются сіи дѣла. Если теперь эти малозначительныя дѣла способны исполниться духомъ, изъ за-котораго онѣ обращаются въ славу Божію и оправданіе намъ на судѣ: тѣмъ болѣе дѣла вашего служенія способны преисполняться духомъ Христовымъ. Онѣ всѣ могутъ быть—милость и судъ—двѣ наперсницы Божіи.—Если же при всемъ томъ вы считаете чуждымъ для вашего служенія—блюсти Христіанство, помогите мнѣ въ этомъ трудѣ... Бросимъ этотъ раздѣлъ, въ Христіанствѣ неумѣстный,—свѣтскій и духовный, какъ будто ни отъ насъ къ вамъ, ни отъ васъ къ намъ—нѣтъ перехода. Возьмемся всѣ дружно за одно дѣло Божіе—созидать во всѣхъ духъ Христовъ, для споспѣшествованія всѣмъ—обладать истиннымъ благомъ, доступнымъ человѣку на землѣ.

Все,—доселѣ предложенное вамъ, обнимаетъ все въ совокупности ваше служеніе. Что касается въ частности до дѣлъ вашихъ, то относительно ихъ помяну только одно: не только сами не допускайте, но и преслѣдуйте въ другихъ дѣла, привлекающія гнѣвъ Божій и отнимающія благословеніе Божіе. Благословеніе Божіе всегда готово; оно объемлетъ и покрываетъ насъ; его отдаляютъ отъ насъ дѣла, Бога прогнѣвляющія и привлекающія Его клятву. Не будь сихъ дѣлъ, всегда будетъ благословеніе; слѣд. довольство, миръ и во всемъ счастливый успѣхъ. Желаете ли сего;—изгоните изъ нашей епархіи дѣла, вопіющія на небо и размножьте дѣла, привлекающія Божіе благословеніе.—Главное вотъ что: не обижайте и не давайте въ обиду; не доводите до слезъ, напротивъ осушайте слезы плачущихъ. Слезы сирыхъ и горькихъ вдовицъ, причиненныя,—или не изсушенныя по нерадѣнію, изсушатъ поля наши и внесутъ огнь въ жилища наши.—Паче всего блюдите себя въ отношеніи къ нимъ.—Будьте око слѣпымъ, нога хромымъ и всякому

нуждающемуся вѣрная помощь и подпора; творите судъ, правду и уравненіе всѣмъ во всемъ,—безъ лицепріятія и мздоимства. О семъ впрочемъ излишне распространяться много.—Въ себѣ самихъ имѣете вы о семъ учителя—вашу добросовѣстность и сердоболіе.

Но есть еще рядъ дѣлъ, привлекающихъ проклятіе Божіе, которыя не всѣми однакожъ признаются таковыми. Это образъ мыслей, противный правилу вѣры. При настоящемъ, распространяющемся всюду просвѣщеніи очень важно сколько способствовать сему распространенію, столько наблюдать за духомъ и характеромъ его.—Не все то золото, что блеститъ.— Вы знаете, сколько худыхъ мыслей проходитъ въ книгахъ, украшающихся хорошими титлами. Да и безъ книгъ идеи будто по телеграфу электрическому разлетаются повсюду и тлятъ благомысліе искренно вѣрующихъ... Станьте же вы стражами и блюстителями нашей епархіи отъ вторженія къ намъ тлѣтворныхъ мыслей,—*да никтоже будетъ* насъ *прельщая философіею, тщетною лестію по стихіямъ міра, а не по Христѣ* (Колос. 2, 8.). Не думайте, что все равно, какъ бы кто ни думалъ, и что Богъ одинаково смотритъ на производительность ума, согласна ли она съ Его волею, или нѣтъ. Напомню вамъ чинъ, бывающій въ недѣлю Православія, и вы сами увѣритесь въ противномъ.—Тамъ сначала кратко изображается, что Богъ положилъ начало нашему спасенію въ Господѣ Іисусѣ Христѣ еще въ раю, потомъ подготовлялъ людей къ принятію Его чрезъ пророковъ, а наконецъ Самъ Господь пришелъ и совершилъ сіе спасеніе смертію Своею. По воскресеніи же послалъ въ міръ Апостоловъ, которые и устроили на землѣ св. Церковь Его— столпъ и утвержденіе истины. Послѣдуя ей, мы вѣруемъ во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца и проч.—какъ читается въ символѣ вѣры,—съ прибавленіемъ, что—вѣруемъ и всему преданному Церкви устно и установленному Соборами. За тѣмъ поражаются анаѳемою всѣ противящіеся истинѣ: анаѳема такому-то, анаѳема такому-то.

Укажу вамъ для примѣра, кому это:

— Тѣмъ, кои не плѣняютъ разума своего въ послушаніе Божественному откровенію и противятся ему и всѣмъ истинамъ его,—анаѳема.

— Кои отрицаютъ бытіе Божіе и утверждаютъ, что міръ сей и все въ немъ бываетъ безъ промысла Божія, и по случаю,—анаѳема.

— Кои дерзаютъ говорить, что Сынъ Божій не единосущенъ и не равночестенъ Отцу, какъ и Духъ Святый, — т. е. не исповѣдуютъ, что Богъ есть единъ по существу и троиченъ въ лицахъ, или что Отецъ, Сынъ и Духъ Святый суть единъ Богъ,—анаѳема.

— Кои хульно учатъ, что для спасенія нашего и очищенія грѣховъ нашихъ не нужно пришествіе въ міръ Сына Божія, и Его вольное страданіе, смерть и воскресеніе,—анаѳема.

— Кои отмѣтаютъ безсмертіе души, кончину вѣка, судъ будущій и воздаяніе вѣчное за добродѣтели на небесахъ, а за грѣхи осужденіе,—анаѳема.

— Кои отвергаютъ соборы св. Отецъ и ихъ преданія, Православною Церковію благочестно хранимыя,—анаѳема.

— Кои отмѣтаютъ таинства, св. Церковію содержимыя, не почитаютъ Пресвятыя Богородицы, Ангеловъ и всѣхъ Святыхъ, а также св. мощи и иконы,—анаѳема.

Не думайте, что *анаѳема* есть простое слово. Нѣтъ; это слово и дѣло вмѣстѣ, по непреложному опредѣленію Самого Господа: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небесѣхъ* (Мѳ. 18, 18.).—Анаѳема церковная скрѣпляется и утверждается изволеніемъ Божіимъ, слѣд. распространеніе пораженныхъ церковною анаѳемою идей есть распространеніе проклятія Божія.—Хотите ли отвратить сіе бѣдствіе, — оградите нашу епархію отъ вторженія противохристіанскихъ ученій, тлящихъ дѣтскіе и юношескіе умы, чрезъ превратное воспитаніе, чтеніе дурныхъ книгъ, знакомство съ нехристіанскими обычаями, и проч.

Больше сего не нахожу что сказать вамъ еще.—Исполните

сказанное, и будьте увѣрены, что сіе творя и сами спасетесь и спасете многихъ.

Думаю, что вы ожидаете помина о предлежащей перемѣнѣ взаимныхъ у насъ отношеній. Объ этомъ нечего вамъ сказать съ сего мѣста, кромѣ одного: будемъ молиться, чтобъ Господь далъ мирный исходъ сему дѣлу—великому, какъ награду за кроткій и миролюбивый духъ, господствующій у насъ повсюду.—Уповаемъ, что и будетъ тако, по благости Божіей.—Если же, паче чаянія, произойдетъ гдѣ какое нестроеніе, будемъ молиться, чтобъ Господь далъ мѣстнымъ дѣятелямъ умъ и силу, уладить поспѣшно сіе настроеніе и обратить все ко общему благу.—Вѣрнѣе же всего,—какъ сіе, такъ и все прочее, предадимъ въ руки всепромыслительнаго попеченія Божія о насъ! Ибо *уповающаго на Господа милость обыдетъ* (Псал. 31, 10.).

Въ сихъ мысляхъ оканчиваю мое вамъ слово, призывая на васъ благословеніе Божіе, и моля Его благость, да поможетъ вамъ дѣйствовать въ томъ духѣ, какой благоугодными представитъ васъ предъ лицемъ правды Его неизмѣнной, въ день окончательнаго воздаянія всѣмъ дѣятелямъ на поприщѣ теченія дѣлъ всего міра. Аминь.

Декабрь.
1860 г.

LXI.

КЪ НОВОПОСТРИЖЕННОМУ ВЪ МОНАХИ ОТЦУ ПРОТОІЕРЕЮ ГОРОДА ШАЦКА ГРИГОРІЮ АГИШЕВСКОМУ, НАРЕЧЕННОМУ ВЪ МОНАШЕСТВѢ ГЕРМАНОМЪ, И ПРЕДНАЗНАЧЕННОМУ БЫТЬ АРХИМАНДРИТОМЪ ЧЕРНЕВА МОНАСТЫРЯ.

Привѣтствую тебя, возлюбленный о Господѣ собратъ по иночеству, привѣтствіемъ радости и благожеланій!—Мы рады, срѣтая тебя. Надѣемся, что и ты радуешься, хотя не безъ трепета. Ибо если прошелъ ты сердцемъ совершенное надъ тобою въ сіи минуты, то не можешь не испытывать сильныхъ ощущеній, которыя обычно волнуютъ добросовѣстныя души, входящія въ существо принимаемыхъ ими на себя немаловажныхъ дѣлъ. Прихожу тебѣ на помощь и попытаюсь упорядочить движенія сердца твоего моимъ простымъ словомъ, хотя не скажу ничего больше того, что устами моими уже изрекла тебѣ св. Церковь.

Воистину дѣло доброе началъ ты. Кто противъ сего?—Остается совершить его добрѣ.—Въ семъ отношеніи не говорю тебѣ: не думай, что облаченіемъ въ иноческое одѣяніе оконченъ весь трудъ исканія иночества. Этимъ я оскорбилъ бы твое разсужденіе и сердце. Вѣрно знаешь, что какъ одѣтый

въ воинскіе доспѣхи можетъ быть не воиномъ, такъ и облаченный по иночески можетъ оказаться не инокомъ.—Ты теперь готовъ на иночествованіе и вступаешь въ чинъ проходящихъ его. Но само иночествованіе твое еще впереди. Нарисуй же свѣтлѣе образъ совершеннаго инока въ умѣ своемъ и стремись осуществить его въ остальной жизни твоей, не щадя живота.

Видалъ ли ты, какъ пускаютъ воздушные шары? — Шаръ наполняется газомъ—небесною стихіею, безъ которой не возможно ему подняться вверхъ. Но и наполненный онъ нейдетъ вверхъ, пока привязанъ веревками къ землѣ. — И отрѣшенный уже устремляется вверхъ, по мѣрѣ густоты окружающаго его воздуха и тонкости, наполняющей его стихіи. Тамъ наконецъ скрывается онъ въ высотѣ, или закрывается облаками, гдѣ и остается одинъ, объятый со всѣхъ сторонъ небомъ. — Вотъ образъ совершеннаго инока!—Отрѣшившись отъ всего умомъ и сердцемъ устремляется онъ горѣ, и пребываетъ тамъ единъ съ единымъ Богомъ.—Замѣть, что въ этомъ существо иночества,—быть едину съ единымъ Богомъ, не минуту, не часъ, не день, а непрестанно. Ничто тварное—ни большое, ни малое не должно поглощать вниманія и сердца инока... Онъ весь въ Богѣ и въ небѣ.—Что держитъ его тамъ?.. Шаръ держится на высотѣ содержимою имъ небесною стихіею—газомъ... И инокъ держится сознаніемъ своимъ на небѣ по причинѣ устремленія туда всѣхъ желаній своего сердца, возгрѣваемыхъ въ немъ небесною благодатію.—Испарится газъ въ шарѣ, шаръ начинаетъ спускаться внизъ, и чѣмъ болѣе испаряется газъ, тѣмъ ниже спускается шаръ, пока не падетъ опять на землю, отъ которой отрѣшился было... Умалится въ инокѣ желаніе небеснаго,—онъ ниспадетъ вниманіемъ долу и вмѣсто Бога занятъ бываетъ тварію. Тогда теряетъ онъ свой характеръ. Замѣть это и чаще приводи себѣ на память.

Не продолжаю далѣе сравненія. Предоставляю тебѣ самому развить его шире. Объ одномъ только напомню, что должно разумѣть подъ отрѣшеніемъ. Отрѣшеніе иноческое не есть

одно отреченіе отъ житейскихъ связей, отъ чувственныхъ удовольствій, отъ своекорыстія и отъ всѣхъ вообще предметовъ, коими питаются страсти, но есть, кромѣ того, отреченіе и отъ всѣхъ естественныхъ чувствъ, несчитаемыхъ порочными, каковы чувства родства, дружбы и проч. Все сіе должно быть поглощено духомъ и отъ него получить свой характеръ, какъ внушаетъ Господь, говоря: *кто есть мати Моя? и кто суть братія Моя? Иже аще сотворитъ волю Отца Моего, Иже на небесѣхъ, той братъ Мой и сестра и мати Ми есть* (Матѳ. 12, 49.). Тутъ предначатіе вѣчнаго небеснаго сужденія о вещахъ и лицахъ,—и соотвѣтственнаго тому расположенія къ нимъ.— Только возшедшій на сію высоту наслаждается полною свободою,—и онъ только воистинну есть рабъ Божій, ни чему, кромѣ св. воли Божіей, непорабощенный.

Не говори: высоко—трудно. Никто и не утверждаетъ, что это легко.—Но не устрашися, ниже убойся. Близъ Господь съ благодатію Своею,—близъ молитвы св. подвижниковъ, къ которымъ взывай, и житіе которыхъ предначертай въ умѣ своемъ къ подражанію. И то вѣдай, что не вдругъ—на высоту.—Какъ всходятъ по лѣстницѣ? Начинаютъ съ низшихъ степеней и постепенно поднимаются на самый верхъ ея.—Взойдешь и ты. Только не ослабѣвай. Нудь себя на всякое дѣло и всякій подвигъ,—и будешь незамѣтно подвигаться впередъ. За всякое напряженіе свободы присѣтитъ тебя Божія благодать и закрѣпитъ за тобою то, чего искалъ ты. Благодать Божія дѣйствуетъ въ отношеніи къ намъ, какъ хозяинъ, который идя за тяжело-поднимаемымъ на гору возомъ, тотчасъ подкидываетъ подъ колеса камень, какъ останавливается лошадь, и тѣмъ сберегаетъ пройденное.—Имѣя сіе въ виду, ревнуй, дѣйствуй съ напряженнымъ усиліемъ въ надеждѣ,—и вѣрно дойдешь до конца.

Не напоминаю тебѣ о честности поведенія и исправномъ житіи во внѣшнихъ отношеніяхъ. Съ этой стороны ты очень извѣстенъ, и перемѣна мѣста вѣрно не перемѣнитъ твоихъ правилъ.—Но не забывай при благообразіи поведенія заботиться и

о благоустроеніи сердца, о стройномъ сочетаніи въ немъ всѣхъ святыхъ чувствъ и расположеній.

Не напоминаю тебѣ и о внѣшнихъ подвигахъ благочестія. Состарѣвшемуся въ благочестивой жизни вѣрно по опыту извѣстны и пощенія, и ночныя стоянія, и долгія священнодѣйствія, и точное исполненіе правилъ молитвенныхъ и дѣйствованіе не по своей волѣ,—извѣстно все сіе и съ своими трудностями и съ своими утѣшеніями.—Теперь предлежитъ только тебѣ—все сіе изъ прерывающаго и чередоваго сдѣлать непрерывнымъ и постояннымъ. Но не забывай при томъ и о внутреннемъ служеніи Богу и о внутреннихъ подвигахъ борьбы съ помыслами, и со всѣми льстивыми движеніями не всегда исправнаго сердца нашего.

Не напоминаю тебѣ и о предлежащемъ тебѣ начальствованіи. Столько уже лѣтъ знакомъ ты съ дѣлами управленія.—И въ новомъ кругу предлежащихъ тебѣ дѣлъ все устроаетъ то же благоразуміе съ опытностію, которымъ отличался ты доселѣ. Но не забывай, что главное у тебя будетъ управленіе душъ въ царствіе не внѣшнимъ, а внутреннимъ путемъ,—разсужденіемъ братнихъ помысловъ и распутываніемъ сѣтей, какими врагъ обыкъ запутывать совѣсти немощныхъ и малоопытныхъ.

Мы надѣемся, что ты поправишь ввѣряемую тебѣ обитель;—но не думай, что при этомъ мы согласны, чтобъ ты заботился объ одномъ внѣшнемъ ея благолѣпіи и довольствѣ, оставя внутреннее совершенство въ иноческой жизни въ небреженіи. Нѣтъ. Если увидишь, что безъ ущерба послѣднему не можетъ быть достигнуто первое,—оставь обитель въ нищетѣ, если это нужно, чтобъ она цвѣла внутреннею красотою духовныхъ совершенствъ.

Этимъ ограничусь.—Ибо еслибъ все говорить, не было бы конца нашей рѣчи. Впрочемъ, мудрый и въ маломъ увидитъ многое. Да и сіе малое я предложилъ тебѣ не за тѣмъ, чтобъ учить, а чтобъ напомнить только тебѣ то, что конечно самъ

ты постоянно содержишь въ умѣ и сердцѣ своемъ. Господь да благословитъ тебя и да поможетъ тебѣ во всемъ добромъ, во славу всесвятаго имени Своего. Аминь.

17 Декабря,
1860 г.

LXII.

НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Слава Тебѣ, Господи!—Дождались мы и еще свѣтлыхъ дней Рождества Христова: повеселимся теперь и порадуемся!—Св. Церковь нарочно для того, чтобъ возвысить наше веселіе въ дни сіи, учредила предъ ними постъ—нѣкоторое стѣсненіе, чтобъ вступая въ нихъ мы чувствовали себя, какъ бы исходящими на свободу. При всемъ томъ однакожъ она никакъ не хочетъ, чтобъ мы предавались услажденію только чувствъ и однимъ удовольствіямъ плотскимъ. Но изстари, наименовавъ дни сіи святками, требуетъ, чтобъ самое веселіе наше во время ихъ было свято, какъ святы дни. Чтобъ не забылся кто веселясь,—она вложила въ уста намъ краткую пѣснь во славу Христа рождшагося, которою остепеняетъ плоть и возвышаетъ духъ,—указывая ему достойныя дней сихъ занятія: *Христосъ раждается—славите* и проч.—Славьте же Христа,—и славьте такъ, чтобъ симъ славословіемъ усладилась гортань, душа и сердце, и тѣмъ заглушился позывъ ко всякому другому дѣлу и занятію, обѣщающему какую либо утѣху.

Славьте Христа.—Это не то что—составляйте длинныя хвалебныя пѣсни Христу. Нѣтъ.... Но если помышляя или слушая о рождествѣ Христа Спасителя, вы невольно изъ глубины души воскликнете: слава Тебѣ, Господи, что родился Христосъ. Этого и довольно. Это будетъ тихая пѣснь сердца, которая пройдетъ однакожъ небеса и внидетъ во уши Божіи. Воспроизведите немного яснѣе то, что совершено для насъ Господомъ,—и вы увидите, какъ естественно нынѣ намъ такое воззваніе.—Чтобъ это было для васъ легче, приравните къ сему слѣдующіе случаи. Заключенному въ темницѣ и закованному въ узы царь обѣщалъ свободу... Ждетъ заключенникъ—день—другой, ждетъ мѣсяцы и годы... не видитъ исполненія, но не теряетъ надежды, вѣря цареву слову. Наконецъ показались признаки—что скоро; вниманіе его изощряется, онъ слышитъ шумъ приближающихся съ веселымъ говоромъ; вотъ спадаютъ запоры дверей—и входитъ Избавитель. Слава Тебѣ, Господи! восклицаетъ невольно узникъ. Пришелъ конецъ моему заключенію, скоро увижу свѣтъ Божій! — Другой случай.—Больной, покрытый ранами и разслабленный всѣми частями, переиспыталъ всѣ лекарства, и много перемѣнилъ врачей. Терпѣніе его истощилось,—и онъ готовъ былъ предаться отчаянному гореванію. Говорятъ ему: есть еще искуснѣйшій врачь, всѣхъ вылечиваетъ, и именно отъ такихъ болѣзней, какъ твоя; мы просили его,—обѣщалъ придти. Повѣривъ, больной, возникаетъ къ надеждѣ и ждетъ обѣщаннаго... Проходитъ часъ, другой, болѣе, — безпокойство снова начинаетъ точить душу...—Подъ вечеръ уже кто-то подъѣхалъ... идетъ... отворилась дверь, — и входитъ желанный... Слава Тебѣ, Господи! вскрикиваетъ больной. Вотъ и еще случай!—Нависла грозная туча,—и мракъ покрылъ лице земли; громъ потрясаетъ основанія горъ и молніи прорѣзываютъ небо изъ края въ край: отъ этого всѣ въ страхѣ,—будто насталъ конецъ міра. Когда же потомъ гроза проходитъ и небо проясняется, всякой свободно вздыхая говоритъ: слава Тебѣ, Господи!

Приблизьте сіи случаи къ себѣ и увидите, что въ нихъ наша исторія. Грозная туча гнѣва Божія была надъ нами... Вотъ пришелъ Господь—примиритель и разогналъ тучу сію. Мы были покрыты ранами грѣховъ и страстей. Вотъ пришелъ врачь душъ,—и исцѣлилъ насъ... Были мы въ узахъ рабства... Вотъ пришелъ освободитель и разрѣшилъ узы наши... Приблизьте все сіе къ сердцу своему и воспріимите чувствами своими;—и, думаю, не можете удержаться, чтобъ не воскликнуть: слава Тебѣ, Господи,—что родился Христосъ!— Услышалъ сію вѣсть отецъ Предтечи—Захарія и воззвалъ: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ Своимъ, и воздвиже рогъ спасенія намъ* и проч. (Лук. 1, 68.). Услышала пречистая Дѣва, и воспѣла: *величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ* (тамже 46.). Услышали Елисавета и младенецъ во чревѣ ея... и возрадовались. Въ самый же часъ рожденія Господня небо все подвиглось на славословіе, и всякая тварь — разумная и неразумная. Пастыри, волхвы, Сумеонъ праведный и Анна пророчица—воспѣли славу Богу рождшемуся, воспріявъ сердцемъ, что рожденіемъ Своимъ Онъ сотворилъ избавленіе людемъ. Воспріимите и вы сіе чувствомъ, и возрадуется сердце ваше и радости сей достанетъ вамъ не на эти только дни, но и на всю жизнь,—такой радости, при которой не захочетъ искать другихъ радостей,—и если сами придутъ, будетъ встрѣчать ихъ и останавливаться на нихъ мимоходомъ, какъ на дѣлѣ придаточномъ и случайномъ, если не излишнемъ.

Не усиливаюсь словомъ моимъ привить къ вамъ такую радость: это не доступно ни для какого слова. Дѣло, совершенное Господомъ рождшимся, касается каждаго изъ насъ. Вступающіе въ общеніе съ Нимъ, пріемлютъ отъ Него свободу, врачевство, миръ;—обладаютъ ими, и вкушаютъ сладость ихъ. Тѣмъ, кои испытываютъ ихъ въ себѣ не за чѣмъ говорить: радуйтесь... ибо они не могутъ не радоваться, а тѣмъ, кои не испытываютъ—что и говорить: радуйтесь; ибо они не могутъ радоваться. Связанный по рукамъ и ногамъ, сколько ни

говори ему: радуйся избавленію—не возрадуется; покрытому ранами грѣховъ откуда придетъ радость уврачеванія? Какъ воздохнетъ свободно устрашаемый грозою гнѣва Божія? Таковымъ можно только сказать: пойдите вы къ Младенцу повитому, лежащему въ ясляхъ,—и ищите у Него избавленія отъ всѣхъ обдержащихъ васъ золъ, ибо это Спасъ міра Христосъ.

Желалъ бы я видѣть всѣхъ васъ радующимися сею именно св. радостію и нехотящими знать другихъ радостей.—Но не всѣ сущіе отъ Израиля суть Израиль. Начнутся у васъ увеселенія пустыя — буйныя, разжигающія похоти: глазерство, круженіе, оборотничество. Любящимъ сіе, сколько ни говори:—укротитесь,—они затыкаютъ уши свои,—и не внемлютъ,—и всегда доведутъ свѣтлые праздники до того, что заставятъ милостиваго Господа отвратить очи Свои отъ насъ и сказать: мерзость Мнѣ всѣ эти празднества ваши.—И на дѣлѣ такъ есть, что многія изъ нашихъ увеселеній общественныхъ суть воистину мерзость языческая, т. е., одни прямо перенесены изъ языческаго міра, а другія, хотя и позже произошли, пропитаны духомъ язычества.—И какъ будто нарочно онѣ изобрѣтаются въ большомъ количествѣ въ дни Рождества и Пасхи. Увлекаясь ими, мы даемъ князю міра—мучителю своему, противнику Божію поводъ говорить къ Богу:— что сдѣлалъ Ты мнѣ рождествомъ Своимъ и воскресеніемъ?!.. всѣ ко мнѣ идутъ! Но, бр., чаще да проносятся во глубинѣ сердца вашего слова 50-го псалма, что оправдится Господь во словесѣхъ Своихъ и побѣдитъ, внегда судити Ему.

Насъ увлекаетъ просвѣщенная Европа! Да, тамъ — впервые,—возстановлены изгнанныя было изъ міра мерзости языческія. И оттуда уже перешли онѣ къ намъ и переходятъ. Дохнувши этимъ чадомъ адскимъ, мы кружимся какъ помѣшенные, сами себя не помня. Но, бр., припомнимъ 12 годъ. За чѣмъ это приходили Французы?..—Богъ послалъ ихъ истребить то зло, которое мы у нихъ переняли дотолѣ.—Тогда покаялась Россія и Богъ помиловалъ ее.—Но вотъ, кажется, началъ забываться тотъ урокъ. Если опомнимся, конечно,

ничего не будетъ; а если не опомнимся, кто вѣсть, можетъ быть, опять пошлетъ на насъ Господь учителей нашихъ, чтобъ привели насъ въ чувство и поставили на путь исправленія. Таковъ законъ правды Божіей: тѣмъ врачевать отъ грѣха, чѣмъ кто увлекается къ нему. Это не пустыя слова, но дѣло, голосомъ Церкви утверждаемое, какъ нынѣ же услышите вы въ молитвѣ на молебнѣ. Вѣдайте, что Богъ поругаемъ не бываетъ, и вѣдая сіе, веселитесь и радуйтесь во дни сіи со страхомъ. Освятите свѣтлый праздникъ святыми дѣлами, занятіями и увеселеніями, чтобъ всѣ, смотря на насъ, сказали: у нихъ святки, а не буйныя какія нибудь игрища незнающихъ Бога—нечестивцевъ и развратниковъ. Аминь.

1860 г.

LXIII.

НА 2-Й ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА,—ВЪ ДѢВИЧЬЕМЪ ВОЗНЕСЕНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Изъ всѣхъ реченій, какими живописуется Рождество Христово и наше отношеніе къ Родшемуся—ближе всего къ вамъ, сестры, идутъ слѣд. слова: *Христосъ съ небесъ — срящите.* Христосъ сходитъ съ небесъ, выходите въ срѣтеніе!—Говорю такъ, принаровляясь къ притчѣ о десяти дѣвахъ: ибо и тамъ въ полунощи гласъ бысть: *Се женихъ грядетъ, исходите во срѣтеніе его* (Матѳ. 25, 6.). Разница въ томъ, что тамъ приходитъ Судія, а здѣсь Спаситель. Тамъ какими засталъ Онъ дѣвъ, такъ и рѣшилъ ихъ навсегда, — мудрыя остались мудрыми, а юродивыя—юродивыми, не имѣя возможности поправить своей участи. А здѣсь не то; но пусть юродивыми окажутся какія въ часъ срѣтенія,—есть еще время сдѣлаться имъ мудрыми, равно какъ и мудрыя не лишены опасности попасть въ число юродивыхъ. — Тѣмъ съ большею осмотрительностію надлежитъ намъ узнать и привесть въ исполненіе,—какъ достойно срѣтить рождшагося Господа, насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ.

Когда въ какой странѣ проходитъ вѣсть, что царь идетъ,—

всѣ жители той страны приходятъ въ движеніе и заботливо начинаютъ готовиться—принять царя достойно царя:—исправляютъ улицы, украшаютъ домà, выставляютъ на видъ все, что имѣютъ лучшаго, чтобъ и царю и всѣмъ другимъ показать, что они находятся не въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Тоже и у насъ. Издали начали мы готовиться къ празднику:—келліи поочищены, работы прибраны къ сторонѣ, одежды новыя пошиты и къ столу нѣчто лишнее заготовлено, такъ что и свои и сторонніе видятъ, что у насъ праздникъ.— Такъ для видимости все сдѣлано; но удовольствуется ли этимъ рождшійся Господь?!—Для насъ такая видимость, можетъ быть, и неизлишняя, — но для Господа не она нужна. Смотрите— какъ Онъ родился! въ вертепѣ Младенецъ повитъ, лежащь въ яслѣхъ. Вся слава внутрь. Внутреннее благонастроеніе духа будетъ и достойнымъ срѣтеніемъ Его, сходящаго съ небесъ.— Посмотрите на икону Рождества Христова! Матерь Божія и Іосифъ праведный на колѣнахъ; между ними предвѣчный Младенецъ; окрестъ пастыри или волхвы. Очи всѣхъ устремлены на Него,—въ Немъ изчезаютъ всѣ и на Немъ упокоеваются. Такъ устройтесь внутренно и вы... Срѣтьте Господа вмѣстѣ съ пастырями—желаніемъ спасенія, вмѣстѣ съ Іосифомъ и Богоматерію — благоговѣйнымъ успокоеніемъ въ Немъ, — вмѣстѣ съ волхвами—охотнымъ шествіемъ въ слѣдъ Его,—вмѣстѣ съ ангелами - благодарнымъ славословіемъ Ему. Такъ—

Приходитъ Спаситель и приноситъ спасеніе. Возгрѣвайте же желаніе спасенія.—Вы въ обитель вступили по сему именно желанію; но длительность времени, начатки успѣховъ, а можетъ, быть и другія дѣла могли ослабить или совсѣмъ погасить его. Позаботьтесь нынѣ сильнѣе возгнести сей огнь въ себѣ. Возставьте мысль о тѣснотѣ нашей отовсюду: отъ дѣлъ нашихъ грѣховныхъ, отъ страстей и привязанностей, отъ врага нашего исконнаго; — приложите къ ней другую мысль, что кромѣ рождшагося Христа Господа нѣтъ иного имене подъ небесемъ, о немъ же можно бы намъ спастися. И устремится духъ вашъ къ Господу, какъ елень на источники. Это и будетъ значить,

что вы выйдете во срѣтеніе Господу и срѣтите Его желательно, какъ жаждущая земля срѣтаетъ дождь.

Приходитъ Спаситель,—и приноситъ спасеніе. Примите же всѣмъ сердцемъ сіе принесенное Имъ на землю устроеніе спасенія—во всей его полнотѣ и подробностяхъ, ни отъ чего не отказываясь и ни къ чему не прилагая кривыхъ толкованій. Вы уже и вступили въ дѣло самаго строгаго исполненія всего нужнаго ко спасенію. Не ослабѣвайте.—Волхвы, не смотря на неопредѣленность небеснаго указанія, тотчасъ поднялись и пошли искать указаннаго и нашли... Не обманетъ и васъ надежда, не смотря на то, что не видите можетъ быть очевидныхъ успѣховъ вашего исканія. Придетъ время—увидите плодъ самое спасеніе возсіявающимъ въ сердцѣ вашемъ. Только не отказывайтесь ни отъ какихъ внушеній Евангельскихъ. Это сердечное воспріятіе всей воли Христа Спасителя, коею опредѣляется путь спасенія, будетъ тоже, что объятіе при первой встрѣчѣ желаннаго; какъ напротивъ отреченіе отъ сего сдѣлаетъ насъ подобными тѣмъ, о коихъ написано: *во своя пріиде, и свои Его не пріяша* (Іоан. 1, 11.).

Приходитъ Спаситель и приноситъ спасеніе—Спаситель всемощный и всежелательный. Успокойтесь же на счетъ своего спасенія въ Немъ,—и въ Немъ единомъ. Не ищите ничего другаго: все у Него и все, что есть у Него, есть ваше. И умъ, и сила, и радости, и красота и покой, — и все готово для васъ, только приникните къ Нему всѣмъ устремленіемъ вашего духа... Какъ пречистая Дѣва Богородица слагала въ сердцѣ своемъ всѣ глаголы, такъ сложите ихъ въ своемъ сердцѣ и вы,—и вѣруйте, не колеблясь, что все до іоты будетъ такъ, какъ написано.

Приходитъ Спаситель и приноситъ спасеніе, готовое для васъ, оказавшееся сильнымъ въ несчетномъ множествѣ спасенныхъ, на небесахъ уже прославленныхъ. Прославляйте же нынѣ богатство щедротъ и снисхожденія Божія. Славьте благодарно Господа и за то, что не бросилъ Онъ рода нашего, а устроилъ ему дивный образъ спасенія, и за то, что къ намъ

именно приблизилъ сіе спасеніе и явилъ намъ образцы спасенныхъ въ возбужденіе ко спасенію нашего духа. — Ангелы велегласно прославили Бога еще только въ начаткахъ устрояемаго спасенія.—Какими устами надо намъ прославлять Господа, видя самымъ дѣломъ совершившимися столько дивныхъ дѣлъ во спасеніе наше!.. Пойте же непрестанно: слава въ вышнихъ Богу!..

Вотъ такъ устройте изъ сердца вашего ясли рождшемуся Господу, и окружите ихъ сими священными расположеніями— желаніемъ спасенія, дѣятельнымъ воспріятіемъ всего устроенія спасенія, успокоеніемъ въ Господѣ и благодарнымъ славословіемъ Ему.—Это доставитъ самое высокое занятіе духу вашему въ дни сіи, освятитъ праздники ваши и дастъ вмѣстѣ возможность самымъ точнымъ образомъ исполнить то, что содержится въ пѣсни: *Христосъ съ небесъ,—срящите.* Аминь.

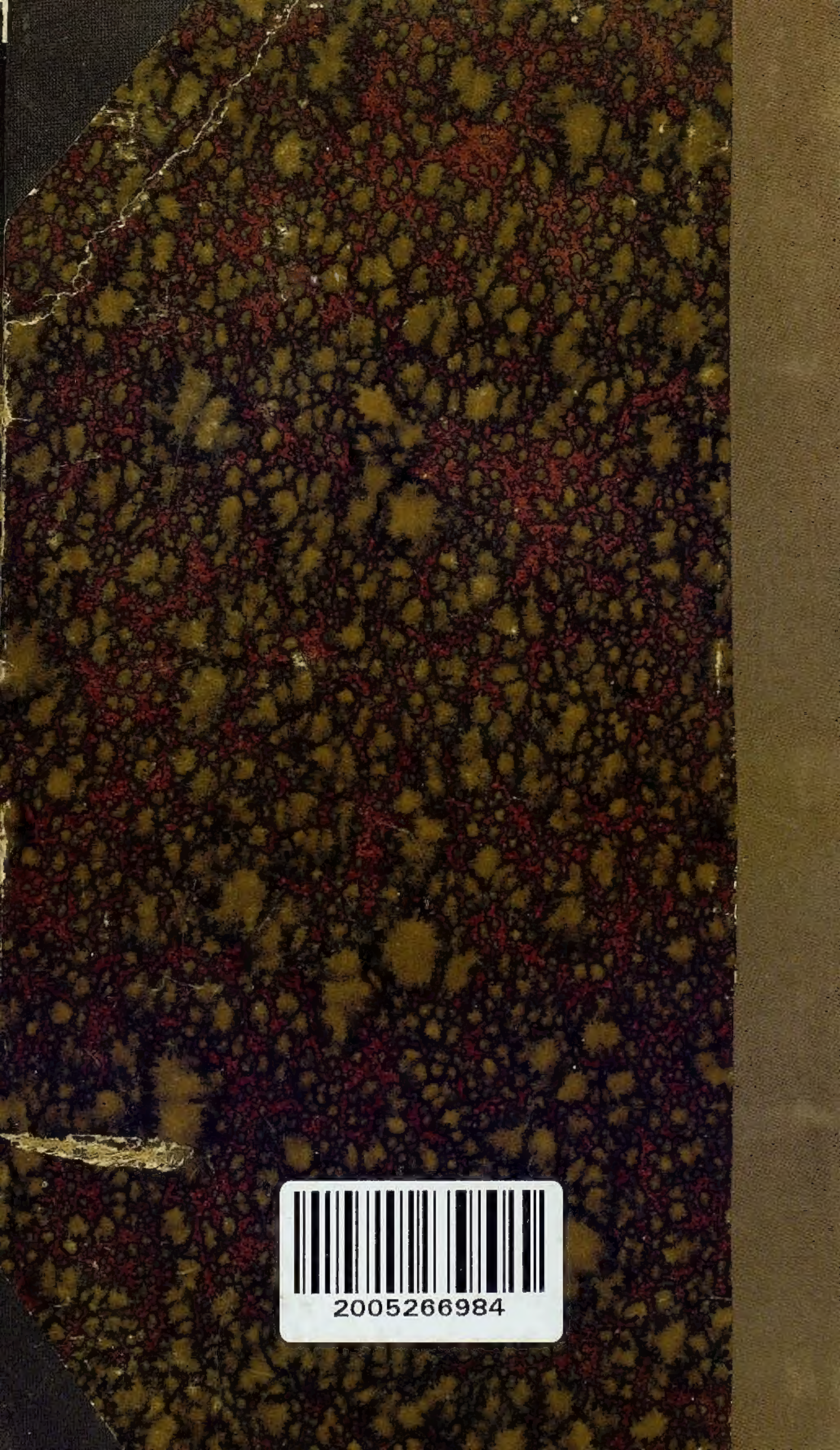
КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страп.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	строк.	Напечатано:	Должно читать.
175	последн.	ѣдящій	сѣдящій
176	— 12	Чего	чего
186	— 14	Римлянинию... Египтянинию	Римлянынію.. Египтянынію
196	снизу 12	содѣлаетъ	содѣлаютъ
325	— 13	плодъ	плодъ —

2005266984